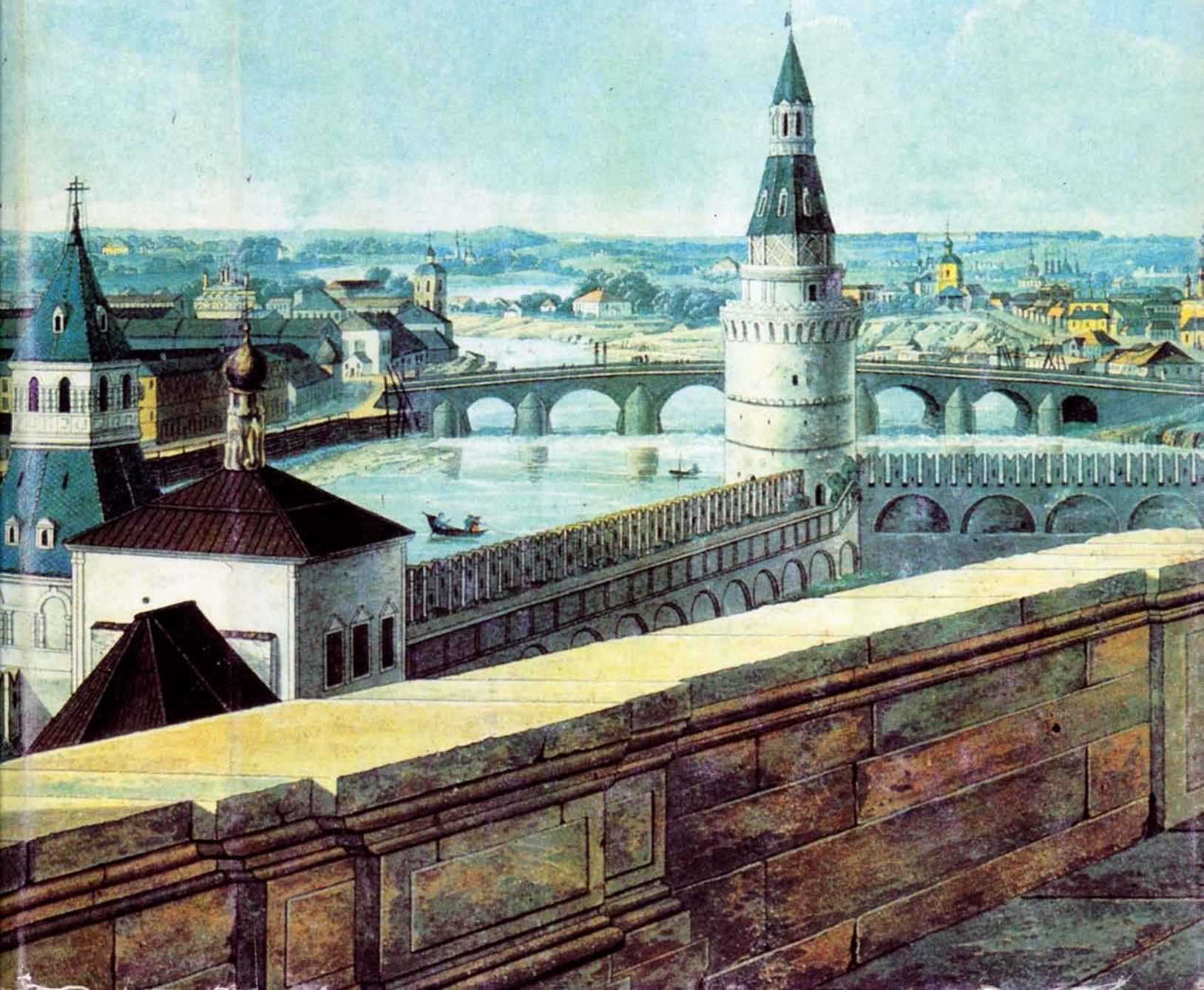

В.В. Назаревский
ИЗ ИСТОРИИ МОСКВЫ
1147—1913

Из истории
Москвы

В. В. НАЗАРОВСКИЙ

В. В. Назаревский

Из истории
Москвы

ИЗ ИСТОРИИ МОСКВЫ

*Посвящается
850-летию основания
города Москвы*

ИЗ ИСТОРИИ МОСКВЫ

1147—1913

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОЧЕРКИ

В. В. НАЗАРЕВСКОГО

МОСКВА
«СВАРОГ»
1996

ДЛЯ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И ЭКСКУРСАНТОВ

Книгу подготовил к изданию
В. П. Шевчук

Прошло более восьмидесяти лет со дня выхода второго издания книги «Из истории Москвы» профессора русской истории В. В. Назаревского. Написанная живым, красочным языком для учащихся школ, семьи и экскурсоводов, она является и сегодня одной из лучших книг по истории древнего города.

В книге 342 рисунка, воспроизводящих портреты исторических лиц, разнообразные памятники событий, храмы, жилища, одежды, оружие, печати, монеты и художественные изображения прошлого.

Книга может служить наглядным пособием к изучению истории родного города в школе, колледже, для чтения дома, хорошим пособием для экскурсоводов. Книга «Из истории Москвы 1147—1913» будет прекрасным подарком для учащихся столицы.

Предисловие автора к изданию 1913 года

В 1896 году мы выпустили в свет свою книгу «Из истории Москвы. 1147—1703. Очерки, с 212 рисунками». За несколько лет это издание разошлось все и стало библиографической редкостью, но спрос на него все еще продолжался. Это побуждало нас повторить наше издание, но мы были отвлечены от исполнения этого печатанием нашего курса «Русской истории. 862—1894» и, только окончив его, получили возможность заняться и названной книгой.

Пересмотр ее побудил продолжить ее с 1703 года, когда из Москвы был перенесен центр нашей государственной жизни в северную столицу — Петербург, до настоящего переживаемого нами времени.

Работая над этим, мы отказались от предлагавшегося нам с разных сторон плана превратить нашу книгу в исторический путеводитель по Москве, «в своего рода гид», который бы стал практическим руководством для осматривающих ее экскурсантов.

Признавая необходимость в издании и такого отдельного, краткого и справочного руководства, мы полагаем, что раньше экскурсионных обзоров Москвы, еще до пользования таким справочным изданием, необходимо пройти систематически, в главных чертах, всю историю Москвы, от самого ее основания до нынешнего периода ее жизни. Тогда только обозрение ее вещественных памятников, столь важных для изучения нашей истории за семь с половиной веков, даст всю свою пользу.

Основываясь на этом, мы оставили за своим пересмотренным и дополненным изданием характер книги для чтения в школе и дома, книги полезной особенно для тех, кто проходит в основных чертах курс русской истории и готовится к экскурсиям по Москве, для ознакомления с ее вещественными историческими памятниками.

История Москвы, в ее памятниках, имеет свою обширную литературу и может быть изложена в многотомном издании, вроде того, начало которому положено покойным И. Е. Забелиным, который, однако, разработал одну только историю московского Кремля в увесистом фолианте. Но такие издания, как бы ни велик был их научный интерес, доступны лишь нескольким десяткам, от силы сотням читателей, уже основательно подготовленных в истории и археологии.

Мы же в своей книге даем сравнительно сжатое, научно-популярное издание. Особой нашей заботой было систематически иллюстрировать его снимками с памятников, скрывающимися во множестве малодоступных специальных изданий.

Правдивы слова И. Е. Забелина, которые мы привели в первом издании нашей книги:

«Москва, в своем составе, вся сложена из памятников своей истории. Ее кремлевские святыни, ее круговые стены, каждое ее урочище, каждый храм, каждая улица и площадь хранят в себе целые повести о радостях и печалях этого средоточного города, о его тревогах в дни бед и общего горя, о его торжестве в славные дни одоления врагов или избавления от наступавшей гибели». Но вместе с тем эти памятники, кроме освещения общего хода нашей истории, прекрасно иллюстрируют эволюционные перемены нашего быта и движение нашей культуры.

Период нашей истории с 1147 до 1703 года, до основания Петербурга, и создал Москву во всех ее самобытных особенностях, запечатлел на ней своеобразный тип, отличающий ее от всех древних и новых русских городов. В этом воплотился свой исторический гений или дух Москвы, который, как незримая сила, больше, чем все другое, дает ей характер если не средоточия государственной власти, то центра нашей жизни с ее национальной мыслью, с ее народными чувствами и стремлениями, с особенностями русского быта. Громадная по своему населению, сильная своими промышленностью и торговлей, Москва все же сильнее всего этого своими историческими преданиями, которые делают ее принципом нашей жизни. Вот отчего соприкосновение с нею в каждом русском, велики, или мал он, поднимает и крепит русские чувство, мысль и волю. Здесь, а не в другом месте, бьется сердце России...

Мы будем удовлетворены, если читатели, следя по нашему изданию за минувшими судьбами Москвы, обновят в себе национальное сознание. Здесь, а не в других наших центрах, выковалась государственность русского народа, сложилось великое Русское Царство, выработались разные стороны нашего быта, коими до сих пор

объединяется и укрепляется громадная Россия. Правду сказал поэт:

Любовь к отчизне, как струя,
От сердца к сердцу пробегает,
По целой Руси из Кремля.

В дополнение к сказанному нами в 1896 году считаем излишним присоединить несколько слов о культурном значении Москвы.

То, что дали Руси Новгород, Киев и Владимир как наши государственные центры, Москва не только сохранила, но и развила и видоизменила, создав из всего переданного ей свою руководящую идею, которая не утратила в нашей жизни своего значения и при переживаемом новом петербургском периоде нашей истории даже в XX столетии.

Наши западники все еще склонны утверждать, что Москва или пользовалась только чужим, заимствованным, или создавала свое отрицательное и неуклюжее. Но объективное и всестороннее исследование показывает, что всему полученному по наследству она давала свои очень ценные видоизменения, а в своем новом создала много такого, что имеет положительное значение вклада в историю культуры.

Укажем некоторые примеры. Если русское зодчество переработало византийские архитектурные мотивы в свой особый стиль, то этим мы обязаны не Киеву и Владимиру, а Москве, которая создала храм Василия Блаженного, Коломенский дворец, царские терема и множество изящных храмов Романовской эпохи. Не то же ли нужно сказать и о нашей живописи и орнаменте? И здесь византийские и восточные стили подверглись русификации и дали много прекрасных образцов в произведениях таких московских художников, какими были Андрей Рублев, Симон Ушаков и царские писцы, создатели орнаментированных рукописей чудной красоты. Точно так же эмалевое и чеканное дело и другие отрасли производств в Москве разве не представили весьма много нового? Если сойти с западнической точки зрения, изменяешь свой взгляд и на московскую письменность, которая еще ждет своей оценки. Но то, что она дала в тяжелые времена монгольского ига и в XVI и XVII веках, из коих последний был отмечен *Смутным временем*, право, не так малоценно, как казалось до сих пор. Московские летописи, проникнутые идеей государственного единства, жития святых, произведения митрополита Макария Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, переписка Курбского с Иоанном IV, творения святого патриарха Гер-

могена, письма царя Алексея Михайловича и т. д. доказывают, что Москва не стояла в деле письменности на одном месте, а постоянно двигалась в своем просвещении и даже не оказалась неспособной к усвоению образованности, основанной на возрождении наук и искусств, как то показывает Славяно-греко-латинская академия, давшая России такого ученого и писателя, каким был наш великий Ломоносов, и глубоко образованных иерархов.

Очевидно, Москва не коснела в застое в культурном отношении. Не случайно же она была родиной Михаила Феодоровича Романова, царя Алексея Михайловича, Петра Великого, местом воспитания Ломоносова, родиной Суворова и Пушкина, местом работ Карамзина и множества других носителей нашего просвещения в различных отраслях его проявления.

I

Основание Москвы и Юрий Долгорукий

казание о том, будто Москва возникла в IX столетии, еще при Олеге, есть вымысел позднейших книжников. Впервые мы имеем летописное известие о существовании Москвы от конца первой половины XII века. Это — время наибольшего развития удельной системы, ослабившей Россию перед нашествием татар: это была пора образования отдельных областных княжеств и время ожесточенной борьбы из-за Киева между Мономаховичами и Ольговичами и даже в роде первых. В этой громадной борьбе, которую, по выражению летописей, «взялась» и в коей «разодралась» вся Русская земля, принимали участие все князья: и северные, и южные, и западные, и восточные. Их дружины крестили и бились по всей Руси; но в то же время заканчивался киевский период Руси и подготавливался новый. И Москва в первый раз упоминается как город в летописи именно в эту горячую пору, в 1147 году.

Весною этого года суздальский князь Юрий Владимирович, как передает летописное сказание, пошел на Новгород, бывший на стороне Изяслава Мстиславича, взял Торжок и землю на Мсте, а Святослав Северский, его союзник, по Юрьеву приказу пошел на землю смоленскую, тоже стоявшую на стороне киевского князя, и взял там живших на Протве литовцев-голядей и обогатил дружину свою полоном. После этого Святослав, к которому Юрий еще раньше посылал на помощь сыновей своих и богатые дары для него и его княгини (ткани и меха), получил от суздальского князя зов приехать к нему в Москву (в «Москов»), которая по этому именно поводу впервые упомянута в летописи. Святослав отправился к нему в новый городок с сыном Олегом, князем рязанским Владимиром

и дружиной. Олег поехал в Москву вперед и подарил Юрию барса. Дружески поздоровался основатель Москвы с прибывшими князьями, и здесь началось пирование. На другой день Юрий сделал большой, или, по старинному выражению, «сильный» обед для гостей, богато одарил Святослава, сына его Олега, Владимира Рязанского и всю их дружину. Вести о свидании князей-союзников в Москве, перед началом громадного междоусобья, разнеслись по Руси и сделали известным этот новый и маленький городок. Вот подлинная запись летописи.

«И прислав,—говорит летопись,—Гюрги к Святославу, рече: приди ко мне брате в Москов. Святослав же еха к нему с дитятем своим Олегом в мале дружине, поима с собою Владимира Святославича; Олег же еха наперед к Гюргю и да ему пардус (барса). И приеха по нем отец его Святослав и тако любезно целовастася в день пяток на похвалу Святей Богородице и быша весели. На другой же день повеле Гюрги устроить обед силен, и створи честь велику им и да Святославу дары многи с любовию и сынови его Олегови и Владимиру Святославичу (Рязанскому), и муже Святославле учреди и тако отпусти и». (П. С. Р. Л. II, 29).

Карамзин утверждал, что канун Похвалы Богородицы—пятница пятой недели Великого поста, в 1147 году падала на 28 марта. Но в этом году Пасха была 20 апреля и похвальская пятница, накануне Похвалы Богородицы, пришлась 4 апреля. Первый указал на это И. Е. Забелин.

В эту пору Москва была лишь небольшим пограничным для Суздальского княжества военным пунктом, которому предстояло лишь в будущем важное значение по его срединному положению, в одинаковых расстояниях от наших естественных пределов на западе и на востоке, на юге и севере.

Хотя в половине XII века еще не могла быть осознана эта центральность Москвы, но уже ощущалось, что тут лежит бойкий узел границ нескольких княжеств: Суздальского, Смоленского, Рязанского, Северского и Новгородского и важный перекресток многих дорог и водных путей.

Первый суздальский князь Юрий, получив от отца своего Владимира Мономаха Залесье, должен был почувствовать, что ему недостаточно в его уделе старых новгородских городов (Суздаля и Ростова), при помощи коих славяне утвердились в поволжском бассейне, а также и новых княжеских, как Владимир-на-Клязьме и Ярославль на Волге: «он начал в своем уделе города строить и людей населять». Так он основал здесь Переяславль-Залесский,

Основатель Москвы — Юрий Долгорукий.

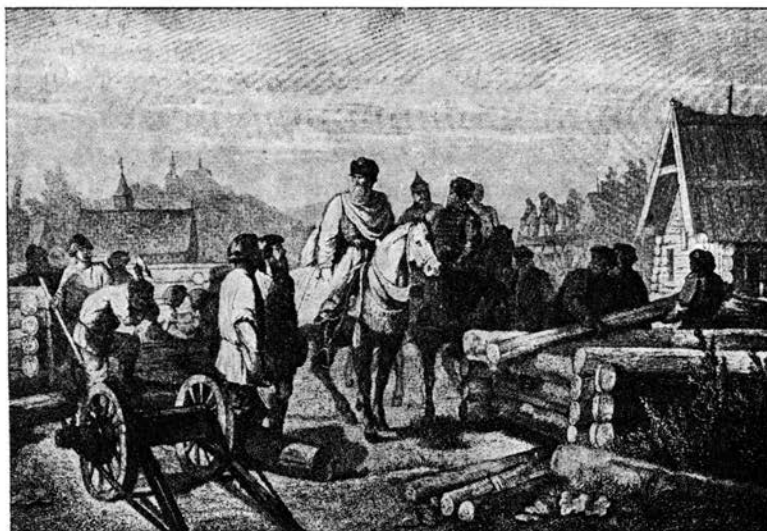
Юрьев-Польский и Дмитров, но ему был необходим еще новый город и именно на Москве-реке.

Москва-река при обилии лесов семь с половиной столетий тому назад, многоводная и судоходная, представляла собой место, где в живом соприкосновении сходилась и сплеталась очень многое. Начало этой реки, выше Можайска, находилось в Смоленском княжестве, тянувшемся по Днепру к южной Руси, а по Двине к западу к Балтийскому морю; устье Москвы при впадении ее в Оку принадлежало Рязанско-Муромскому княжеству, тянувшемуся к Волге. Целая сеть рек делала это место очень бойким для соприкосновения с другими княжествами пунктом, где сходились пути и

в Новгород, и в Киев, и во Владимир, и в Смоленск. Н. П. Барсов в своей Русской исторической географии говорит: «Для связи с областью Москвы-реки, верхней Оки и чрез нее Угры, составлявшей путь из верхнего (Чернигово-Северского) Поднепровья, служила Лопасня, сближающаяся с притоком Москвы — Пахрою (на границах нынешних Подольского и Серпуховского уездов) и еще более Протва, которая своими верховьями подходит непосредственно к Москве-реке (в Можайском уезде)». Здесь мы видим, в первой половине XII века, старинные поселения Вышегород и Лобыньск. С другой стороны, Москва-река связывалась с верхним Поволжьем правым притоком своим Рузою и Ламою, вместе с Шошей, вливающейся в Волгу. Здесь — известный Волок-Ламский. В область Клязьмы шли пути по Сходне, впадающей в Москву-реку выше столицы, и по Яузе, которая по обилию воды была совсем не та, что ныне.

Понятно, что здесь был узел бойких, перекрещивающихся военных и торговых дорог из Новгорода, Смоленска, Чернигова с Киевом, Ростова с Суздалем. Здесь с незапамятных времен были не только поселения финской мери, о чем свидетельствуют недавно открытые в Москве остатки языческих городищ и разные предметы доисторического быта, но и славянские селения. При постройке Большого Кремлевского дворца были найдены серебряные обручи (кольца) и серьги, а на месте храма Христа Спасителя — древние арабские монеты, из коих одна 862 года. Здесь, по всей вероятности, бывали св. Владимир, построивший свой город на Клязьме, Борис, княживший в Ростове, Глеб — в Муроме, и Ярослав Мудрый, основатель Ярославля на Волге, когда они езжали оттуда на юго-запад в Киев, а не в Новгород. Несомненно, что посещал эти места и Владимир Всеволодович Мономах, несколько раз ездивший в Ростовскую землю и строивший там храмы. Но когда он отдал в удел Владимиро-Суздальскую землю своему сыну Юрию Владимировичу Долгорукому, здесь мы видим на Москве-реке целый ряд сел, принадлежащих старшему его дружиннику первого ранга, говорят, даже тысяцкому, — боярину Кучке. Здесь, при этом вотчиннике, конечно, все было: и большие поселения, и храмы, и боярские хоромы: *не было только города*, как крепости, как военно-княжеского пункта. Но, несомненно, основатель отдельного княжества Суздальского не мог на рубеже стольких уделов, в пору их наибольшего столкновения из-за Киева, при начале усобицы с Изяславом Мстиславичем, не основать здесь города, как именно стратегического пограничного пункта. Этому вполне соответствует то, что новый город в 1147

году сделался местом важного съезда вышеназванных князей — ратных союзников, где князья сговорились «жить в любви и единстве до конца живота, иметь одних друзей и врагов и сообща стеречься от недругов». И крепость главными своими сторонами была обращена на юг и запад. Она была заложена на холме, там, где оканчивалось взводное судоходство Москвы-реки и начинается сплавное, где река, выше устья Неглинной, образует пороги. Только впоследствии, когда Москва разрослась, для защиты ее построена другая крепость — Китай-город, а потом Белый город и круговое земляное укрепление, охватывавшее город со всех сторон.

Юрий Долгорукий в начальной Москве.

Об основании же Москвы летописное предание говорит, что «Юрий, казнив Кучка, взыде на гору и обзоре очима своими семо и овамо, по обе стороны Москвы-реки и Неглинной, возлюбил села оныя (Степана Кучка) и повелел сделати там деревян град». Что же именно построил Юрий Владимирович в Москве? Древнейший храм Иоанна Предтечи под Бором и церковь Спаса на Бору, который тянулся из Кремля, от Боровицких ворот, через Китай-город на нынешнюю Лубянку, на далекое пространство, построены были уже после смерти Юрия. Но сооружением основателя Москвы были, несомненно, деревянные стены Кремля, за коими могли нахо-

дять себе защиту крестьяне сел Кучковых и новые поселенцы. Однако эти стены были даже не дубовыми, потому что таковые, по летописному сказанию, построены Иоанном Калитой. Более чем вероятно, что основатель Москвы построил в Кремле и княжий двор с соответственными строениями, где гостили у него князья и где можно было дать названный выше «сильный» обед в 1147 году, и где жила княжья дружина. Сомнения нет, что известный созданием храмов по другим городам, Юрий построил хоть одну церковь в Москве; так в основанном им же через пять лет после Москвы (в 1152 году) Переяславле-Залесском, в замену киевского Переяславля, он построил церковь каменную Спаса и обнес ее земляным валом, с деревянными башнями, с воротами в них Спасскими, Никольскими, Рождественскими. В том же 1152 году в основанном им Городце на Волге он строит храм Архангела Михаила и делает земляной вал с глубоким рвом. В построенном Юрьеве-Польском создает церковь каменную во имя Спаса, и другую св. Георгия. В основанном тоже Юрием Долгоруким Дмитрове первоначальное укрепление состояло из рва, наполненного водой, земляного вала и еще двойной стены с двенадцатью башнями. Нечто подобное построил Юрий и на Москве-реке.

Что такое Кучковы села до основания на Москве-реке города? Этот интересный вопрос решить очень затруднительно.

К числу Кучковых сел, по преданиям, принадлежали: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сущево; называют и другие; и там, еще до основания Москвы как города, были, конечно, свои церкви: ибо села отличаются от деревень именно церквями. Одно только известно, что Кучковы села не совпадали с укрепленным городом Москвою. Кучково поле начиналось именно с того места, где идет теперь Лубянка, а дом боярина находился будто близ нынешних Чистых прудов. Предания рассказывают, что на месте церкви Спаса на Бору когда-то жил пустынник Букал, а на Крутицах какой-то мудрый человек по имени Подон, родом римлянин.

Но все, что можно сказать о Степане Кучке, есть или былины летописцев или догадки историков последующего времени. Разные старинные предания говорят согласно, что он был казнен Юрием Долгоруким. Но за что? — Вот вопрос, который по-разному решается и в схожих с былинами «старинках», и в новейших исследованиях. Одна легенда говорит, что «Кучко, возгордевся зело, не почтил своего князя и даже хулил его».

Какая-то раскольничья рукопись, которая была в руках истори-

ка Татищева, уверяет, будто Юрий Владимирович, бывший в связи с женою Степана Ивановича Кучка, казнил его за то, что этот последний запер от него свою жену и изменил ему в отместку за свою честь в пользу Изяслава Мстиславича. Но та же «старинка» утверждает, что Юрий Владимирович выдал дочь казенного боярина Улиту за своего сына Андрея Боголюбского, передал ему в бояре сыновей Степана, а села опального взял себе. Особенно характерно, что сыновья казенного боярина, Кучковичи, хотя и были близкими боярами Андрея Боголюбского, были ему враждебны: один из них был казнен им, а другой, вместе со своим зятем и другими боярами, составил заговор и убил в Боголюбове этого князя.

Позднейшие историки, основываясь на том, что в Новгороде иногда встречалось имя Кучко, стали предполагать, что Степан Кучко был новгородским земским боярином, что его села были населены новгородцами и что в его «земском сопротивлении» заключается причина его казни, что самая Москва есть колония новгородская. Но едва ли это так. В княжеское время, со времени основания Владимира-на-Клязьме и Ярославля, все вечевое-новгородское, начиная с Ростова и Суздаля, в приволжских владениях Мономаховичей, становится в тень; и едва ли что-нибудь такое вечевое могло в XII столетии сказываться в вотчинах Кучковых. Да и самое прозвание их владельца, оканчивающееся на *о*, скорее указывает, что он или его родители пришли из южной Руси, а не из Новгорода. В Подолии был город Куча, а в Червонной Руси Кучельмин. У черниговских князей был боярин Судимир Кучебич. От этого, может быть, и Степан Кучко тянул на юг к Изяславу Мстиславичу, за что и был казнен великим князем суздальским.

Положил ли какую-нибудь печать своего личного характера на основанном им городе Юрий Долгорукий? — Едва ли. Об этом можно догадываться уже потому, что он не последовал примеру своего прадеда — Ярослава Мудрого, дававшего свое имя основанным им городам, и не назвал свою крепость Юрьевым, как сделал это сам относительно построенного им Юрьева-Польского, где он создал церковь в честь св. Георгия Победоносца, своего ангела. Москва некоторое время называлась даже Кучковым, и лишь потом за нею утвердилось, по реке, название «Москва», вероятно финское, обозначающее, по одним сказаниям «смородину», по другим — «крутящуюся, искривленную», а по третьим «мутную» и т. д. Лингвистам еще предстоит выяснить, из какого языка произошло и что именно значит слово «Москва», составлявшее название сперва нашей реки. Пора бы разгадать эту филологическую загадку. Хо-да-

ковский писал *Мосткова*, производя это имя от мостков на реке. Иные книжники производят это имя от Мосоха, сына Иафетова. В Северо-восточной Руси много рек, имена которых оканчиваются на *ва*: Протва, Сылта, Косва... У одной Камы 20 притоков, названия которых именно так оканчиваются; а *ва* по-фински значит вода.

Три поколения Юрьева потомства не удостоивали сделать новооснованный стратегический пункт *постоянным* стольно-княжеским городом, хотя тут жила в XIII столетии князь Владимир Всеволодович, Владимир Юрьевич и Михаил Хоробрит, сын Ярослава. Так, в летописи про князей Михаила и Всеволода Юрьевичей, в 1176 году, когда они были приглашены в Суздальскую землю племянниками своими Ростиславичами на совместное княжение, говорится: «уя (схватила) и болезнь велика на Свине (река в земле Черниговской) и идоша до Куцкова, рекше до Москвы».

Глеб Ростиславич Рязанский в 1177 году выступил на защиту шурьев своих Ростиславичей против дяди их Всеволода III и шел в Суздальскую землю чрез Москву и «позже Москову всю, город и села».

Во время усабиц, начавшихся по смерти Всеволода III (Большое Гнездо), между его сыновьями младшим Юрием, получившим великое княжение, и Константином, лишенным его несмотря на старшинство, младшие их братья разделились между этими соперниками и иногда перебегали от одного к другому. Так поступил Владимир Всеволодович, занимавший незначительный Юрьев, после похода в 1212 году с Юрием на Константина, перебежал к этому последнему и занял Волоколамск; посланный затем Константином, затворился в Москве. Но в следующем 1213, когда братья помирились, Владимир был выведен Юрием из Москвы в южный Переяславль, и Москве не удалось сделаться стольным княжеским городом.

Затем сам Юрий Ситский прислал сюда младшего сына своего Владимира Юрьевича, еще малолетнего, но он погиб при нашествии татар. После татарского разорения в Москве сел один из младших сыновей Ярослава Всеволодовича — Михаил «Хоробрит», который, не удовольствовавшись Москвою, выгнал из первопрестольного Владимира дядю своего Святослава и занял его место; но он тогда же погиб на берегах Протвы в битве с Литвою.

Александр Ярославич Невский основывает здесь княжество, отдав Москву в удел младшему сыну своему Даниилу. Но со времени утверждения здесь княжеского стола, и особенно с возвы-

Св. Георгий Победоносец в Дмитриевском соборе.

шения Москвы на степень общерусского центра, стала восстанавливаться и подниматься память основателя его. Наши князья, начиная с Даниила Александровича, давали своим сыновьям — в честь основателя Москвы — имя Юрия, и, наконец, Иоанн III сделал ангела его, Георгия Победоносца, гербом московского княжества. Это указывает на то, что предания об основателе Москвы хранились в ней, и его личный образ, по крайней мере, в последующем предании не оставался без некоторого влияния на наших московских князей и им подвластных.

Прежде чем взглянуть в исторические черты характера и деятельности строителя Москвы, мы привели его изображение, принадлежащее профессору исторической живописи Императорской

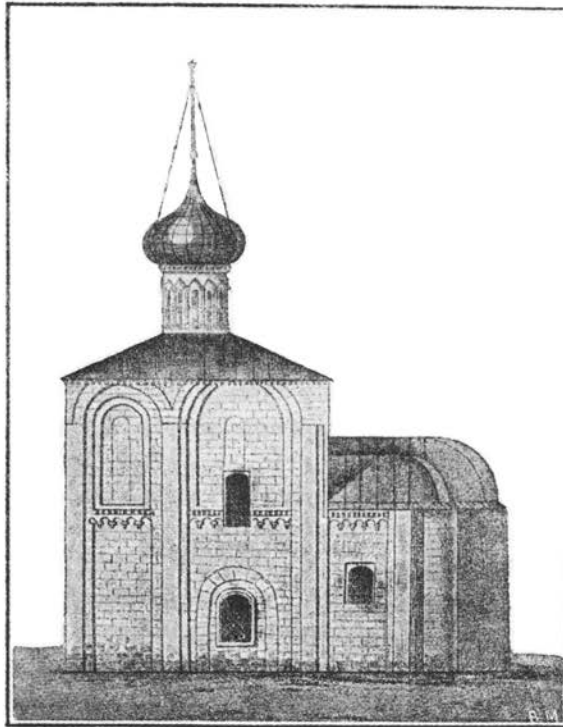
академии художеств В. П. Вережагину, взятое из его интересного издания: «История государства Российского в изображениях державных его правителей». Конечно, рисунок этот не имеет значения портрета этого князя, но он вполне художествен и верен в бытовых чертах тому времени, к коему относится. Воспроизводим также изображение ангела основателя Москвы — св. Георгия Победоносца во Владимирском Дмитриевском соборе*.

Сын Мономаха Юрий Владимирович, прозванный в южной Руси за свою склонность к захватам «долгие руки», стоит на рубеже двух эпох, при конце киевской и в самом начале владимиро-московской. Если он менее, чем его сын Андрей Боголюбский и московские князья — собиратели Руси, носит на себе великорусский тип князя-хозяина и государя и не чужд еще свойств родового и дружинного южнорусского князя, то все же он не похож на своего идеального в этом отношении отца — Владимира Всеволодовича, с коим скорее схож внук его Изяслав Мстиславич, так упорно боровшийся с Юрием Долгоруким из-за Киевского великокняжеского стола и самого Киева, исполненного «величества и красоты всем». В нашем же суздальском князе мы уже не найдем многих черт южнорусского князя, запечатленных в «Поучении» Владимира Мономаха детям. Он не сторонник патриархально-родовых отношений, хотя из своих выгод и не хочет уступить Киева своему племяннику Изяславу. Наш князь не постеснялся идти и против своего старшего брата Вячеслава, который «был брадат, когда он еще не родился». В своих отношениях он не делает различия между родным гнездом Мономаховым и чужим «осиным» — Ольговым; ему все равно, кто бы ни шел у его стремени; даже не брезгует помощью половецкою. Сыновей своих не очень-то голубит, и они, как Ростислав, уходят от него даже к его сопернику Изяславу Мстиславичу. Боярам своим, как показывает пример со Степаном Ивановичем Кучко, он не дает потачки и думы их мало слушает. Вечевым городам от Юрия тоже плохо. Доставалось от этого «Мономашича» немало тяжелого и господину Новгороду Великому. Но зато он являет себя в Северо-восточной Руси князем-хозяином, строителем городов** и усердным создателем храмов. Он хотел даже перенести

* Построен сыном Долгорукого Всеволодом III Юрьевичем.

** В короткое время, с 1134 по 1152 год, он построил ряд новых городов: Княгинин при впадении Нерли в Волгу, потом Москву; в 1152 году строит Юрьев-Польский, переносит на новое место у Плещеева озера Переяславль; а в 1154 Дмитров (названный по имени сына).

старый Суздаль на Кидекшу и построил великолепные храмы во Владимире, Суздале, Переяславле, Юрьеве и в упомянутой Кидекше. Вообще Юрий не гоняется за южно-русскою княжескою популярностью, и при жесткости своего характера этот князь далеко не пользовался на юге такою любовью, какая окружала других Мономаховичей. Но эти северо-восточные, великорусские черты не вы-

Храм князя Юрия Долгорукова в Кидекше.

зрели еще в Юрии I вполне, не довели его до мысли о перенесении средоточия Руси с юга на северо-восток; его все еще тянуло в Киев, где он и умер, тогда как сын Юрия Андрей Боголюбский предал разорению «мать градов русских», лишил ее великой святыни — иконы Богоматери, писанной евангелистом Лукою, и стал на смену Киеву обстраивать Владимир-Залесский высокопрестольными храмами, теремами и золотыми воротами.

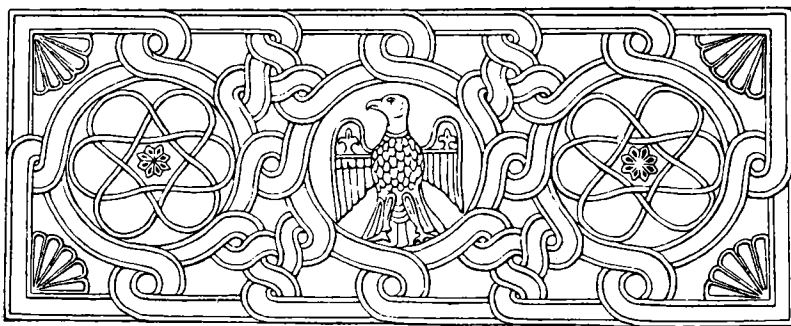
Но если у великого князя Юрия и не было мысли об утверждении общерусского центра на северо-востоке не только в Москве, а даже во Владимире, то все же великорусский тип этого князя должен был с течением времени, как в исторических, так и в эпических сказаниях, сделаться традицией Москвы, когда стало возможным выдвинуть ее как средоточие общерусского тяготения.

Нет сведений, навещал ли Юрий Владимирович основанную им Москву, хотя и есть известия, что он проходил по ее земле. Он даже умер не в своем Суздальском Залесье, а в Киеве. О смерти создателя нашей Москвы летопись киевская говорит, что он на другой день Николина дня (10 мая 1157 года) пировал у своего боярина: «пив бо Гюрги в осменники у Петрила, в тот день разболеса» и через пять дней (15 мая) умер. Киевляне не любили северо-восточного суздальского князя и на другой день разграбили его дворы (один из них великий князь называл раем) и перебили многих суздальцев. Но зато крепко любило Юрия великорусское население Залесья, коему Георгий Суздальский являлся подобным Егорию Храбром.

У Татищева о наружности и характере Юрия говорится: «был роста не малого, толстый, лицом белый, глаза не велики, великий нос, долгий и покривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев».

Выше мы приводим изображение построенного Юрием Долгоруким в 1152 году храма на Нерли в Кидекше, во имя святых Бориса и Глеба. Из всех храмов, построенных основателем Москвы: Спаса в Суздале, Спаса в Переяславле, Георгия во Владимире и тоже Георгия в Суздале,—эта Борисоглебская церковь, более указанных, сохранила свой первоначальный вид. В этом храме обретенны мощи сына нашего князя Бориса Юрьевича. Заслуживает внимания зна-токов геральдики, что «на этих мощах была одежда, шитая золотом, а на ней вышит орел пластаный одноглавый, а от того орла пошло на двое шито золотом же и серебром узорами». Но, очевидно, Юрий Долгорукий не построил и такого малого *каменного* храма в основанной им Москве.

II

Москва до учреждения в ней княжеского стола, Даниил Александрович, Юрий Московский и Иоанн Калита

Рост Москвы, по выражению одного старинного сказания, «малаго дряннаго города», был туг и медлен. С 1147 года прошло девяносто лет, прежде чем Москва опять ярко всплыла на летописную поверхность, до этого теряясь в ряду других городов Владимиро-Суздальского княжества, таких, как Юрьев-Польский, или Переяславль и т. п. Только разгром Руси Батыем заставляет летопись яснее заговорить о ней. Сюда великий князь Юрий Всеволодович посылает, для защиты от хлынувших из Рязанской земли врагов, князя Владимира Юрьевича. И вот печальные слова летописного сказания о нашей Москве: «Татарове идоша к Москве (1237 года); тояже зимы взяша татарове Москву, а воеводу убиша, Филиппа Нянка, за православную хрестыянскую веру, князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди убиша от старца до сущаго младенца, а град и церкви огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и, много имения взявше, отыдоша». (П. С. Русск. Летоп., 1, 196).

Итак, этим печальным годом Москва, первый из городов Владимирского княжества, обратилась в развалины, хотя за протекшие с известного съезда князей девяносто лет в ней, как уже видно из приведенных летописных слов, была не одна, а несколько церквей, неизвестно, впрочем, каких; даже основались здесь монастыри, значит, раньше позднейших Данилова и Богоявленского; а самый город был уже настолько зажиточен, что враги могли взять здесь «много имения».

Однако и полное разорение Москвы и избиение всех ее жителей не могло уничтожить этого города. Значение его, уже ясно осознанное во всем Владимирском княжестве, скоро привлекло на запустевшее пожарище новых жителей, и Москва быстро выстроилась вновь. В ней даже появляется князь. Через девять лет после названной катастрофы, именно в 1246 году, мы видим здесь храброго и энергичного князя, родного брата Александра Ярославича Невского, Михаила Хоробрита. Он был настолько силен, что выгнал из

Св. Александр Невский.

Владимира дядю своего Святослава; пал Михаил в 1248 году в битве с литовцами. По всей вероятности, при восстановлении Москвы он именно построил в Кремле в честь своего ангела деревянный храм архистратига Михаила, после замененный каменным собором. Но это только предположение.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что основателем Московского княжества и родоначальником династии его князей был сын Александра Невского, соединявший в себе святость, храбрость и политическую мудрость отца своего. Только он и Ди-

митрий царевич из всего рода московских князей были причтены церковью к лику святых.

Четвертый сын Александра Невского, Даниил, после смерти отца остался ребенком двух лет и получил в удел Москву, которая принадлежала ему до 1303 года. Этот князь первый возвысил ее на степень стольно-княжеского города, основав отдельное Московское княжество. При нем Москва окрепла, хотя и опять была взята в 1293 году татарами под предводительством Дюдены. Выросший под бурями татарскими, среди борьбы своих родичей из-за Владимирского великокняжеского стола, наш энергичный князь направил свои

Данилов монастырь в Москве.

силы на увеличение и округление собственного небольшого удела и был «первоначальником собирания русских земель» под главенством Москвы. Он примыслил к своей вотчине основанный Юрием Долгоруким Переяславль-Залесский, доставшийся ему по духовному завещанию от Ивана Дмитриевича, внука Невского, хотя того же домогались дяди московского князя и двоюродные братья. Кроме того, он разбил рязанского князя Константина Романовича, взял его в плен и присоединил к Москве Коломну, замыкающую, при впадении в Оку, нашу реку.

Даниил Александрович был домовитым хозяином и обстраивал свой стольный город храмами. Предания приписывают ему построение церкви Спаса на Бору, Данилова монастыря и Богоявленского (в 1296 году ему исполнилось шестьсот лет), где одним из первых игуменов был брат преподобного Сергия св. Стефан и где был пострижен и монашествовал будущий митрополит всея Руси св.

Алексий, сын боярина Феодора Бяконта, переселившегося из Чернигова в Москву. В честь своего ангела Даниил Александрович построил за Москвой-рекой Данилов монастырь. При сыне его Иоанне Калите тамошнее иночество было переведено в Кремль, к Спасу на Бору, а обитель Даниила с течением времени запустела. Степенная книга рассказывает, что при Иоанне III, когда этот государь ехал на охоту мимо запустевшего монастыря, под одним из молодых бояр споткнулся конь, и он вынужден был остановиться. Тут явился ему светозарный муж и сказал, что он — хозяин места сего, — князь Даниил Московский, погребенный здесь, и велел передать великому князю: «ты всячески забавляешься, а меня предал забвению». Иоанн Васильевич приказал петь панихиды и раздавать милостыни в память о своем предке. Но, только после еще нескольких чудесных знамений, уже Иоанн Грозный велел соорудить здесь каменную церковь и восстановить запустевший монастырь. На одной из икон Данилова монастыря изображен Иоанн IV. При царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, в 1652 году, гроб св. Даниила был перенесен внутрь храма. Мощи св. Даниила были положены в серебряную раку. Принявший пред смертью иноческий чин и схиму Даниил сам приказал, по своему смирению, похоронить свое тело не в церкви, а на общем кладбище, среди других усопших. Даниилу Александровичу приписывают постройку Архангельского собора, но это могло быть восстановление его после какого-нибудь пожара или разорения. Может быть, это был и совсем новый храм в честь ангела дяди основателя Московского княжества, князя Михаила Ярославича Хоробрита. Воспроизводим с гравюры XVIII столетия изображения церкви Спаса на Бору, которая при основателе Московского княжества была еще деревянной (стр. 43). Даниилу Александровичу приписывается основание монастыря на Крутицах — местности, названной так по своей крутизне. У подошвы этой возвышенности протекали две речки, с северной — Сара, с южной — Подон.

Сыновья Даниила Александровича — Юрий, получивший свое имя, вероятно, в честь основателя Москвы, и Иоанн Калита продолжали политику своего отца в деле присоединения к Москве новых земель. Первым делом Юрия Даниловича было приобретение от Смоленского княжества Можайского удела. В год смерти своего отца (1303) он вместе со своими братьями предпринял поход на Можайск и взял его, а тамошнего удельного князя Святослава Глебовича, племянника Федора Черного, привел пленником в Москву. Приобретение Можайска было третьим важным примыслом

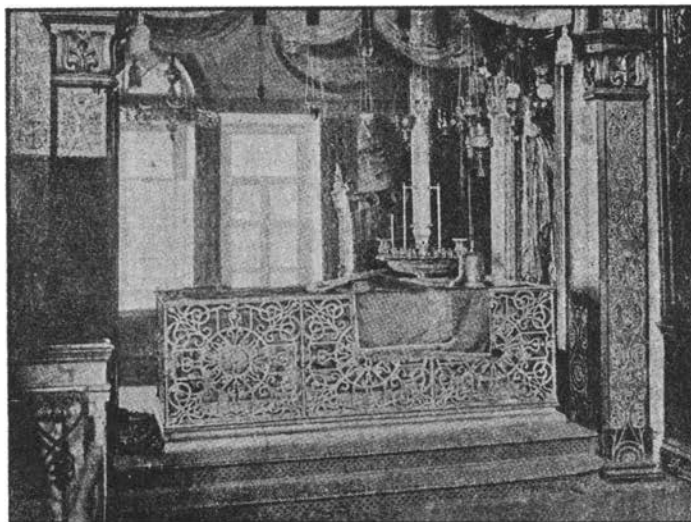
Благодарный князь
Даниил Александрович в схиме.

к Москве, ибо, владея Коломной на устье Москвы и Можайском на ее верховьях, московский князь обладал всем ее течением и мог свободно двигаться как в смоленские, так и в рязанские земли. Опираясь на такие владения, а главное, побуждаемый личной энергией, московский князь стал стремиться к великокняжескому столу во Владимире и не побоялся вступить по этой причине в соперничество и борьбу с более могущественным, чем сам, тверским князем Михаилом Ярославичем. Сама Москва, несмотря на недавнее Дюденево разорение, была уже теперь крепким городом, ибо тверской князь, приходивший на нее во второй раз в 1308 году с большой силой, по выражению летописца, «града не взя и, не успев ничтоже, возвратися», хотя бой его у Москвы «бысть силен».

В своей борьбе с могущественной Тверью московский князь нашел себе помощь в Великом Новгороде и в Золотой орде. С новгородцами Юрий Данилович дружил, нередко бывал у Святой Софии и бился за нее не только с тверичами, но и с немцами и шведами. В 1323 году, например, он ходил против них на Неву и поставил там, на Ореховом острове, городок (впоследствии Шлиссельбург) и заключил мир со шведами, по старой пошлине; второй же раз ходил под самый Выборг.

Опираясь на новгородцев, московский князь стал домогаться отнять у тверского князя великое княжение владимирское. Подарками и ловкостью он снискал себе расположение хана Узбека и женился на его сестре Кончаке, названной в крещении Агафией. Получив ярлык на великое княжение, он, собрав большие силы и в сопровождении ханского баскака Кавгады, пошел на самую Тверь. Но энергичный Михаил Ярославич встретил их в 40 верстах от Твери, под селом Бортневым. В этой битве особенно отличился сам

Михаил, обладавший высоким ростом, крепкими мышцами и храбростью. Москвичи были разбиты; Юрий ушел в Новгород, а Кончака, вместе со многими московскими боярами, взята была в плен. Когда она умерла в Твери, Юрий Данилович убил в Москве тверского посла Марковича и с Кавгадыем отправился в орду, где обвинил своего соперника в разных враждебных хану деяниях и в отравлении его сестры. Вызванный туда Михаил после жестоких мучений был убит татарами близ Дербента, и его обесчещенное тело было привезено в Москву, а потом отвезено было в Тверь. Москва восторжествовала над ней, но ценой крови. За это и сам Юрий Данилович заплатил своей жизнью: 21 ноября 1324 года, через шесть лет после убийства Михаила Тверского, накануне годовщины его смерти, московский князь был убит в орде Дмитрием Михайловичем, по прозвищу «Грозные очи», который отомстил за смерть своего отца.

Рака св. Даниила в монастыре его имени в Москве.

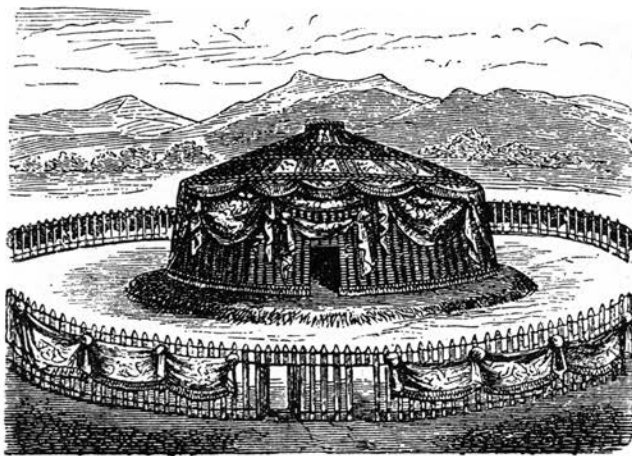
Тело Юрия Даниловича впоследствии привезено было в Москву и погребено св. Петром, митрополитом всея Руси, в храме Успения (место его могилы неизвестно), при общем плаче народа московского и брата убиенного Иоанна Даниловича. Тверич, убийца, был казнен в орде, и хан с этого времени гневался на всех тверских князей, называя их, по выражению летописи, «крамольниками и ратными себе».

Юрий Московский и Димитрий «Грозные очи».

Москва вышла таким образом победительницей над Тверью, и теперь ее ожидал более широкий путь к собственному возвышению и единству России, хотя на нем впереди было много терний и камней преткновения. Тяжким трудом и кровавым потом достигалось осуществление великой цели, но Москва восходила на новую ступень своего исторического бытия.

Преемником Юрия на княжеском столе был его брат Иоанн Данилович Калита (1326—1340). Это наиболее типичный из московских князей — собирателей Руси. Печать его сильного влияния видна на последующих князьях, из коих многие носили тоже имя Иоанна; она видна и на самой Москве, и на ее великорусском населении.

Ханская ставка.

Русский тип этого князя складывается из усердной религиозности и настойчивой, последовательной расчетливости, с отсутствием той «удалости», которая была нередкой чертой в южнорусских князьях. Набожный и умный хозяин, — вот в двух словах вся характеристика этого великого князя. Но, проявляя в своей деятельности именно эти две черты своего характера, Иоанн Данилович возвел Москву на новую, весьма важную ступень исторического бытия. Если при Юрии Долгоруком она была только небольшим городком вроде Переяславля-Залесского, Можайска и т. п., а при Юрии Даниловиче доросла до значения Твери и Рязани, то при Калите она приобретает значение, которое принадлежало Владимиру, а до него Киеву, то есть значение всероссийское.

Великий князь московский Иоанн Калита (1326—1340 г.).

Похоронив брата Юрия, новый московский князь, прежде чем установить свои отношения к хану Золотой орды и добиться великокняжеского достоинства, отданного там Александру Михайловичу Тверскому, 4 августа 1326 года заложил в Кремле каменный (вероятно, вместо деревянного) собор Успения Пресвятой Богородицы, который сделал Москву всероссийской столицей в церковном отношении. На приводимом далее рисунке с древней иконы изображено построение этого первопрестольного всея Руси храма, бывшего кафедрой Всероссийского митрополита раньше, чем Москва стала государственной столицей всея Руси. Успенский собор построен был по совету св. Петра митрополита.

Чрезвычайно важны отношения этого первосвятителя к Москве и ее князю. Житие св. Петра, составленное его современником и ставленником Прохором, епископом Ростовским, и впоследствии распространенное митрополитом Киприаном, небогато биографическими данными. Он, уроженец Волыни, семи лет был отдан в книжное учение и после одного чудесного видения стал оказывать необыкновенные успехи. Двенадцати лет он принимает монашеский постриг и в монастыре обучается иконописному искусству. Митрополит Максим, перенесший всероссийскую митрополичью кафедру из разоренного Киева во Владимир, при посещении Волыни благословил тамошнего на Рате игумена Петра и принял от него икону Богоматери, его собственного письма.

После смерти этого первосвятителя, похороненного не в Киеве, а во Владимире в Успенском соборе, некий игумен Геронтий, вероятно, с согласия великого князя Михаила Ярославича Тверского, завладел митрополичьей кафедрой и утварью и отправился в Царьград для поставления в митрополиты. В то же время червонно-русский или галицкий князь Юрий Львович задумал устроить Галицко-волынскую митрополию и отправил ратского игумена Петра к константинопольскому патриарху. Судьба устроила так, что Геронтия противные ветры задержали в море, а плавание Петра было скорое. Патриарх Афанасий и императорский Византийский двор благосклонно приняли волынского игумена, и он был рукоположен не в Галицкого митрополита, а Киевского и всея Руси. У прибывшего затем Геронтия отобраны были священные принадлежности первосвятительского достоинства и переданы св. Петру, вместе с той иконой, которая была им поднесена покойному митрополиту Максиму.

Новопоставленный митрополит поселился, однако, не в Киеве, где пробыл недолго, а во Владимире, вблизи великого князя, и сбли-

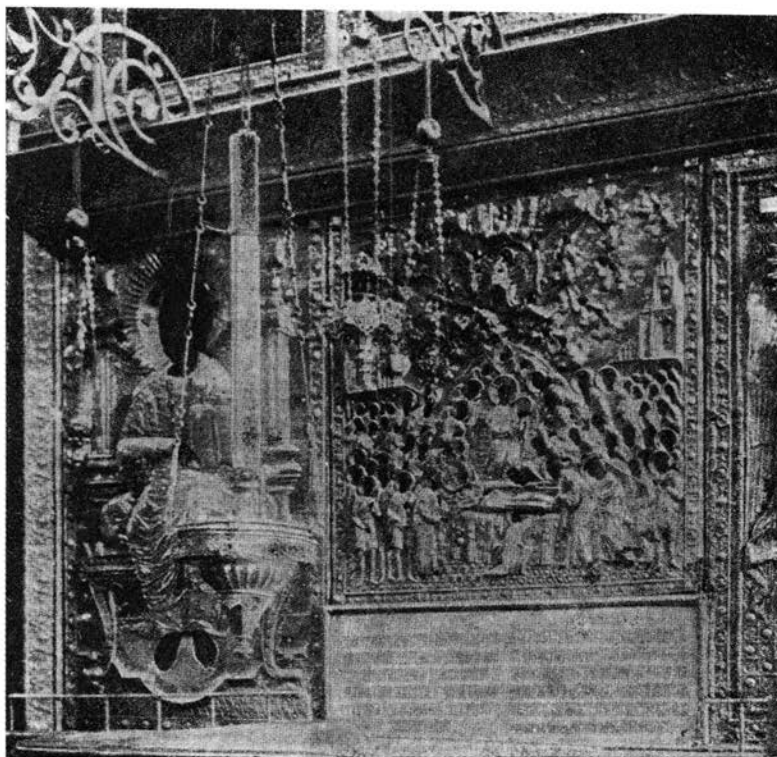

Св. митрополит Петр.

зился с родом московских князей, в особенности с Иоанном Даниловичем. В Северной Руси часть духовенства не была довольна возведением на митрополичий престол червенно-русского кандидата, в особенности тверской епископ Андрей, сын полоцко-литовского князя Герденя. К патриарху Константинопольскому отправлен был донос на св. Петра, настолько важный, что из Царьграда был прислан ученый канонист для разбора дела, вместе с русским духовенством. В Переяславле-Залесском был созван в 1311 году собор, имевший осудить еще и ересь, враждебную монашеству. На Переяславском соборе, кроме тверского и ростовского епископов, многих игуменов и священников, присутствовали и некоторые князья со своими боярами, именно — тверские княжичи, а главное, тут находился Иоанн Данилович, сидевший тогда в Переяславском уделе. По всем признакам, он держал сторону митрополита, тогда как во главе противников последнего

стоял тверской епископ и, вероятно, не без поддержки своего князя и его княжичей. Несмотря на это, св. Петр был оправдан. И, несомненно, здесь завязались тесные дружеские отношения первосвященителя с Иваном Калитой, которые впоследствии так много способствовали возвышению Москвы. Когда же вскоре затем тверской князь послал с войском своего княжича Дмитрия Михайловича от-

нять Нижний Новгород у потомства Андрея Городецкого, и тверичи уже дошли до Владимира, то митрополит Петр наложил церковное прещение за дальнейший поход. Три недели простоял здесь тверской княжич, пока добился, чтобы митрополит разрешил его, и должен был вернуться в Тверь.

Икона Успения, написанная святителем Петром.

Объезжая удельные княжества, св. Петр полюбил Москву, ее князей и их политику, направленную к единству Руси, подолгу оставался у них. В Степенной книге Царского Родословия сказано: «Божий человек, преосвященный митрополит, великий чудотворец Петр прохожаше многие грады и веси; в преславном же граде Москве начат пребывать больше иных градов. Вид бо в нем благочестия держателя сего благолюбиваго великаго князя Ивана Даниловича, православием сияюща, и милостива до нищих и честь велию подавающа служителем святых Божиих церквей и тех учению внимающа, его же от души зело возлюбил чудотворец Петр, с ним же ча-

Успенский собор. Современный вид.

сто беседуя и мудрствуя». Без сомнения, он не без намерения придал особую торжественность похоронам великого князя Юрия, убитого именно тверским князем Димитрием Михайловичем. Конечно, по указанию же митрополита вся Русь, в этих похоронах участвовали «и новгородский архиепископ Моисей, и ростовский владыка Прохор, и рязанский владыка Григорий, и тверской владыка Варсонофий». Если присоединить к этому еще игуменов и прочее духовенство, то этот собор многих на погребении московского князя

должен был произвести сильное впечатление не только на Тверское княжество, но и на всю Русь.

Но, возвышая таким образом Москву пред Тверью, первосвященитель Петр старался поставить ее выше и Владимира, заступившего место Киева. Он лишил Владимир значения церковной столицы вся Руси. Формального или торжественного перенесения Всероссийской митрополичьей кафедры в Москву собственно не было;

Св. Петр строит себе могилу.

а просто во время своих частых объездов русских областей всероссийский митрополит все реже приезжал во Владимир, все долее гостил в Москве. Но это нельзя представлять себе несознательной случайностью, и совет — построить в Москве подобный Владимирскому собор Успения Пречистой — личной заботой митрополита о том, что ему здесь лучше всего найти место своего успокоения

и погребения своих костей. Нет, глубокая мысль и дальновидное прозрение сделать Москву всероссийской церковной столицей прекрасно освещена митрополитом Киприаном в его житии первосвятителя Петра. По словам этого биографа, Петр начал просить Ивана Даниловича, в то время лишь удельного князя, еще не имевшего поддержки Узбека и еще нерешительного в своих действиях, воздвигнуть в Москве такой же собор Богоматери, какой был в первопрестольном Владимире. Чтобы подвигнуть на это вотчинника малого деревянного города, такого князя, который назвал себя великим князем *всёя Руси* только под конец жизни, притом в одной грамоте к печерским сокольникам,— для этого необходимо было, и для высокоавторитетного старца-святителя, слово сильного и вместе елейного убеждения и даже раскрытие отдаленного будущего. Митрополит Киприан так передает слова св. Петра, обращенные к московскому князю: «Если, сыне, послушаешь меня, то сам прославишься паче всех князей, и весь род твой и град сей возвеличится над всеми русскими городами; святители (всероссийские) будут обитать в нем, и руки его въздут на плеща врагов его; также и мои кости будут положены в нем».

Чрезвычайно характерен этот тон совета уже умиравшего первосвятителя, который называет сыном того князя, роду которого возвещается никому еще не ясное, даже в соседней Твери, величие. Положению костей своих в будущем храме первосвятитель придает значение только примера для ряда своих преемников. Иоанн Данилович последовал знаменательному совету иерарха; но силы московского князя были настолько слабы, что он при жизни св. Петра успел лишь вывести у самого дома своего фундамент нового храма. Святитель же Петр сам устраивал в храме нишу с каменной гробницей для себя. В декабре 1326 года почивший святитель был погребен здесь.

В день своей кончины он служил литургию, поучал народ и раздавал милостыню. Почувствовав приближение смерти, он послал за московским тысяцким Протасием, так как Иоанна Даниловича не было в Москве, и сказал ему: «Чадо, я отхожу от жития сего; оставляю сыну своему, возлюбленному Ивану милость, мир и благословение от Бога, ему и семени его до века. За то, что сын мой меня успокоил, воздаст ему Господь сторицею». Степенная книга рассказывает, что за несколько времени до кончины св. Петра Иоанн Данилович, проезжая берегом реки Неглинной, мимо Высоцкой слободы (нынешняя Петровка), принадлежавшей, по преданию, боярину Кучке, внезапно увидал там высокую гору, покрытую сне-

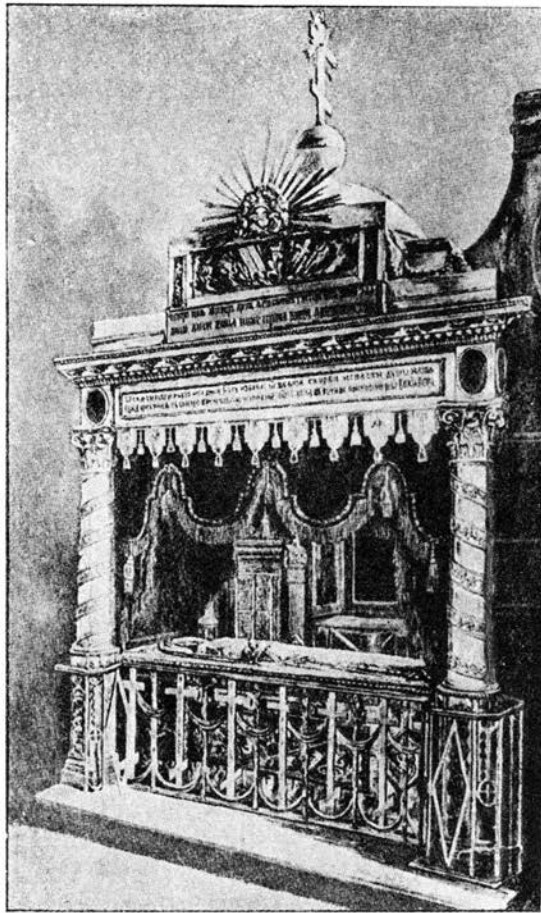
Вынос мощей св. Петра
(с древней иконы).

гом, который вдруг растаял, а затем исчезла и гора. Князь рассказал об этом видении митрополиту и услышал от него объяснение: «гора высокая — это ты, князь, а снег — я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни». В память этого на месте видения Калита построили храм Боголюбской Божьей Матери, сделавшийся основным храмом Высоко-Петровского монастыря. Св. Петр построил в Кремле свой

митрополичий двор при церкви Иоанна Предтечи, под Бором, которая была его временным кафедральным храмом. При возобновлении его, после 1812 года, здесь открыты были следы старинного кладбища и остатки деревянного дубового здания, по всей вероятности, бывшего митрополичьим подворьем.

Приведенное выше изображение св. митрополита Петра снято с драгоценного покрова, возложенного на его мощи царем Алексеем Михайловичем. В соборной описи этой пелены сказано, что на нем образ святителя вышит золотом и серебром; над головой сделано в виде короны изображение Пресвятой Троицы; по ризам пробежаны низаны крупным и мелким жемчугом; в венце двадцать девять искр яхонтовых. Онный покров опушен червчатым бархатом. На нем слова канительные, серебряные, славянской вязью: «Повелением благочестиваго и христоролюбиваго царя, государя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси и его благоверныя и христоролюбивыя государыни царицы и великия княгини Марьи, сделан сей покров в соборную церковь Успения Пречистыя Богородицы, великаго Чудотворца Петра митрополита на покровение чудотворных мощей. Наста днесь всесчастный праздник пренесения честных мощей твоих, святителю Петре, веселя твое стадо, вернаго царя и люди, о них же не оскудевая молися Христу Богу, им же от него даровати твоей пастве сохранитися от врагов ненавествованных и спастися душам нашим». По сторонам лика надпись: «святый (погречески) Петр, митрополит, Московский Чудотворец». Таким представляли себе лик митрополита Петра русские художники XVII века.

В этом иерархе, перенесшем свою всероссийскую кафедру в Москву, мы не можем не видеть одного из величайших творцов государственного могущества и величия нашей России и ее средоточия. Несколько вещественных памятников древности, сохранив-

Рака св. Петра.

шихся в Москве, принадлежат, по преданию, св. Петру: 1) написанная им икона Успения Богоматери (в главном иконостасе, в нижнем его ярусе, вторая, по правую сторону от царских врат). 2) Другая икона его же письма — Богоматерь Петровская, в приделе апостолов Петра и Павла. 3) Панагия, золотая, полуовальная

с драгоценными камнями. На вставленном в нее ониксе вырезан пророк Даниил с соответствующей греческой надписью. Задняя сторона панагии — образ Божьей Матери Одигитрии. Хранится в патриаршей ризнице. 4) Саккос из лазоревого атласа с вытканными в кругах четвероконечными крестами. 5) Епитрахиль, с дробницами, обнизанными жемчугом. 6) Посох. 7) Богослужebная шапка, опушенная горностаем. В духовных заветованиях князей и летописях упоминается крест Чудотворца Петра, которым он благословил Иоанна Даниловича. В последний раз достопамятный крест этот упоминается при Феодоре Борисовиче (Годунове).

В Оружейной палате находится посох, принадлежавший Иоанну Даниловичу и подаренный ему этим святителем. В этом древнехранилище находится также резной на кости образ св. Петра, окруженный изображениями, иллюстрирующими его житие, как-то: его рождение, постриг в иночество и проч. Над одним изображением читаем надпись: «св. Петр созда це(рковь)», над другим: «Князь великий Иван». Судя по тому, что под образом есть подпись: св. Петр — *новый* чудотворец, его происхождение относится к тому времени, когда были обретены его мощи, и начато было почитание его, как причтенного к лику святых. Мощи его были обретены при Иоанне III, при перестройке собора в 1472 году. В древнем иконописном подлиннике наружность первосвятителя Петра изображается так: «подобием стар, сед, брада велика и широка, долиною мерна, на главе клобук белый, риза святительская — саккос лазоревый крестечной, исподняя риза багряная, во омофоре и евангелие в руке».

Никоновская летопись говорит о преемнике этого святителя митрополите Феогносте: «прииде на великий стол, на митрополью, на Киев и на всю Русь, таже прииде в Володимер и в славный град Москву, к Пречистой Богородице Успению и к чудотворцеву гробу Петрову, и на его место седе и в его дворе нача жити... Иным же князем многим немного сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуща». На другой, 1329 год, по своем прибытии, митрополит Феогност построил в Москве две каменные церкви — Иоанна Лествичника (ныне под Ивановской колокольней) и Апостола Петра (поклонение вериг, — придел Успенского собора). И великий князь в следующем 1330 году заложил каменную церковь Спаса на Бору, и через три года тоже каменную церковь Михаила Архангела.

Митрополит Феогност окончательно утвердил кафедру всероссийских первосвятителей в Москве, и вся Русь стала тянуться

Св. Петр и Иоанн Калита. (С иконы Симона Ушакова)*.

к ней, как своему церковному средоточию. Уже это побуждало Иоанна Даниловича к усиленному строительству храмов, которое впоследствии сороком сороков церквей выделило наш город из всех городов Руси.

* Изображения св. Петра и Иоанна Калиты сняты с иконы Владимирской Богоматери, находящейся в церкви Грузинской Богоматери в Москве и писанной Симоном Ушаковым в царствование Алексея Михайловича. На ней оба исторических деятеля представлены у аллегорического дерева, выросшего в Успенском соборе; в середине ветвей древесных стоит икона Владимирской Богоматери. На боковых ветвях в медальонах изображены московские святые и в их числе царевич Димитрий, царь Феодор, патриарх Филарет Никитич и проч. Внизу иконы сделаны портреты царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны. Это — одно из любопытнейших произведений знаменитого московского художника.

Древние предания кроме Успенского собора, освященного епископом Прохором 4 августа 1327 года, приписывают Иоанну Даниловичу построение следующих каменных храмов. На Боровицком холме, на самом дворе княжеском, была деревянная церковь Спаса Преображения. Калита вместо деревянной выстроил 1330 году «чудную» каменную, украсил ее иконами, сосудами, пеленами, снабдил книгами и всякими узорочьями и, будучи «мнихолюбив», перевел сюда иноков и архимандрию из отцовского Данилова монастыря. В Спасо-Преображенском монастыре стали хоронить, ранее Вознесенского монастыря, московских княгинь. В западном притворе храма были погребены великие княгини, принявшие иноческий чин: Елена, супруга Калиты, 1332 года, Анастасия Литовская, супруга Симеона Гордого, 1345 года, и Мария (его же), после сын Дмитрия Донского Иосиф. При переделке церкви в 1473 году, как свидетельствует Софийский Временник, «было обретено тело великой княгини Марии, в схиме Феотиини, повреждено ничем, толико ризы истлели». В 1333 году Иоанн построил в честь своего сына и своего ангела тоже каменную церковь Иоанна Лествичника, что «под колоколы», как выражается летопись, в том месте, где теперь Иван Великий. На самом краю Боровицкого холма, над спуском его к Москве-реке, стояла деревянная церковь Михаила Архангела. Здесь Иоанн Данилович, в благодарность Богу за спасение Москвы в 1332 году от голода, известного под названием *рослой ржи*, воздвиг на ее месте каменный храм, назначив ему служить усыпальницей для себя и своего потомства. Но никакого нет сомнения, что, кроме этих, определенно указанных преданиями церквей, Иоанн Данилович построил и много других. Но каких? Для решения этого весьма важного в истории Москвы вопроса, к сожалению, нет данных. Впрочем, есть известие, что в 1337 году этот князь построил церковь Иоанна Предтечи в местности, которая впоследствии стала называться Малою Лубянкою. И здесь будто находился какой-то княжий дом.

Но что при Иоанне Калите в Москве было уже много церквей, и именно построенных этим князем,—это видно из известия о пожарах в нашем стольном городе. Через три года после смерти Калиты, в 1333 году, летописец отмечает: «мая 31, погоре город Москва, церквей изгорело 28; в пятнадцать лет (1328—1333), се на Москве уже четвертый пожар бысть великой. В 1337 году бысть пожар на Москве (Москва вся погоре), згоре церквей 18».

Значит, только в течение шести лет, с 1337 года по 1343, было выстроено множество церквей. Не только эти 18 сгоревших храмов

были или выстроены вновь, или только восстановлены, но было построено еще совсем уже новых 10, кои в числе 28 сгорели в 1343 году. Нет сомнения, что Симеон Гордый за три года, прошедшие со смерти Калиты, мог построить только несколько храмов.

Вообще историки мало обращают внимания на заслуги Иоанна Даниловича в создании храмов и на его усердие к церкви и ее владыкам, хотя эта черта его характера и деятельности не менее важна, чем, например, накопление им богатства и даже собирание земель. Успешность этого последнего едва ли не более зависела от церковной силы этого князя, чем от богатства его калиты и благоволения орды, коими он пользовался в целях объединения Руси.

Архангельский собор.

Раскрыв чисто московский характер отношений Иоанна Даниловича к церкви и представителям Всероссийской иерархии, обратимся к государственной деятельности этого примечательного князя. Только по кончине св. митрополита Петра он отправляется в Золотую орду к Узбеку и в 1327 году выходит оттуда с большою татарскою ратью и пятью темниками для наказания тверского князя Александра Михайловича, который допустил убийство в Твери баскака Чолхана, или Щелкана. Соперник Москвы бежал в Псков; но там его настигло духовное оружие: митрополит Феог-

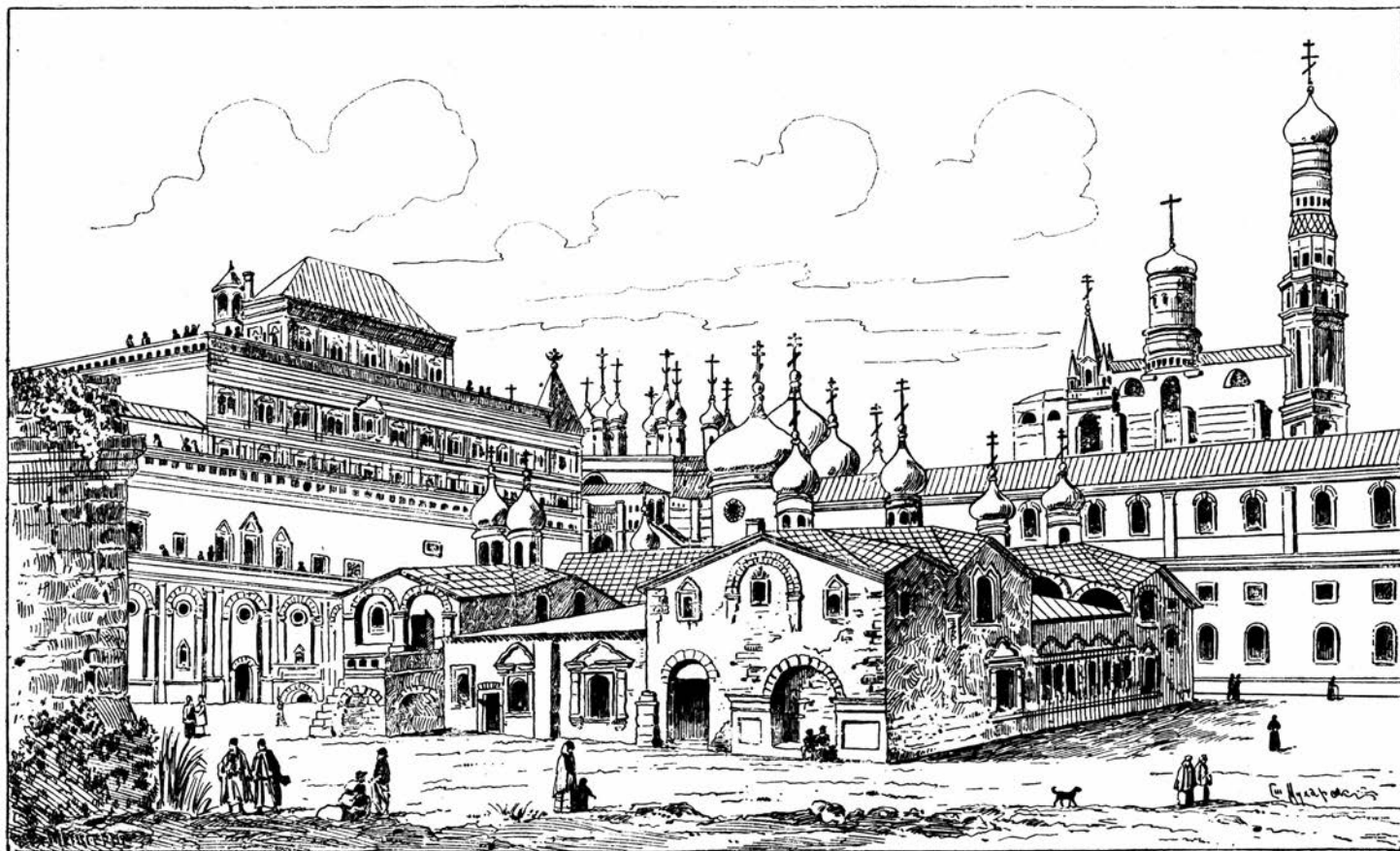
ност отлучил и князя, и псковичей от церкви. Смирившийся враг должен был идти в орду и был там казнен. Тверское княжество, разоренное татарами, потеряло силу бороться с Москвою. Калита велел снять колокол с главного храма Спаса в Твери и привезти его в Москву, в знак зависимости первой от последней.

В 1328 году Иоанн Данилович опять поехал в орду и получил там ярлык на великое княжение. Никоновская летопись по этому поводу замечает: «и бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет; и престаша татарове воевати Русскую землю». Та же летопись говорит, что Иван Данилович «приде с пожалованием и с великою честью на великое княжение Володимирское и седе на великом княжении на Москве; а стол Володимер и иные многие княжения царь Азбек даде ему к Москве». Так, с этого времени, Владимир только номинально, лишь по имени, считается великокняжеским столом, каковым на самом деле с этого времени является Москва: это — уже приписной к Москве, заштатный великокняжеский стол.

Очень характеристическую черту Иоанна Даниловича составляет и то, что он был князем-капиталистом, Калитою, то есть кошельем с деньгами. Собственная финансовая сметка и собирание татарской дани со всех русских княжеств, порученное ему Узбеком, чрезвычайно обогатили его. Были у него и другие источники доходов: так от Новгорода Иоанн Данилович требовал закамского, то есть сибирского серебра. На приведенном выше рисунке В. П. Верецагина князь изображен с кошельком у пояса, что соответствует словам в духовном завещании Димитрия Донского, где упоминается «пояс золот с калитою».

Пользуясь своим богатством, Иоанн Данилович увеличивал свои владения при помощи купли земель. Так расширил он Московское княжество на юго-западе, от Коломны вверх по Оке, и приобрел там города Серпухов и Каширу, а на северо-востоке наши границы охватывали уже часть Поволжья, заключая в себе Углич и Кострому. Кроме того, Калита приобрел Звенигород, Галич Мерский и Белозерск. Для подчинения других княжеств он пользовался родственными связями. Выдав дочь свою за ростовского князя, он при помощи своих бояр хозяйничал в его уделе, как в своем.

Своим политическим весом, богатством и спокойствием в Москве Калита привлекал в свое княжество бояр, переселявшихся сюда не только из других удельных княжеств, но и из иных земель. Так, из Приднепровья пришел к нему на службу боярин Родион Нестерович с княжатами, боярскими детьми и двором, в числе 1800 чело-

Спас на Бору. (С гравюры XVIII столетия).

век. С запада, из-за нашего рубежа, а может быть, из Новгорода приехал в Москву боярин Андрей Кобыла, от которого произошли многие боярские роды, в том числе Романовы. С востока из орды, пришел мурза Чет, родоначальник Годуновых. Из родословных книг наших боярских родов видно, что многие из предков их переселились в Москву именно в это княжение. Бояре же, сомкнувшись вокруг московских князей, дали им большую силу во всей Руси.

Важно было княжение Калиты для усиления Москвы как крепости. Зимой 1339 года Иоанн Данилович обносит Кремник, или Кремль, дубовыми стенами, кои были окончены в следующем году Великим постом. Находимые в Кремле при разных постройках толстые дубовые бревна, как думают, составляют остатки крепостного палисада.

Каков при Иоанне Даниловиче и вообще при первых московских князьях был великокняжеский дворец, и даже где и был-то он в Кремле, об этом до нас не дошло летописных известий. Мы, по необходимости, должны довольствоваться по этому предмету предположениями. Вотчиннический, господарский тип московских князей, говорит И. Е. Забелин, обозначался даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности, это была помещичья усадьба, обширный вотчинный двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в хозяйстве вотчинника, в потребностях его дома и домашнего обихода. Некоторые иностранцы, уже в позднейшие столетия бывшие в Москве, вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за дворец, говоря, что он обнесен каменной стеной. Действительно, первой основой Кремля, а стало быть, всей Москвы, был *княжий двор*, или в самое древнее время, княжий стан, с необходимыми хоромами и клетями на случай проезда. Он-то и был обстроен, кроме посада, рядом хозяйственных сел и слобод, которые тянули к нему и составляли его службы. Остожье, или село Сенчинское, с обширными лугами под Девичьим, пасло табуны княжых лошадей и заготавливало стоги сена на зиму. Слобода Конюшенная обнаруживает свое назначение самим названием, как и конюшенный двор. Поварская, со Столовым, Хлебным и Скатертным переулками, населена была приспешниками княжьего стола. Кадаши (ткачи) и хамовники готовили так называемую белую казну полотен и другого белья. Садовники и Огородники готовили соответствующие произведения для княжьего обихода. Кречетники составляли особую охотничью слободу... Все такие служебные поселения начали возникать в самые старые времена Москвы и тянули, как к своему центру, к двору

князя-вотчинника. Первоначально этот двор был построен на крутом углу Боровицкого холма, на который, еще в начале XIX столетия, трудно было въезжать и входить, по значительности его подъема. Если церковь Иоанна Предтечи, под Бором, была первой в древнем городке Москвы, то и первый княжий двор должен был находиться возле этой церкви. В последующее время княжеский дворец отодвинулся дальше от Боровицких ворот к востоку и устроился на месте нынешнего Большого Кремлевского дворца, пред церковью Благовещенья на княжьих сенях. По преданиям; первоначальная постройка этой церкви относится к 1291 году. По аналогии с Киевской Русью, княжий дворец и в Москве состоял из заветного терема, который составлял верхний ярус хором, как назывались остальные ярусы и вся совокупность строений. Первообразом жилых русских строений была клеть, сложенная из бревен на четыре угла. Теплая, или зимняя, называлась истьбою или истопкой. От других боярских жилищ княжий двор отличался обширной клетью, носившей название гридницы, где собирались гридни, или младшая дружина. Другие клетки назывались столовыми избами, повалушами (спальни), божницами (моленные). Общая характерная черта в устройстве княжьего двора заключалась в том, что хоромы, избы, клетки ставились хотя и по две, по три в одной связи, но всегда в отдельности, даже отдельными особняками, соединяемыми сенями или переходами. Здания двора московского князя первоначально были деревянные...

До нас дошли две душевные грамоты Иоанна Калиты — завещания его. Обе они являются важными юридическими документами Москвы XIV столетия. В них великий князь, «идя в орду, никим не нужен, целым своим умом, в своем здравьи, дает ряд сыном своим и княгине своей». Следуя принципу единодержавия, Иоанн Данилович дает преимущество и в своей вотчине, и во власти над остающейся после него семьею сыну своему старшему: «приказываю тебе, — говорит грамота, — сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меньшими детьми; по Бозе ты им будешь печальник».

Распределяя недвижимость и движимость князя, грамота дает много интересного для истории древнейших московских поселений, быта и одежды той эпохи. Здесь мы встречаем много сел, кои существуют до сих пор, и немало таких, кои исчезли с лица земли. Из числа первых упомянем: Напрудьское у города, Коломенское, Раменье, Гуслицу, Астафьево. Из числа вторых: Труфановское (или Трифоновское), Черноголовь на Воре, Маковец, Радонеж.

Деля свои вещи между сыновьями и дочерьми (княжнами Фетиньей и Марьей) и супругой княгиней Оленой, великий князь подробно исчисляет свой скарб, по части посуды, украшений и носильной одежды (портище). Здесь мы встречаем целую роспись разных вещей: «и чаши золоты с жемчугом, и „из судов“ блюда и блюдца, и золотые с камнями, и серебряные без украшений, и ковши, и чары, и чеши, и пояса с жемчугом и камнями, и сердоличные, и на червчатом шелку, и царевские, и фряжские, и шапки золотые, и бармы, и ожерелья, и обручи (кольца), и гривны, монисты, и корбочки золоты, и кожух червлёный жемчужный, и кожух желтой обьяри, и бугай соболий с наплечники и с великим жемчугом и с камнем, скорлатное портище с бармами», и т. д. Все это очень интересно в бытовом отношении. В обоих духовных завещаниях делаются вклады в церкви: «блюдо великое о 4 кольца Иоанн Данилович приказывает отдать святой Богородице Владимирской. Три сельца отдать на помин души в монастыри. Серебряные пояса раздать по попьям».

Та и другая душевная грамота относятся к 1328 году. Первая из них писана дьяком Костромой. «А послуши (свидетели) были,— говорится в конце духовного завещания,— отец мой душевный Ефрем, отец мой душевный Федосей, отец мой душевный поп Давыд».

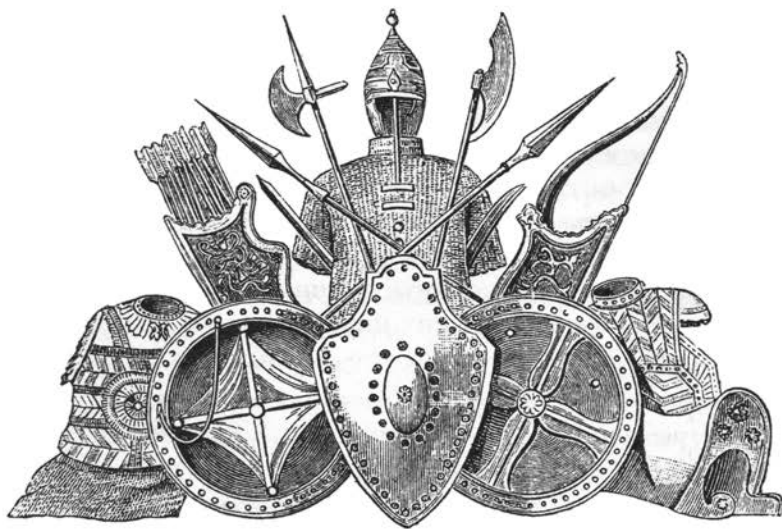
У этих двух грамот сохранились две хорошей работы серебряные вислые печати. В древние времена, особенно в России, печать имела более важное, чем теперь, значение. До времен Петра I считалось несовместным с достоинством государя подписывать свою рукою грамоты. Даже те государи, кои были выучены писать, как, например, Алексей Михайлович и Феодор Алексеевич,— не ставили подписей под грамотами. Ввиду этого подвешивание золотой, серебряной, свинцовой или даже восковой печати было актом утверждения и вместе удостоверения подлинности того или другого документа.

Обе печати Иоанна Калиты, восьмигранной формы, имеют на одной стороне изображение Христа Спасителя, одной рукой благословляющего, а другой держащего евангелие; на оборотной стороне изображен патрон великого князя — Иоанн Предтеча, дающий правую рукой благословение, а в левой держащий скрижаль или таблицу. Надпись: «печать великаго князя Ивана». Снизу второй его печати привешена свинцовая печать, по-видимому, татарская. Воспроизводим именно эту печать Калиты.

Иоанн Калита скончался 31 марта 1340 года, приняв перед смертью схиму, и погребен в Архангельском соборе, близ южных дверей у западной стены.

Летопись говорит: «По смерти Иоанна Даниловича идоша в орду сыновья его: князя Симеон, Иоанн и Андрей. Хан же Азбек, яко вельми любяше и чтяше отца их, прият их с честию и любовью, недолго держав, поучи я, како жити в тишине и послушным быти велению его; обеща им, яко никоих наветов на них не примет и никому великаго княжения не вдаст; но по них чадам их да будет».

III

Москва при сыновьях Калиты: Симеоне Гордом и Иоанне П. Димитрий Донской.

реемник Иоанна Калиты, его сын Симеон, прозванный Гордым (1340—1353), соединил рассудительность и практическую ловкость своего отца с властительным характером. Получив от хана ярлык на великое княжение Владимирское, торжественно венчался на него во Владимире и принял «под руце свои» всех остальных русских князей и заставил младших братьев «целовать у отняго гроба крест» на том, что они все будут заодно и станут чтить его во отца место, имея общих врагов и друзей. Когда новгородцы послали в Москву посадника Кузьму Твердиславича сказать: «еще, господине, на столе в Новгороде не сел еси у нас, а уже сильно деют твои бояре», Симеон в наказание за то, что новгородцы захватили в Торжке московских бояр, пошел походом на Новгород, присоединив к себе других удельных князей и даже всероссийского митрополита Феогноста. Посадники и тысяцкие по требованию московского князя явились к нему и, босые, на коленях, просили у него милости; он взял с Новгорода черный бор и посадил там своих наместников.

Великий князь Симеон Гордый.

Св. Алексий митрополит,
по стенописи
Успенского собора.

Он умел дать почувствовать свою силу и энергию даже русско-литовским князьям, которые спрашивали у него разрешения на женитьбу на севернорусских княжнах. Походом своим под Смоленск он заставил Литву «со многими дарами просить мира». «Князи же все — рязанские, тверские, ростовские — толики подручны себе име, яко вся по его глаголу творяху». Совершенно естественно, что великий князь такого характера окончательно принял титул великого князя *всей Руси* и постоянно величался им; его же наименовали «Гордым».

В его правление выступают на историческое поприще два великих лица: преподобный Сергей и митрополит Алексий; первый при нем основывает свой Троицкий монастырь, а второй готовится в Богоявленском монастыре вступить на Кафедру всероссийских митрополитов.

В 1352 году Россию посетила страшная гостья — «черная смерть», занесенная в Европу из

Индии чума. Она обошла всю Россию и появилась в Москве. Для характеристики ее опустошительности летопись указывает на то, что в Белозерске и Глухове во время чумы не осталось ни единого человека — все до одного перемерли. Чрезвычайно заразительная болезнь обнаруживалась кровохарканьем; кожа умирающих сплошь покрывалась темными пятнами; на третий день следовала смерть. По словам летописи, священники не успевали отпевать покойников. Каждое утро они находили по 20—30 мертвецов в своих храмах и затем опускали по 5—10 трупов в одну могилу. Вследствие прилипчивости язвы, многие стали убегать от умирающих, даже самых близких людей; но было довольно и таких, которые показывали самоотвержение и страх Божий и до конца служили

И ПРИШЕШЕНЫ
 МЕСТО ГЛАГОЛЕ ГОЛГОФЕ. ЕСТЬ
 МОСКРИ НЕ БОЛЕТ. ДАША ЕМУ
 ПИ. ОУЧЕ СЛАВНО СЛАЖЕ. И КТО
 РЕХОУ ПИ. Р. АПЕНАШЕ. РАЛЪ
 ЛАХРИЖИ. МЕНУШЕ АРЕН. И
 КАШЕ БЛАДХУНТОУ. И ПОЛО
 ЛИША НА ПЯНОУ. ВИНДЕ НА
 ПИСИ. СЪЕ. И. ФАМОДЖИКА.
 ТОГ. СРАСПИНАШЕ. В. РАДБОИНИК.
 ЕАДОЕСНЮ. АЕДИОЛЕНЮ.
 ИМХОДАШНИМЕ. ХЛАХУНКИВ.
 ЮРЕГЛАДМЕСО. ИМ. И. СЛА. РАД.
 РАМНИРКА. И. И. МДНМЕСИДА.
 ИМ. СПИСЕБЕСА. АЕБЕСЕБНИ. С.
 ГНОСРТА. ПОДОБНО. И. КИ. ИР.
 ГЛЮШЕ. СКИМКА. И. СТАРЦИ. И.
 ФАРИО. И. ГАХ. И. М. С. СЛА. СЕБЕ.
 И. М. М. С. ПЕТИ. АР. И. З. Л. В. А.
 С. З. К. О. У. К. Р. Т. А. И. В. Р. З. Е. М. О. П.
 В. А. М. А. Т. А. Д. И. З. Е. А. В. П. М. И. К. Р. Е. Б. О. И.
 Б. П. И. С. С. Е. Н. А. Т. О. И. Р. А. Д. Б. О. И. Р. А. С. П. А.
 Т. А. И. С. И. П. О. Н. А. Ш. А. С. Т. А. Н. О. З. Е. Г. О.
 У. С. А. Т. А. М. Е. А. П. О. В. С. Е. И. З. Е. Д. О. У. С. А. Ф. Г.
 П. Р. И. В. М. Е. У. С. Е. К. О. З. П. И. С. Г. Л. М. В. Е.
 А. К. И. Г. Л. А. И. Л. И. И. Л. И. А. М. А. С. А. В. А.
 Х. В. А. И. Е. Е. Б. Е. М. А. И. К. Е. М. О. И. В. С. К. У.
 Ю. М. Л. Е. С. Н. О. С. Т. А. В. И. И. Ч. И. П. Т. О. У. З.
 С. Т. А. М. У. П. С. Л. И. Ш. А. Ш. Е. Г. Л. Х. И. Л. И. М. У.
 О. Л. С. И. Т. А. И. И. И. А. Е. Т. Е. А. И. К. И. И.
 И. В. З. Е. Г. У. С. О. Ф. Н. А. П. О. Л. И. М. И. Ж. Е. О. У. Т. А.

Из рукописи св. Алексия «Новый завет»

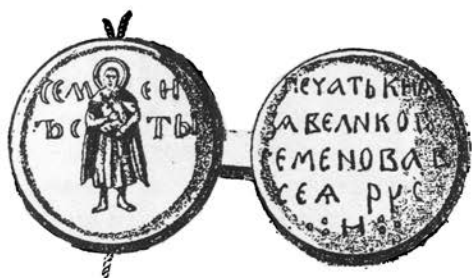
К этой грамоте привешена серебряная позолоченная печать; она на одной стороне имеет изображение св. Симеона с соответствующей надписью; на другой стороне слова: «печать князя великаго Семенова всея Руси».

По смерти великого князя Симеона Иоанновича Гордого на мо-

умиравшим. Церкви и монастыри в это время, по духовным завещаниям, на помин души умиравших, обогатились всякими вкладами и земельными имуществами. В марте 1353 года скончался митрополит св. Феогност и погребен в Успенском соборе (в приделе вериг апостола Петра), «об едину стену с митрополитом Петром Чудотворцем». Едва минули «святительския сорочины», как в полном цвете лет тридцати шести скончался и великий князь, успев перед смертью постричься и принять схиму под именем Созонта.

В это княжение впервые появляется в Москве тряпичная бумага, начинающая заменять пергамент. На этом новом материале написан договор Симеона с братьями и его духовное завещание. Приводим отрывок из этой грамоты. Достояна глубокого внимания заповедь умиравшего: «слушать владыки Алексея и старых бояр, дабы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

сковский престол вступает его брат Иоанн II, по выражению летописи, «христолюбивый, кроткий, тихий и милостивый». Слабый здоровьем, он не походил характером ни на отца своего Калиту, ни на брата своего. Если в Москве «не погасла свеча, и не престала память его родителей», о чем заботился в своем духовном завещании Симеон Гордый, то это зависело оттого, что вокруг московского князя и его стола дружно и деятельно сплотились митрополит Алексей и старые бояре московские.

Печать Симеона Гордого

Печать митрополита Алексия.

Особенно важна была церковно-государственная поддержка князю со стороны владыки св. Алексия. Крестный сын Иоанна Даниловича, постриженник старшего брата преподобного Сергия, настоятеля московского Богоявленского монастыря Стефана, св. Алексей за свой ум и книжность поставлен был митрополичьим наместником и епископом Владимирским, и митрополит Феогност при жизни своей избрал его своим преемником на митрополичьей кафедре. Получив в Царьграде от патриарха поставление в митрополиты, св. Алексей, как пронизательный и усердный русский патриот, более своего предшественника, грека, способствовал укреплению могущества Москвы и сделался первосоветником и руководителем мягкого характером Ивана Ивановича в делах политических. Воскресенская летопись, в 1357 году, говорит, что когда св. Алексей 18 августа, готовясь к путешествию в Золотую орду для исцеления Тайдулы, стал служить молебен у гроба святителя Петра, «се тогда загореся свеща сама собою у гроба Чудотворца Петра; митрополит же, пев молебен со всем клиросом, и свечу ту раздоби и раздать народу на благословение, и того же дни поиде в орду». Исцелив в орде жену хана Чанибека от слепоты, первосвященник получил в дар татарский конюшенный двор в Кремле, где он

после построил Чудов монастырь, привез из орды перстень Тайдулы (он имел значение печати, на коей был изображен дракон), хранящийся и теперь в патриаршей ризнице, и грамоту, освобождавшую все русское духовенство от податей.

а по оца нашего гвѣнъ юнъ то намъ
приказа ли ти за о динъ. та же
и казъ вамъ приказъ ванъ свое бр
тъ и ли ти за о динъ, а ли хнъ бѣ
естъ ли и не слушати. слушааи съ
оца нашего гвѣнъ юнъ то намъ, та же
старъ хъ бѣ саръ хъ то хъ оца нашего
ю бранъ намъ, а пишу вамъ се слово то
го дѣла, то бѣ не перестала палмъ
роу и ли нашихъ и нашихъ бѣ вѣ вѣ
оу гасла, а хъ то сию грамоту имѣтъ руши
ти. суаи та еиу бѣ вѣ вѣ вѣ вѣ вѣ вѣ
цѣмъ,

Завещание великого князя Симеона Гордого.

По возвращении своем из орды, первосвяtitель с восторгом был встречен великим князем и народом. Восьмилетний князь Дмитрий, будущий куликовский герой, со слезами благодарности приветствовал митрополита следующими словами: «о, владыко, что ти воздам противу труду твоему, имже нам мирное житие даровал?» И действительно, митрополит Алексий сделался могущественным защитником Москвы пред ордою.

О построении Чудова монастыря известно следующее. За несколько лет до своей кончины, именно в 1365 году, святитель Алексий на месте подаренного ему ханского двора воздвиг монастырь с храмом в честь чуда архангела Михаила с приделом Благовещенским. Здесь он приготовил себе гроб и вручил монастырь попечению великого князя. Сюда он призывал преподобного Сергия; здесь

возложил на него золотой крест с парамандом и уговаривал его стать его преемником на Всероссийской первосвятительской кафедре.

Святитель обстраивал Москву новыми монастырями, хотя их постройка относится к предшествующему времени. Кроме Чудова монастыря, он построил Андрониковский монастырь на берегу Яузы, по обету, данному им на Черном море во время бури. Местность эта носила наименование Болвановской. По ней приезжали с болваном ханским, или басмой, ордынские послы. Она также вела во Владимир и Суздаль.

Этот обетный монастырь был построен в 1360 году. Святитель перед этим ходил к преподобному Сергию посоветоваться относительно исполнения обета. Тот дал ему для построения монастыря своего ученика Андроника. Место было избрано в семи верстах от Кремля, на высоком берегу Яузы. Преподобный Сергей, вместе со святителем Алексием, благословил место закладки. В следующем 1361 году был готов каменный храм, сохранившийся доселе, как памятник того времени. Сюда первосвятитель поставил привезенный из Царьграда нерукотворенный образ Спасителя. Преподобный Сергей, князья и святители Москвы посещали этот монастырь. Под руководством преподобного Андроника воспитались его преемник по игуменству преподобный Савва и знаменитые художники-иконописцы Андрей Рублев и Даниил, основатели художественной московской иконописной школы. В этом монастыре почивают под спудом мощи двух первых его игуменов. Монастырь был обнесен стенами и так же, как и другие предмосковные монастыри, стал служить фортом для московской крепости.

Третий монастырь основан был митрополитом по просьбе сестер его Евпраксии и Юлии — Алексеевский, на Стоженке, где теперь Зачатьевский монастырь. При Василии III он был перенесен на Чертолье (от Черторый — ручей, роющий овраги); а когда его место было отведено в XIX столетии под храм Христа Спасителя, он был перенесен за Красный пруд, где и теперь находится. Монастырь этот основан был в честь ангела митрополита Алексия. Сверх этого, святитель оставил память о себе и тем, что приобрел подмосковное селцо Черкизово, которое, по его собственному выражению, «было куплено на его серебрецо». Он скончался в княжение Дмитрия Иоанновича Донского и погребен в основанном им Чудовом монастыре, где в серебряной раке почивают его святые мощи.

Москва в этом монастыре хранит до сего времени драгоценнейший манускрипт этого великого первосвятителя: переведенный им

с греческого языка и переписанный его собственной рукою Новый Завет. Кроме этого, от святителя дошло до нас его духовное завещание. Выше мы воспроизвели с изданного покойным митрополитом Леонтием Нового Завета отрывок из Евангелия о распятии на кресте и смерти Иисуса Христа. Новый Завет святителя Алексия, кроме важности его в многообразных отношениях, есть свидетельство того, что в Москве в XIV веке, несмотря на татарское иго, уже зачиналось основанное на изучении греческого языка образование, и что самое искусство письма, по сравнению с прежним письмом

Чудов монастырь.

московских великокняжеских дьяков, сделало уже значительный шаг вперед. Евангелие написано на пергаменте в восьмую долю листа, в два столбца мелким полууставом и содержит в себе четвероевангелие, деяния и послания апостольские, апокалипсис и краткий месяццеслов. По мнению специалистов, текст Нового Завета составляет или новый перевод с греческого, или новую редакцию такового. Прожив при греке митрополите Феофане в качестве его наместника двенадцать лет, он мог основательно изучить греческий язык. Св. Алексий скончался на 85 году своей жизни. Об обретении его мощей Никоновская летопись говорит: «в княжение великаго князя Василья Васильевича при святейшем Фотии митрополите Киевском и всея Руси (1431 г.), обвалился верх церковный во время священныя литургии, священнику еще не изшедшему из алтаря; но невредим бысть. И тако тоя церкви место очистивше, начаша копати, хотяще основати новую церковь каменну; и еще копающе обретоша

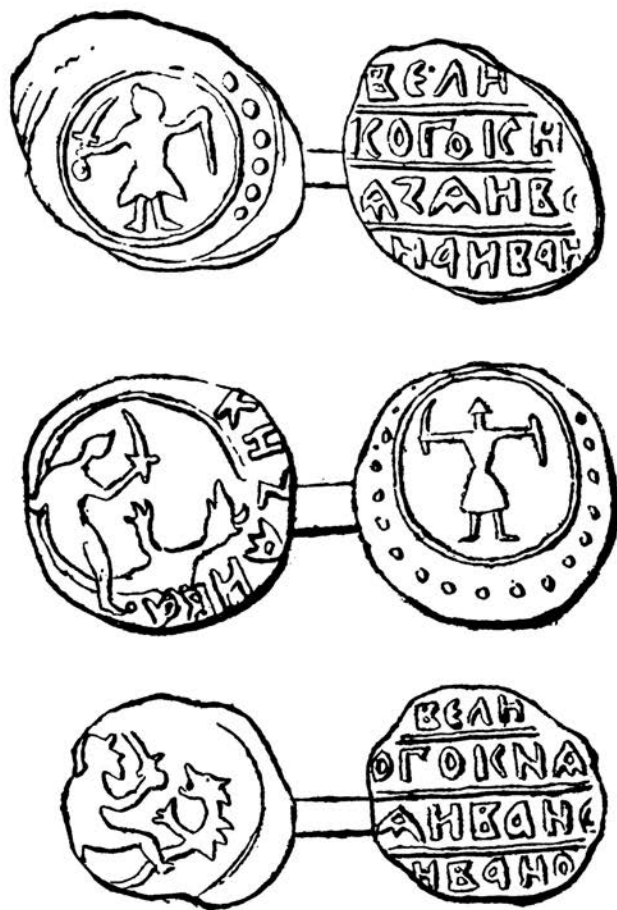
священное тело Алексия митрополита Киевского и всея Руси, еще же и ризы его целы». При раке святителя хранятся его саккос, епитрахиль, подризник и посох. Примечательны украшающие саккос эмалевые и черневые дробницы. В их медальонах, кроме изображения Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и других святых, мы видим двух сиринов и геральдического орла с сиянием вокруг головы. Это последнее изображение схоже с эмблематическими орлами на рельефах Дмитриевского собора во Владимире.

При Иоанне Иоанновиче мы видим в истории Москвы первую внутреннюю смуту, которая, может быть, разыгралась оттого, что этот великий князь был слишком мягкосердечен. Прибывшие в Москву на полную оседлость боярство приобрело тогда в думе великого князя очень большое значение. Особенную силу имел московский тысяцкий, заведовавший и ратными, и земскими делами. При Симеоне Гордом московским тысяцким был знатный боярин Василий Протасьевич Вельяминов, происходивший от варяжского выходца Шимона, сын которого Георгий был тысяцким в Ростове при Владимире Мономахе, отце основателя Москвы. Другой тоже знатный боярин Алексей Петрович, по прозвищу Хвост, вероятно, потомок того, который упоминается еще в начальной летописи, завел какую-то крамолу против великого князя Симеона. Очень возможно, что он завидовал Вельяминову, притязая на сан тысяцкого. Великий князь отобрал у него недвижимое имущество и изгнал его из Москвы и, в договорной с братьями грамоте, обязал их не принимать к себе на службу этого крамольного боярина. Но Иван II, вероятно, по мягкосердечию, после смерти брата не только воротил Алексея Петровича, но и сделал его московским тысяцким. Это обстоятельство, соединенное с гордым характером его, привело к катастрофе. Очевидно, оно не могло не волновать больших бояр и в особенности сильного рода Вельяминовых. 3 февраля 1356 года, когда звонили к заутрене, на городской площади подняли тело убитого боярина Алексея Петровича. Подозрение в этом пало на враждебных ему бояр. Но убитый тысяцкий, как заметно, имел много сторонников даже между обывателями Москвы, так как возникли в народе волнения и мятеж. Вследствие этого два больших боярина Михаил Александрович и зять его Василий Вельяминов, сын упомянутого Василия Протасьевича, с женами и детьми, воспользовавшись последним зимним путем, отъехали в Рязань.

Однако отъезд этих бояр, имевших за себя значительную партию, по-видимому, был неприятен великому князю: в следующем

году он позвал их назад на службу к себе; а потом семье Вельяминовых удалось опять завладеть саном тысяцкого в Москве, в лице того же Василия Васильевича.

Если при Симеоне Гордом в Москве заведено было живописное

Деньги Иоанна II.

и литейное дело, то при Иоанне II у нас заведена чеканка монеты. По крайней мере, до сих пор еще не найдено ни одной монеты ни его старшего брата Симеона Гордого, ни его отца Иоанна Калиты, а имеются лишь монеты Иоанна II.

Монеты этого великого князя, до нас дошедшие, имеют пять

различных чеканов. Его серебряные деньги, кроме русской подписи: «Князь великаго Ив-на Иван.», на обороте в знак нашей зависимости от орды, имеют татарскую легенду, состоящую из подражания монете хана Бердибека или Кульпа-хана.

Денежные штемпеля Иоанна II.

Но для нас в геральдическом отношении особенно интересны пулы, или медные монеты, Иоанна II. Как видно из приводимых рисунков, на двух из них изображен витязь, поражающий мечом дракона. На второй монете чудовище кидается на князя.

При Димитрии Донском этот витязь будет изображаться на коне с копьём в руке, а в последующие княжения дракон будет уже извиваться под копьём и конем витязя. С течением времени этому конному витязю, в память основателя Москвы Георгия Владимировича, будет придано значение св. Георгия Победоносца. Так сначала зарождался, а потом развивался герб Москвы. Интересно также и отдельное изображение витязя в остроконечном шеломе, в правой руке у него — меч, в левой — ножны.

Иоанн II, называвшийся Красным, скончался 13 ноября 1359 года, 33 лет от роду, оставив двух малолетних сыновей Димитрия и Ивана и племянника Владимира Андреевича. Душевная грамота скончавшегося князя делит московские владения между этими тремя князьями. В их уделах были рассеяны владения вдовствующих княгинь. Москва осталась в общем владении князей, и ее доходы разделены между ними на трети.

Распоряжения духовного завещания относительно движимого имущества свидетельствуют, что богатства этого московского князя, в сравнении с его предшественниками, значительно увеличились. Здесь, кроме золотых шапок или корон, барм, цепей кольчатых, всякой драгоценной одежды, более перечисляется икон в золотых с камнями окладах, золотых шишаков, золотых сабель с драгоценными обьяями, стаканов царьгородских, бадей с серебряною наливкой, стад коней, жеребцов и кобылиц и проч. Заупокойные вклады Иоанна II на церкви были щедрее прежних. Великий князь

«дает свободу, куда кому любо», то есть выпускает на волю своих чиновных слуг, именно, казначеев, тиунов и посельских со всеми их семьями и родственниками.

В Оружейной палате хранится цепь золотая кольчатая, врана (с чернью). Она состоит из 116 плоских колец, украшенных чернью, и весит 1 фунт 23 золотника. Это — та цепь «золотая врана с крестом золотым», которую Иоанн II в своей духовной грамоте передает сыну Димитрию, вместе с золотой шапкой и бармами, под которыми исследователи разумеют шапку и бармы Мономаха.

Приводим выше именную печать Иоанна Иоанновича с изображением его ангела, святого Иоанна.

Таким образом, до кончины Иоанна II протекло 212 лет со времени основания Москвы, и она уже выросла не только до степени сильного города, но и могущественного центра государственно-церковного и даже культурного тяготения для всей Руси. В ряду многосложных причин ее возвышения большое значение имеет характер ее князей. Род их хранит у себя духовные черты своего предка благоверного Александра Невского. В них преобладает практический разум и твердость воли; но в них не угасла и доблесть героя Невы. Всматриваясь в лица державных правителей Москвы, мы не видим в них однообразия. Вслед за религиозно-святым основателем Московского княжества Даниилом Александровичем идет решительный, подвижный, предприимчивый Юрий Данилович, а за ним спокойный, рассудительный, хозяйственный и усердный к созданию храмов Иоанн Калита, потом умный и энергичный Симеон Гордый, затем кроткий и набожный Иоанн Красный и, наконец, героический Димитрий Донской.

История Москвы при великом князе Димитрии Иоанновиче (родился 1350 году, скончался в 1389 году), вступает в новую эпоху могущества и величия. Сын Иоанна Красного Димитрий остался, по смерти отца, девятилетним отроком. Но в его малолетстве «не погасла свеча», о которой заботился Симеон Гордый. Вокруг государя-отрока опять сплотились митрополит Алексей и старые московские бояре, и свет государственного могущества Москвы стал разгораться еще более.

Димитрий Константинович Суздальский захватил в 1360 году великокняжеский престол «не по отчине и дедине», но продержался в стольном Владимире недолго; он был изгнан в Суздаль московскими боярами. Несмотря на то, что в орде, где тогда, по выражению летописи, происходила «замятня», этот князь получил ярлык на великое княжение, святитель Алексей и московские бояре добились того, что хан Мурат признал великокняжеское достоинство за юным Димитрием. Но старший его соперник опять не хотел уступать Москве. Тогда ее бояре посадили государя-отрока «на конь», «пошли ратью на соперника» и заставили того снова бежать в Суздаль, а московский князь вошел в стольный град Владимир и торжественно сел на столе отца и деда. Двоюродный брат Димитрия, князь Владимир Андреевич, обязался держать под братом своим великое княжение «честно и грозно и быть под его стягом».

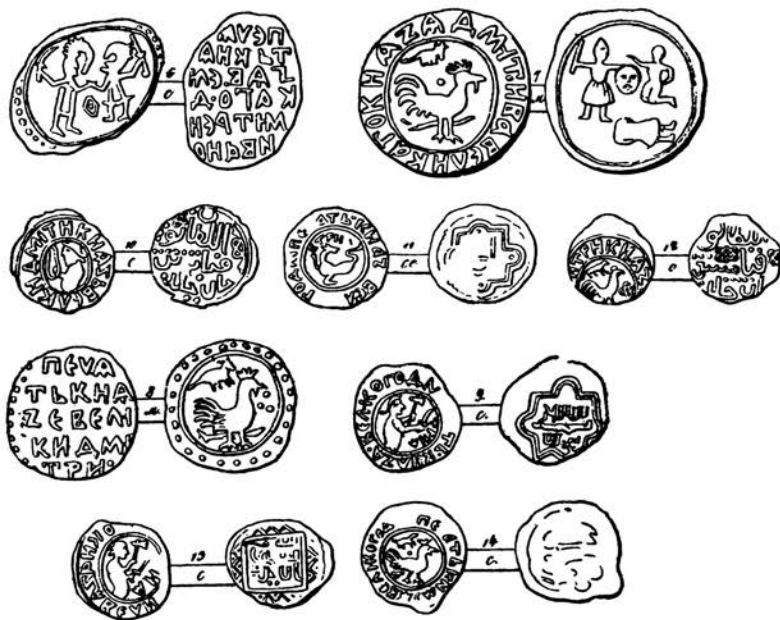
«Смирив и взяв волю свою» над суздальским князем, который выдал за него свою дочь, княжну Евдокию, Димитрий Иоаннович начал приводить под свою власть всех других князей русских, а «которые не повиновались его воле, и на тех начал посягати». Одних он «смирля до зела» силою, как, например, могущественного тверского князя Михаила Александровича; других приводил к повиновению духовным оружием. Так, преподобный Сергей в Нижнем Новгороде затворил церкви и заставил тамошнего князя Бориса сделать угодное московскому князю; а строптивого Олега Рязанского тот же преподобный Сергей тихими и кроткими речами впоследствии склонил к заключению с Москвою вечного мира. Вошедши «в размирье» с Великим Новгородом из-за грабежей его ушкуйников на Волге, Димитрий принудил новгородцев силою оружия заплатить Москве «черный бор» в количестве 8000 рублей. Тверской князь приглашен был в Москву, был судим здесь и «содержался в истоме велицей на Гавшином дворе (в Кремле)». Впоследствии этот князь, «видя свое изнеможение, понеже вся Русская земля возста на него», с челобитьем просил у московского великого князя мира, «даяся во всю волю его». Особым договором великий

князь тверской обязался считать себя младшим братом Димитрия, наравне с Владимиром Андреевичем Серпуховским; когда московский князь выступит в поход, и тверской князь садится на конь «без ослушанья».

Димитрий Донской.

Давая такую силу принципу единства Руси под властью Москвы, Димитрий Иоаннович и внутри государства возвышал значение и крепость своей власти, доведя ее до степени царского могущества. После смерти тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, в 1374 году, Димитрий Иоаннович навсегда отменил сан тысяцкого, предводительствовавшего земскою ратью и напоминавшего народу вечевые времена. Сын этого боярина, крамольный Иван Вельяминов, изменивший великому князю и бежавший в орду, когда появился в Серпухове, был схвачен и привезен в Москву. Димитрий, несмотря на то, что у изменника была знатная родня, приказал казнить его: ему отрублена была голова на Кучковом поле (где теперь Сретенский монастырь). Это первая в Москве публичная казнь, по замечанию летописи, произвела сильное впечатление на народ. После того был казнен и купец гречин Нескомат. Память об этой казни, как видим, отразилась даже на штемпелях монет Димитрия Донского.

Монеты Димитрия Донского.

Штемпеля монет.

Даже и в церковных делах Димитрий Иоаннович давал едва ли не преувеличенное, впрочем, значение своей власти. Это сказалось после смерти св. Алексия митрополита. Великий князь очень полюбил Коломенского священника, по прозванию Митяя. Он отличался высоким ростом, окладистою бородою и вообще сановитою наружностью. Будучи наделен громким, чистым голосом, он, отличаясь красноречием, пленил великого князя своей службой и сладкими беседами. Димитрий взял его в духовники себе и сделал своим печатником. Любимец князя стал сильно величаться и щеголять дорогими светлыми одеждами и многочисленной свитой. Когда умер Иван Непийца, архимандрит придворного Спасского (на Бору) монастыря, великий князь велел поставить на его место своего любимца. «Еще до обедни был мирской поп, а после обедни — архимандрит», — говорили современники о таком быстром возвышении. Но Спасская архимандрия была для Митяя только ступенью к высшему сану. Несмотря на то, что митрополит Алексей перед своей смертью не хотел признать Митяя своим преемником, этот последний, по смерти святителя, переселился на митрополичий двор. И когда, вероятно, в угоду великому князю, было получено от константинопольского патриарха извещение, что он готов посвятить его в митрополиты, но нерукоположенный еще Митяй стал возлагать на себя белый клобук и митрополичью мантию и во время богослужения восседал в алтаре на первосвятительском седалище; ему служили и его сопровождали митрополичьи бояре и отроки. С духовенством он обходился гордо и строго, а провинившихся и непокорных сурово наказывал и смирял железными веригами.

Во главе недовольных стали епископ Суздальский Дионисий и два знаменитых игумена: преподобный Сергей и его племянник Феодор. Они вошли в сношение с сербом Киприаном, «человеком весьма книжным», которого в Константинополе поставили в митрополиты для Юго-западной Руси, и призвали его в Москву. Но великий князь заключил его под стражу и затем выслал из Москвы. Митяй, грозясь разорить Троицкий монастырь, отправился в Цареград, но во время плавания, вблизи цели своего путешествия, умер. Великий князь не принял на митрополию посвященного после того в митрополиты Пимена и отослал в заточение в Чухлому, а потом сам признал митрополитом Киприана.

Понятно, что великий князь такого характера и таких стремлений должен был горячо и энергично заботиться о возвращении России ее государственной независимости и об охране ее от всяких покушений на нее. Всем известны его попытки к свержению татар-

ского ига и его достославные битвы с Мамаем на Воже и на Куликовом поле. Мы оставляем без повторения известные подробности о том, как пред этим походом прощался Димитрий Донской с Москвою, как кланялся у Архангела Михаила гробам предков, как расставался со своей княгиней и т. д. Взамен этого мы даем изображение великого князя пред битвой на Куликовом поле с Мамаем.

Преподобный Сергий, с иконы XV века.

Минуя все указанные рассказы, мы должны сказать о борьбе Димитрия Донского с могущественным литовским князем Ольгердом. Будучи шурином Михаила Александровича Тверского, этот воинственный князь предпринимал три похода на Москву, но каждый раз был отбиваем и должен был, «озираясь семо и овамо», возвращаться в свою землю.

Совершенно понятно, что при таком подъеме политического могущества Москвы в княжение Димитрия Иоанновича, она, и как город, не могла уже остаться в прежних своих размерах и самом наружном виде. Число ее населения умножилось; Кремль, взамен пре-

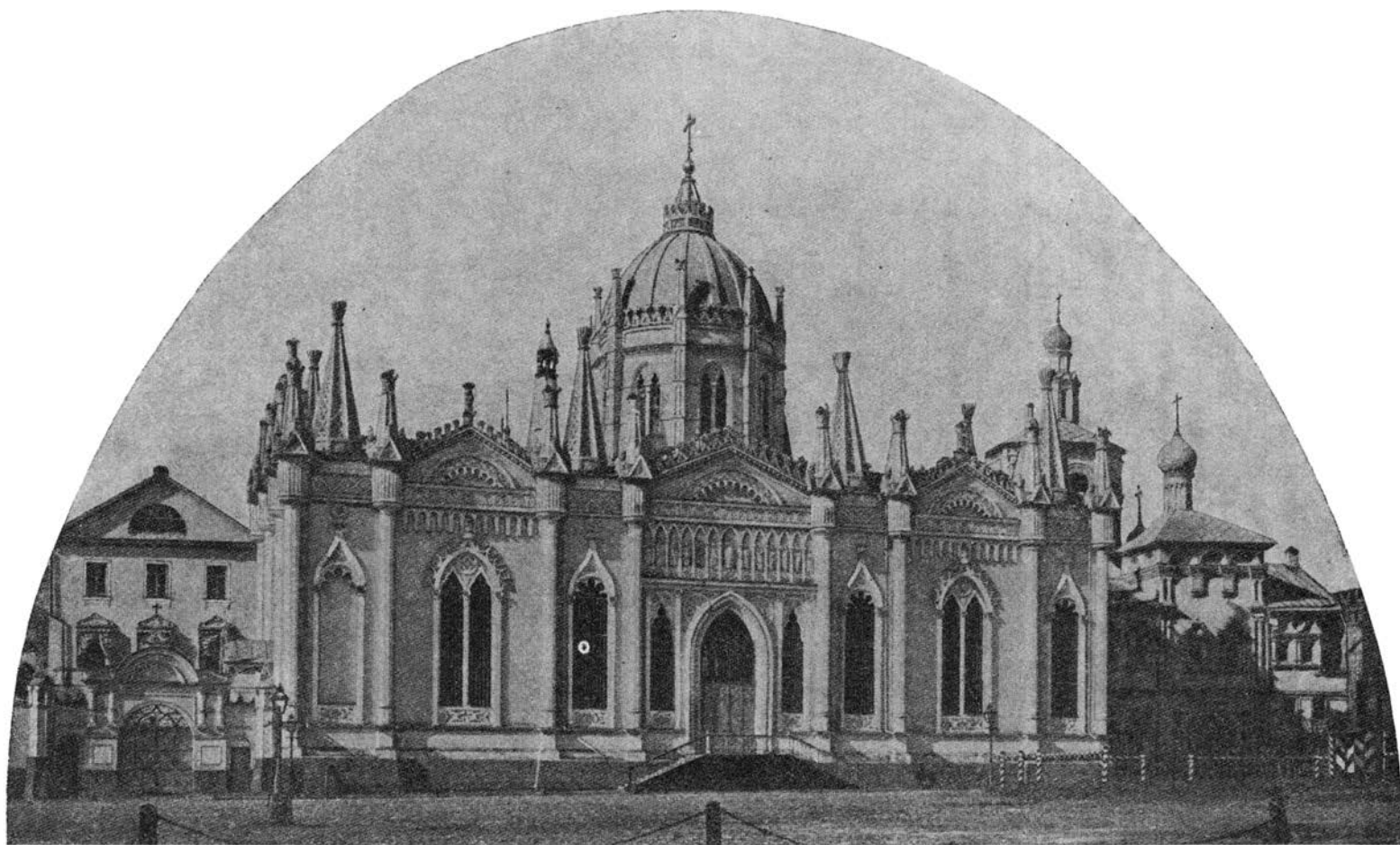
Димитрий Донской на Куликовом поле. (Рисунок В. В. Верещагина).

жних дубовых стен Калиты, был окружен каменной крепостной стеной, с железными воротами, бойницами и башнями; храмовая история Москвы, обогатившись новыми монастырями и храмами, раздвинулись; в Москве начинают появляться новые и развиваться старые отрасли техники.

Подземные исследования Кремля с его тайниками и палатами, быть может, дадут материалы для истории Кремля и при Дмитрии Донском. Вот что из летописей известно о построении каменных стен Кремля.

В 1365 году Кремль, посад и заречье были опустошены страшным пожаром, известным под именем всевятского, потому что он начался от церкви Всех Святых (близ нынешнего храма Христа Спасителя, разобранный при его постройке). Предшествующая засуха и сильнейший ветер в день пожара способствовали его распространению. Головни и даже целые бревна с огнем перекидывало через десять дворов. В одном месте заливали огонь, а в десяти загоралось снова. В какие-нибудь два часа весь город сгорел, и никто из жителей не успел спасти своего имущества. По поводу этого пожара летопись дает свидетельство о тогдашнем составе города, именно в ней говорится: «загореся сверху (Москвы-реки), от Чертолья, и погоре *посад* весь, Кремль и Заречье». Несмотря на то, что в следующем году в Москве был сильный мор, шестнадцатилетний Дмитрий и его двоюродный брат Владимир Андреевич «замыслиша ставити город Москву камен». В 1367 году Кремль был уже обнесен каменными стенами с башнями и воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константино-Еленинскими (пониже, теперь не существуют) и Алексеевскими. Угольная башня против нынешнего Москворецкого моста была названа Свибловской, по имени одного из главнейших тогдашних бояр Феодора Свибла. Сказание того времени указывает на части крепости: в ней были забрала градные, стены каменные, врата железные, стрельницы, около рвы.

Каменный Кремль придал Москве огромное значение. Уже с самим планом такого ее укрепления Никоновская летопись (IV, 8, 15) связывает то, что великий князь с того времени «начал приводить в свою волю всех князей русских, а которые не повиновались его воле, и на тех нача посягати». В следующем уже году все ясно поняли важность новой каменной крепости для Москвы. Поднятый Михаилом Тверским Ольгерд Литовский, обозначая свой путь огнем и мечом, подступил к Москве. Дмитрий с боярами засел в Кремле в осаде. Три дня литовский князь простоял под Москвой, но города взять не мог и, сжегши посад и окрестности, отправился во-

Вознесенский монастырь.

свояси. И второе нападение его на Москву, после восьмидневной стоянки у Кремля, тоже было безуспешным.

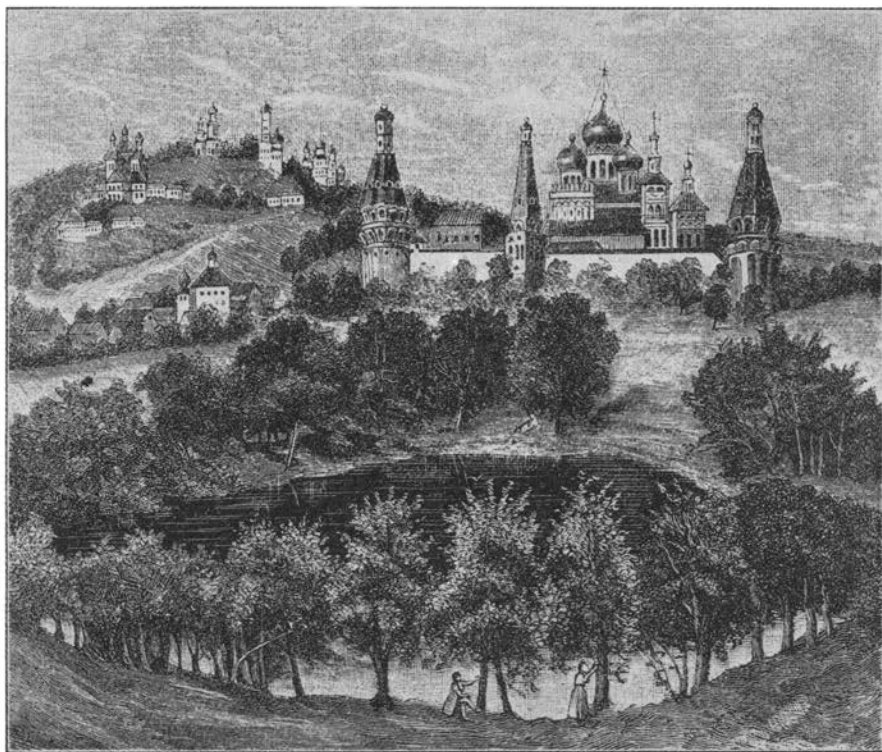
Даже Тохтамыш, победитель Мамай, захвативший Москву врасплох, не мог взять силой каменного Кремля. Великий князь, потому, что среди других князей оказалось «неодиначество и неимоверство», не мог выйти навстречу татарам и, не имея достаточно ратных сил, должен был ради их собирания уйти из Москвы в Кострому. В Москве же чернь, разграбившая боярские погреба со старыми медами, подняла бунт и едва успокоилась, когда в Москву явился воевода Димитрий Остей. Татары три дня делали приступы и по лестницам взбирались на стены. Но москвичи энергично отбивали эти приступы: они лили на татар кипяток, бросали на них громадные камни и, что примечательно, впервые стреляли из ружей и пушек.

Существовало предание, будто несколько сот крестьянок, спасаясь от татар, явились в Москву и просились в Кремль, но из опасения голода не были туда пущены. Тогда они на правом берегу Москвы-реки сделали деревянный сруб, окопали его рвом и здесь защищались от татар. От этого будто эта местность получила название «Бабьего городка». Но это название могло произойти оттого, что эта болотистая топкая местность была укреплена сваями, которые забиваются бабами или копрами.

И Тохтамыш, подобно Ольгерду, должен был бы уйти от нового Кремля; но его коварство отдало ему в руки эту новую русскую твердыню. На четвертый день Тохтамыш послал сказать осажденным, что он пришел не на них, а на их князя; он желает только, чтобы они вышли к нему навстречу с небольшими дарами; а ему хочется лишь посмотреть город; он же даст москвичам мир и любовь. Русские князья, захваченные и обманутые татарами, поклялись, что те говорят правду. Но когда москвичи с крестами и хоругвями вышли из Кремля, татары вероломно бросились на них, стали их рубить саблями и ворвались в самый Кремль. Начались страшные сцены убийства, грабежа и поджогов; граждане, застигнутые врасплох, метались во все стороны. Избиение прекратилось, когда «руки татар утомились, плечи измолкли и сабли их притупились». Многие искали спасения в храмах; но татары разбивали их двери и, посекавши христиан, расхищали церковную утварь и обдирали дорогие украшения с икон.

Варвары разграбили богатства, многими годами накопленные в боярских дворах, и склады товаров в домах сурожских купцов, суконников и других торговых людей. Насытившись грабежом

и убийством и захватив огромный полон, состоявший преимущественно из здоровых мужчин, молодых женщин и девиц, татары зажгли город и таким образом привели его в окончательное разорение. При этом погибла огромная масса книг и хартий, снесенных в храмы и наваленных там «до стропов» или сводов. «Дотоле,— говорит летописец,— город Москва был велик и люден: он кипел многолюдством и богатством; славой и честью превзошел все грады

Симонов монастырь в XVIII веке.

Русской земли; в нем обитали князья и святители. А в свое время отошла слава его и вся честь в единый час изменилась, когда он был взят и позжен». Однако татары, узнав, что против них уже собираются русские рати, так же воровски ушли, как и пришли.

Когда Димитрий с братом своим Владимиром возвратился в Москву, то проливал горькие слезы, смотря на разрушенную Москву. Везде лежали кучи трупов и стояли обгорелые развалины церквей и домов. Он немедленно принялся созывать из лесов разбе-

жавшихся жителей, возобновлять город и очищать его от трупов; велел давать по рублю за восемьдесят тел людям, занимавшимся погребением их. Роздано было 300 рублей; число погребенных простиралось до 24 000, да кроме того, много народу сторело во время пожара или потонуло в реке. Если определить число уведенных в неволю москвичей хотя в 25 000, то Москва лишилась в это нашествие до 60 тысяч своего населения. Но органическая сила Москвы была уже так велика, что и эта глубокая рана зажила скоро.

С княжением Дмитрия Иоанновича связано было основание в Москве следующих монастырей: Вознесенского, Симонова, Рождественского и церкви Рождества Богородицы, что на Сенях во дворце.

Симонов монастырь был основан на месте одного из сел боярина Степана Кучка племянником преподобного Сергия Феодором. Первоначальный (Старый Симонов) монастырь имел храм Рождества Богородицы, близ Медвежьего или Лосинога (впоследствии Лизин пруд) озера; а когда боярин Симон из рода Головиных пожертвовал землю для монастыря, то он был перенесен на новое место, где построен был храм Успения. Преподобный Сергей много раз останавливался здесь и своими руками выкопал пруд. В Старом Симонове погребены павшие на Дону иноки — витязи Пересвет и Ослябя. Когда Феодор был возведен в архиепископы Ростова Великого, настоятелем монастыря сделался св. Кирилл Белозерский.

Высоко-Петровский монастырь основан в 1380 году. Возвратившись после Куликовской битвы, Дмитрий Донской устроил этот монастырь при существовавшей со времен Калиты в селе Высоцком церкви Боголюбской Богоматери. Приписывают Дмитрию Донскому основание и монастыря Николы Старого, отчего идущая мимо него улица и соответствующие ей ворота в Кремле были названы Никольскими. Из приходских церквей этому государю принадлежит построение церкви Всех Святых на Кулишках (болото), для поминовения воинов, убитых на Куликовом поле.

Рождественский монастырь на полугоре, под которой протекала речка Неглинная, основан в 1386 году супругой князя Андрея Серпуховского княгиней Марьей Кейстутьевной, матерью Владимира Храброго. Она была погребена здесь. Невестка ее княгиня Елена, в иночестве Евпраксия, дочь Ольгерда Литовского, завещала монастырю вотчины свои и в их числе озерное Косино.

Находящаяся внутри кремлевского дворца церковь Рождества Богородицы построена великой княгиней Евдокией в память Куликовской битвы, происходившей 8 сентября, в день этого праздни-

ка. Та же великая княгиня, принявшая иночество под именем Евфросинии, основала и Вознесенский монастырь. Возникший уже после смерти Дмитрия Донского, в 1407 году, он был построен на месте княжого терема, откуда, глядя на Замоскворечье, великая княгиня глазами, полными слез, с прощальными причитаньями, провожала своего супруга и русскую рать на Дон. Вознесенский монастырь, вместо Спаса на Бору, сделался усыпальницей для ве-

Андрониев монастырь в XVIII веке.

ликих княгинь, княжен, цариц и царевен, от времени Евдокии до XVIII столетия. Таковых гробниц здесь 35. При Димитрии умер и погребен у Спаса на Бору св. Стефан Пермский, просветитель зырян.

Правление Дмитрия важно для Москвы в деле насаждения и развития различного рода отраслей техники. В это время введено было у нас огнестрельное оружие и заведен был «свой зелейный», или пороховой, завод. Примечательно, что наша столица доволь-

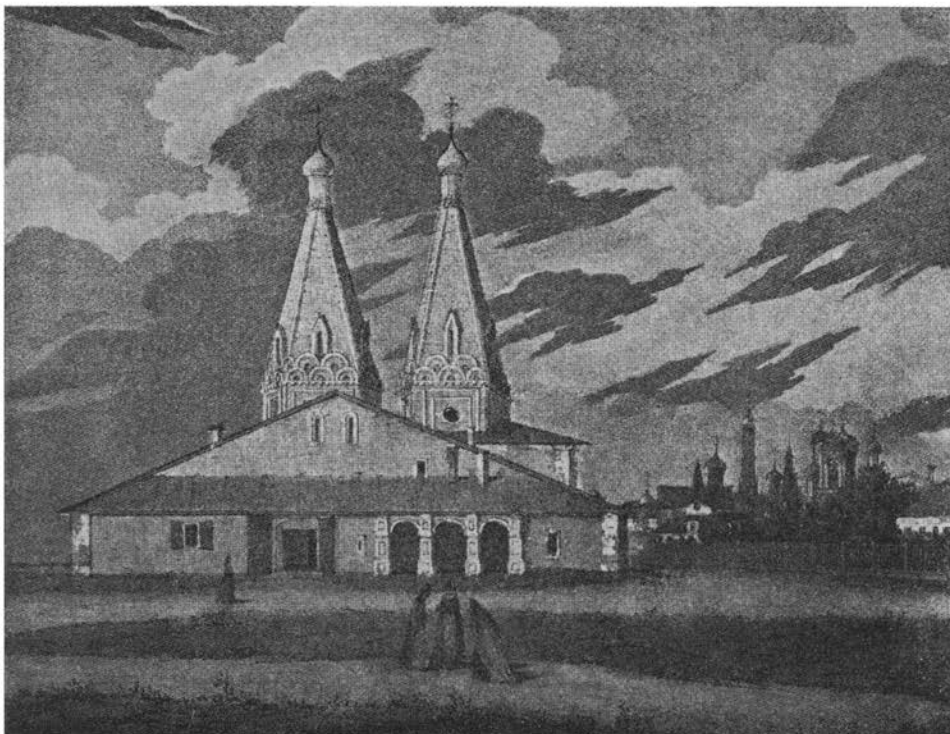
ствовала своими русскими строителями, иконописцами и литейщиками. Чеканка монеты сделала еще шаг вперед. От времени Донского до нас дошел целый ряд монет серебряных (денег) и медных (пуль) с очень разнообразными штампами, кои свидетельствуют, что в это время только еще искали эмблемы для московского герба. Здесь мы видим двух мифологических животных, поднявших друг на друга оружие, и изображение казни (вероятно, вышеупомянутого Вельяминова) и даже разных птиц и животных. Надписи на монетах то русские, то арабские, как знак еще несвергнутого монгольского ига.

Образование в Москве поддерживал митрополит св. Киприан, человек «вельми книжный». Он привез к нам много сербских рукописей, сам переводил с греческого Служебник, Псалтырь, Лествицу Иоанна и творения св. Дионисия Ареопагита, составил 9 грамот юридического содержания и положил начало летописному своду по княжениям, так называемой «Степенной книге», написал житие св. Петра митрополита и в четырех посланиях Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому рассказывал обстоятельства своей жизни, важные для истории спора о Русской митрополии. Этот святитель причтен был к лику святых и почитается в Успенском соборе.

Недолго прожил сам великий государь: скончался он еще будучи в цвете (39) лет, хотя от природы отличался он сильным телосложением и цветущим здоровьем. Летописцы особенно хвалят его за умеренность жизни и целомудрие.

Составитель жития Дмитрия очень трогательно и поэтично описывает плач по нем супруги его: «увидевши супруга своего мертвым на одре лежащим,— говорит биограф Дмитрия,— великая княгиня начала плакать, ударяя руками в грудь свою; огненные слезы лились из очей... Зачем,—воскликнула она,— умер ты, дорогой мой, жизнь моя, зачем оставил меня одну вдовой?.. Куда зашел свет очей моих? Куда скрылось сокровище жизни моей? Цвет мой прекрасный, зачем так рано увял ты? Что же не смотришь на меня, не отвечаешь мне? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный месяц, рано идешь к западу, звезда моя восточная! Где честь твоя, где власть твоя и слава? Был государем всей Русской земли, а ныне мертв и ничего не имеешь в своем владении! Много примирил стран, много одержал побед, а ныне побежден смертью!.. Юность еще не оставила нас, еще старость не постигла нас!.. Зачем оставил меня и детей своих?.. Крепко уснул царь мой... не могу разбудить тебя!..»

Этот плач художественно рисует задушевный характер этой святой и примечательнейшей женщины древней Руси. Дочь образованного суздальского князя, для которого инок Лаврентий составил список нашей Начальной летописи, она сама отличалась начитанностью и умом; иначе, умирая, великий князь не вручил бы ей такой большой власти над детьми и государством. Высокорегиозная, она была еще до принятия монашества глубокой подвижницей;

Старый Алексеевский монастырь.

аскетизм свой скрывала под видом внешнего блеска: по свидетельству современника, она всюду являлась с веселым лицом, одевалась в великолепные одежды и даже носила по несколько платьев, чтобы казаться дородной. Когда это стало смущать других и даже одного из сыновей ее, именно Юрия, тогда только она раскрыла детям тайну своей жизни. Она открыла часть своей одежды на груди, и сыновья увидели, что от чрезмерного воздержания, от усиленных подви-

гов, тело ее иссохло, почернело и прильнуло к костям. Такими глубоко симпатичными чертами рисуется нам личность этой святой княгини. Памятником ее является образ архангела Михаила, который был заказан ею одному иконописцу, по случаю явления ей этого Архистратига, и был поставлен ею в храме Рождества Богородицы

Высоко-Петровский монастырь.

на государевом дворе, на Сенях. Мощи святой княгини, в иночестве Евфросинии, почивают в соборе Вознесенского монастыря.

Но обратимся к кончине самого великого князя. Чрезвычайное напряжение сил, особенно на Куликовом поле, заметно надломило его могучие силы и преждевременно свело в могилу. Димитрий Иоаннович, по словам современников, был величав и красив; он

имел замечательное дородство; волосы на голове были черные, густые, глаза светлые, огненные...

По весне 1389 года Димитрий Иоаннович тяжело занемог, и первой его заботой было составить новое духовное завещание, в замену первого, написанного в 1370 году. Свидетелями этой «душевной грамоты» были преподобный Сергей, игумен Севастьян

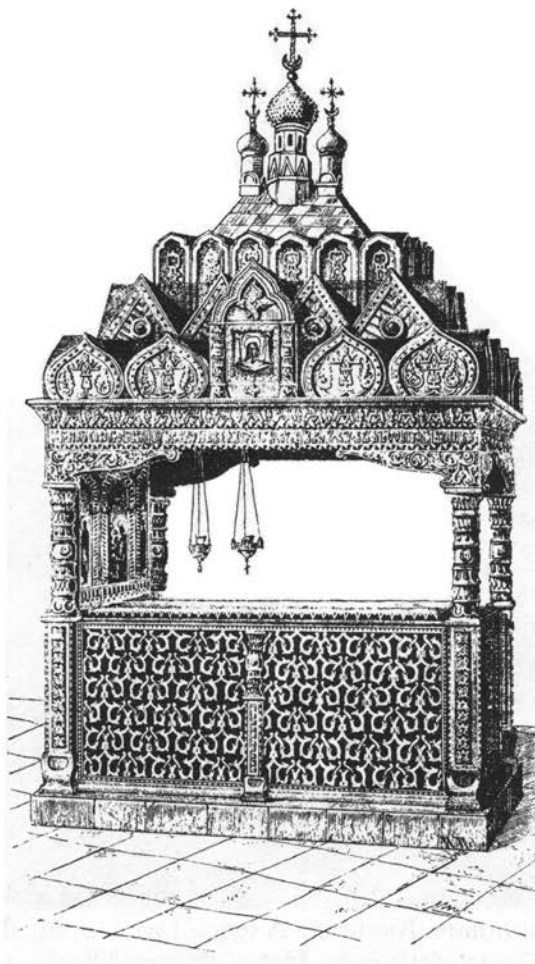

Рождественский монастырь.

и десять знатнейших бояр: Боброк-Волынский, Тимофей Вельяминов, Иван Родионович Квашня, Александр Остей, Федор Кошка, сын Андрея Кобылы и его внук Иван, Федор Свибл и другие. Приводим отрывок этой душевной грамоты в уменьшенном виде и печать великого князя.

Земли Московского княжества, а также великокняжеская казна делятся между пятью сыновьями (шестой родился уже после составления духовной, за несколько дней до смерти отца). Прежде всего в этом акте последней воли умиравшего государя обращает на себя

внимание неслыханное прежде распоряжение: Димитрий благословляет старшего сына великим князем Владимирским, как *своей отчиной*, и, устрняя от нее старших своих родичей, закрепляет ее в нисходящей линии, а старшему, по сравнению с младшими сы-

Гробница Пересвета и Ослябя в старом Симонове.

новьями, дает более земель доходов и имущества. Мелкие московские князья должны жить в Москве. Этим усиливается блеск нашего двора и расширяется влияние великого князя во владениях других князей, а народ привыкает смотреть на них, как на служилых у мо-

сковского князя, каковыми они впоследствии и стали делаться... Важную власть над детьми Димитрий Иоаннович вручает своей супруге. Боярам напоминает их верную службу, а также, «как родился пред ними, воевал врагов, землю Русскую держал, любил их самих и детей их, с ними скорбел и веселился». Вероятно, это завещание составлено под влиянием преподобного Сергия, по крайней мере, как сказано в документе, оно было писано пред лицом сего игумена.

† Воимъ оуи не на стго рха сета грѣшныи хуаин-равъ бн
 дмитри павлоуи пшн грамо ту ршануоу чѣлымъ своѣоу мѣмъ
 дитрѣ снѣмъ своѣи своѣи инаго нѣ дѣла тѣмъ бн тн сво
 еи инаго нѣ авѣ рѣтн мѣмъ бн тн своѣи инаго нѣ дѣла тѣмъ бн тн сво
 во все дѣла тѣмъ бн тн своѣи инаго нѣ дѣла тѣмъ бн тн сво
 н инаго нѣ рѣтн инаго нѣ рѣтн инаго нѣ рѣтн инаго нѣ рѣтн
 во дѣмъ рѣтн инаго нѣ рѣтн инаго нѣ рѣтн инаго нѣ рѣтн

Духовное завещание Димитрия Донского

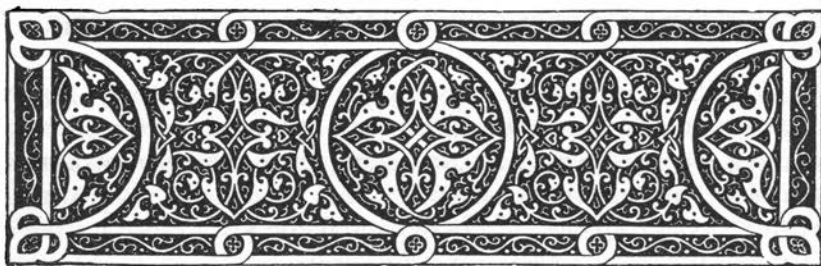
Печать великого князя.

В перечислении московских сел, урочищ и угодий мы находим следующие: Сокольничий путь, село Напрудское, Рогож, луг Ходынский с мельницей, Елох, Крутицу и другие. В ряду золотых вещей упоминаются ювелирные и басменные вещи русских и даже, может быть, московских мастеров, как, например, пояс золот Макарова дела, также пояс Шишкина дела. В Оружейной палате хранится панцирь Димитрия Донского.

На другой день по кончине, то есть 20 мая, Димитрий Иоаннович был погребен в Архангельском соборе, вблизи от могил деда и отца своего. Печальный обряд, за отъездом митрополита Пимена в Царьград, совершал гостивший в Москве греческий (трапезундский) митрополит Феогност, с русскими епископами и игуменами. В числе совершавших погребение был святой основатель Троицкого монастыря преподобный Сергей.

Надпись над надгробием гласит: «В лето (от сотворения мира) 6897 (от Р. Х. 1389), мая 19-го дня, преставися благоверный князь великий Димитрий Иванович Донской».

IV

При Василии Дмитриевиче и Василии Темном.

стория Москвы, не только по отношению к ее государственным силам, но и в других сторонах ее жизни, как-то: в церковной, образовательной, промышленной, ремесленной и т. д., пошла уже легче после тяжелой, но и важной эпохи Дмитрия Донского. После этого уже скоро Иоанн III и его сын Василий III сделали Москву единым и сильным центром всей Северо-восточной Руси, не только в политическом, но и в культурном отношении. Она стала видна и за русскими пределами.

Правление Василия Дмитриевича (1389—1425) немало подготовило для этого условий. Хотя этот великий князь остался, по смерти отца, шестнадцатилетним юношей и находился еще под опекой своей матери, но он уже был умудрен большим и разнообразным опытом: еще двенадцатилетним отроком он был послан Дмитрием Иоанновичем в орду, чтобы там тягаться о великокняжеском столе с Михаилом Тверским. Хан оставил отрока-князя в плену у себя в качестве заложника, за московский долг в 8000 рублей. Но энергичный княжич, насмотревшись на тамошние смуты, «умысли крепко с верными своими доброхоты» и бежал в Молдавию к воеводе Петру, затем был в Пруссии, где виделся с Витовтом и сговорил за себя его дочь княжну Софию и только после четырехлетнего отсутствия, в 1387 году, воротился в Москву.

Князь с таким ранним опытом, естественно, быстро вошел в политику московских князей-собирателей. По смерти отца он был возведен на Владимирский престол ханским послом Шахматом. Семнадцати лет он женился на Софье Витовтовне и потом принудил

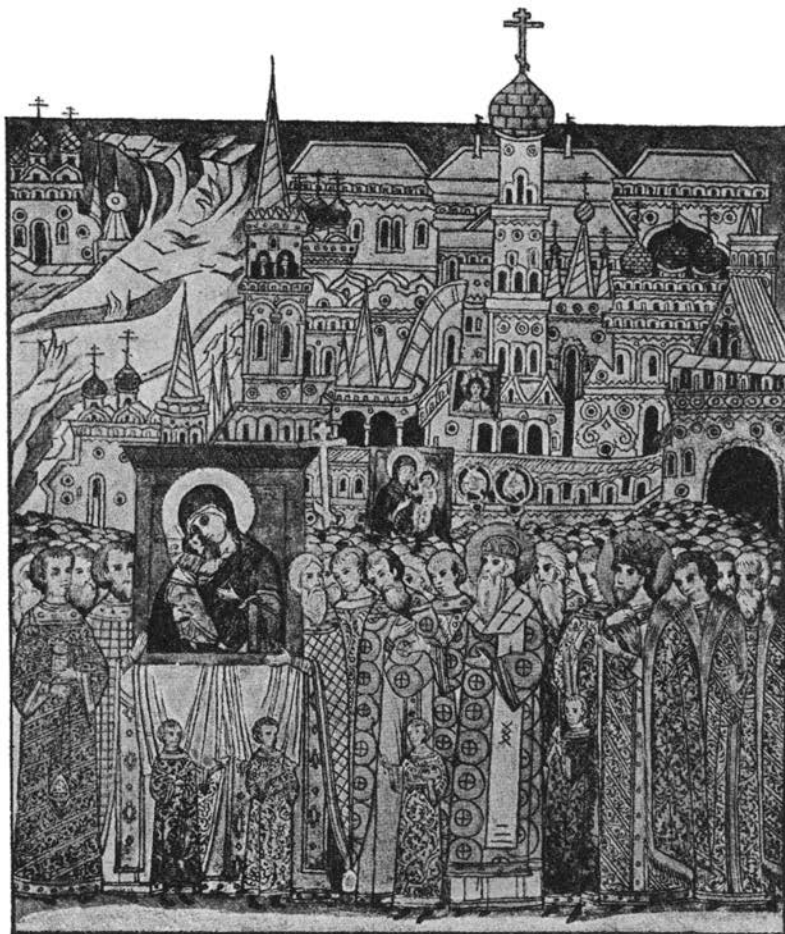
своего дядю Владимира Андреевича, уходившего даже в новгородские земли, заключив с ним договор, признать себя его братом и обязаться «всести на конь», когда придется садиться на коня великому князю; затем ездил в орду, где «умздил» Тохтамышевых князей и получил ярлык на Нижегородское княжение и присоединил его к Москве с помощью тамошних бояр, во главе которых стоял Василий Румянец. В это время Москва лишилась своего великого молитвенника и советника — преподобного Сергия (25 сентября 1392 года). Вольнолюбивых новгородцев великий князь смирял силою оружия; а когда жители новгородского пригорода Торжка убили московского доброхота, некоего Максима, то великий князь, захватив 70 тамошних жителей, замешанных в этом деле, приказал публично казнить их в Москве: им рубили руки и ноги и при этом приговаривали: «так гибнут враги великого князя».

С твердостью духа великий князь относился и к страшным татарским завоевателям: Тамерлану и Эдигею. Когда «железный хромец», покоривший Туркестан, Персию, Индию, Сирию и Малую Азию, победив могущественного турецкого султана Баязеда, направился после победы над Тохтамышем к московским границам, молодой князь поспешил собрать северное ополчение и поручил свой стольный город дяде своему князю Владимиру Андреевичу. Но спасение Москвы зависело не от оружия, а от Божией помощи; и это было важным моментом в религиозной жизни Москвы.

В то время, как народ со страхом ожидал к себе завоевателя, который на пути своем оставлял пирамиды человеческих голов, великому князю и митрополиту Киприану одновременно пришла мысль перенести из Владимира в Москву чудотворную икону Божией Матери, которая была написана евангелистом Лукою и перенесена во Владимир из киевского Вышгорода Андреем Боголюбским. Весть об этом ободрила москвичей, и они огромными толпами, с митрополитом во главе, великокняжеской семьей и князем Владимиром, вышли навстречу Заступнице на край Москвы, на Кучково поле, и со слезами молились пред иконой. В 1895 году Москва торжественно отпраздновала пятисотлетие этого достопамятного события.

В это самое время, испуганный видением Небесной Девы, предшествуемой святителями и окруженной легионами ангелов, Тамерлан поворотил назад от Ельца в степи. Потеря чудотворной иконы, которая и теперь находится в нашем Успенском соборе, еще более ослабила авторитет стольного Владимира. На месте встречи иконы построен был Сретенский монастырь и установлен был, совершаемый и теперь, 26 августа, крестный ход. Делал нашествие на

Москву и Эдигей, победитель Витовта на Ворскле, за то, что Василий Димитриевич не хотел платить ему дань; подходил он и к кремлевским стенам, но, боясь огнестрельного оружия, не решился на приступ и расположился лагерем на зимовку в селе Коломенском.

Встреча Владимирской иконы в Москве.

Но тревожные вести из Сарая заставили этого хана возвратиться в орду. Мы приводим ниже рисунок, изображающий последовавшее за этим возвращение великого князя в Москву и его свидание с князем Владимиром Андреевичем.

В это княжение Москва двукратно погорала: 22 июня 1390 года, на посаде (впоследствии Китай-город) «неколько тысяч дворов сго-

Владимирская икона
Богоматери.

благодаря трудам митрополитов Киприана, Фотия, а также Епифания Премудрого, Кирилла Белозерского и других. Многие рукописи данной эпохи обильно украшены прекрасными миниатюрами, орнаментом, или узорочьем, заглавными буквами и заставками. Здесь искусные мастера рукописного дела проявляли немало самобытного русского творчества. В это время в Москве, кроме пергамента, продолжали писать на бумаге хлопчатой и тряпичной. Таким образом русское зодчество и живопись в Москве успешно продолжали развиваться.

Храмовая история Москвы, кроме упомянутых выше монасты-

ре». Через 5 лет в том же посаде снова «сгоре неко- лико тысяч дворов». Так велика уже была в это время Москва и, благодаря обилию в ней сил, столь быстро возрождалась.

Вообще наши историки склонны уменьшать проявления жизненных и культурных сил Москвы в эту эпоху. Между тем это не оправдывается фактами. Напротив, из летописных свидетельств того времени ясно видно, как росла Москва не только в числе своих жителей и военной силе, но и в других отношениях.

Несмотря на то, что татары Тохтамыша пожгли массу рукописей и книг, кои с разных сторон «были спроважены в Москву, сохранения ради, и были наметаны в церквах до тропа (стропа или свода)», русская письменность в это княжение поднялась опять,

Великий князь Василий Дмитриевич и его дядя Владимир. (Рис. В. В. Верещагина).

рей Вознесенского, Рождественского и Сретенского, обогатилась еще новыми сооружениями.

Василий Димитриевич построил на дворе своем церковь Благовещения, которая стала придворною великокняжескою. В ней совершались крещение членов государевой семьи и их бракосочетания (венцы брачные хранятся теперь в Успенском соборе). Сюда великий князь перенес найденную заделанной в стене Суздальского собора святыню — «Страсти Господни», именно часть крови Спасителя, камень от гроба Его и терновый венец.

За храмом Благовещения, на башне великокняжеского дворца, в 1404 году Василий I устроил первые в Москве боевые часы, которые за 150 рублей (около 30 фунтов серебра) поставил пришедший с Афона сербин Лазарь. На часах была сделана механическая фигура человека, выбивавшего молотом каждый час. Народ дивился этому, как чуду. Летопись говорит об этих часах: «сей же часник наречеса часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размера и разсчитая часы нощные и денные: не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено...»

Заведенное в Москве собственною рукою св. Петра митрополита иконописное художество продолжало развиваться, и число «друзин русских иконников» в Москве умножалось. В среде их продолжал работать знаменитый Андрей Рублев, писавший для Троицкого собора иконы. Его кисть ценилась так высоко, что писанные им иконы более 150 лет служили, как свидетельствует Стоглав, образцами для русских художников-иконописцев и назывались «рублевыми». По летописным известиям, в 1405 году вместе со старцем Прохором из Городца, вероятно, Радонежского, и Феофаном Гречиным Андрей Рублев расписывал придворный Благовещенский собор. Можно думать, что древние фрески, ныне открытые в каменном соборе, были копиями с рублевских. Тот же Феофан и Симеон Черный с учениками расписывали и церковь Рождества Богородицы, что на государевом дворе. Поступивши в Андроников монастырь, Андрей Рублев потрудился для иконописи и этого монастыря, где и был погребен. Кроме него, иконописным искусством в Москве славились еще Игнатий, Даниил Черный и Кнаш.

Вместе с тем в Москве стали теперь развиваться разные ремесла, как, например, литейное, чеканное и даже ювелирное. Относительно первого любопытно следующее известие Псковской летописи.

Монеты Василия I.

Печать кн. Патрикеева.

В 1420 году псковичи наняли какого-то Феодора с дружиной покрыть свой Троицкий собор новыми свинцовыми досками за 44 рубля; но ни во Пскове, ни в Новгороде не нашлось такого мастера, который бы умел отливать такие доски. Послали к немцам в Юрьев, а те мастера не дали. Тогда из Москвы, от митрополита Фотия, был прислан искусный мастер; он научил псковскую дружину лить доски и уехал назад. Очевидно, Москва, рядом с политическим своим совершенствованием, шла вперед и в технике разного рода. Так, здесь процветало искусство делать украшения для икон из дорогих металлов, камней, жемчуга и финифти; особенно славились изделия некоего Парамши, золотых дел мастера. В духовных грамотах московских князей (с Иоанна II до самого Василия I) не раз упоминаются золотые иконные оклады и кресты работы этого ювелира, равно как и некоторых других. Василий Дмитриевич в своем духовном завещании упоминает о поясе золотом с камнем, который сковал сам («Собр. Госуд. грамот и договоров», т. I, стр. 73).

Чеканка монеты при Василии I тоже подвинулась вперед. Мы имеем 17 разных чеканов серебряной монеты этого времени. Надписи и штемпеля на них свидетельствуют уже о подъеме государственного сознания. Так, кроме надписей: «князя великого Василия», или — «Василия Дмитриевича», мы встречаем здесь и следующие слова: «Князя Василия всея Руси». Хотя на монетах его в арабских легендах упоминается и имя хана Тохтамыша, но указанная надпись свидетельствует, что годы нашей зависимости от Золотой орды уже были сочтены.

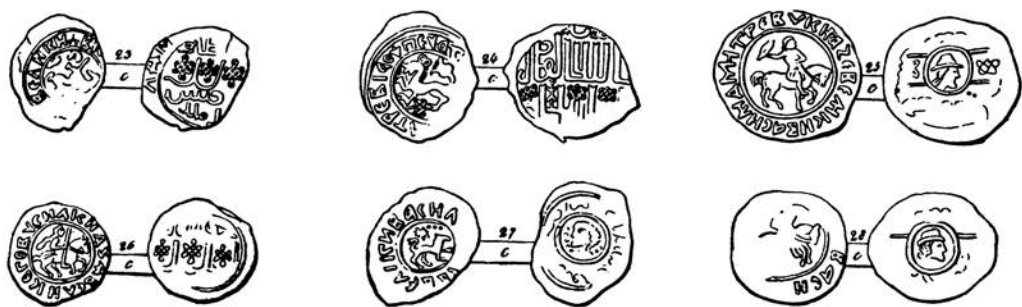
Примечательны также на некоторых монетах этого князя эмблемы воинственного характера: схожий с литовским гербом всадник. Этот конник, но не с мечом, а с копьём, как увидим ниже, изобра-

жен на печати этого князя. Недостает только дракона под ногами коня, чтобы вполне сформировалась та эмблема, которая стала гербом Москвы. Но и дракон под конем появляется скоро, именно — на монетах Василия II.

На монетах же Василия I преобладает мирный конник, именно — сокольничий с птицей в руке. Всадник этого последнего типа встречается чаще первого и не сходит с монет и последующих княжений, как бы конкурируя с конником военного типа и вместе с тем как бы готовясь стать государственным гербом Москвы. Заслуживает внимания нумизматов и вообще археологов то, что эта эмблема совпадает с русским иконографическим изображением св. мученика Трифона, тоже с соколом в руке. В честь его была построена церковь в селе над Великим прудом, или просто в Напрудском, которое упоминается в целом ряде духовных завещаний, начиная с Иоанна Калиты, и которое лежало «на Сокольничьем пути», о коем тоже весьма заботливо говорят великокняжеские завещания («Государственные грамоты и договоры». Т. I). Позднейшие устные сказания, передающие поэтическое предание о построении здесь церкви царским сокольничим, приурочивают это к царствованию Иоанна Грозного и даже Алексея Михайловича. Но никакого нет сомнения, что здесь уже при Калите существовал храм: это видно из того, что Напрудное называлось селом; а село отличается от деревни именно церковью. Искусственное гидравлическое сооружение здесь Великого пруда указывает на то, что это урочище очень ценилось великими князьями. По преданию, именно здесь происходила охота государей с соколами и кречетами «на мокрую», или водяную, птицу, тогда как «на верховую птицу» они охотились в Сокольниках. Наверно, в селе над Великим прудом издавна, еще до Василия I, жили великокняжеские сокольники и другие ловчие. Вот почему знатокам русских древностей следует обратить внимание на совпадение нумизматического и даже геральдического изображения всадника с соколом в руке с иконографическим изображением его в церкви бывшего села Напрудного. Это обещает немало интересных выводов. Приводим выше две монеты Василия I с изображением конного сокольника и печать князя Патрикеева, конца этого столетия, с таким же гербом.

Подвигаясь в развитии различных отраслей техники, Москва при Василии I пыталась усилить себя и в военном отношении еще новою крепостью. Наряду с каменным Кремлем, с его «забралами градными, вратами железными и стрельницами, замыслиша в 1394 году укрепление посада», то есть Китай-города. Из летописи не-

видно, замышлено ли было поставить здесь каменные стены или деревянные и даже земляные, но судя по тому, что не остановились пред огромными даже убытками, крепостные сооружения должны были стать весьма серьезными. Вот что по этому поводу говорит летопись: «замыслиша ров копати и почаша с Кучкова поля (от Сре-тенского монастыря), а конец в Москву-реку, шириною в сажень, а глубиною в рост человека. *Много бысть убытка людям, потому что поперег дворов копаша и много хором разметаша*». Но это, очевидно, очень большое предприятие, к сожалению, не имело успеха; лето-

Монеты Василия I.

пись к приведенным словам прибавляет: «а не учиниша ничтоже и ничего не доспеша». Так посаду и пришлось еще долгое время стоять без укреплений; и при вражеских нашествиях, из опасения «примету (осады)» Кремля, посадские дома не раз приходилось сжигать, а жителям, если не хватало места за кремлевскими стенами, прятаться в лесах. Но Москва вошла уже в такую силу, что и после таких пожаров с удивительною быстротою поднималась из пепла. Она в это время уже имела значительное количество улиц. Самая большая из них называлась *Великою* и шла мимо Кремля, вдоль Москвы-реки, до местности (Васильевского луга), занимаемой теперь Воспитательным домом. Странно, что наши историки вскользь говорят о всех указанных нами проявлениях культурного роста Москвы. Быстрота же его имеет тем большую для нас цену, что он шел и самобытно и среди очень неблагоприятных условий. Москву все еще сильно теснили и орда, и Литва, и разные удельные князья; несмотря на это, она быстро преуспевала в разных отраслях своей жизни.

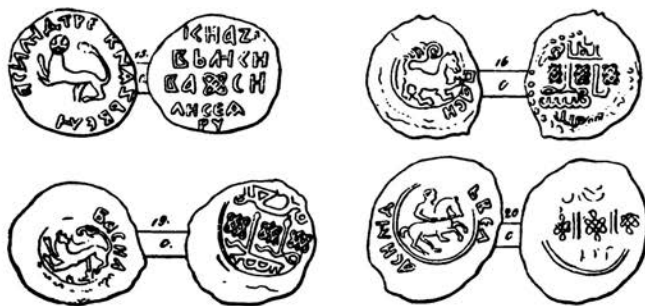
Чрезвычайно интересно дошедшее до нас современное портретное изображение великого князя Василия Димитриевича и его супруги. Оно находится на саккосе митрополита Фотия, хранящемся в патриаршей ризнице. Это облачение покрыто с обеих сторон вышитыми по голубому атласу золотом, серебром и шелком изображениями святых и праздников; но, что особенно для нас любопытно, — на передней стороне саккоса, внизу его, изображены направо от

Современные портреты Василия Димитриевича
и Софьи Витовтовны.

зрителя: московский великий князь Василий Димитриевич и его супруга Софья Витовтовна, а налево — греческий император Иоанн Палеолог и его супруга императрица Анна, дочь Василия I и Софьи (раньше этого брака Василий I посылал его отцу, теснимому турками, большие дары, состоявшие из серебра); рядом с византийским

императором изображен и сам митрополит Фотий. Три последние лица обозначены греческими надписями, а наши великие князь и княгиня — славянскими. Василий I на этом портрете имеет мужественное лицо, с черными усами и умеренною бородою, раздвоившеюся в конце. На нем низко подпоясанный кафтан красного цвета с клетками и узкие зеленые шаровары, запрятаные в высокие сапоги из красного сафьяна, в трех местах перехваченные застегками; сверху накинута довольно короткий плащ, или «приволека», зеленого цвета, с золотыми разводами, на синей подкладке. На правой руке видно золотое запястье; этою рукою он держит скипетр, унизанный жемчугом. На голове великого князя сквозной золотой венец,

Монеты Василия I.

с крестами сверху и с красной бархатной тульей. На великой княгине Софье род сарафана из серебряной парчи, с красными клетками в золотых рамках; сарафан украшен золотым ожерельем, с таким же передником и поясом. Сверх сарафана шубка, или длинный плащ, золотой, с серебряными кругами и синими и красными крестами. На княгине венец почти такой же формы, как на ее супруге. Это изображение весьма важно не только в иконографическом отношении, но и для истории московских одежд. Император Иоанн Палеолог и его супруга изображены в византийском царском облачении, с нимбом, или венцом святости, вокруг головы. Митрополит Фотий представлен в золотом саккосе, с крестами в красных кругах; сверх саккоса омофор серебряный, с золотыми крестами. Голова Фотия не покрыта, видны густые черные волосы и окладистая борода; вокруг головы такой же нимб, как и у других изображенных святителей.

Великокняжеские печати.

Василий Дмитриевич от Софьи Витовтовны имел пятерых сыновей и четырех дочерей, а именно: Юрия, Ивана («зело превозведенного ему»), Василия, Даниила и Симеона; дочерей: Марию, бывшую за боярином и воеводой князем Юрием Патрикеевичем (сыном литовского князя Патрикее Наримонтовича), Василису, бывшую в первом браке за Александром Брюхатым, а во втором за Александром Вземнем, князьями суздальско-нижегородскими, Анну, выданную за византийского императора Иоанна Палеолога, и Анастасию, бывшую за киевским князем Александром (Ольком) Владимировичем, внуком Ольгерда.

Наследником, по второй духовной Василия I, за смертью всех других сыновей объявлен был, под опекой его матери и деда Витовта, Василий Васильевич. Ему всего было десять лет, когда умирал его отец. Никоновская летопись рассказывает о рождении его следующее. Когда во время родов великая княгиня стала изнемогать и, казалось, умирает, великий князь послал в храм Иоанна Предтечи к известному ему святостью жизни старцу и просил помолиться о роженице. Тот сказал, чтобы государь молился Богу, его Пречистой Матери и покровителю великокняжеского рода — Логину-сотнику, а о княгине бы не скорбел, потому что она выздоровеет и в этот же вечер родит ему сына. Когда это последнее сбылось, в келью великокняжеского духовника, у Спаса на Бору, кто-то стукнул и сказал: «иди, нарцы имя великому князю Василию». Духовник, взявши необходимое, вышел из кельи, но посланного не нашел. Идя в великокняжеский дворец и встретив на дороге посланного, узнал, что тот у него еще не был и лишь только первый идет

к нему, никого другого не посылали из дворца. «Мне же,— говорит летописец,— о сем Стефан диак сказа, а о прежнем проречении старец Дементий печатник, а сему поведана великая княгиня Мариа (супруга Василия II)».

Великий князь Василий Дмитриевич погребен в Архангельском соборе, около южной стены. На надгробии сделана следующая надпись: «В лето 6933—1425 года, февраля в 27 день, преставился благоверный князь великий Василий Дмитриевич».

Здесь мы приводим две печати этого великого князя: одну с изображением его ангела Василия Великого, другую — всадника с копьем в руке.

История княжения Василия Васильевича (1425—1462) ясно показывает нам, что даже междоусобия уже не в силах были сокрушить могущество Москвы, созданное ее великими князьями — собирателями Руси. Из ряда потрясений этого времени наша столица вышла едва ли не сильнее, чем какой перешла в руки Василия Темного.

Мы не станем следить за подробностями происшедшего в это время первого и единственного в роде Иоанна Калиты междоусобия. Несмотря на то, что митрополит всея Руси Фотий с духовенством, московские бояре и сам народ твердо стояли за Василия II как наследника великокняжеского престола по прямой нисходящей линии, дядя его, Юрий Дмитриевич, со своими сыновьями поднялся против нашего князя, хотя сама Золотая орда, в лице своего хана Улу-Махмета, приняла его сторону; и ханский посол «саядал Василия на великое княжение у Пречистыя, у Золотых дверей (Успенского собора)», то есть присутствовал при венчании его великим князем (не во Владимире, как бывало прежде, а в первый раз в Москве).

За Юрием Дмитриевичем, еще после смерти Василия I, ходил в Звенигород митрополит Фотий звать дядю в Москву, присутствовать «при торжественным вокняжении» его десятилетнего племянника. Желая поразить владыку массой своего народа, этот князь собрал городскую чернь и крестьян соседних волостей и выставил эти толпы на горе, подле города. Но хитрость эта была разгадана митрополитом, и он сказал Юрию: «сыне, никогда я не видал столько народа в овечьей шерсти!», давая понять, что от крестьянских тулупов до ратных доспехов еще далеко. Князь, однако, не пошел в Москву на торжество «вокняженья» племянника, хотя и заключил с ним мирный договор.

Несмотря ни на что, Юрий Дмитриевич, подстрекаемый перешедшим к нему из Москвы боярином Всеволожским, на дочери которого обещал было жениться Василий II, и своими сыновьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым, с которого на великокняжеской свадьбе Софья Витовтовна велела сорвать пояс Донского, силой овладел Москвой и великим княжением. Несколько раз Василию Васильевичу приходилось то силой, то хитростью отнимать Москву сперва у Юрия, а потом у его сыновей.

Великие князья Василий Темный и сын его Иоанн.

Эта борьба отмечена и вероломством, и кровопролитием, и жестокостью, как, например, ослеплением Василия Косого и самого Василия II. Но среди этих печальных явлений мы видим и отрадные. Москва в это время уже обнаруживает свой ясный государственный смысл: она крепко стоит за враждебный удельной системе принцип наследования престола по прямой нисходящей линии и энергично поддерживает своего прирожденного государя-

князя. Так, когда Юрий сел на московском великом княжении и Василий получил в удел себе Коломну, наши бояре, дворяне и народ стали покидать торжествующую сторону, отказываясь служить новому князю, и стали массами уходить к отчичу и дедичу в Коломну, к Василию Васильевичу; там стало тесно от переполнявшего город народа. Юрий, покинутый всеми, должен был уйти из Москвы. Впоследствии, когда ослепленный Василий уже был заточен в Углич, опять в Москве поднялась народная волна в пользу законного наследственного государя. Стрига Оболенский, Ряполовский, Феодор Басенок и другие служилые люди, уйдя из Москвы на западную границу, решились освободить Василия Васильевича из Углича и стали собирать для него войска против Димитрия Шемяки.

Особенно велика была поддержка принципу наследственного единодержавия со стороны Церкви и ее первостоятеля — святителя Ионы. Он был иноком в Симоновом монастыре и нес послушание «в пекальнице», или хлебной; этот достойнейший преемник святых Петра и Алексия энергично стоял за законного государя Василия Васильевича. Когда восторжествовал над ним Шемяка, Иона, бывший в то время еще только рязанским владыкой, печалился о своем заточенном великом князе и его сыновьях, находившихся в Муроме, под защитой князей Ряполовских.

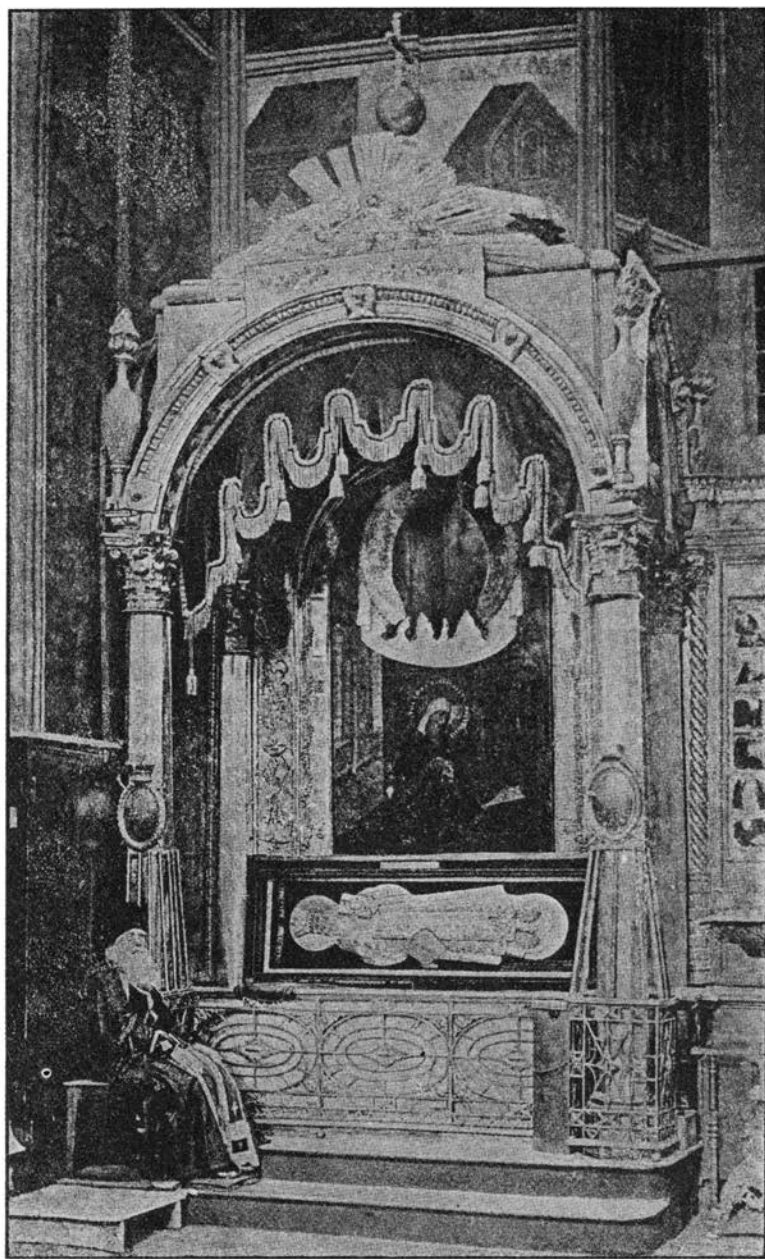
Получив от узурпатора обещание, что Василий Васильевич будет освобожден и княжичам его не будет худа, святитель отправился в Муром и там в соборе «из пелены у Пречистыя взял на патрахель свою» княжичей-сыновей своего государя. Когда Шемяка не сдержал своего слова, не отпустил угличского заточенца, то св. Иона обличал его за то, что он сделал святителя орудием своего обмана. «Что тебе может сделать слепец? — говорил иерарх. — Дети его еще малы; укрепи его крестным целованием и нашей братией — владыками». Когда Василий II, получив свободу, пришел в Кирилово-Белозерский монастырь, куда собрались к нему многие бояре и дети боярские, игумен этого монастыря Трифон разрешил князя-слепца от «проклятых (то есть клятвенных)» грамот, которые тот дал Шемяке. Василий, снова утвердившись в Москве, когда узнал, что Шемяка, вопреки договору своему, стал мутить москвичей через своих тиунов, отдал это дело на суд собору епископов. Тогда св. Иона от лица русских святителей писал Шемяке укорительное послание, скрепленное подписью пяти владык. Послание напоминает Шемяке грех отца его Юрия, сравнивает его с братоубийцей Каином и Святополком, ослепившим Василька Ростиславича; упрекает его в клятвопреступлении и в измене, разбойничьем нападе-

нии на великого князя и ослеплении последнего и, в случае нового междоусобия, грозит Шемяке отлучением от Церкви. Послание это увещевает всех быть верными и послушными своему «государю» — великому князю, и грозит тоже отлучением тем, «кто не добьет челом своему государю».

Москва при Василии II видела важные церковные события: это изгнание из Успенского собора митрополита — паписта, подписавшего Флорентийскую унию, и постановление, вместо Цареграда, в Москве, русскими святителями в митрополиты всероссийские, русского иерарха святого Ионы.

После смерти грека — митрополита Фотия, константинопольский патриарх и император, замыслившие подчинить греческую Церковь власти Римского Папы, поспешили поставить на первосвятительскую кафедру грека Исидора. Новый митрополит был орудием предстоявшей унии между Церквями. Едва явился он в Россию, как уже стал собираться на мнимый восьмой вселенский собор во Флоренции. Великий князь долго не пускал его и дозволил ему отправиться в Италию, дав строгий наказ не приносить оттуда ничего нового. Но на Флорентийском соборе митрополит явился ревностным сторонником папы и унии и сделан был легатом от ребра (*a latere*) апостольского в землях Лифляндских, Литовских и Русских. На обратном пути Исидор еще с дороги разослал по России окружное послание об унии, призывая христиан обоих исповеданий безразлично ходить в православные и латинские храмы и приобщаться одинаково в тех и других. По возвращении в Москву он начал именоваться папским легатом, велел носить пред собой латинский четырехконечный крест (крыж) и три палицы серебряные, а в молитве поминать Папу прежде Вселенских Патриархов. В Успенском соборе он приказал торжественно прочесть грамоту о соединении Церквей, в которой говорилось, что Дух Святой исходит и от Сына, что опресноки могут претворяться в тело Христово, что усопших ожидает чистилище и проч. Все эти новшества, составлявшие, по русским убеждениям, главные заблуждения *латинской ереси*, как измена православию, произвели соблазн в духовенстве и народе. Великий князь тут же, в самом Успенском соборе, назвал Исидора не пастырем и учителем, а «папским прелестником и волком» и велел заключить его под стражу в Чудовом монастыре. В 1441 году он был осужден Собором Русских Епископов, но бежал из-под стражи в Рим, где получил красную кардинальскую шапку от Папы. Это был последний на Руси митрополит из греков.

Когда Василий окончательно утвердился на великокняжеском

Рака святителя Ионы.

престоле, он решился возвести св. Иону в митрополиты. Так как в Цареграде продолжали униата Исидора признавать митрополитом, то великий князь, без участия константинопольского патриарха, приступил к этому делу и для этого созвал в Москве Собор Епископов. Сюда прибыли владыки Северо-восточной Руси: ростовский, суздальский, коломенский и пермский, а владыки новгородский и тверской прислали свои грамоты с изъявлением согласия на поставление Ионы. Соборные совещания епископов, архимандритов, игуменов и прочего духовенства происходили в Архангельском соборе. Вспомнив, кроме канонических правил, русские примеры избрания в митрополиты Илариона и Климента, остановили свой выбор на св. Ионе и, наконец, 5 декабря 1448 года, во время торжественной литургии, возложили на Иону митрополичий омофор и дали ему в руки великий посох первосвященителя Петра, находящийся ныне в Успенском соборе. Новый митрополит разослал по всей Руси окружное послание о своем поставлении. Впрочем, некоторые из духовных лиц высказывались против такого избрания. Так, игумен Пафнутий Боровский не велел в своей обители называть св. Иону митрополитом. Новый владыка вызвал его в Москву, наказал его своим жезлом и заключил в оковы. Пафнутий смирился и был отпущен в свой монастырь. Воспроизводим печать св. Ионы. Мощи этого святителя почивают в Успенском соборе, и он почитается особым и преимущественным молитвенником о наших государях.

Вышеприведенные печальные события не помешали, однако, развиваться Москве как городу. Храмовая ее стихия все росла. Василий II вместо пришедшей в ветхость церкви Иоанна Предтечи под Бором, где жил первоначально св. Петр митрополит, построил новую каменную. Митрополит Иона выстроил на своем митрополи-

чем дворе новую каменную палату и храм Положения Ризы Пресвятой Богородицы. Эта небольшая церковь была построена в новгородско-псковском стиле. Поводом к этому были следующие обстоятельства: после бегства Шемяки в Новгород, казанские татары подступили к Москве, а великий князь, оставив город св. Ионе и матери своей Софье Витовтовне, уехал на Волгу собирать войско. Враги выжгли посады. Перед приступом был совершен крестный ход вдоль кремлевских стен. Татары стали осыпать осажденных стрелами. Св. Иона обратился к инок Чудова монастыря Антонию Клозыне, прося и его помолиться; он отвечал: «ты великий архiereй, твои молитвы не презрит Богородица, город будет спасен, а я один буду убит». Антоний тут же упал, насмерть пораженный стрелой, а татары, услышав какой-то шум вдали и думая, что идет великий князь, ушли из Москвы. Это совершилось в 1451 году, 2-го июля, в праздник Положения Ризы. Спустя четыре года, в память победы над татарами на Оке, митрополит в Успенском соборе устроил придел Похвалы Богородицы, перенесенный при Иоанне III в юго-восточную главу собора, где он находится и теперь и куда ведет каменная лестница из придела Димитрия Селунского. Сам великий князь при церкви Иоанна Предтечи, близ Боровицких ворот, построил тайник, где впоследствии хранилась погибшая, однако, во время пожара казна Софьи Фоминишны Палеолог.

В это же княжение основан Крестовоздвиженский монастырь в Белом городе, между Кремлем и Арбатскими воротами, отчего улица стала называться Воздвиженкой. На месте этого монастыря находился окруженный большими садами дом боярина Владимира Григорьевича Ховрина, любимца и казначея великокняжеского. По ослеплении Василия II, он на месте приходской церкви основал монастырь, в коем сам принял иноческий постриг. Во время одного нашествия татар он со своими монахами вооружился и соединился с войском воеводы князя Юрия Патрикеевича и способствовал победе над неприятелем.

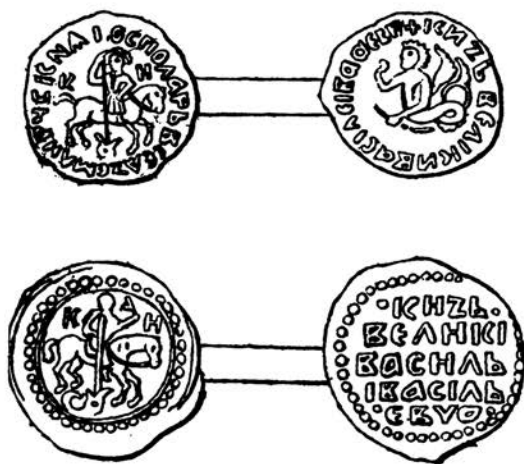
В 1456 году Василий Васильевич, по просьбе Смоленского епископа Михаила, возвратил в Смоленск икону Божьей Матери, привезенную оттуда Софьей Витовтовной и находившуюся в придворном Благовещенском соборе. Икону проводили 28-го июля торжественным крестным ходом, в коем участвовал великий князь со своим семейством, митрополит Иона и множество народа, до церкви Саввы Освященного, на Девичьем поле.

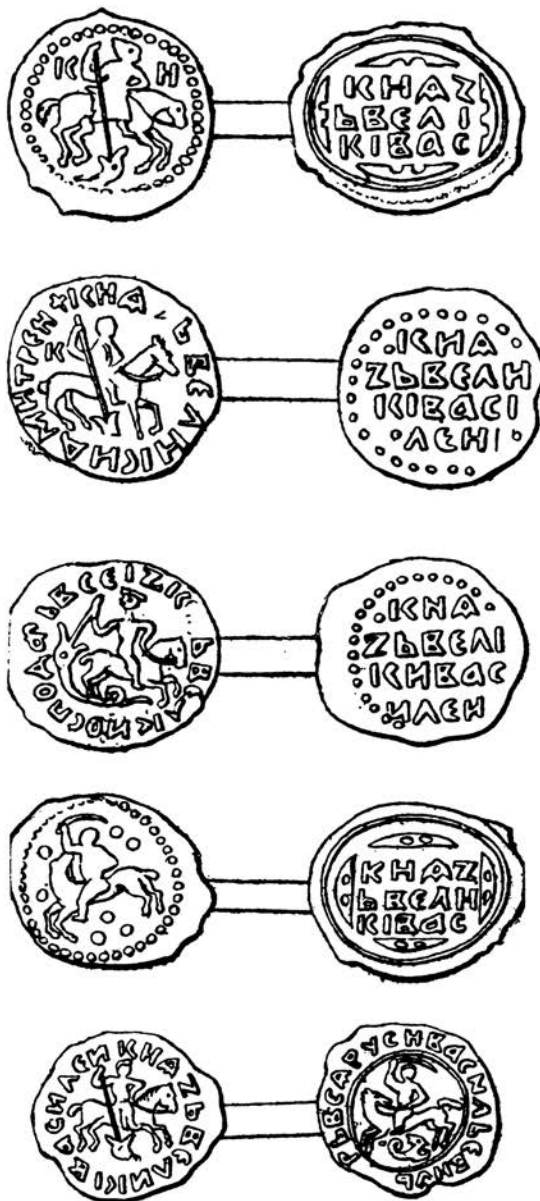
В это время Кремль был уже значительно застроен княжескими, боярскими и владычими дворами. Там находились следующие ар-

хиерейские и монастырские подворья: Симоновское — у Никольских ворот, Кирилловское — у Фроловских ворот и рядом с ним Крутицкое — против Вознесенского монастыря, Троицкое — у Троицких ворот, а вне Кремля Угрешское — у церкви св. Петра Чудотворца на городе, и Коломенское — на Подоле. При подворьях были деревянные и каменные церкви.

Москва и при Василии II подвергалась опустошительным пожарам. Когда она плакала о пленении его Улу-Махметом, ханом Казанским, в Кремле сделался такой сильный пожар, что не только деревянные здания, в том числе и дворец великокняжеский, но даже и каменные церкви и стены местами рушились, и народу погибло 3000 человек.

Семейству великого князя негде было жить, и оно должно было удалиться в Ростов. Когда Василий II был отпущен из плена за большой выкуп (по одному свидетельству в 200 тысяч), в Москве произошло землетрясение. Оно было непродолжительно, однако колебание почвы было очень заметно и навело страх на жителей. Впрочем, стольный город встретил великого князя с большим торжеством. Но нерадостен был его въезд в столицу, которая еще не успела оправиться от недавнего пожара. Великий князь принужден был остановиться за городом, на Ваганькове (где теперь Румянцевский музей), в доме своей матери, а потом занял в Кремле двор князя Юрия Патрикеевича; великий князь, утешая москвичей, говорил: «Не унывайте, пусть каждый ставит хоромы на своем месте, а я рад вас жаловать и дать вам льготы».

Монеты Василия II.

Несмотря на все эти беды, в Москве продолжали развиваться разные отрасли техники, в особенности чеканка монеты. Деньги этого княжения превосходят предшествующие и своей выработкой, и разнообразием штемпелей и подписей. До нас дошло 87 разных монетных чеканов Василия Темного. По части надписей укажем на то, что этот великий князь первый стал выбивать на монетах титул: «господарь всея Руси». Из всей массы штемпелей мы отметим только то, что здесь повторяются появившиеся в предшествующее княжение всадники и с соколом, и с копьем в руке. Но копейный всадник на монетах Василия II уже, чего прежде не было, поражает дракона; эта эмблема при Иоанне III окончательно делается государственным гербом Москвы и, при религиозном характере нашей геральдики, отождествляется с Георгием Победоносцем, ангелом основателя Москвы. Кроме всадников этого типа встречается в это время еще и всадник-мечник, с поднятым над головой мечом, похожий на литовский герб. Оставляя в стороне изображение мифологических животных, людских голов и фигур и прочего, мы должны еще упомянуть о нумизматическом изображении князя на престоле не с крестом в руке, как на киевских монетах, а с мечом. Все это свидетельствует о росте государственного сознания в Москве и о развитии монетного дела. Воспроизводим монеты Василия II с изображением всадника, поражающего дракона, и всадника-мечника.

В 1445 году великий князь с ратью пошел навстречу татарам к Суздалю. Он расположился здесь станом и 6-го июля весело поужинал в своей палатке с князьями и боярами и пировал с ними до утра. Вставши от сна, когда уже взошло солнце, он велел служить заутреню и после нее хотел опять лечь отдохнуть. Вдруг пришла весть, что татары уже переходят через речку Нерль. Василий облекся в доспехи и, распустив знамена, двинулся с князьями в поле.

Великий князь, напомилавший храбростью деда своего Дмитрия Донского, стремительно ударил на татар, которые были вдвое многочисленнее русских, и разбил их. Но наши оплошали и разбрелись за добычей. Тогда татары, оправившись, ударили на них. Василий мужественно отбивался, но получил многие раны и ушибы; только благодаря крепкому панцирю и шлему они оказались не опасными. Но наши были побиты, и сам Василий Васильевич был взят в плен. Татары сняли с него даже крест-тельник и отослали его в Москву к великим княгиням — жене и матери. Впоследствии он был отпущен из плена. Но после своего ослепления великий князь

уже утратил охоту к боям и весь был поглощен делами государственного управления.

В 1450 году слепец-князь сделал соправителем своего сына Иоанна, и грамоты стали исходить от имени двух великих князей.

В своем духовном завещании, укрепляя за ним великокняжеское достоинство, Василий наделяет этого сына своего огромными, по сравнению с другими сыновьями, землями и тем упрочивает в Московском государстве единодержавие. По этой духовной лучшая большая часть недвижимой собственности передается великому князю.

В 1462 году Василий Васильевич разболелся *сухотной болезнью* и приказал на разных местах тела жечь трут — обычное в то время средство против названной болезни, как видно из тогдашних лечебников, так называемых «Добропрохладных вертоградов». На теле открылись раны, которые начали гнить. Предвидя скорый конец жизни, великий князь хотел принять иноческий чин и схиму, но его от того удержали.

Василий II погребен в Архангельском соборе, возле иконостаса, близ южных дверей. Надгробная надпись гласит: «В лето 6970—1462 марта в 28 день преставися благоверный и христолюбивый князь великий Василий Васильевич Темный».

Воспроизводимые в качестве памятников того времени две печати принадлежат одна великому князю Василию II, а другая его сопернику Димитрию Шемяке. На первой изображена голова в короне, на другой — витязь в шлеме.

V

При Иоанне III

ри Иоанне III, после двухсотлетнего существования, Москва вступает в новый период своего исторического бытия. Становясь из великокняжеской столицы — царской, хотя этот государь и не принял еще царского титула, она, в соответствие своему внутреннему могуществу и всероссийскому значению, изменила многое в своей внешности: новые величавые стены и бойницы Кремля, новый первопрестольный собор Успения, вновь выстроенная усыпальница государей — храм архангела Михаила, невиданная каменная Грановитая палата и другие палаты государя, множество новых церквей и домов белокаменных, новый государственный герб на печатях и монетах и многое другое — все это возвещало новую историческую эпоху. Но эта новизна не резала глаз своим отличием от великокняжеской старины: она не знаменовала какого-нибудь крутого внутреннего переворота в духе и сердце России вроде реформы Петра I, а просто накопление внутренних сил Москвы органически, в прежнем историческом национальном духе, переродило ее внешность. Старая скорлупа, старая кожа ее сошла, и органически выросла, соответственно размерам и силам выросшего организма, новая оболочка, новые покровы того же тела.

Сам Иоанн III, как ни обильно его знаменитое правление событиями, в сущности не предпринимал ничего нового, а только продолжал дело своих предшественников, московских князей — собирателей Руси. Заканчивая установление на Руси единства, присоединяя к Москве Новгород, обратившийся почти в независимое, полуреспубликанское государство, Тверь, некоторые Рязанские уделы, приобретая русские земли за рубежом Северо-восточной Руси,

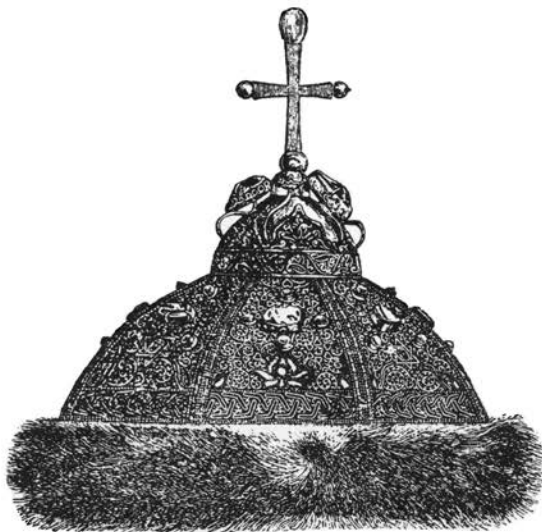
в пределах Литвы, он ничего не делал такого, чего не было на уме Иоанна Калиты. Ведь сын его Семеон, владея лишь небольшой частью удельных земель, уже стал называть себя великим князем всея Руси. Растоптав ханскую басму и прогнав сарайских послов, что знаменовало восстановление независимости Руси и конец монгольского ига, Иоанн III осуществил только то, что было на уме не одного Дмитрия Донского, поднявшего меч против орды, а и на уме Юрия Московского, еще низко кланявшегося ордынцам.

Иоанн III на иноземной гравюре.

Иоанн III не хотел, чтобы Русь напоминала удельное время с его вечными усобицами, а являл себя на Руси первым единодержавцем, самодержцем и царем, по образу византийских императоров. Но то, что он заставил привезенный в Москву вечевой колокол Великого Новгорода сзывать с кремлевской колокольни народ не на своевольные вече, а на церковные службы, что он грозно заставлял молчать пред собой больших княжеских дружинников думцев,— не было в Москве новшеством. Ведь недаром московские князья, уже

в лице Василия II наименовавшие себя господарями, еще до него так заботливо передавали шапку и бармы Мономаха из рода в род, и еще сын Калиты Симеон Гордый в духовном завещании своем заповедал своему преемнику заботиться о том, чтобы «свеща не погасла». Эта свеча зажжена была еще на горах киевских Владимиром Святым; она горела при Ярославле Мудром, который, устраивая в матери градов русских, по подобию Византии, Святую Софию и Золотые ворота, придавал ему вид нового Цареграда; свет этой свечи отражался и на Мономаховой шапке на голове Владимира Всеволодовича и таился на голове Александра Невского...

Венец Владимира Мономаха.

Московские же князья среди усобиц и под грозой Золотой орды должны были также таить под спудом этот свет, дабы бури его не угасили. Но не против их мыслей и преданий было то, что хранитель и исполнитель их заветов Иоанн III, вместо упавшего Киева и при отце его завоеванной турками Византии, стал делать из Москвы для Руси мать ее градов, а для всего восточного мира новый Цареград. Женившись на греческой царевне Софии Палеолог, он стал считать себя наследником не только преданий, но и самих ее земель и принял герб греческой империи — двуглавого орла, который очень дружно сжился с московским гербом — Георгием Побе-

доносом, поражающим змия. Так и на Западе стали смотреть на Иоанна III и на Россию: начали возлагать на нас миссию изгнания из Европы турок, которая была не по плечу германо-римской империи, именуемой Священной и принявшей такой же орлиный византийский герб. В это время у нас стало слагаться верование, что Русь водворится в седмихолмном Цареграде и снимет магометанский полумесяц со Св. Софии.

Трон из слоновой кости Иоанна III.

Не противоречили заветам московских князей и стремления Иоанна III завести сношения с западными государствами. Сознавая величие и могущество своего государства, желая занять для него подобающее место в системе государств Европы, он с многочисленными целями вел эти сношения, пользуясь для этого и иностранцами, и своими русскими дипломатами, каковыми у него, кроме греков и немцев, были Григорий Истома, Федор Курицын, Алексей Голохвастов, Михайла Плещеев, Михайла Еропкин, Власий Герасимов, Семен Толбузин и другие. Москва в это время видела у себя много чужестранных посольств и сама отправляла в чужие страны свои дипломатические миссии. У нас в эту пору завязались дипломатические отношения с германским императором, Папой Римским, датским и венгерским королями, венецианским дожем, турецким султаном, персидским шахом и другими. Примечателен дух и тон этих отношений; общаясь с ним, иностранные послы уже величают Иоанна царем и цезарем. Государь вся Руси давал иностранным послам довольно резко чувствовать свое недовольство, если они допускали что-либо хоть сколько-нибудь несовместное с достоинством России. Когда германский посол Поппель предложил московскому государю выхлопотать у императора королевский титул, Иоанн сказал: «Мы, Божиею милостию, государь на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, и просим Бога, чтобы и впредь дал Бог и нам и нашим детям до века так быть, как мы теперь есть государи в своей земле, а поставления ни от кого не хотели и теперь не хотим». В переговорах с Феодором Курицыным Поппель заговорил, чтобы государь отдал свою дочь или за маркграфа Баденского, или за курфюрста Саксонского. Отправляя свое ответное посольство к германскому императору (грека Трахониата и при нем двоих русских), с подарками (собольи и горностаевые шубы), государь по поводу этого сватовства велел сказать, что московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа непригоже, потому что с давних лет прародители московского государя были в приятельстве и любви со знатнейшими римскими царями, которые Рим отдали папам, а сами царствовали в Византии; но, если бы захотел посватать дочь государя сын цезаря (впоследствии император Максимилиан I), то наш посол должен был изъявить надежду, что государь захочет вступить в такое дело с цезарем. Брак этот не состоялся; но Максимилиан отправил в Москву посольство и просил здесь белых соколов и кречетов, которых и получил. Не имея другого подходящего жениха,

Иоанн выдал дочь за своего подданного, князя Василия Холмского, сына победителя новгородцев на Шелони, а сына своего Василия женил на Софье Юрьевне Сабуровой, которая была вызвана в Москву на смотрины в числе 1500 лучших девиц всего государства. Другая дочь его выдана была за великого князя литовского; но отец выговорил, чтобы она отнюдь не меняла своей православной веры на папизм, не была принуждаема ходить в костел, была венчана по православному обряду, носила бы и в Литве русскую одежду и имела русских слуг*. Сына своего Иоанна он женил на дочери волошского господаря Елене. Вообще Иоанн III высоко держал себя перед иностранными государями. Мелкие из них писали ему очень почтительные грамоты. Так, князь Иверской земли (Грузии)

Печать Иоанна III.

Александр называл Иоанна «звездой христианского мира, всесветлым и грозным государем, справедливой управой всем князьям» и т. д. С иностранцами в Москве обращались строго, а иногда с достойной порицания беспощадной жестокостью; так, доктора Лео-на, родом еврея, не вылечившего государева сына, князя Иоанна Молодого, казнили, а другого врача, Антона, не вылечившего одного татарского царевича, выдали его родственникам, а те ножом зарезали несчастного на Москве-реке, по выражению того времени, «как овцу». Напуганный этим, знаменитый итальянский зодчий Аристотель Фиоравенти хотел уехать из Москвы, но его здесь удержали насильно.

* Княжна Елена венчана была в Вильне священником Фомою в русской одежде. Пред венчанием были соблюдены все русские обычаи: расплетение косы, осыпание хмелем и проч.

Мы не имеем в виду излагать внешние факты правления Иоанна III и, как ни интересны перипетии падения вечевоего Новгорода, свержения татарского ига, борьбы с Литвой и прочее — обратимся к бытовым сценам этого примечательного времени и к тому, что составляет историю Москвы как города.

Наша столица в эту пору впервые видела особого рода более торжественное, чем прежде, поставление первосвященника — митрополита всея Руси, затем, подобное царскому, посажение на престол и венчание шапкой Мономаха государева внука и, наконец, казни еретиков.

Когда сочувствовавший занесенной к нам из Новгорода жидовской ереси митрополит Зосима был вынужден отказаться от митрополии, причем всенародно положил свой омофор на престол в Успенском соборе, великий князь созвал в Москве собор епископов, и они, вероятно, не без влияния Иоанна, избрали в митрополицы игумена Троицкого монастыря Симона (1496 г.). Иван Васильевич пред хиротонией в Успенском соборе лично и торжественно принял участие в его наречении. При этом государь обратился к избранному со следующей речью: «Всемогущая и животворящая Святая Троица, дающая нам всея Руси государство, подает тебе сий святей великий престол архиерейства, митрополию всея Руси, рукоположением и освящением святых отец — архиепископов и епископов Русского царства, и жезл пастырства, отче, восприими и на седалище старейшинства, во имя Господа Иисуса и Его Пречистой Матери, взыди и моли Бога и Пречистую Его Матерь о нас и о наших детях и о всем православии, и подаст ти Бог здравие и долголетство». Поставляемый в митрополиты отвечал следующей речью: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранит Богом поставленное царство твое, Самодержавный Государь и Владыко! Мирно да будет и многолетно твое государство и победно, со всеми повинующимися тебе и с христолюбивыми воинствами, да пребывает в век века; во вся дни живота здрав, здрав, здрав буди, добро твоя, животоносен, Владыка, — Самодержец, многолетен».

Но еще торжественнее было посажение на престол или венчание короной Мономаха в Успенском соборе внука Иоанна, Дмитрия, который ставился в соправители своего деда. Памятники того времени сохранили нам любопытные подробности этого торжественного священнодействия, которые в основных чертах сделались как бы обязательными для последующих русских коронаций. Торжество происходило 4 февраля 1498 года. Посреди Успенского собора, на особом возвышении, на так называемом чертожном месте,

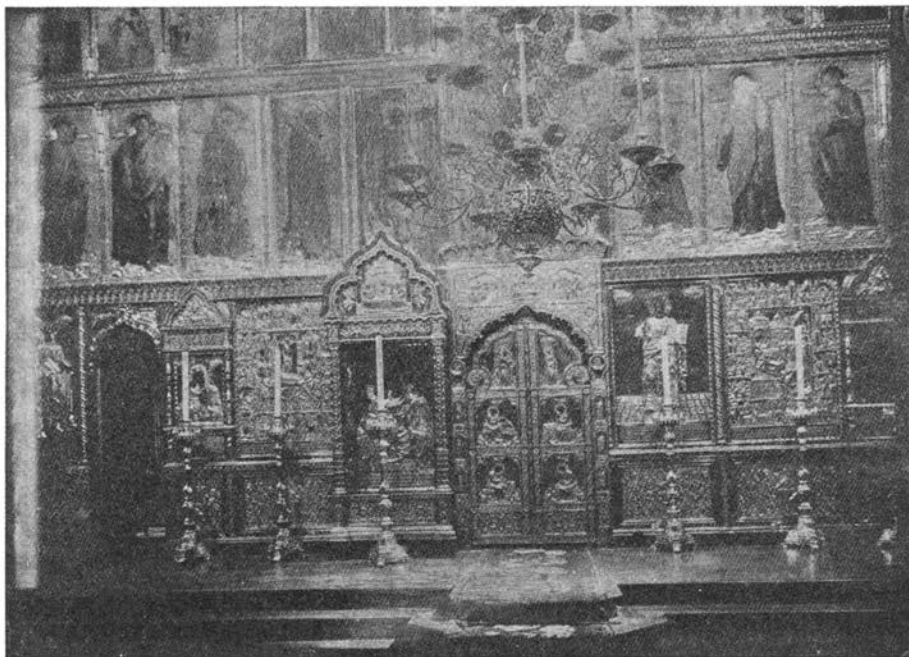
поставили три седалища: для государя, митрополита Симона и Дмитрия. Первые двое сели на свои места, а Дмитрий стал пред ними у верхней ступени помоста. Великий князь обратился к первосвятителю со следующими словами: «Отче митрополит! Божиим повелением — от наших прародителей великих князей старина наша;

Св. Георгий Победоносец.
Резное изображение в Успенском соборе.

оттоль и до сих мест отцы — великие князи сынам своим первым давали великое княжение, и яз был своего сына первого Ивана при себе благословил великим княжением. Божия паки воля сталася: сына моего в животе не стало, и у него остался сын первой — Дмитрий, и яз ныне его благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским. И ты бы его, отче, на великое княжение благословил». При этом Дмитрий приблизился и преклонил голову. Осенив его крестом, митрополит положил руку на его голову и произнес благословенную молитву. По-

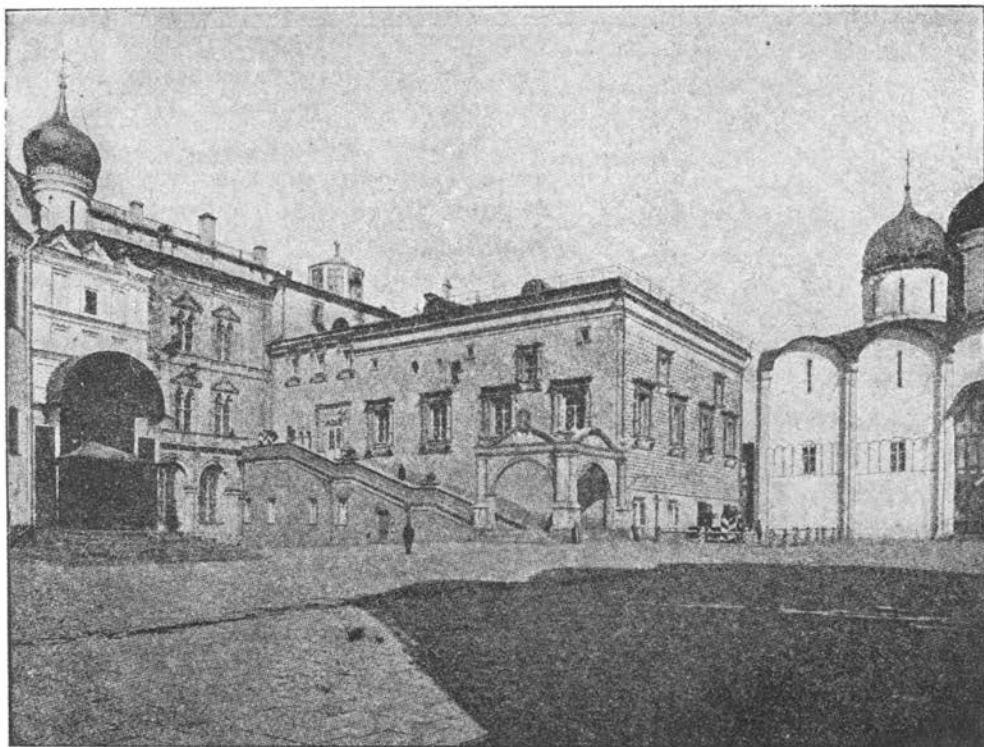
том великий князь возложил на внука бармы и шапку Мономаха. Тогда архидиакон с амвона возгласил многолетие великому князю Димитрию. Обоим великим князьям приносили поздравления иерархи, родственники, князья, бояре и прочие дворцовые люди. В заключение митрополит и государь сказали Димитрию свои поучения, потом началась литургия, после коей Димитрий вышел из собора в короне и бармах. В дверях Успенского собора его дядя,

Успенский собор. Внутренний вид.

князь Юрий Иванович, трижды осыпал его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторил он перед соборами Архангельским и Благовещенским. Вообще Иоанн III окружал себя царской пышностью. Он следовал в обрядах своего двора примерам Византии, от которой принял герб — двуглавого орла, который был соединен с московским гербом — Георгием Победоносцем, скачущим на коне и поражающим копьём дракона.

Московский герб окончательно сложился как геральдическое изображение лишь в правление Иоанна III. Всаднику, поражающему змия, предшествовали приведенные прежде следующие изо-

Грановитая палата и Красное крыльцо.

бражения на монетах и печатях: пеший витязь, поражающий дракона (на монетах Иоанна II) и всадники: конный ловчий с соколом в руке, всадник с копьем в руке, но без дракона (на монетах и печатях Василия I) и всадник-мечник с поднятой над головою саблей и, наконец, уже всадник, поражающий дракона (на монетах Василия II). Иоанн III первый перенес это последнее изображение на государственную печать. Приводим ее в том виде, как она была приложена к грамоте этого великого князя в Ревель (порусски — Колывань).

На двойной кормчей печати, привешенной к договорной грамоте (1504 г.) сыновей этого государя Василия и Юрия Ивановичей, на одной стороне изображен московский герб, а на другой — византийский. На этой печати титул написан так: «Иоанн Божию милостию господарь всея Руси и великий князь Владимирский, Московский и Новгородский и Псковский, и Тверской, и Угорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский». Воспроизведена эта печать выше.

Гербовая печать Москвы

Чрезвычайно любопытно, какое значение имел этот гербовый всадник. По древнерусским понятиям его знаменование двойное. По одним этот всадник изображает государя на коне. Так, летопись говорит, что при Иоанне IV (в 1536 г.) учинено было знамя на деньгах: «Великий князь на коне и имея копье в руце, и оттоле прозвашася деньги копейные».

Но эмблема государя, торжествующего над противогосударственным злом, которое изображалось в змие или драконе, уже с древних времен при глубокой религиозности наших предков стала сливаться

в Москве с иконографическим изображением Георгия Победоносца, который пользовался, как олицетворение священной храбрости и победы, глубоким почитанием в России. Редкий из древнейших храмов у нас не имел изображений святого Георгия, поражающего змия. В Староладожской, так называемой Рюриковой крепости, в храме, современном основанию Москвы, мы находим изображение Георгия Победоносца.

Подобных изображений, как резных, так и иконописных, было много и в других храмах, что указывает на силу и распространенность почитания на Руси этого святого. Под влиянием столь сильного и столь распространенного его культа, в княжеских семьях имя Георгия стало излюбленным. Владимир Равноапостольный нарекает имя Георгия сыну своему Ярославу; Владимир Мономах дает то же имя тому сыну, который, под именем Юрия Долгорукого, основал Москву; Иоанн Данилович Калита дал своему сыну опять то же имя, и один из сыновей Дмитрия Донского отдан под покровительство этого же святого. Наконец и сам Иоанн III выбирает в патроны одному из своих сыновей того же Георгия Победоносца. Примечательно, что в это правление в Москве появляются два иконографических изображения Георгия. Одно поставлено было в Успенском соборе над гробницею митрополита Феогноста; из латинской надписи на нем видно, что оно прежде было на триумфальных воротах, построенных сенатом и народом римским. Изваяно оно из белого камня и представляет всадника, поражающего копьём змия. Другое подобное изваяние Иоанн III приказал поставить на

возвышенном месте у Фроловских, или Спасских, ворот. Здесь Василий III построил уже церковь в честь этого патрона Москвы и ее государства, и гербовое изваяние было поверстано, в качестве храмовой иконы, в иконостасе. По упразднении этой церкви изображение было перенесено в Вознесенский монастырь, в трапезу построенной Михаилом Феодоровичем церкви Михаила Малеина. Указанные иконографические изображения имеют большое значение в геральдической истории нашего герба.

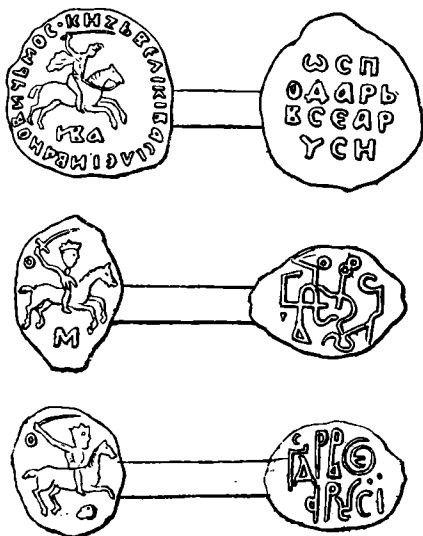
Св. Георгий Победоносец в Рюриковой крепости в Ладоге. XII век.

При всей религиозности великого князя Иоанна Васильевича, при всей его преданности восточному православию, которую он выразил, не допустив введения в России унии, для чего Папа и сосватал Софию Палеолог за нашего государя, при нем не без успеха, однако, пропагандировалась в Москве ересь жидовствующих. Она была занесена из Киева ученым евреем Схарией. Сей очень начитанный, особенно в астрологии и каббалистике, еретик распространил в Новгороде свое лжеучение, отвергавшее Пресвятую Троицу,

Божество Христа Спасителя, таинства, мощи, иконы и монашество и отдавал предпочтение Ветхому Завету пред Новым. Главными последователями ереси были священники Дионисий и Алексей. В бытность Иоанна III в Новгороде они понравились ему и были взяты в Москву. Первый был сделан протопопом в Архангельском соборе, второй — в Успенском. Ересь стала распространяться и в Москве. Между ее последователями были симоновский архимандрит Зосима и лица, принадлежавшие к господствовавшей тогда придворной партии: ученый дьяк Федор Курицын, брат его Иван Волк и невестка великого князя, супруга Иоанна Молодого Елена, мать объявленного наследника престола. Ересь стал обличать архиепископ Геннадий Новгородский, но ему сперва не внимали в Москве и даже возвели на митрополичью кафедру сочувствовавшего ереси архимандрита Зосиму. Только посланиями ко всем епископам и самому государю Геннадий довел дело до созвания в Москве собора, который и осудил ересь. Но она подверглась преследованию пока только на Волхове, где еретиков возили на клячах, лицом к хвосту, в вывороченном платье, в берестовых шлемах и соломенных венках, с надписями: «се есть сатанино воинство».

Вскоре ересь нашла повод к торжеству. Прошел 1492 год, которым оканчивалась седьмая тысяча лет от сотворения мира и который, под влиянием очень распространенного убеждения, народ православный проводил в страшной тревоге, в ожидании кончины мира и второго пришествия Христова. Даже церковная пасхалия не составлялась на восьмое тысячелетие. Но когда миновал роковой семитысячный год, еретики стали глумиться над православными. Тогда к обличителю ереси архиепископу Геннадию присоединился со своими проповедями Иосиф Волоколамский. Зосима был низложен с митрополии и заменен, как говорено выше, Симоном. Обличители стали опираться на Софию Палеолог и ее сына Василия. Елена, ее сын и вся их партия подверглась опале. В 1504 году созван был новый собор против жидовствующих, и Москва видела подобные испанскому ауто-да-фе казни еретиков: в клетках сожгли дьяка Волка Курицына, Митяя Коноплева и Ивашку Максимова; другие еретики были отправлены в заточение. Елена же скончалась в Москве в заключении.

Иоанн III является примечательным организатором нашего государственного быта в духе сложившихся или еще слагавшихся русских обычаев. Окружая себя царственной обстановкою, он организует служилое сословие. При нем, кроме бояр, достоинство

Монеты Иоанна III.

коих теперь жалуются государем, являются уже и окольные; появляются и придворные чины постельничего, конюшего, ясельничего, оружничего, ловчего и др. Ясно выступает система поместная, обращавшая на началах государева жалования низшие классы служилых людей в помещиков, рядом с вотчинниками. Развиваются приказы с их дьяками. Впервые появляется «разряд», наблюдавший над порядком государственной службы; был и посольский приказ, что можно заключать из того, что теперь существовал посольский дьяк. Земли делятся уже всюду на сохи и обжи и облагаются налогом, который определяется писцовыми книгами. Переходы крестьян с од-

ной земли на другую разрешаются в течение двух недель после Юрьева (осеннего) дня. Для организации суда Иоанн издает Судебник, который в нашем законодательстве составляет шаг вперед по сравнению с Русской Правдой, которая допускала и кровавую месть и позволяла деньгами отделяться за убийство даже знатных людей (80 гривен за голову). Судебник же устанавливает государственные наказания за все уголовные преступления: казнь смертную или торговую, то есть телесное наказание. Приводим, как палеографический образчик того времени, отрывок из Судебника Иоанна.

Соответственно с выросшим могуществом Москвы, этот государь произвел в столице вся Руси громадные перестройки. Можно сказать, он разобрал весь Кремль и перестроил его заново, в более обширных размерах. Но государь исторических народных преданий, он дал всем своим постройкам привычный русскому глазу тип. Это примечательно особенно потому, что все почти его архитекторы, как Аристотель Фиоравенти, Алевиз, Марк Руф, Петр-Антоний Фрязин, были иностранцы, выписанные из Италии, где господствовало возрождение наук и искусств. Государь, однако, не позволял им строить в Москве здания в западных стилях: ни в готическом, ни в стиле возрождения. Они должны были возводить строения в русском стиле, применяясь к древнерусским деревянным постройкам

Иоанн III и ханские послы.

Печати Новгорода.

и Мышкиным собор, возведенный до сводов, рухнул. Нанятый в Италии, с платою по 10 рублей в месяц, зодчий Аристотель Фиоравенти получил поручение выстроить его снова. Но заграничный мастер должен был строить не по своему плану, а по образцу Успенского собора во Владимире, куда он для изучения был отправлен. Итальянец разобрал всю стройку, при чем употреблял невиданные в Москве тараны и блоки, устроил кирпичный завод у Андроникова монастыря и, употребляя особую клеевитую известь, через четыре года выстроил новый храм. В 1479 году митрополит Геронтий совершил его освящение. Великий князь при этом раздал бедным богатую милостыню и устроил большой пир для

духовенства. Мощи, находившиеся во время стройки в церкви «св. Ивана под колоколы», перенесены были в собор.

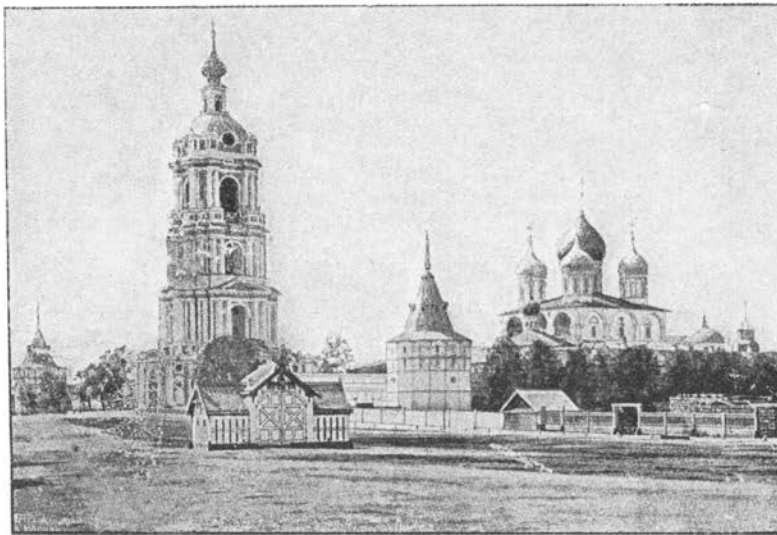
Иоанн III, в память покорения Новгорода, как священный трофей этого, поставил в иконостасе Успенского собора принесенную отсюда икону Всемиловитого Спаса, находившуюся в Софийском соборе и писанную греческим императором Мануилом. В ризницу собора в то же время поступили и драгоценные новгородские сосуды св. Антония римлянина. Один сосуд сделан из яшмы, другой из оникса, и оба украшены драгоценными камнями и жемчугом. «Бысть же та церковь,—говорит летописец об Успенском соборе,—чудна весьма величеством, высотой, светлостью и пространством».

В последний год правления Иоанна был разобран и Архангельский собор и в более обширном объеме построен был Алевизом; гробы государей, числом 24, стояли на время в храме «св. Ивана, что под колоколы». Благовещенский собор, построенный Висилием I, был вновь перестроен. Он был украшен 9-ю главами и соединен сенями с набережными государевыми палатами, а на месте ханского подворья построена была вновь церковь Николы Лняного. Софья Фоминишна выпросила это место у ханши, жены Ахмата. Эту дере-

вянную обыденную, из елового леса церковь велел заменить каменною Василий III и перенес сюда из села Гостуни чудотворный образ Николая Чудотворца. На постройку женщины жертвовали лен и полотна.

В Чудовом монастыре, по повелению Иоанна III, была разобрана церковь Михаила Архангела, и на ее месте была выстроена новая, которая была освящена в 1504 году.

Сгоревшая в 1470 году кремлевская церковь свв. Константина и Елены была тоже выстроена вновь.

Новоспаский монастырь.

Русские мастера, выписанные из Пскова для постройки Успенского собора, не остались без дела: они построили храмы — в Златоустовском (в честь ангела великого князя и дня его рождения во имя апостола Тимофея) и Сретенском монастырях, Богоявления Господня, на Троицком подворье, в Кремле, Космы и Дамиана (против Чудова монастыря).

Монастырь у Спаса на Бору был перенесен за Таганку, в основанный в 1491 году Новоспаский монастырь, с собором Преображения Господня. Здесь на иконе изображен Иоанн III со своим сыном. На Красном холме, в Чигасах, в 1483 году построена была церковь Происхождения Честных Древ и при ней монастырь.

Гребенская, или Гребневской Божией Матери церковь, при вхо-

де на Мясницкую улицу, на Лубянской площади, построена в 1478 году, в память покорения Новгорода. Прежде церковь носила название Успения на Бору. Название Гребневской получила от иконы, поднесенной Димитрию Донскому жителями города Гребня и прежде стоявшей в Успенском соборе. Иоанн III, бравший эту икону с собою в походы, перенес ее в эту церковь.

Грановитая палата.

Новгородские переселенцы в 1480 году построили церковь св. Софии в память о родном своем соборе. Местность, где построена эта церковь, называлась Лубянкой, потому что здесь торговали лубяными санями и телегами. Мы воспроизвели выше печати Великого Новгорода, его посадника и тысяцкого.

В память уничтожения татарского ига основан был у ворот, прежде называвшихся Смоленскими, Федоровский женский монастырь, на месте существовавшей здесь часовни Феодора Студита.

На Дмитровке была построена церковь св. Георгия Победоносца, впоследствии обратившаяся в монастырь.

Иоанн III предпринял постройку нового каменного дворца, причем, как сказано, была разобрана до основания церковь Благо-

Иоанн III. По Титулярнику.

вещения на Сенях. Она была поставлена на подклете, который был окружен палатами, для хранения государственной казны. Между этой церковью и Архангельским собором построена была кирпичная па-

лата, также с казнами и большим белокаменным погребом, называвшаяся впоследствии Казенным двором.

В 1487 году, с западной стороны Благовещенского собора, на великокняжеском дворе, вероятно, в том месте, где был набережный златоверхий терем при Димитрии Донском, Фрязин Марк Руф заложил каменную палату. В 1491 году тот же Руф с Петром-Антонием выстроили на Соборной площади большую палату, известную под именем Грановитой (стены ее граненые). В 1492 году Иоанн переехал со своим семейством из своего старого двора в новые хоромы Ивана Юрьевича Патрикеева, у церкви Иоанна Предтечи под Бором, повелел «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный», и еще за Архангельским собором временный деревянный. Но 28 июня 1493 года начался страшный пожар. Загорелось за Москвой-рекой, и при ужасной буре, в одно мгновение «нечисленно загорелось во мнозех местах». В Кремле, у Боровицких ворот, загорелся двор (Патрикеевский), где жил великий князь, занялись житницы под горою на подоле Кремля, сгорела церковь Иоанна Предтечи, под кою хранилась казна Софьи Фоминишны. Запылал и новый двор Иоанна за Архангельским собором. «По летописцам, и старые люди сказывают, как стала Москва, таков пожар не бывал», — говорили современники.

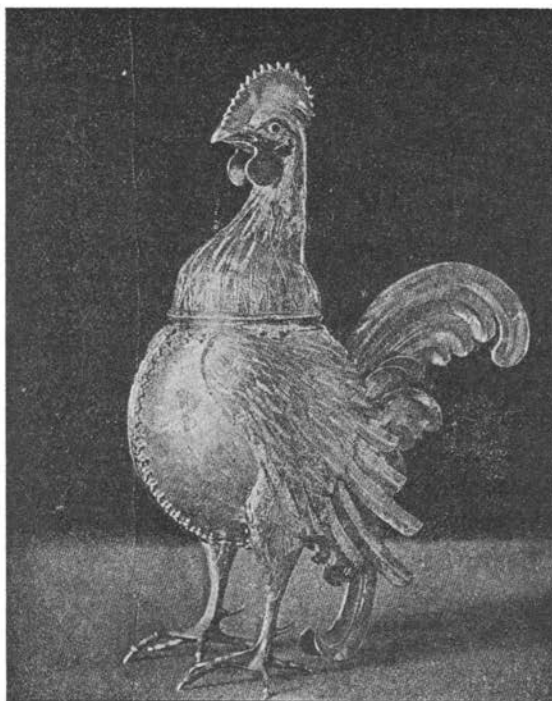
Великий князь со своим сыном много помогал тушить пожар и разламывать горевшие здания. Вне Кремля выгорели многие улицы: Арбат, Неглинная, Сретенка, Петрова слобода, улица от Боровицких ворот до церкви Зачатия, на востром конце (Стоженка), за Москвой-рекой все пространство, от церкви Софии до церкви Иоакима и Анны. Погибло при этом 200 человек, а также бесчисленное множество лошадей и домашнего скота.

Великий князь выехал за Язу, к Николе Подкопаеву, и поселился «на крестьянских дворах» и стоял там до ноября, пока на пожарище не приготовили новых деревянных хором. Пожар и заботы о граде затормозили дворцовые стройки. В этом году велено было очистить от строений и церквей Занеглименье. Несмотря на жалобы, все хоромы и церкви были отнесены здесь от кремлевской стены на 100 сажен. После пожара за Москвой-рекой очищена была от строений часть Замоскворечья против Кремля, и там был разведен сад, называвшийся государевым Красным садом. К сооружению каменного дворца приступили только через шесть лет; именно в 1499 году Иоанн снова «заложил двор свой камен, палаты каменные и кирпичные, с ними погребы и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот». Постройку вел итальянский зодчий

Алевиз Фрязин. Великий князь, не дождавшись окончания постройки, умер.

Подражая государю, митрополит, некоторые бояре и богатые люди построили себе также каменные дома, как, например, боярин Василий Образец, купец Таракан и другие.

Иоанн III немало заботился и о развитии промышленности. При нем мы начали разрабатывать за Уралом, в Сибири, и в Печерском крае серебро и стали чеканить монету из своего русского металла. Процветала в Москве выделка из золота и серебра сосудов,

Серебряный петух Иоанна III.

чар, братин и т. п. Особенно был искусен золотых дел мастер по имени Трифон. Работы этого рода славились на всем Востоке. Продолжала также развиваться и чеканка монеты.

При Иоанне III много иностранцев — посланников и техников разного рода, приезжало в Москву; и в свою очередь и русские отправлялись в чужие земли, как на Запад, так и на Восток. В это

время русский купец Афанасий Никитин проник в Индию ранее, чем открыл ее Васко де Гама, и мы имели описание этой страны ранее, чем народы Запада.

Иоанн III был высокого роста и худощав; он имел, особенно, когда «воспалялся гневом», грозный взгляд. Женщины при виде великого князя нередко падали в обморок. Характер суровости отражает и воспроизведенный выше портрет этого великого князя (со старинной иноземной гравюры, находящейся среди «Портретов русских государей» Ровинского.

В последние годы Иван Васильевич «стал приходить в изнеможение» и скончался 26 октября 1505 года, 66 лет от роду. Перед смертью он собрал детей своих и бояр и приказал громко читать свое духовное завещание; приняв таинство причащения и соборования, он, однако, отказался от обычного тогда иноческого пострижения и пожелал умереть государем, а не монахом. Его погребли в только что строившемся Архангельском соборе. Надгробная надпись гласит: «в лето 7013—1505, преставися благоверный и христолюбивый князь великий Иван III Васильевич всея России». История нарекла Иоанна Великим, а Карамзин в своей «Записке о Древней и Новой России» отдает ему предпочтение перед Петром I за то, что он, возвысивши могущество России и заводя сношения с Западом, не нарушил ее исторического народного строя.

VI

При великом князе Василии III

ремя Василия III (1505—1533) составляет последовательное продолжение процесса, совершавшегося в княжение его отца Иоанна III и прямой переход к царскому периоду нашей столицы. Сын царевны Софии Палеолог, он стал не только последним собирателем уделов Северо-восточной Руси (вечевого Пскова, Рязани и Новгорода-Северского) и борцом за воссоединение западно-русских княжеств (Смоленска и других), но и, будучи единодержцем, во всем — и в отношениях к боярам, духовенству и в самой придворной обстановке, — является более царем, чем его отец. Его чаще называют царем, и он уже сам именует себя самодержцем. Царский титул его уже выбивается на монетах, рядом с наименованием господаря всея Руси. Иностранные послы удивляются величию и власти русского государя и силе России. Соответственно этому растет у нас чувство собственного достоинства, и занимается заря сознания того, что нашему отечеству предлежит важное всемирно-историческое призвание. Русские люди с особым сочувствием читали в это время в повести о взятии Цареграда: «свершится пророчество, свершатся предзнаменования: Русский род, предызбранный от Бога, возьмет седмихолмный Цареград и воцарится в нем». «Солнце евангельское, — пишет Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе», — освещает нашу землю, гром апос-

тольский оглашает нас. Устроились божественные церкви, составились честные монастыри, святители и преподобные чудотворцы наши взлетели, как бы на золотых крыльях, на небеса». Власть государя в глазах народа все более получает священное значение, и русские люди говорят уже: «так угодно Богу и государю». Когда немец-посол императора Священной Римской империи, не понимавший духа нашего народа и смотревший на Россию западными глазами, позволил себе высказать одному старику, служилому человеку, что его усердие к службе государевой — раболепно, этот москвич сказал Герберштейну: «Нет, господин барон, не по-вашему мы служим своим государям».

Идея святой и царской Руси продолжала воплощаться в самой внешности Москвы, окончательно преобразовывая ее из княжеского стольного города в царствующий православный град всей России и всего православного Востока.

Покойный государь император Александр Александрович, смотря на Москву с высоты Кремля, сказал, что наша первопрестольная столица — «это храм вся Руси, а Кремль — алтарь этого храма». Но такое обращение срединного града нашего в величавый дом Божий совершилось не вдруг, а веками. И храмовая история правления Василия Ивановича много способствовала умножению в ней числа церквей, дошедшего впоследствии до сорока сороков и сделавшего ее столицей восточного православия.

При Василии III кипела работа в кремлевских соборах, и строились храмы вне Кремля. В год своей смерти Иоанн III, посетив усыпальницу своих предков — Архангельский собор, где стояло 24 гроба наших государей, нашел его слишком тесным и приказал разобрать его до основания, державные гробы перенести в церковь Иоанна, «что под колоколы», и заложить новый, более обширный собор. Два года строил его Алевиз Фрязин. В 1507 году он был окончен и расписан русскими живописцами. Освящение совершал митрополит Даниил в присутствии великого князя, его семьи и двора. Не с этого ли времени начали ставить в Архангельском соборе портретные изображения похороненных здесь государей? Между ними находится и портрет самого Василия III в иноческом одеянии, которое он принял перед смертью, под именем Варлаама. В большом Успенском соборе происходило, как говорят летописи, «величепное украшение» фресковой живописью, оконченное в 1514 году, и первопрестольный собор России принял тот вид, который он, при всех перестройках, сохраняет и донныне.

Тогдашнее «величество» Успенского собора соответствовало его

Великий князь Василий III.

новому значению. Он уже был в то время не только церковной кафедрой и усыпальницей первосвятителей всяя Руси, но и храмом «посаждения на престол и венчания государей» и вместе символом единства России, единодержавства Москвы и церковной летописью ее политической истории. В знак того, что сюда, в Московский Кремль, тянули все области Руси, наши государи, по мере присоединения к общерусскому средоточию удельных княжеств, переносили из них главные святыни и помещали их в соборе всяя Руси, в храме Пречистой. Тут собраны были наиболее чтимые иконы удельных княжений — Владимира-Залесского, Новгорода Великого, Пскова, Смоленска и других. Каждый государь, жертвуя сюда икону, изображавшую его ангела, как бы записывал свое правление на эту церковную скрижаль нашей исторической жизни. Каждое важное событие увековечилось здесь или новой иконой, или церковными сосудами, или евангелием, или хоругвью, или дорогим облачением для священнослужителей.

Митрополит Филарет говорит: «Глубокая была мысль соединить в одном святилище местную святыню удельных княжеств: жители их, расставаясь со своим заветным сокровищем, невольно привязывались к месту его будущего хранения; сердце их как бы отходило туда за иконой, и родовое к ней усердие служило лучшим залогом верности. Так из Владимира, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостас Успенского собора». Что этот первопрестольный храм всяя Руси служил залогом ее единодержавия, — свидетельствовал и следующий обычай, существовавший у нас до Петра I. Вечером, часов в 8 или 9, когда запирались кремлевские ворота, сторожевые стрельцы перекликались между собой. Близ Успенского собора часовой начинал громко и протяжно, нараспев, возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси нас». Другой продолжал: «Св. московские чудотворцы, молитесь Бога о нас». После молитвенных возгласов другие часовые перекликаются следующим характерным образом: «Славен город Москва»; другой отвечал: «Славен город Киев»; третий — Владимир и так далее, пока не будут перечтены важнейшие города Московского государства.

Не обойден был вниманием государя всяя Руси и придворный Благовещенский собор, вновь перестроенный в это время. «Василий Иванович, — по словам летописца, — повелел подписать Благовещение на своем дворе златом, иконы все велел обложить серебром и златом верх церковный позлатити». Повеление государево было исполнено русским мастером Федором Еникеевым с братией. Примечательно, что на паперти вместе со святыми были

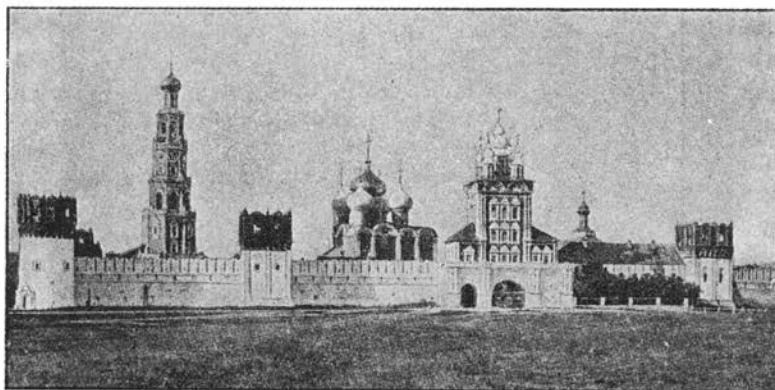
изображены древнегреческие мудрецы: Аристотель, Зенон, Плутарх, Фукидид, Менандр и другие. Мастер Бон Фрязин окончил церковь Иоанна «под колоколы», а мастер Николай слил колокол «большой благовестник» в тысячу пудов; помещен он был на особой «деревянной колокольнице».

Успенский собор. Внутренний вид.

И вне Кремля повелением государя воздвигнуто было немало памятников. Самолично завоевав Смоленск у поляков, Василий III в память возвращения этого «ожерелья России», воздвиг на берегу Москвы-реки, в виду Воробьевых гор, Новодевичий монастырь, в 1525 году. Василий III перестроил Петровский монастырь в Высоцкой слободе.

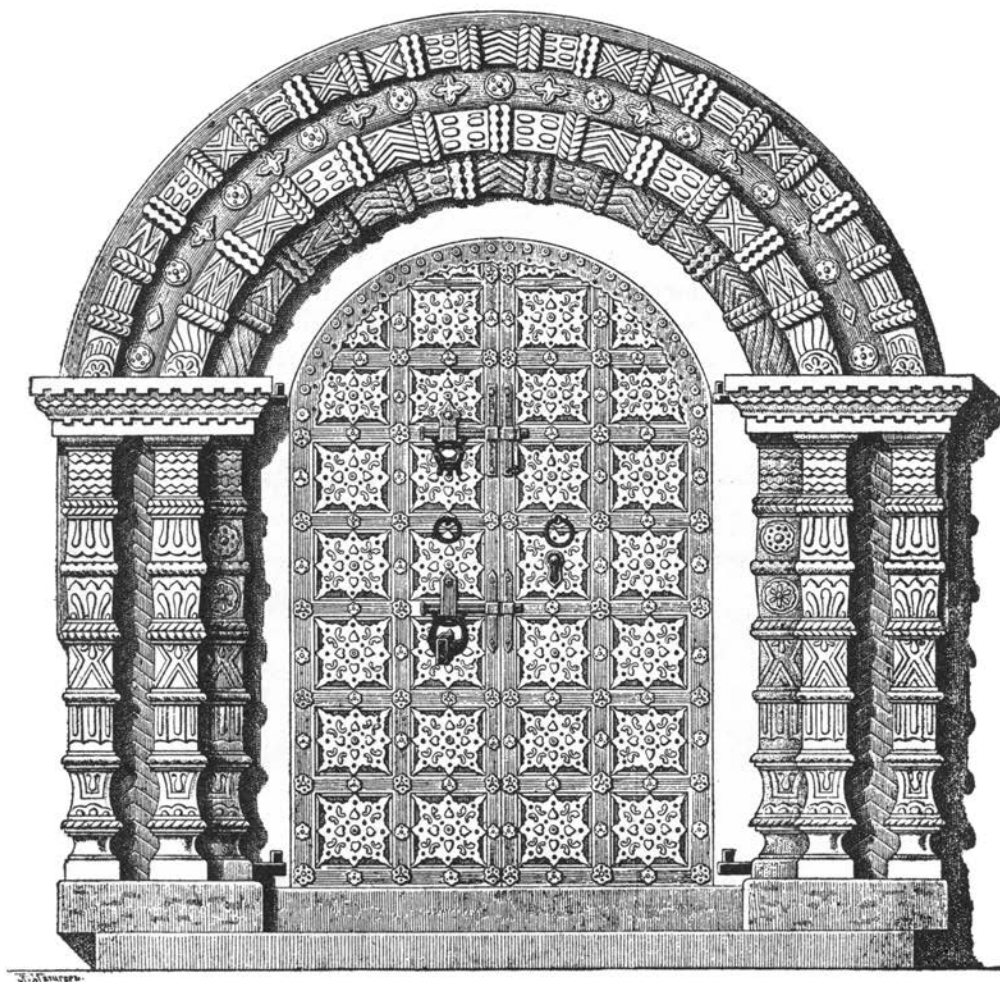
Летопись говорит, что он «повеле заложити и делати церкви каменные и кирпичные на Москве, на большом посаде за торгом (вне Китай-города): Введение Святей Богородицы, Владимир Святый в Садах, Благовещение Св. Богородице в Воронцове (ныне Ильи пророка), да в городе на своем дворе церковь Святая Богородицы рождество, у нея же придел Святый Лазарь,— за Неглинною Леонтий Чудотворец Ростовский (не существует с 1812 года), на Ваганькове Св. Богородицы Благовещение, за Черторьей (Пречистенкой) в Девичьем монастыре Алексей — человек Божий, за Неглинкой Св. Петр, митрополит вся Русь, на Устретенской улице Введение Бого-

Новодевичий монастырь.

родицы. Да Варвару Св. поставил Василий Бобр, с братьею с Вепрем да Юшком, да Афанасия и Кирилла Александрийских поставил Юрий Григорьев, сын Бобынин, у Фроловских ворот. Обыденкой, на Старом Ваганькове, в память рождения Иоанна IV, построен был деревянный храм Иоанна Предтечи, причем в работе участвовал сам великий князь».

Какую важность придавал обетному делу (построения Новодевичьего монастыря) государь, видно из того, что, отправляясь в поход на Казань, он дал, в дополнение к духовному своему завещанию, особую запись, в ней говорилось: «да коли есми яз Божиею волею достал своей отчины города Смоленска и земли Смоленские, и яз тогда обещал поставити на Москве, на посаде, Девич монастырь, а в нем храмы во имя Пречистыя, да происхождения Честнаго Креста и иные храмы; а которые храмы в том монастыре поставити, и яз тому велел написати запись диаку своему Трифону Ильи-

Дверь в храме Св. Владимира в Садех.

Однако Василий III не умер в походе и, одержав победу над казанцами на Свияге, построил, по выражению Степенной книги, «преименитую вобщую (общежительную) обитель»; собрал туда множество инокинь девического чину; начальницей над ними поставил благоверную и благочинную инокиню Елену Девочкину из Суздальского Покровского монастыря, которая, окончив жизнь схимонахиней, была погребена в новом монастыре и записывалась в старинных святцах наряду с московскими святыми. В 1525 году, 28 июля, торжественно перенесен был в крестном ходу из Благове-

щенского собора в Новодевичий монастырь список с чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери — Одигитрии.

Очень любопытен относительно зодчества своего построенный в 1515 году Алевизом Фрязиным храм благоверного князя Владимира, что в Старых Садах. В этой местности долгое время находились большие фруктовые великокняжеские сады, простиравшиеся от Ивановского монастыря до Васильева луга, то есть до нынешнего Воспитательного дома. Особенно интересны здесь входные западные ворота, очень искусной работы. Даем снимок с этого образчика старомосковской техники.

Печать псковская.

Великий князь достроил заложенный при Иоанне III дворец, украсил его и поселился в нем 7 мая 1508 года. По объяснению И. Е. Забелина, между Грановитой палатой и Благовещенским собором находилась Средняя палата, к коей примыкало Красное крыльцо. Далее шла Столовая палата, с особой лестницей на Спасов двор. Постельные или жилые хоромы и княгинина половина примыкали к церкви Рождества Богородицы и были на том самом месте, где теперь Теремный дворец. Ров, шедший вокруг кремлевских стен, государь приказал Алевизу Фрязину обложить камнем и кирпичом и вы-

копать при впадении Неглинной в Москву-реку, за Боровицкими воротами, пруд, названный Лебединым, потому что на нем плавали лебеди. Здесь была построена каменная мельница, и вода из пруда проводилась во рвы. У каждых ворот перекинута были мосты, носившие имена соответствующих башен. Вообще Кремль, со всех сторон опоясанный водой, в то время выглядел красивее, чем теперь.

С этого княжения начинается особое почитание Фроловских, или Спасских, ворот. Это было в нашествие на Москву татар в 1521 году. По свидетельству стольника Лызлова, занесенному в Минею, слепая инокиня Вознесенского монастыря имела во время этого нашествия видение: при колокольном звоне, из Кремля, через Фроловские ворота, видела она, вышли почивающие в соборах святители, неся икону Владимирской Божией Матери. Навстречу им (из Китай-города) вышли Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский и спросили святителей, куда они идут? Те ответили, что Господь повелел им уйти из града сего, потому что люди презрели страх Бо-

жий и о заповедях вознерадели, за это он предаст Русскую землю иноплеменикам. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощении грешных москвичей. Святители вняли их просьбе, вознесли вместе с ними молитвы Всевышнему и воротились назад в Кремль в свои гробницы. В предвратной иконе Фроловских ворот изображены святые в молитвенном положении у ног Спасителя. С этого времени, как полагают, и начинается то почитание Спасских ворот, в силу которого все проходящие через них обязаны снимать свои шапки. Василий III мыслил ставить град (крепостные стены) вокруг большого посада (впоследствии Китай-города), но не успел осуществить этого.

Василий III, с древней гравюры.

Москва в это время росла в своем объеме и числе жителей. После уничтожения веча в Пскове оттуда было переселено в Москву 300 семейств, кои были водворены на Варварке, близ церкви Георгия Великомученика, и эта местность стала называться Псковской горой. Приводим печать Пскова. Возникла в Москве за рекой и новая слобода «Наливки». Происхождение ее барон Герберштейн объясняет так: Василий III подтвердил запрещение своего отца относительно пьянства и вольной продажи вина, пива и меда; но так как это запрещение не распространялось на великокняжеских телохранителей, то он выстроил для них за рекой особую слободу «Наливки» (от слова наливай). Вообще за это время Москва значи-

тельно выросла в своем объеме и населении. По современным свидетельствам, всех дворов в Москве было 41 500, а жителей более 100 тысяч. Улицы при Василии III на ночь запирались рогатками. Выходить на улицу дозволялось только по крайней необходимости, и то с фонарем.

Москва в это правление продолжала развиваться и в других различных отношениях: и в сфере техники, и в сфере образования, и в самом быту своем. Особенно процветала живопись, находившаяся в руках чисто русских мастеров, тогда как зодчеством еще владели иностранцы. Об успехах живописного искусства в Москве свидетельствуют недавно очищенные от позднейших наслоений примечательные фрески Благовещенского собора. В это время впервые упоминается производившаяся в Москве реставрация древнейших икон, коей занимался митрополит Варлаам, сам нечуждый иконописания. Так, в Успенском соборе реставрирован был знаменитый образ Владимирской Божией Матери, писанный евангелистом Лукою, и на него, по повелению великого князя, сделан был новый киот, украшенный московскими ювелирами. Даже древние, но обветшавшие иконы Владимира-Залесского обновлялись в Москве, причем названный митрополит принимал в этом участие собственноручною работою. Как мы сказали, в это время архитектура находилась в руках иностранцев, но они должны были строить в русском и византийском стилях, а совсем не в западных. Чеканка монеты, как и серебряное дело, продолжали развиваться; пушечное, литейное и пороховое дело велось по-прежнему; но с порохом вышла беда: на Успенском враге, на дворе, где приготавливали зелье (порох), в 1531 году произошел взрыв и пожар, отчего погибло 200 рабочих.

Образованность в Москве развивалась в прежнем церковном направлении. В это время продолжали писать Иосиф Волоцкой, Вассиан Патрикеев, и по-прежнему велись летописи. Искусство письма и украшения его орнаментами и миниатюрами делало новые успехи. Но в это время немало появляется русских, особенно служивших в Посольском приказе, знающих латинский и другие иностранные языки. Кроме того, в Москву вызывается ученый афонский инок Максим грек, учившийся в Италии и Франции и стоявший на высоте образования эпохи возрождения наук и искусств. Он писал против жидовствующих, против папизма или собственно против немчина Николая, который был придворным врачом и делал попытки латинской пропаганды, а также против ереси лютеровой и армянского зловерья и прочего.

Успехи в культуре Москвы заметны и в развитии ее торговли. Иностранцы вывозили отсюда дорогие меха, кожи, воск, лес и другие продукты. Количество денег в Москве увеличилось. Московские купцы в это время стали ездить вместо Казанской ярмарки на Макарьевскую, возникшую, по распоряжению Василия III, в Нижегородской области, близ монастыря св. Макария.

Сокольник.

Самый быт московский совершенствовался, в особенности в придворной жизни. В торжественных случаях, например, при выходах в соборы, при приемах послов, государь являлся во всем блеске царской обстановки, окруженный большой свитой. Около него находились рынды, красивые молодые бояре в белых атласных кафтанах, опушенных дорогим соболем.

Иностранные послы поражались величию государя и России. Как видно из описания Москвы германского посла барона Герберштейна, наши служилые люди не хотели прежде него снять шапку или сойти с коня, чтобы не сделать и этим порухи для чести государевой. На те улицы, по которым проезжал посол, а особенно в Кремль, скликался народ, чтобы иностранец мог видеть, как многолюдна наша столица. Посла окружали приставники так, чтобы он сам ничего не мог вызнать и высмотреть.

Аудиенции послу в Грановитой палате происходили при самой внушительной и роскошной обстановке. После одного такого приема германское посольство получило приглашение к обеду. Когда иностранцев ввели в обеденную залу, государь и бояре в богатых золотых одеяниях уже сидели за столами, которые были расставлены вокруг залы; посередине находилась горка, обремененная золотыми и серебряными чашами и кубками искусной работы. Великий князь сидел за особым столом; ближе к нему помещались его братья, за ними следовали бояре и другие придворные, по степени своей знатности и милости государевой. Перед началом обеда государь, если хотел кому оказать почет, посылал хлеб, а еще почетней была посылка от него соли. Посылались также блюда с кушаньями, причем надобно было вставать и кланяться государю и на все стороны. Первым блюдом подавались жареные лебеди и журавли; приправою служили сметана, моченые груши и соленые огурцы. Вначале подавали водку, а потом мальвазию, греческое вино и меды. Слуги, разносившие кушанья и напитки, были одеты в изящные терлики, украшенные жемчугом и дорогими камнями, чего не бывало в прежние княжения. Обед продолжался несколько часов. Таково было русское хлебосольство в Москве.

Василий III много заботился и о войске. При нем оно простиралось до 150 000. Каждые два года производилась перепись ратных людей. Он первый завел у себя конную артиллерию. От его времени осталось в Кремле несколько больших пушек, вылитых итальянскими мастерами.

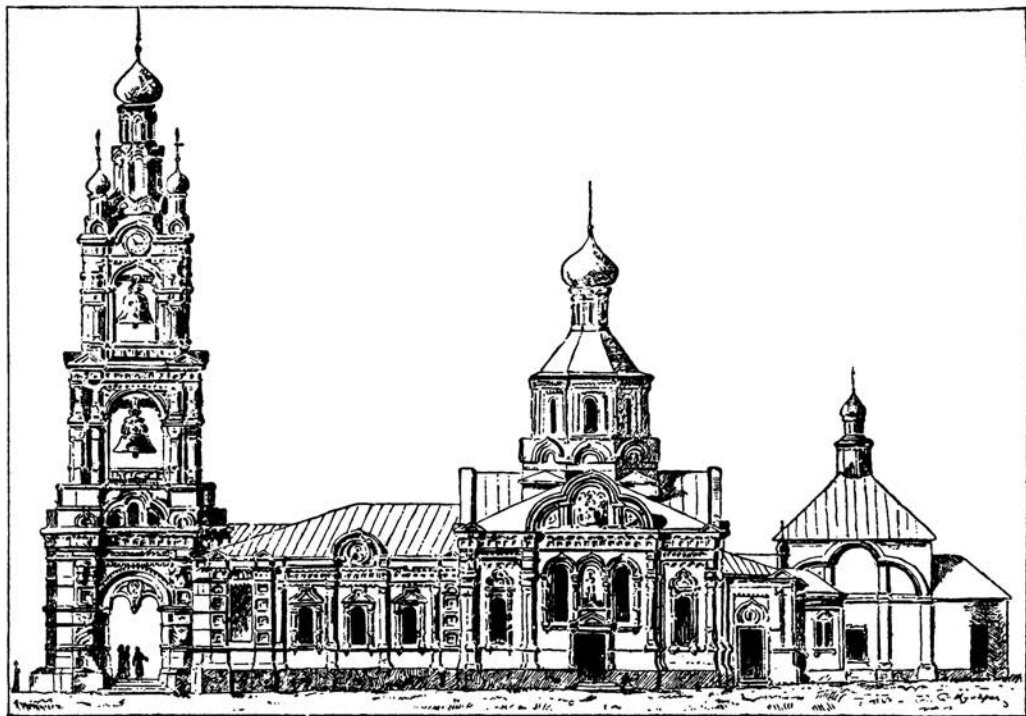
Великий князь любил тешиться охотою на мокрую, или водяную, и верховую птицу с соколами и кречетами, и псовую на зайцев и другую дичь. В «Царственной книге» находится миниатюра, изображающая поездку Василия III на охоту. Немецкие послы были приглашены на заячью охоту, которая происходила близ Москвы, на одной покрытой кустарником заповедной поляне, где в изобилии водились зайцы. Сюда, кроме того, приносили еще зайцев и во время охоты выпускали их из мешков. Великий князь сидел на бога-

то убранном аргмаке; голова Василия III была покрыта шапкой, с поднятыми на лбу и на затылке козырьками, на которых качались золотые пластинки наподобие перьев; на нем был род терлика, вышитого золотом; на поясе висели кинжал и два ножа, а сзади разукрашенная золотом палица, вроде кистеня. Справа ехал бывший казанский царь Шиг-Алей с колчаном и налучником за плечами, а с боку два молодых князя, из которых один держал секиру с рукоятью из слоновой кости, а другой — булаву или шестопер. Всадников было до трехсот. Сперва спустил свою собаку Шиг-Алей, а затем и другие охотники и меж них великий князь. Зайцев было затравлено до 300. По окончании охоты все отправились в шатры, раскинутые около какой-то деревянной башни. Князь угощал охотников вареньями и печеньями, а также миндалем, орехами, сладостями и напитками...

Государь, хотя и был ласков, не терпел противоречий, редко собирал боярскую думу и сам решал дела, причем присутствовали двое дьяков — Шигона Поджогин и Меньшой Путятин.

Семейная жизнь Василия III сложилась несчастливо и не чужда была трагических подробностей. Супруга его Соломония, из рода Сабуровых, в двадцатилетнее свое замужество была бездетна. Великий князь печалился об этом, сознавая государственную важность прямого престолонаследия от отца к сыну и по естественному желанию иметь детей. Это отражалось на великой княгине. Она прибегала к знахаркам: призывала к себе женку Стефаниду, прозванием рязанку, и какую-то черницу безносую; первая заговаривала воду, которою велела великой княгине смачивать себя и белье государя; вторая заговаривала масло и мед для натиранья. Но это не помогало, и великий князь все скорбел. Во время объезда своих областей однажды увидел государь на дереве птичье гнездо и сказал: «Горе мне! Кому уподобляюсь? Ни птицам небесным, ни зверям земным, ни рыбам: все они плодовиты... И земле сей не уподобился я, ибо земля во всякое время приносит плоды свои». В Москве государь говорил боярам со слезами: «Кому по мне царствовать на Русской земле? Братьям ли? Но они и своих уделов устроить не умеют». Некоторые бояре сказали на это: «Великий государь! Неплодную смоковницу посекают и измещут из виноградника». Но развод не был одобрен ни митрополитом Варлаамом, ни восточными патриархами и встретил осуждение у Максима-грека, Вассиана Патрикеева и многих других. Митрополит был низложен. Максим-грек и Вассиан, обвиненные, что хулили русских чудотворцев, называя их «смутотворцами» за то, что имели села и крестьян, а также

и за то, что будто испортили своим исправлением церковные книги,— поплатились заточением. На многих бояр легла опала. Соломония в ноябре 1525 года была силою приведена в наш Рождественский монастырь; сам митрополит обрезал ей волосы; надели на нее

Храм Св. Трифона, что в Напрудной, в Москве *).

монашескую мантию и нарекли ей имя Софии, а потом она была отправлена в суздальский Покровский женский монастырь. Герберштейн, повторяя рассказы врагов этого развода, говорит, что Соломония сопротивлялась постригу; дворецкий Иван Юрьевич Шигона будто при этом ударил ее; а насильственно постригаемая сказала:

* Построение этого храма археологи относят к царствованию Грозного, Алексея Михайловича. Но еще при Калите существовало село Напрудское, конечно, с храмом, и появление на монетах ловчего с соколом в руке, совпадающее с иконографическим изображением мученика Трифона в виде конного сокольника, еще при Василии I, указывает на более раннее построение этой церкви, на что указывает псковский стиль первоначального храма, изображенного на приведенном рисунке справа.

«Бог отомстит моему гонителю». Мало того, враждебная сторона утверждала, что Соломония родила в монастыре сына Юрия и, с заглавной мстительностью, в духе ее, воспитала его.

В «свадебницы» (так называлось время от святок до масленицы), в январе 1526 года, государь женился на племяннице известного литовско-русского выходца князя Михаила Глинского, Елене. Свадьба была справлена с особою пышностью и со всеми древнерусскими обрядами. Венчал сам митрополит. Согласно народным обычаям, тут был тысяцкий (брат государев князь Андрей), были дружки, свахи, опаживание жениха и невесты соболями, осыпание хмелем из золотой мисы, иконы с тафтяными убрусами, которые по концам «были сажены жемчугом», бархатные и атласные платки, ширинки, камки подножные, золотые и серебряные деньги, калачи, перепечи и сыры, караваи и свечи, поставленные в кади с пшеницей, кормление молодых жареным петухом и кашей; конюший государев — князь Федор Васильевич Телепнев — всю ночь разъезжал с обнаженным мечом вокруг подклети, или спальни. Роли дружков с обеих сторон исполняли знатнейшие бояре, а обязанности свах — знатные боярыни.

Василий III выказал большую любовь к своей молодой супруге, вероятно, кроме миловидности, владевшей более утонченными манерами, чем московские женщины того времени. Желая нравиться ей, великий князь, которому было под пятьдесят лет, сбрил свою бороду, вопреки господствовавшему у нас обычаю. Но, к огорчению Василия, первые годы его второго супружества оставались бездетны; великий князь с супругою начал усердно ездить по монастырям, раздавал щедрую милостыню и молил Бога о чадородии. В 1529 году государь построил церковь в селе Дьякове, близ Коломенского, где молился о даровании ему сына. Один из приделов этого примечательного по своему самобытно русскому стилю храма посвящен зачатию св. Анны, а другой — зачатию Иоанна Предтечи. Говорят, будто юродивый Дементий предсказал беременной Елене, что от нее «родится Тит — широкий ум». Ростовская летопись говорит, что в ту минуту, когда, 25 августа 1330 года, родился Иоанн, воздух был потрясен неслыханными ударами грома, следовавшими один за другим при ослепительной молнии. Обрадованный отец повез младенца в Троицкую лавру, и там окрестили его у гроба св. Сергия; восприемниками от купели были два известных подвижника: столетний старец Касьян Босой и игумен Даниил Переяславский. Новорожденный был положен в раку преподобного. По этому случаю для мощей святителей Петра и Алексея были отчеканены но-

вые великолепные раки — для первого золотая, для второго — серебряная. В следующем году великая княгиня родила второго сына, Юрия. Тогда Василий III, обеспеченный в престолонаследии собственным потомством, разрешил младшему брату своему вступить в брак и женил его на княжне Хованской. От этого времени до нас дошли письма государя к своей супруге: в них обнаруживается его заботливость о детях и жене. Князь Василий, например, встревожился и засыпал жену вопросами о вереве на шее, появившемся у сына Ивана; он поручает Елене посоветоваться об этом предмете с опытными боярынями.

Пострижение в иноки Василия III.

Любопытны в бытовом отношении подробности сказания о кончине государя. Их интерес возвышается современными иллюстрациями, которые находим в лицевой «Царственной книге». Летом великий князь, проводивший время в своих подмосковных селах, как-то: Коломенское, Воробьево, Воронцово, Остров, Озерецкое, ча-

сто ездил на богомолье по монастырям и на охоту псовую и соколиную. В сентябре 1533 года великий князь, побывав у Троицы, поехал со своей семьей в Волоколамск, чтобы там «тешиться осенней охотой». В дороге на левой ноге у государя появился небольшой, но злокачественный нарыв. Несмотря на это, после Покрова великий князь был в Волоколамске на пиру у своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпев, поехал с собаками и ловчими в поле. Но с охоты в Волоколамск его принесли дети боярские на носилках. Вызванные из Москвы придворные врачи немец Николай Булев и Феофил прикладывали к нарыву пшеничную муку с медом и луком и какую-то мазь, от которой пошел гной. Больному становилось хуже, и он делал предсмертные распоряжения. Дьяк Меньшой Путятин со стряпчим Мансуровым привезли прежнюю духовную государя, которая по его распоряжению была сожжена. Все это было сделано тайком от братьев государевых и бояр. Начали составлять новую духовную. Посоветовавшись со своими любимцами, Василий III призвал в послухи, или свидетели, находившихся при нем князей: Бельского, Шуйского, Глинского, Кубенского и Шигону; из Москвы вызвали еще Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина. Государь хотел умереть в Москве, но заехал в Иосифов монастырь, где, лежа на одре, слушал литургию; подле него стояла великая княгиня с детьми, проливая слезы. В Москву везли больного уже недвижимого в каптане, или возке, и в нем переворачивали его князья Палецкой и Шкурлятев. В селе Воробьево, куда явились митрополит и бояре, была двухдневная остановка. Против Новодевичьего монастыря навели через реку мост. Но четверка лошадей, везшая возок, провалилась; дети боярские подхватили возок и обреза-ли гужи у оглобей. Государь покручинился на городничих (Волынского и Хохрикова), переправился под Дорогомиловым на пароме и въехал в Кремль рано утром, чтобы не оглашалось его безнадежное состояние. Окончив духовное завещание, государь, открыв митрополиту и своему духовнику желание постричься в монахи и посхимиться, обратился со следующими словами к боярам: «Ведаете сами, от великого князя Владимира Киевского ведется наше государство Владимирское, Новгородское и Московское. И вы, братие, постойте крепко, чтобы мой сын учинился на государстве государем; была бы в земле правда, и в вас бы розни не было никоторья. Да приказываю вам Михаила Львовича Глинского, он человек к нам приезжий, но вы не называйте его приезжим, а держите за здешнего уроженца, зане он мне прямой слуга; и были бы вы все сообща, земское дело и дела сына моего зело берегли и делали за

один. А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына князя Юрия, кровь свою пролиая и тело свое на раздробление дал».

3-го декабря умиравший государь вторично причастился святых тайн и назначил правительницей государства Елену. Летописец изображает трогательное прощание государя с трехлетним сыном

Вынос тела Василия III.

Иваном, которого принесли на руках, и с великой княгиней, которую держали под руки, а она вопила и билась. Ивана он благословил на государство крестом Петра Чудотворца, коим благословлен был Иоанн Калита. Отпуская сына, государь сказал его няне, боярыне Челядниной: «Смотри, Аграфена, от сына моего Ивана не отступи ни пяди». Затем Василий благословил и годовалого сына Юрия. Чувствуя приближение смерти, великий князь приказал ми-

трополиту начать постриг и посхимление. Но тут вдруг выступили брат его Андрей, Михайло Воронцов и сам Шигона с возражениями, что Владимир Киевский не чернецом умер, а сподобился быть праведным, так же, как другие князья. Поднялся спор; но умирающий, лишившийся уже языка и рук, взором просил пострига. Митрополит, как видно на приведенном иконописного характера рисунке, совершил пострижение, возложил на него парамонатку, ряску, мантию, наконец, схиму и евангелие на грудь и нарек его иноческим именем Варлаама. «Царственная книга» говорит: «Стоящи же близ него Шигона, как положили евангелие на груди, вид дух его отшедший, аки дымец мал». Дворец огласился рыданием. Митрополит тотчас стал приводить находившихся во дворце к присяге, а иноки Троицкого и Иосифова монастыря, отослав стряпчих, овладели телом великого князя и стали готовить его к погребению. Настало утро 5-го декабря. В Архангельском соборе готова была могила, и тело великого князя, при звоне колоколов и рыдании народа, перенесено было из дворца в эту державную усыпальницу. Великую княгиню, как видно на приведенном выше рисунке, изображающем вынос в Архангельский собор, несли на саних. Погребение было совершено с обычными обрядами.

VII

При царе Иоанне IV

Нервое в нашей истории царствование государя Иоанна IV составляет примечательную эпоху в истории Москвы. Но мы не станем останавливаться на личности и казнях его. Об этом слишком уж много было писано у нас. Да и западные историки, имея дело с не менее жестокими, чем он, современными ему правителями, каковыми были Филипп II Испанский, Генрих VIII и Мария Тюдор в Англии, совершавшие свои кровавые казни при свете возрождения наук, при наличии парламентского режима, не так уже, как у нас, копаются в жестокостях. И сам Иоанн IV получил за них тяжкие воздаяния от наших историков. Наш же народ, терпеливо перенесший всю тяжесть второй половины его правления, назвал его только Грозным. В этом он проявил совсем иное отношение к своему царю, чем англичане, которые свою королеву, современницу Иоанна IV, называли «кровавой» Марией. И в памяти народной тень Иоанна живет более в образе славного покорителя Казани, Астрахани и Сибири, чем в виде облитого кровью тирана.

Тринадцать лет (с 1533 года) шло регентство сперва матери государя, великой княгини Елены, а затем боярской думы, пока наконец юный Иоанн не принял в свои руки бразды правления. Мы не станем также описывать отрицательные явления этой поры, а лучше обратимся к истории Москвы как города, к дальнейшим успехам ее быта.

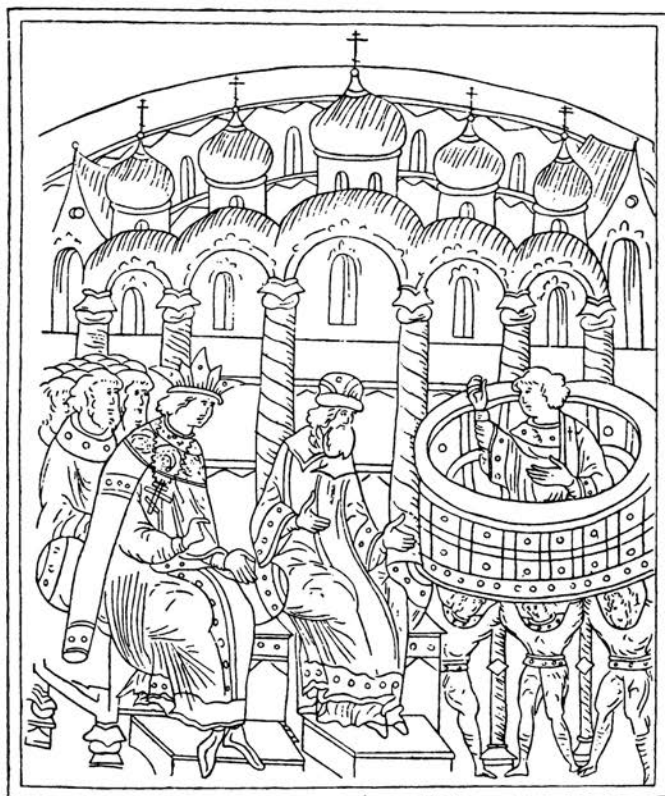
Башня Китай-города.

Памятником регентства Елены была постройка крепостных стен Китай-города. Ввиду того, что Кремль в случае осады не мог уже за своими стенами вмещать сильно увеличившееся народонаселение, Василий III желал построить еще новую крепость. Осуществлением этой мысли занялась великая княгиня. Работы были начаты в 1534 году. Сперва «сделан бысть в Москве град земляной по тому месту, где мыслил ставить великий князь Василий Иванович». «Град был сделан

на большее пространство Москвы. Хитрецы (розыслы-инженеры) устроиша его вельми мудро, начен от каменных большия стены (кремлевской), *исплетяху тонкий лес* (хворост) около большого древия и внутрь насыпаху землю и вельми крепко утверждаху и ведоша по реке Москве и приведоша к той же каменной стене и на версе устроиша град деревян, по обычаю (то есть помост с кровлей, для защиты). Нарекоша граду имя Китай».

По мнению И. Е. Забелина, прозвание Китай значит, по всей вероятности, плетеничный: ибо китай — веревка, сплетенная или свитая из травы, соломы или прутьев, коими вяжут одонья. То обстоятельство, что для постройки земляных стен *исплетяху тонкий лес*, подтверждает такое предположение. Но правительница не удовольствовалась этими деревянно-земляными стенами и повелела «на большее утверждение град камен ставить, а подле земляной город». В 1535 году вдоль рва, по совершении митрополитом Даниилом крестного хода, заложена была каменная стена с башнями и воротами (Сретенские, Ильинские или Троицкие, Варварские и Космодамианские, выходившие на Большую улицу к Москвереке). Митрополит своей рукой клал краеугольные камни стрельниц. Издержки на эти сооружения были возложены на бояр, духовенство и торговых людей. Население привлекалось даже к самой стройке стен. «Строил Петр Фрязин, подошву градную основав». Новые стены охватили часть Большого посада, где производилась торговля. Приступлено было и к постройке каменных лавок, число

которых к началу XVII столетия уже было весьма значительно; в них производилась торговля европейскими и азиатскими товарами, что видно из названий: Фряжских погребов, Суровского и Панского рядов и проч. Другим памятником правления Елены было построение церкви Иоанна Предтечи, близ Солянки, и основание при ней Ивановского женского монастыря, в который впоследствии были заключаемы знатные затворницы.

Венчание на царство Иоанна IV.
По Царственной книге.

Немаловажную реформу произвела Елена в чеканке монеты. В предшествующее время распространились обрезающие монеты и даже ее подделка, хотя фальшивых монетчиков жестоко казнили, заливая им горло расплавленным металлом. Правительница велела отбирать всю старую испорченную монету и чеканить новую. Из фунта серебра, или гривны, теперь вычеканивалось три рубля, или

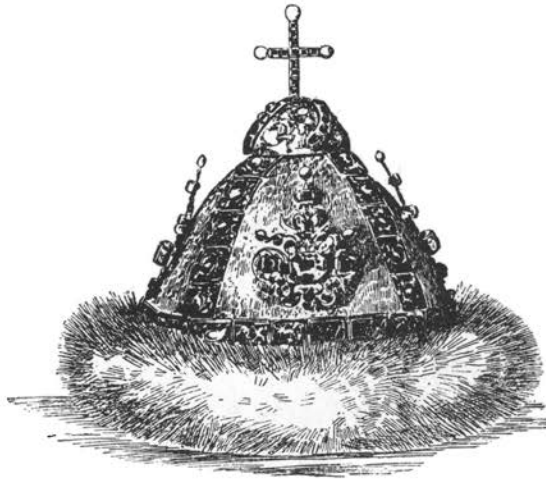
300 денег. Три деньги составляли алтын, пятьдесят денег полтину. Окончательно был установлен штемпель московской монеты. Мы знаем, что на ней с давнего времени стали господствовать всадники: то ловчий с соколом в руке, то всадник с копьем, то всадник-мечник. В это время восстановлен был появившийся при Василии Темном конный копейщик. Об этом летописец говорит: «великий князь Иван Васильевич учини знамя на деньгах: князь Великий на коне и имея копье в руке, и оттоле прозвашася деньги копейныя». Таким образом, установившийся с Иоанна III только на государственных печатях герб сделался окончательно монетным штемпелем, пока не был заменен двуглавым орлом. Денежный двор находился на Яузе, в Денежной слободе, где теперь церковь Троицы в Серебрениках.

В 1540 году принесена была из Ржева чудотворная икона и встречена великим князем и митрополитом близ Новинского монастыря (который был основан еще митрополитом Фотием, при Василии Темном), и здесь была устроена придельная церковь, в память этого события. Название местности Новинское происходит от села Новинки, упоминаемого при Василии III, а другие производят от существовавшего будто здесь храма Иисуса Навина.

Минуем, как слишком известные, детство и отрочество Иоанна и времена боярского управления и обращаемся к первым проявлениям самостоятельной деятельности Иоанна, имевшим важное значение в истории Москвы: венчанию его на царство и женитьбе.

В 1547 году, когда Иоанну было 17 лет, он объявил митрополиту Макарию о намерении своем жениться. По этому случаю был отслужен торжественный молебен в Успенском соборе. После этого молодой государь, созвав своих бояр, объявил и им о своем намерении, причем сказал, что хотел искать невесту в ином царстве, но оставил эту мысль и хочет жениться в своем государстве. При этом государь сказал боярам и другое важное решение — венчаться на царство, по примеру своих прародителей, начиная от Владимира Мономаха. Это священное коронование было совершено 16 января в Успенском соборе митрополитом Макарием, по тому же чину и почти с такими же обрядами, как уже известное читателям венчание внука Иоанна III — Дмитрия. Важным же отличием этого священнодействия было то, что теперь к прежнему титулу великого князя государь присоединил новый, высший прежнего, титул царя. Таким образом Московское государство вся Русь стало царством. Царский титул прилагался иногда к деду Иоанна IV; отец его Василий III уже чаще именовался царем. Но с коронации Иоанна Ва-

сильевича употребление царского титула сделалось постоянным, и государь именовался царем во всех государственных актах. Русские люди того времени придавали важное значение этой перемене. По понятиям книжных людей, русский царь является прямым преемником православных царей греческих, от которых он происходил и по бабке своей Софье Фоминишне, и по прародительнице Анне, супруге Равноапостольного Владимира. Русские современники писали, что теперь царство Российское есть третий Рим, оно

Шапка Сибирского царства.

является преемником двух прежних: «два убо Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быть». Единственным авторитетом, к которому Иоанн обратился за подтверждением нового титула, или его благословением, был Царегородский патриарх. От него была получена благословенная грамота.

В «Собрании Государственных грамот и договоров» приведен порядок этого венчания на царство, с его обрядами и молитвами. После пения «трисвятаго» на государя возложен был сперва животворящий крест, затем бармы и венец Мономаха. И царь воссел затем на трон, поставленный на амвоне, рядом со святительским сидищем.

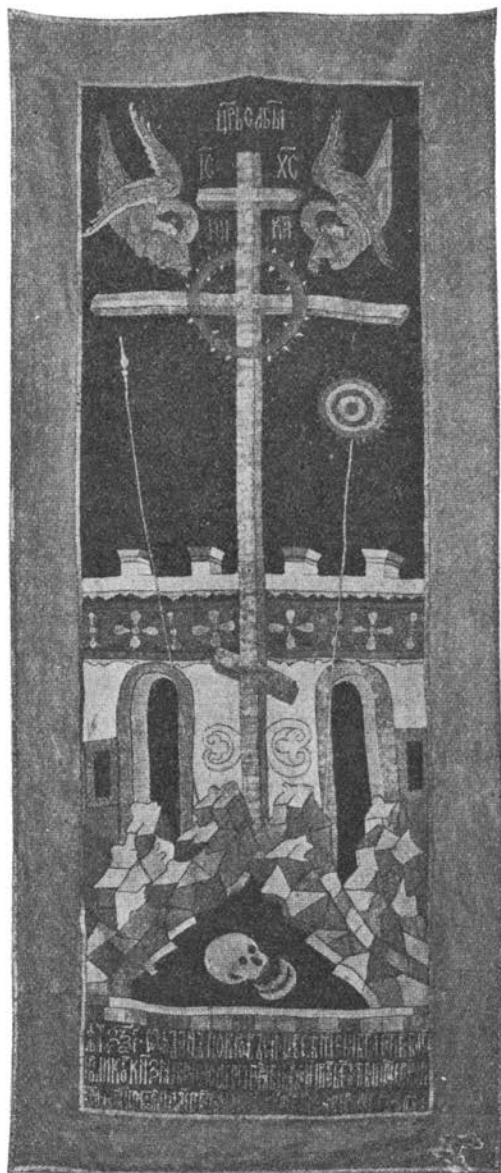
Воспроизведенная из «Царственной книги» миниатюра относится к этому. Она представляет нам следующий момент: «и по молитве сел царь на своем столе, а митрополит на своем, и вышел на

амвон архидиакон, глаголя велегласно многолетие царю Иоанну Васильевичу Русскому, и весь освященный собор Русския митрополии». Амвон устроен здесь по-новгородски: «человечки деревянные

на главах держат его». Очень хорошо бы сделали наши художники, посвящающие себя исторической живописи, если бы как эту, так и другие исторические миниатюры подвергли художественной транскрипции, придав им перспективу и фигурам живость и естественность и т. д.

Иоанн IV в 1551 году, когда он хлопотал об утверждении за собой царского титула, соорудил себе царское место, находящееся теперь в Успенском соборе. Оно устроено в виде шатровой сени, на четырех столбах, наподобие тех сеней, которые устраиваются над престолами. Сень поддерживают четыре символических животных: лев, или скимент, гиенна и еще два, называвшиеся остроганами. На самом троне сделаны надписи и вырезаны изображения из жизни Владимира Мономаха и среди них касающиеся принесения из Византии царских регалий.

После коронации были разосланы грамоты, чтобы князья, бояре и дворяне прислали своих дочерей-девиц на смотр наместни-

Покров на мощи Преподобного Сергия царя Иоанна Васильевича и царицы Анастасии Романовны.

Основанный Анастасией Романовной на Б. Дмитровке Георгиевский монастырь.

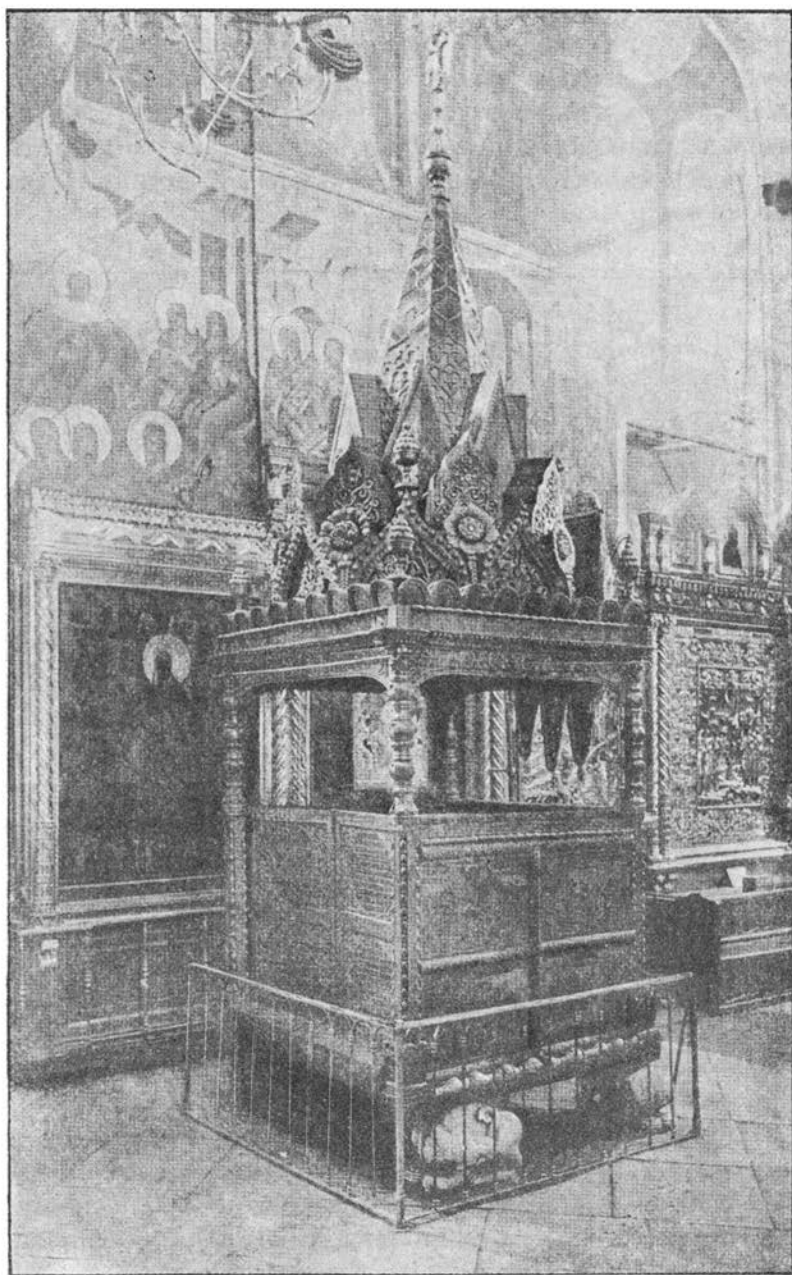
кам; последние делали набор: отделяли из них красивых и отсылали в Москву для избрания царю невесты. Выбор Иоанна Васильевича остановился на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, происходившей от рода боярина времен Семеона Гордого — Андрея Кобылы. Внук его Иван Федорович Кошкин, ближний боярин Василия I, в числе других сыновей имел Захарию; его сын Юрий, боярин Иоанна III, был родоначальником линии Захарьиных-Юрьевых. Из них Роман Юрьевич оставил после себя вдову Юлианию Федоровну с сыновьями Даниилом и Никитой и дочерьми Анной, вышедшей за князя Сицкого, и Анастасией Романовной, ставшей царской невестой. Она воспитывалась в доме деда под руководством тетки своей Феодосии Юрьевны, в приходе Георгия на Дмитровке за Житной площадью, где построена была церковь Юрием Захарьиным. Впоследствии царица Анастасия Романовна родительский дом обратила в Георгиевский монастырь.

Бракосочетание царя и Анастасии Романовны было совершено митрополитом Макарием 3 февраля в Успенском соборе. При этом первосвященник произнес речь новобрачным, увещевая их прилежать церкви, творить милостыню, заступаться за вдов и сирот, не слушаться злых наветов и лстецов, бояр и боярских детей жаловать и так далее.

Свадьба была справлена со всеми народными обычаями, посаженной матерью была княгиня Евфросинья Старицкая, а тысяцким — ее сын, князь Владимир Андреевич. Родной брат царя Юрий в первый раз сидел за столом «в большом месте», конюший Михайло Глинский ездил всю ночь около подклети. Юрий Глинский «слаг постели и водил новобрачного в мыльню». Через две недели после свадьбы новобрачные отправились к Троице на богомолье, причем царь, несмотря на зиму, шел пешком.

Кроме этих двух событий — царского венчания и свадьбы государя, в этом году в истории Москвы приобрели особое, чрезвычайное значение пожары. Огонь их поставил Иоанна на иной путь, свернув с того, который предопределяло для него его печальное детство и который отмечен казнями во второй половине его царствования, после смерти царицы Анастасии.

Весной 12 апреля выгорела часть Китай-города, примыкавшая к Москве-реке, с некоторыми церквями, гостиным двором и другими лавками. Одна крепостная башня, служившая пороховым складом, взлетела на воздух с немалой частью китайской стены. Затем, 20 апреля, выгорела часть посада около устья Яузы, на Болвановке, где жили кожевники и гончары. Но вот 3 июня в Кремле с деревян-

Трон Мономаха

ной звонницы упал большой колокол «Благовестник» («напрасно отпаде»), когда начали звонить в него к вечерне. При падении у этого колокола отбились уши. Все встревожились этим, как недобрым предзнаменованием. Даже Иоанн, жестоко расправлявшийся с псковскими «жалобными людьми» в Коломне, получив это

Резные изображения на троне Мономаха.

тревожное известие, бросил все, прискакал в Москву и приказал как можно скорее приделать к колоколу уши. Как близко принимали это в то время к сердцу, видно из того, что «Дарственная книга» посвящает особый рисунок этому исправлению колокола, совершенному в присутствии царя и царицы... Предзнаменование, по-видимому, оправдалось. 21 июня вспыхнул новый, еще невиданный с начала Москвы, пожар. Он пошел от Воздвижения на Арбате и сжег все Занеглименье. Поднялась буря и погнала отсюда

Поход на Казань. По Царственной книге.

церкви Св. Василия, со многими храмами, причем погибла масса древних книг, икон и драгоценной церковной утвари. Около двух тысяч человек сгорело живьем, митрополит Макарий едва не задохнулся от дыма в Успенском соборе, откуда он своими руками вынес образ Богоматери, написанный святителем Петром. Владыка в сопровождении протопопа Гурия, несшего Кормчую книгу, взшел на Тайницкую башню, охваченную густым дымом. Макария стали спускаться с башни на канате на Москворецкую набережную, но тот оборвался, и владыка так ушибся, что едва пришел в себя и был отвезен в Новоспасский монастырь. Царь с семьей и боярами уехали за город, в село Воробьево.

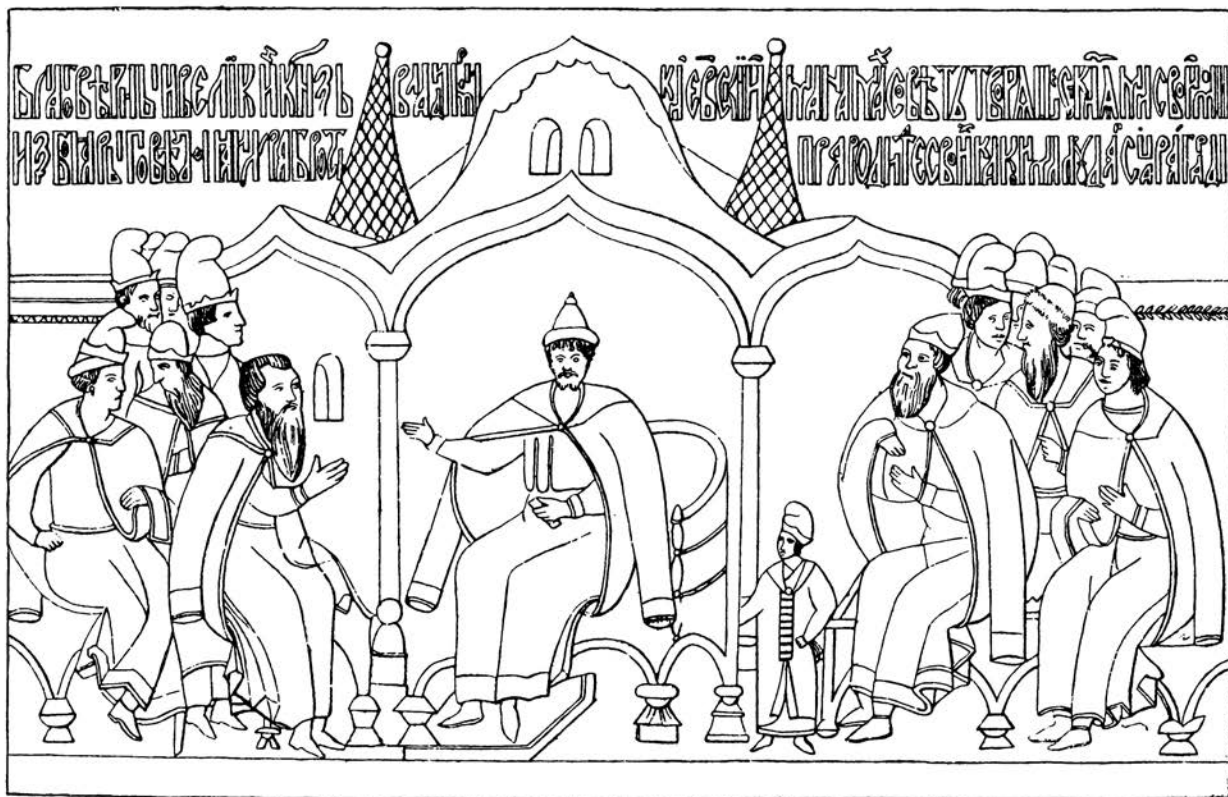
Интрига пустила в народ молву, что Москва сгорела от Глинских, родственников царя. Бабка его, княгиня Анна, будто разрывала могилы и из покойников сердца вынимала, высушив их, толкла, порошок сыпала в воду, а той водой, разъезжая по Москве, улицы кропила, от того-де Москва и сгорела. Громадный пожар 1547 года

огонь на Кремль: там загорелся верх Успенского собора, крыша царских палат, двор царской казны, Благовещенский собор с его драгоценными иконами греческого и русского письма (Андрея Рублева), митрополичий двор и царская конюшня. Погорели монастыри — Чудов и Вознесенский, и погибли все боярские дома в Кремле. Одна пороховая башня с частью стены взлетела на воздух. Пожар перешел в Китай-город и истребил оставшееся от первого пожара. На Большом посаде сгорели: Тверская, Дмитровка до Николо-Грачевского монастыря, Рождественка, Мясницкая до Флора и Лавра, Покровка до несуществующей теперь

имел чрезвычайную важность не только потому, что потребовал от Иоанна IV большой строительной деятельности по восстановлению Москвы, но и потому, что произвел благотельный переворот в душе царя, сблизил его с протопопом Сильвестром, автором знаменитого «Домостроя», Алексеем Адашевым и другими благомыслящими людьми, во главе которых стоял митрополит Макарий, и побудил Иоанна к личной работе по управлению государством. С этой катастрофы начинается блестящий тринадцатилетний период царствования Иоанна, прославленный завоеванием огромного Поволжского пространства от Казани до Астрахани, счастливой войной с Ливонией, изданием Судебника и целым рядом правительственных преобразований. Москва в это время видела впервые земский собор, слушала речь государя к народу с Лобного места*, была свидетельницей чрезвычайно важного церковного собора, так называемого Стоглавого. Но все это, равно как и страшный новый перелом в характере Иоанна, завоевание Сибири и прочие политические события, более относятся к нашей общегосударственной истории, чем к истории Москвы как города, и по своей общеизвестности уже давно стало общим местом. Для нас же представляет больший интерес то, что касается памятников Москвы за это время, ее быта, ее тогдашней культуры. По приказанию царя были отстроены пострадавшие от пожара Успенский и Благовещенский соборы, Грановитая палата и дворец. Верх Успенского собора был покрыт вызолоченными медными листами.

Покорение Казани отразилось в Москве особыми памятниками. Приведенный выше рисунок изображает отправление войск из Москвы под Казань. С великим торжеством после взятия Казани государь возвратился в Москву. Народ встретил его на Яузе, в Ростокине, а митрополит Макарий — у Сретенского монастыря и сказал царю речь, на которую отвечал и Иоанн. Здесь он облачился в царские одежды и шапку Мономаха и пешком с крестным ходом вступил в Кремль. Прежде всего покорение Казани дало Москве собор Покрова Богородицы, или храм Василия Блаженного, построенный молодым царем в память присоединения к России царства Казанского. «Известный всему свету этот памятник,— говорит И. Е. Забелин,— по своей оригинальности занял свое место и в общей истории зодчества и вместе с тем служит как бы типической чертой самой

* При этом случае в первый раз упоминается Лобное место, названное так по тому взлобью, или возвышенности, на коей находится, или в память Лобного места в Иерусалиме. Отсюда объявлялись царские указы, митрополиты и патриархи, во время крестных ходов, благословляли народ и служили здесь молебны.

Владимир Мономах, по резному изображению, на троне Иоанна IV.

Москвы, особенной чертой самобытности и своеобразия, какими Москва, как старый русский город, вообще отличается от городов Западной Европы. В своем роде это такое же, если еще не большее, московское, притом народное диво, как Иван Великий, царь-колокол, царь-пушка. Западные путешественники и ученые исследователи истории зодчества, очень чуткие относительно всякой самобытности и оригинальности, давно уже оценили по достоинству этот замечательный памятник русского художества» («Черты самобытности в древнерусском зодчестве»).

Чужедумные же люди во что бы то ни стало стараются отвергнуть всякую самобытность и оригинальность в русском народе и пытаются доказать, что и храм Василия Блаженного построен или в индийском, или в арабском и мавританском стиле. Но теперь уже доказано, что все его элементы самобытно-русского характера, проявлявшегося в русском теремном, церковном и крепостном (башенном) творчестве. («Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях» Н. Султанова, «Памятники древней письменности».)

Ход постройки Покровского собора представляется таким: в память завоевания Казани, а затем Астрахани была начата эта многосложная работа с 1553 года деревянной постройкой храма Св. Троицы, что *на рву* (крепостном), к которому потом прибавлена церковь Покрова с приделами. В 1555 году был заложен каменный Покров о девяти верхах, оконченный уже в 1559 году, хотя и не совсем. Летописец записал следующее: «В лето 7068 октября, совершена бысть на Москве церковь Покров Богородицы, что у Троицы на рву, и после того сотворена бысть тое церковь; тут же у св. Троицы *различными образцы и многими переводы* на одном основании девять престолов совершено».

Священник И. И. Кузнецов нашел в Румянцевском музее рукопись «Летописец № 611», в которой оказалась вставка из другой рукописи, повествующая о закладке собора царем Иоанном IV вместе с митрополитом Макарием. Здесь названы и зодчие, которым было поручено сооружение собора. Это некий «Барма и Постник с товарищи».

Другим памятником в Москве покорения Казани является хранящееся у нас в Оружейной палате знамя, под которым стоял молодой царь во время штурма города. Воспроизводим этот примечательный стяг. На нем мы видим Нерукотворный образ Спаса, поддерживаемый двумя ангелами. Вокруг образа вышит тропарь: «Пречи-

стому Твоему образу покланяемся, Благий, просяще прощения прегрешениям нашим, Христе Боже...»

Кроме этого, мы имеем еще ряд современных иллюстраций к казанской войне, сделанных московскими миниатюристами к «Цар-

Храм Василия Блаженного.

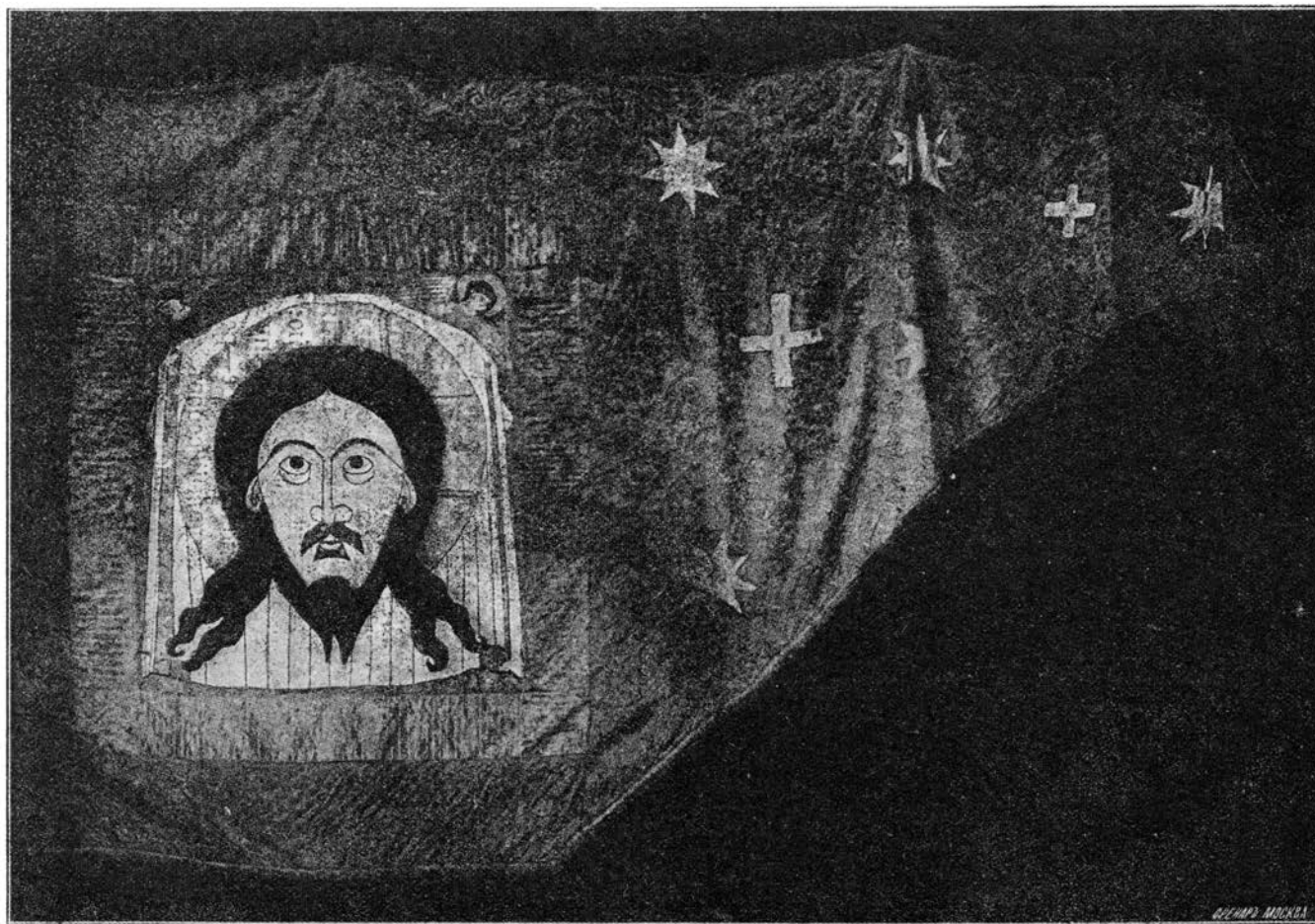
ственной книге», хранящейся в Патриаршей библиотеке и в Летописце той же библиотеки. Приведенная выше и изображающая отправление войска в Казань миниатюра дает нам некоторое понятие о военном быте времени Иоанна Грозного.

До последнего подъема русского сознания у нас господствовали тенденции, что вся московская допетровская Русь — это сплошной и безрассветный мрак невежества. Теперь, когда мы освободили свои глаза от чужих очков, историческое зрение лучше видит проблески русской образованности и культуры даже в такое время, каким является эпоха Грозного царя. Не воспользовавшись еще возро-

Большая царская печать Иоанна IV.

ждением наук и искусств, изобретениями и открытиями, мы в эту пору, конечно, отстали от Запада; но было бы в высшей степени неосновательно думать, что мы стояли тогда на уровне азиатских народов. У нас была своя образованность. Представителями ее были ученый Максим-грек, митрополит Макарий, составитель громадного сборника произведений письменности, известного под именем «Великих Четых-Миней», и летописного свода — «Степенной кни-

Знамя Грозного.

ги», протопоп Сильвестр, автор «Домостроя», князь Курбский, наконец, сам Иоанн IV и другие. Громадная библиотека Грозного, которую недавно отыскивали в подземных тайниках Кремля, представляла богатейший фонд для русского образования.

Рассмотрев это драгоценное собрание книг — на греческом, латинском и еврейском языках, замурованное в сводчатых подвалах, немец Веттерман пришел в неизъяснимый восторг: он увидел здесь много даже классических сочинений, которые совсем были не известны западной учености.

К царствованию Иоанна IV относится и введение в Москве книгопечатания. Юный царь еще в 1548 году велел Иоанну Шлитте привезти в Москву из-за границы вместе с другими техниками типографщиков. Но немцы, завистливо опасаясь подъема образованности в России, не пропустили их к нам. Только с помощью датчан, в 1553 году, у нас была устроена типография. Царь дал из собственной казны средства на устройство книгопечатной палаты. Немедленно нашлись русские люди, способные к типографскому искусству, и стали нашими первопечатниками. То были дьякон от церкви Николы Гостунского Иван Федоров, его товарищ Петр Тимофеевич Мстиславец и Маруша Нефедьев. Спустя 10 лет, в 1664 году, в Москве появилась первая печатная книга «Апостол», довольно красивая по своей бумаге и печати, а в следующем году «Часослов». Но многочисленный класс переписчиков, видя со стороны типографии подрыв своему ремеслу, начал смущать чернь, обвиняя книгопечатников в ереси. Чернь подожгла ночью печатный двор, и первопечатники спаслись из Москвы бегством. Однако начатое ими дело не погибло: царь велел возобновить типографию, и печатание книг продолжал их ученик Андроник Невежа.

Искусство письма к этому времени достигло высокой степени процветания. Рукописи этого времени, как, например, «Царственная книга» и так называемый «Синодальный летописец», а также множество других украшены миниатюрами, а некоторые великолепным в красках и золоте орнаментом, заставками и причудливыми заглавными буквами.

Живопись также продолжала развиваться. В эту эпоху появляются у нас лицевые подлинники, составлявшие руководства для наших иконописцев. Во время большого пожара 1547 года погибли, между прочим, и произведения кисти знаменитого Андрея Рублева, и пришлось много работать по восстановлению живописи в кремлевских соборах. Стоглавый Собор старался упорядочить нашу иконографию; он определил поставить над иконниками четырех

старост — смотреть, чтобы иконы писались верно с установленных образцов, чтобы неискусные в этом деле перестали им заниматься и чтобы молодые ученики были отдаваемы к добрым мастерам. Но московская школа живописи была не в силах одна справиться с этой задачей. Митрополит Макарий, сам искусный в иконописании, и протопоп Сильвестр, будучи новгородцами, посоветовали царю призвать на подмогу иконописцев из Новгорода и Пскова. На время работ привезли в кремлевские соборы иконы из разных городов: Новгорода, Звенигорода, Смоленска и других. Выписанные иконники рисовали по образцам монастырей Троицкого и Симонова, славившихся произведениями старой московской школы.

Оборотная сторона царской печати в уменьшенном размере.

Из псковских мастеров известны Останя, Яков, Семен, Глаголь. Одновременно с писанием новых икон новгородско-псковские мастера расписывали своды и стены царских палат священными изображениями, бытейским письмом, как, например, Христа и святых или символических фигур: мужества, разума, чистоты, правды и т. д. В это время выступил дьяк Висковатый с заявлением, что новые образа написаны несогласно с церковными преданиями. «В палате царской притчи,— говорил он,— писаны не по подобию: написан образ Спасов, да туто же близко него написана жонка, спуся рукава, кабы пляшет; а подписано под нею: блужение, а иное — ревность и иныя глумления». Созванный в это время Стоглавый Собор обсудил это, и митрополит объяснил Висковатому, что в палате

Иоанн IV. По Титулярнику.

трах, в камчатных одеждах с бармами и золотыми поясами, вообще в виде византийских царей. Затем следовали основатель Москвы Юрий Долгорукий и родоначальник московских князей Александр Невский и другие наши государи.

Разбираясь в памятниках при Грозном, мы должны обратить внимание на те изменения, какие при нем претерпел наш государственный герб. Изменения эти представляют нам его новую геральдическую фазу и заключаются в следующем: на большой государственной печати «Царства Всероссийского» московский всадник, поражающий дракона помещается теперь на груди императорского орла. Вокруг него, ниже восьмиконечного креста с надписью: «Древо дарует древнее достояние», размещаются гербы объединенных под властью Москвы княжеств и царств. Выбитый круговой надписью титул своими размерами уже превосходит титул отца и деда государя. Он начинается словами: «Бога в Троице славимаго милостию, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, и Владимирский, и Московский государь и великий князь Новаго-города, Низовския земли и проч.».

Делала при Иоанне Васильевиче успехи и пышность придворной обстановки. Особенно любил царь удивлять этим иностранных послов. Так, в 1576 году, при приеме польского посла, присланного Стефаном Баторием, не только дворец был переполнен боярами в блестящих одеждах, но на крыльце и в переходах до Набережной палаты, у перил до Благовещенского собора были размещены во множестве гости, купцы и приказные, все в золотых одеждах; на площади было расставлено возникшее при Иоанне новое войско — стрельцы с ружьями. На придворные обеды при Иоанне IV приглашались громадные массы служилых людей, по 600 и 700 человек. Однажды, во время войны с ливонскими немцами, был устроен придворный обед на 2000 человек. Царь дивил иностранцев обилием в своем дворце золота, самоцветных камней, жемчуга и прочих драгоценностей.

Но, при всех этих успехах, Москва при Иоанне IV мало обстраивалась новыми постройками. Кроме упомянутого выше Покровского собора, при нем в 1543 году, говорит летопись, доделали церковь Воскресения на площади, возле Ивана «святый под колоколы» (начатую Петром Фрязиным при Василии III); а лестницу и двери приделали в 1552 году московские мастера; в 1555 году царь и митрополит в ту церковь «принесли Рождество Христово от Мстиславскаго двора и собор устави». В 1547 году близ Тайницких ворот был построен собор Черниговских Чудотворцев, где были положены принесенные тогда в Москву мощи св. князя Михаила и его боярина Феодора. В память победы над крымцами, в 1573 году, была построена церковь Рождества Христова в Палашах близ Тверской улицы, где находится чудотворная икона Божией Матери

Памятник первопечатнику у стены Китай-города.

«Взыскание погибших». В 1582 году на месте приходской церкви Св. Никиты боярин Никита Романович Юрьев, брат царицы Анастасии и отец патриарха Филарета, построил Никитский женский монастырь. В 1583 году у Иоанна от седьмой его жены Марии Нагой родился сын Димитрий — Уар (Угличской). В память этого был построен придел мученика Уара при церкви Иоанна Предтечи, у Боровицких ворот. Здесь была поставлена икона этого святого

в меру роста царевича. Перед иконой лежал камень, служивший ступенью для прикладывавшихся. Сюда, когда Димитрий царевич был причислен к святым, матери клали грудных болящих детей. Позади большой Набережной царской палаты в 1560 году был вновь перестроен Сретенский собор, основанный Василием I.

Из дворцовых построек этого времени известны следующие: в 1560 году, около упомянутого Сретенского собора, царь «повелел делати двор особый детям своим». При учреждении опричнины, в которую были отобраны улицы: Чертолье (Пречистенка), Арбат-

С иконы Симона Ушакова.

ская с Сивцевым врагом, Сенчинское (Остоженка) и половина Никитской, с разными слободами до вполъя Дорогомиловского, царь велел выстроить для себя новый дворец на Неглинной (на нынешней Воздвиженке) и обнести его высокой стеной.

Столь небольшая сравнительно строительная деятельность Грозного некоторыми историками объясняется тем, что он будто был поглощен казнями. Но это неверно. Москва в его время двукратно была опустошена громаднейшими пожарами: в 1547 и 1571 годах. Иоанну было слишком много дела по одному только восстановлению сгоревших зданий.

В последний из указанных годов, 24 мая, крымские татары подступили к Москве и зажгли ее посады. При сильном ветре пожар распространился быстро и поглотил собою все деревянные здания Китай-города и посадов. При этом погибло много народу. Главный воевода И. Д. Бельский задохся у себя на дворе в каменном погребке; та же участь постигла и многих из знати. Москва-река была запружена трупами искавших в ней спасения, так что надо было ставить людей с баграми, чтобы сплавлять трупы вниз по течению. В Кремле выгорел государев двор. По свидетельству летописи, в «Грановитой, Проходной, Набережной и иных палатах, прутье железное, толстое, что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». Двор государя уже после его смерти был возобновлен Феодором Иоанновичем и Борисом Годуновым. Иоанном IV был выстроен загородный дворец в селе Воробьеве.

Около вышеупомянутого времени в Москве был сильный голод. Четверть ржи стоила 60 алтын, по тому времени цена неслыханная; затем открылся сильный мор, продолжавшийся до 1572 года. Вследствие всех этих бедствий население Москвы сильно уменьшилось в своем числе. Если должно с большой осторожностью принимать свидетельство Антония Поссевина, потерпевшего неудачу по части пропаганды у нас папизма и унии и не получившего от царя позволения построить в Москве костел католический, будто в Москве в 1581 году насчитывалось жителей не более 30 000, то, несомненно, от упомянутых катастроф, от казней и перенесения царской резиденции в Александровскую слободу Москва сильно сократилась в своих размерах и самом числе жителей.

Рассказы современников о наружности Иоанна IV отличаются разнообразием и даже противоречиями, потому что относятся к разным периодам его жизни. Англичанин Горсей говорит, что он был красивой и величественной наружности, с пригожими чертами лица, с высоким челом. Другой иностранец, Даниил из Бухова, передает, что он был очень высокого роста, тело имел полное, глаза большие, постоянно бегающие, все высматривающие. Но когда Иоанн в первый раз приехал из Александровской слободы, москвичи были поражены, что у него на голове и в бороде волосы почти все вылезли, и он сильно похудел и постарел. Хронограф XVII века, известный под именем Кубасовского, говорит, что «царь имел очи серы, нос протягновен, возрастом велик бьяше, сухо тело имея, плещи высоки, груди широки, мышцы толстыя».

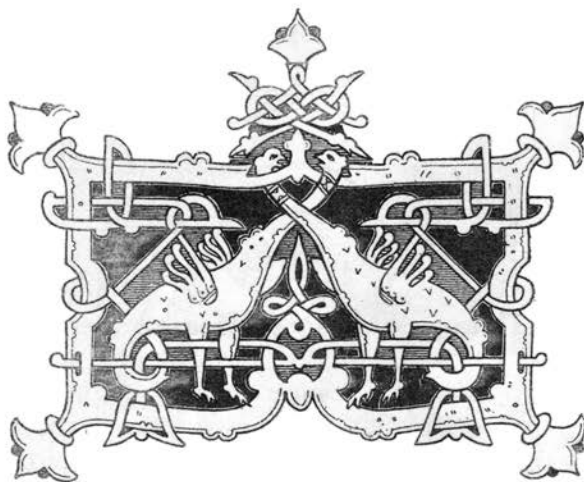
Невоздержанный образ жизни и постоянное тревожное состояние духа тяжело отразились на Грозном. В 50 лет он совершенно

Иоанн IV. Статуя Ангокольского.

расстроил свое здоровье и прежде времени состарился. Зимой 1584 года у него открылась тяжелая болезнь: его внутренности стали гнить и все тело пухнуть. По монастырям разослали грамоты с просьбой молиться об исцелении болящего царя. Во время облегчения от болезни Иоанн развлекался рассматриванием своих драгоценностей или игрою в шахматы и разговорами с знахарями и шутами или же слушал былины и сказки. 18 марта, после трехчасовой теплой ванны, он потребовал шахматы и хотел играть с боярином Бельским, но вдруг упал. Пока иностранные врачи хлопотали, митрополит Дионисий совершил над ним обряд пострижения и нарек его

Ионой. Новый царственный инок был погребен в диаконнике Архангельского собора. Над гробницей сделана надпись: «В лето 7002—1584, марта в 19 день, на память свв. мученика Хрисанфа и Дарии, преставися благоверный государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, а в иноцех Иона». Вблизи этой гробницы находится прах его сына, царевича Ивана Ивановича.

VIII

При царе Феодоре Иоанновиче

о смерти Грозного Москва присягнула сыну его Феодору Иоанновичу, который совершенно не походил на своего отца и на старшего брата Ивана: он был слаб телесными и душевными силами, мал ростом, бледен лицом, с которого почти никогда не сходила простодушная улыбка; ходил он тихими неровными шагами; был очень набожен и походил скорее на инок, чем на царя; нравом был чрезвычайно добродушен, приветлив и кроток.

На следующей странице воспроизводим иконописный портрет его, перенесенный теперь из Архангельского собора в Исторический музей. Лицо у царя продолговатое, худощавое, изжелта-смуглое, нос длинный, загнутый, волосы темнорусые, курчавые; лоб высокий, брови тонкие, глаза большие, навывкате. Одежда царя состоит из станового кафтана, украшенного дорогими камнями, со стоячим пристяжным ожерельем. Феодор на портрете был изображен без царской короны, но с венцом святых, так как, хотя и не был причислен к лику святых, признан был таковым патриархом Иовом, который составил его житие. В рукописных святцах XVII столетия он упоминается в ряду святых, как «святый благоверный царь и великий князь Феодор Иоаннович», а в рукописных подлинниках этого времени именуется «новым всея России Чудотворцем».

Уже в ночь после смерти Грозного сторонники Феодора Иоанновича распорядились отправить маленького его брата Дмитрия с его матерью и родственниками Нагими в Углич, данный ему отцом. Скоро за тем поднялся в Москве мятеж; в народе распространили слух, будто боярин Богдан Бельский, сторонник Нагих, отравил покойного царя и хочет извести и самого Феодора. Тысячные толпы бросились к Кремлю, овладели в Китай-городе пушкою и на-

Царь Феодор Иоаннович.

правили ее на Спасские ворота. Царь Феодор выслал к мятежникам бояр Мстиславского и Романова и приказал объявить, что Бельский будет немедленно выслан из Москвы. Мятеж прекратился.

Через шесть недель после смерти Грозного, 31 мая 1584 года, происходило царское венчание Феодора. Второе коронование, если не считать коронования князя Дмитрия при Иоанне III, отличалось большею торжественностью, чем то, какое видела Москва в 1547 году, как это явствует из подробного описания этого торжества в особом чине, напечатанном в «Собрании грамот и договоров. Т. II».

Царский выход из дворца в Успенский собор отличался выдающимся многолюдством и блеском. Во время шествия шурин царский

Борис Годунов нес скипетр государев. В соборе устроено было высокое чертожное место. Всероссийский митрополит Дионисий возложил на царя ныне хранящийся в Благовещенском соборе животворящий крест и венец Мономаха и надел святые бармы. После венчания на царство государь слушал литургию в короне и со скипетром, — «хоругвями правления», как сказано в коронационном чи-

Иконное изображение Симона Ушакова.

не. В конце литургии митрополит совершил над государем священное миропомазание из особого сосуда или крабицы, которая принадлежала Августу и была принесена Владимиру Мономаху из Византии вместе с царскими регалиями, и причастил его святых тайн; во время этого Борис держал скипетр, а Дмитрий Годунов и боярин Юрьев держали венец царский на золотом блюде. В коронационном чине приведены произнесенные царем и митрополитом речи. Из Успенского собора Феодор ходил в Архангельский, для поклонения гробницам предков, и Благовещенский собор, а потом через Красное крыльцо возвратился во дворец, где бояре и другие служилые люди целовали венчанному и миропомазанному царю руку. К обеденному столу приглашен был весь двор и Освященный Собор с митрополитом во главе. Пир во дворце и народные гулянья по случаю коронации продолжались целую неделю и закончились военным праздником за городом.

Сосуд священного
миропомазания государей.

Во время коронационных пиров посыпались милости царя: он в самом дворце наделил богатыми подарками митрополита, святителей и других лиц, и сам в свою очередь принял дары от бояр, купцов и гостей, русских и иностранных; выпустил на свободу много заключенных, освободил военнопленных; уменьшены были налоги; несколько заслуженных сановников возведены в боярский сан, а Ивану Петровичу Шуйскому пожалованы были все доходы от Пскова. Но никто не был осыпан такими милостями, как Борис Годунов: он получил не только высокий сан конюшего, но и титул ближнего великого боярина, наместника царств Казанского и Астраханского; ему даны были громадные поместья, все луга на берегу Москвы-реки, сборы с целых областей, доходы с некоторых промыслов и проч. Все же доходы его достигли 100 тысяч, и он мог на свой счет снарядить из своих крестьян стотысячную рать. Правительственное значение его было так велико, что королева Англии Елизавета называла его в грамотах своих «любительным братом» и «лордом-протектором».

Быстро Москва стала обстраиваться после разорений и невзгод во времена Грозного. Сгоревший при нем дворец в царствование Феодора, судя по отзывам иностранцев, опять был приведен в цветущее состояние. Все приемные палаты в это время были великолепно украшены стенописью, подобною той, какая была здесь в царствование Алексея Михайловича и была восстановлена при покойном императоре Александре III. В это, вероятно, время была построена и приемная Золотая палата для супруги Феодора, царицы Ирины. При Покровском соборе царь построил особый придел в честь св. Василия Блаженного, мощи которого были обретенны в 1588 году; для него была устроена новая гробница, и над нею пошены его тяжелые железные вериги.

В Москве в это царствование были выстроены каменные стены вокруг Белого или Царева города, начиная от Тверских ворот, а выходившие за Белый город посады — деревянные. Они составили так называемый «Скородом». Работой в Белом городе заведовал русский зодчий Феодор Конь. Здесь в это время были следующие улицы: Арбат, Смоленская, Покровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Чертольская (Пречистенка), Рождественка. Работы нача-

лись в 1587 году и закончены в два года с небольшим. Стена и вал начаты от нынешнего Яузского моста, неправильною дугою, через Покровку, Мясницкую, Сретенку, Петровку, Тверскую, Никитскую, Арбат и Пречистенку, где у нынешнего храма Спасителя упирались в Москву-реку. Стена Белого города имела 28 башен и 9 ворот, сходных с воротами Китай-города. У ворот стояли воротники и запирали их на ночь. Обветшавшие стены Белого города были разобраны при императрице Елизавете Петровне, а при Екатерине II заменены бульварами. Последний остаток Белого города — башня у Арбатских ворот была разобрана в 1792 году.

Боярин Годунов.

Феодор Иоаннович вне стен Скородома построил имеющий важное значение Донской монастырь, вид коего со старинной гравюры мы воспроизводим дальше. Основание его связано с нападением в 1691 году на Москву крымского хана Казы-Гирея со 150-тысячным войском. С Оки были отозваны к Москве войска под начальством князя Мстиславского. Сама столица была объявлена в осадном положении; защита разных частей ее, начиная с Кремля и Китай-города, поручена была воеводам. Монастыри: Даниловский, Новоспасский, Симонов и Новодевичий снабжены были пу-

шками и военными снарядами. Предместья Москвы наскоро были укреплены деревянными стенами с бойницами («Скородома»). Между Калужской и Тульской дорогами, на пространстве между Даниловым монастырем и Воробьевыми горами, в двух верстах от города расположилось войско. Как средства защиты, были построены подвижной городок на колесах и походная церковь преподобного Сергия. Сюда была принесена икона Богоматери, бывшая с Дмитрием Донским на Куликовом поле. Епископ Иов Суздальский крестным ходом обнес чудотворную икону вдоль воинского стана

Феодор Иоаннович.
Изображение на царь-пушке.

и городских стен и затем поставил ее в походную церковь. Сам царь Феодор Иоаннович с большою свитою, в сопровождении назначенного главным начальником Годунова, объехал войска, ободрял их и, по-видимому, не испытывал никакого страха перед врагом, возлагая всю надежду на Бога. Годунов уступил главное начальство Мстиславскому, а сам занял второе место в большом полку. Государь с царицей и духовенством начал молиться во дворце.

4 июля неприятель достиг Поклонной горы за Серпуховской заставой. Татары устремились на наши войска от села Котлов и от

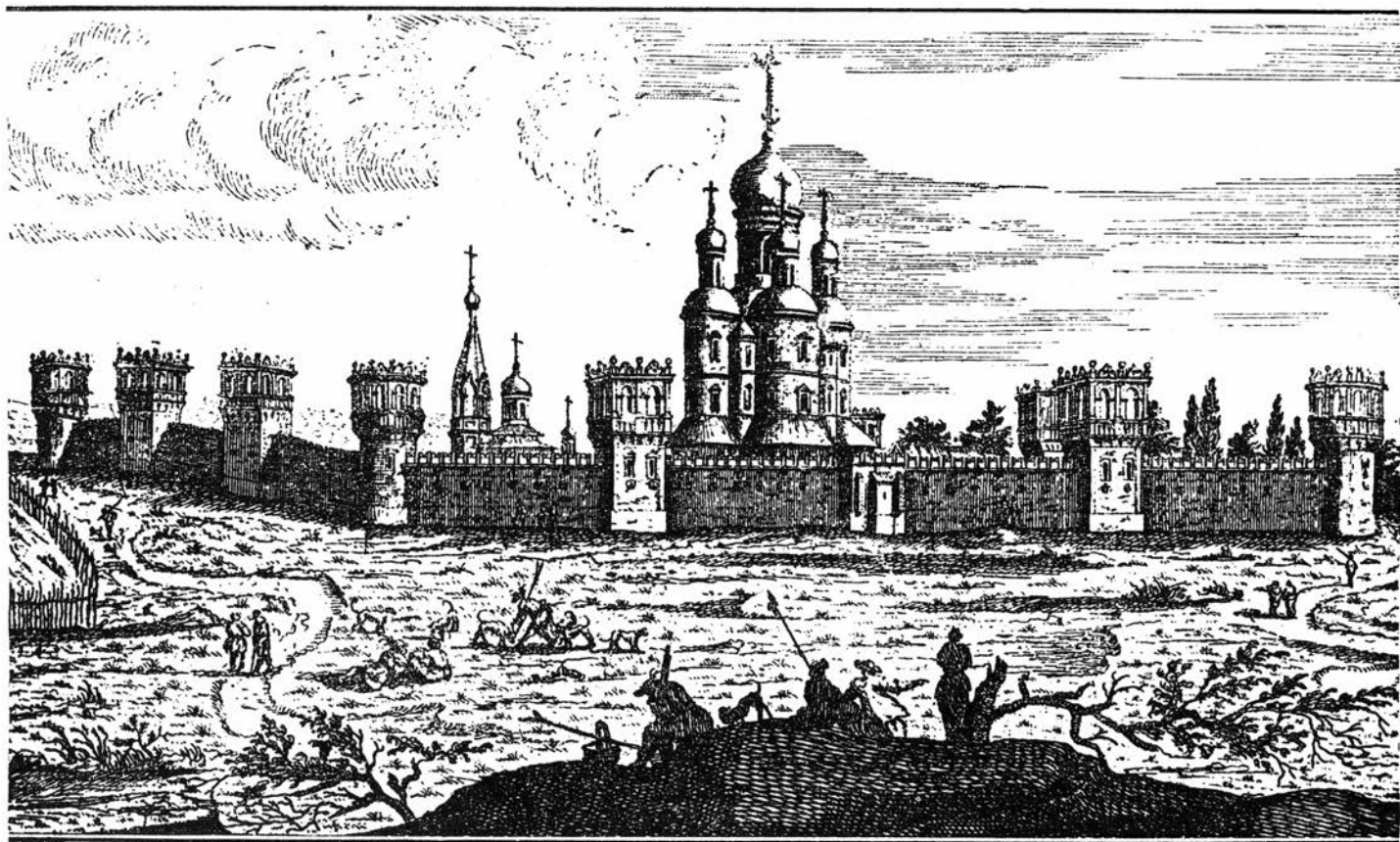
Воробьевых гор. С нашей стороны загремели орудия с бойниц новых стен, с башен монастырей и с кремлевской крепости. Битва закипела отчаянная. Ядра и пули осыпали неприятелей. Колокольни, башни, крыши домов унизаны были народом, следившим за битвой. В церквах совершались моления. Молился усердно и набожный царь Феодор. Гирей рассчитывал захватить Москву врасплох, но встретил энергичный отпор и потерял массу убитыми. Царь был настолько спокоен, что заснул в полдень и пред этим будто сказал: «Не бойтесь, завтра поганных не будет». И ночью продолжалась пальба. С рассветом в Москве разнеслась радостная весть, что хан бежал. При красном звоне всех московских колоколов и радостных кликах народа конные полки кинулись в погоню за татарами. Воеводы награждены были шубами с царского плеча, золотыми медалями, поместьями и т. д. Годунов получил особый титул «слуги», который до него носили трое — князь Рязанский да два Воротынских. На месте укрепленного стана, где стояла походная церковь, царь Феодор выстроил Донской монастырь в честь той иконы, которая была на Куликовом поле и теперь явилась спасительницей Москвы.

Несмотря на то, что незадолго пред этим был большой пожар, опустошивший Арбат, Никитскую, Тверскую, даже Китай-город, Москва опять выглядела огромным городом. Флетчер говорит, что она в это время была больше Лондона. Немного позднее француз Маржерет писал: «Москва — город обширный; среди него течет река, которая шире нашей Сены; весь город обнесен деревянной оградой, в окружности, как я думаю, более парижской; внутри его другая стена (Белого города), наполовину меньше первой». Всего более Москва богата была церквами, коих во всем городе было уже более 400 с 5000 колоколов на колокольнях.

Военное искусство в это царствование совершенствовалось; особенно умножалась артиллерия. В это время была отлита в Москве царь-пушка, или дробовик. Вес ее 2400 пудов; каждое ядро для заряда весит 120 пудов, а заряд пороху 30 пудов. Она отлита русским мастером; ее делал, как гласит надпись, пушечный литец Андрей Чохов. Выше мы воспроизвели с этой пушки изображение Феодора Иоанновича.

Различные стороны быта Москвы продолжали развиваться и укрепились до такой степени, что последовавшая затем смута и польское владычество нисколько его не поколебали, и он сам собою органически восстановился при царе Михаиле Феодоровиче.

Быт государя представляется в таком виде. Царь Феодор вста-

Донской монастырь. С древней гравюры.

вал очень рано, около четырех часов утра. К нему являлся его духовник, протопоп Благовещенского собора, с крестом, и вносились икона святого, который праздновался в тот день. Перед нею и домашними богато украшенными иконами затепливались свечи. Царь молился с четверть часа, прикладывался ко кресту и иконам, а духовник окроплял его святою водою, которую в серебряной чаше ежедневно приносили свежую и даже присылали из далеких монастырей. Затем государь шел к царице здороваться и с нею отправлялся в домовую церковь к заутрене. По возвращении оттуда царь садился в большом покое, куда к нему приходили на поклон бояре. Около девяти часов государь шел в другую домовую церковь или в Успенский собор к обедне. Возвратившись, беседовал с боярами и другими сановниками и, после отдыха, в полдень обедал. Каждое кушанье предварительно отведывали разные придворные, а подавал кравчий. Число блюд — печений, жареных и похлебок — доходило до семидесяти. Невдалеке от обеденного места находился стол с дорогой посудой и медным чаном со льдом, где стояли разные напитки. После обеда царь почивал около трех часов, меньше — в том только случае, когда ходил в баню или отправлялся на какую-либо потеху, вроде боя с медведями, кулачного боя и т. п. Царь каждый день бывал на вечерне и после нее оставался во внутренних покоях и развлекался чем-нибудь: например, рассматривал изделия своих мастеров, золотые и серебряные вещи; тешился шутами, карликами; слушал сказателей былин или чтение книг и т. д.

Московский быт в царствование Феодора Иоанновича особенно ярко и блистательно проявлялся в торжественных приемах чужеземных послов. Один из спутников посла Священной Римской империи Марка Варкоча, приезжавшего в Москву в 1593 году, оставил описание сделанного посольству приема.

Описав Москву как город величавый и красивый по своему виду, иностранец так описывает въезд посольства в Кремль: «Посол со своей свитой въехал туда верхом на 18 лошадях из царской конюшни. Его сопровождали бояре на 30 лошадях. Впереди посла несли покрытые синей тафтой подарки германского императора, а дворецкий нес императорскую верительную грамоту, обернутую в желтую тафту. В Кремле стояли тысячные толпы народа и две шпалеры стрельцов с ружьями, в числе 4000. Во всех церквях звонили в большие колокола».

На дворцовом крыльце посольство было встречено боярами, одетыми в золотую парчу. Императорские подарки были положены на подушки, чтобы нести их к государю. После этого посольство

повели через покой, где сидели бояре, одетые в прекрасные из золотой парчи платья. Другой покой, куда ввели иностранцев, была дворцовая палата, в которой государь принимал поздравления; в ней пол и столы были покрыты богатыми коврами и столешниками, а кругом сидели знатные бояре в золотых одеждах.

На престоле, возвышенном на три ступени, украшенном сверху донизу золотом, жемчугом и драгоценными камнями, сидел государь в царском убранстве; на голове он имел золотой венец, выложенный алмазами, притом очень большими; в руке держал скипетр, тоже украшенный драгоценными камнями; кафтан на нем был красный бархатный, сплошь шитый крупным жемчугом; на шее висело несколько дорогих камней, оправленных в золото и расположенных в виде цепи или ожерелья (бармы). На двух пальцах левой руки было по большому золотому перстню со смарагдом. Впереди его, с обеих сторон, стояли двое благородных юношей с серебряными секирами, в белых атласных платьях, на которых крест-накрест висели золотые цепочки.

После представления и передачи грамоты и подарков послы были отпущены в посольский дом (у Троицы на Ильинке), куда им был прислан с царского стола обед в 150 кушаньев на серебряных блюдах, закрытых серебряными крышками.

Заметно, что на посольство произвели сильное впечатление московская роскошь и хлебосольство. Это видно из описания царского обеда, к которому было приглашено посольство через несколько недель.

По вручении царем немецкому послу ответной грамоты к императору, посольство было приглашено к царскому обеду. Во дворце иностранцев проводили в залу совета (думы), где они оставались со своими приставами и толмачами добрых полчаса. Потом их перевели в другую палату, где кругом по стенам стояли длинные поставцы, с тремя высокими ступенями: все они были, по словам немцев, «так уставлены бесчисленными серебряными и золотыми кубками, что и представить себе трудно, а в Германии, пожалуй, и не поверили бы такому богатству. На нижних ступенях поставлено множество больших блюд и стоп из золота, серебряный лев, в его природную величину, несколько серебряных братин и чаш, настолько больших, что одному человеку невозможно было поднять их, не то что употреблять в качестве посуды для питья; все это было выставлено, чтобы показать нам, немцам, великие сокровища и богатства казны». Обеденная зала, куда введены были послы, четырехугольная, в 70 сажений в объеме, вверху и по стенам расписана картинами

и много украшена серебром и золотом; пол вымощен белым камнем очень искусными узорами. Посредине залы толстый каменный столб, или колонна, на коей лежал весь свод. Кругом столба поставцы с драгоценной посудой. В зале четыре больших окна. На высоком седалище, сплошь вызолоченном, за столом, который стоял на ступень выше других, сидел царь, одетый в кафтан из серебряной парчи; голову его покрывала золотая московская шапочка, унизанная драгоценными камнями и крупным жемчугом; на шее богатое ожерелье. Другие столы занимали князья и бояре, одетые в белые одежды, отороченные бобром, в высоких чернобурых шапках; сто-

Мирѣныиъ епѣ, вѣиъ еѣ
 Млѣію патріархъ мос
 копскіиъ ꙗко еѣ рш еиъ

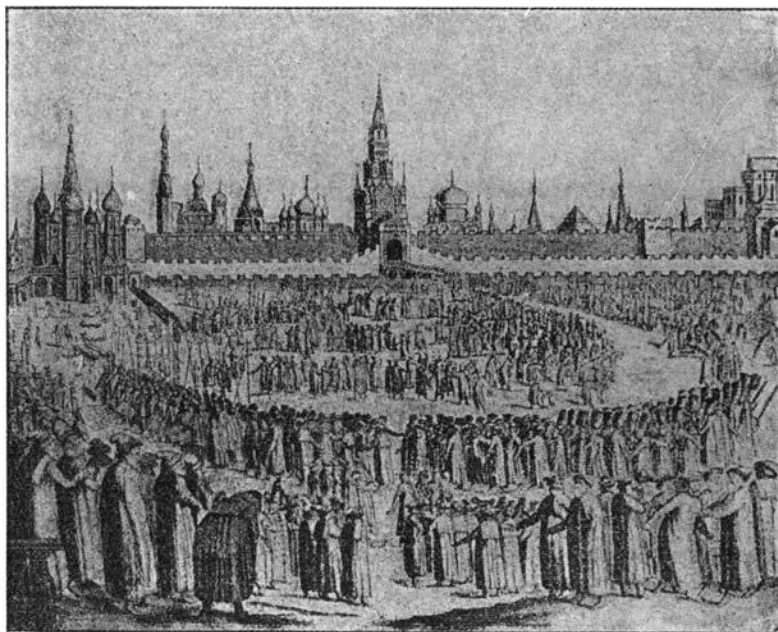
Печать и подпись первого патриарха Иова.

льники в золотых кафтанах подавали кушанья на золотых блюдах. Во время пира наступил вечер, и понадобилось зажечь свечи в четырех люстрах. На посольский стол поставлены были восковые свечи в яшмовых и хрустальных подсвечниках, в серебряной оправе. Государь подзывал к себе посла и в знак своей милости из своих рук давал ему маленькую золотую чару, осыпанную дорогими камнями, с превосходным вином. На посольский стол поданы три большие круговые братины: они были так велики, что едва было под силу подносить их ко рту. Во время стола звонили во все колокола кремлевских церквей. Возвратный путь послов был освещен фляжками и смоляными бочками. Впереди посольства несли фонари и факелы. Обедавших во дворце было 1000 человек.

Церковный быт Москвы завершился в царствование Феодора Иоанновича учреждением патриаршества. Могуущественное царство русское имело цветущую церковь, которой не к лицу было составлять часть константинопольского патриархата, находившего-

ся в упадке под властью турок и еще недавно показывавшего в деле унии уступчивость папизму.

Прибывшему в это время в Москву за милостиной Цареградскому патриарху Иеремии было предложено царем стать Всероссийским Патриархом. Ему была устроена в Кремле торжественная встреча. Первосвяитель греческой церкви въехал в город на осяти, а за ним ехали на лошадях митрополит Иерофей Мальвазийский и архиепископ Арсений Эласонский. Царь принял патриарха в Золотой палате и посадил его по правую руку от своего трона. При этом Иеремия поднес Феодору Иоанновичу хранимые теперь

Патриаршая процессия в Вербное воскресенье.

в Успенском соборе частицы животворящего креста, крови и ризы Христовой и части от тернового венца Спасителя, частицы мощей Константина Равноапостольного и св. Иакова, а царице Ирине — золотую панагию с мощами Иоанна Златоуста.

Как известно, Иеремия посвятил в Патриархи Всероссийские митрополита Иова. Это священнодействие совершено было с особенною торжественностью, хотя обряды и совпадали с поставле-

нием наших митрополитов. Патриарх Иов после своего поставления совершил в нашем первопрестольном соборе литургию вместе с Цареградским патриархом. По окончании обедни царь возложил на святейшего патриарха Иова драгоценный крест с животворящим древом, бархатную мантию с «источниками», низанными жемчугом, и белый клобук с крестом, затем он подал ему жезл св. Петра митрополита и поздравил его «отцем отцев и патриархом всех се-

Царевич Димитрий.

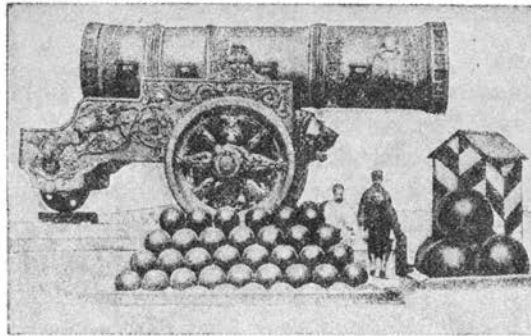
верных земель». После этого было пропето многолетие царю и патриархам Цареградскому и Московскому. Оба они в это время сидели на кафедре рядом с тронном царя. После этого Иов объехал на ослиати вокруг Кремля, окропляя его стены святою водою. Выше мы воспроизвели позднейший, впрочем, рисунок Олеария, изображающий патриаршую процессию в Вербное воскресенье в Иерусалим, или храм Василия Блаженного. Патриархи в этот день обедали у государя.

Патриарх Иеремия прожил в Москве до мая 1587 года и уехал в Цареград, щедро награжденный драгоценными кубками, ковшами, жемчугом, шелковыми тканями, соболями и деньгами. Царь Феодор написал грамоту султану, убеждая его не теснить право-

славных, и дал 1000 рублей и 2000 венгерских золотых на построение нового патриаршего храма в Константинополе. Восточные патриархи особой грамотой подтвердили учреждение патриаршества в Москве, значение которой еще более поднялось в России и на всем востоке, где православие находилось в упадке.

Мы минуем другие события этого царствования, даже отмену Юрьева дня, или прикрепление крестьян, потому что они не скоро еще оказали воздействие свое на быт Москвы.

Для нее, как источник потрясений и всего смутного времени, имело ближайшее значение убийство царевича Дмитрия в Угличе

Царь-пушка.

и смерть самого Феодора Иоанновича, прекратившие ту династию, которая правила Россией более семи веков.

Тяжкий вопрос создания достойной Русского царства новой династии едва не погубил великое, строившееся с таким громадным трудом и кровавым потом государство и его столицу Москву.

Феодор Иоаннович долго был бездетен. У царицы Ирины родилась дочь Феодосия, но она скончалась десяти месяцев. Через пять лет после этого, в 1597 году, царь Феодор заболел, а в Крещение 1598 года стало ясно, что болезнь его смертельна. Патриарх Иов подошел тогда к умирающему и спросил его: «Государь, кому приказываешь царство, нас сирых и свою царицу?» Феодор отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог; как Ему угодно, так и будет; и в царице моей волен Бог; а как ей жить, об этом у нас улажено».

На другой день, 7 января, царь скончался. Народ глубоко горевал об его смерти, любя его за доброту и благочестие и приписывая мир и тишину при нем Божьему благоволению. Тело Феодора

Иоанновича было положено в гроб и вынесено в Архангельский собор. Вдовствующая царица своей неутешной скорбью вызывала общее сочувствие. На другой день, 8 января, было совершено погребение. Все присутствовавшие громко рыдали, и духовенство несколько раз прерывало службу; царя Феодора положили рядом с его грозным отцом.

IX

При Борисе Феодоровиче Годунове

о смерти Феодора Иоанновича, последнего представителя царствовавшей династии св. Владимира, начинается для Москвы и для всей России Смутное время, длившееся до избрания в 1613 году на царство Михаила Феодоровича Романова.

Эти пятнадцать лет, особенно тяжкие в период междоусобицы, в пору нашего лихолетья, едва не погубили всего того, что создала для себя Россия и Москва в течение нескольких веков своей страдной работы, и едва не обратили самую нашу столицу в тот незначительный город Суздальской области, каким она вышла из рук своего основателя — великого князя Юрия Долгорукого.

Как ни важна в политическом и национальном отношении эта эпоха, как ни обильна она глубоко драматичными моментами, она в истории Москвы имеет скорее отрицательное, чем положительное значение.

Сущность и происхождение смуты заключались в том, что Россия пыталась на место угасшей династии св. Владимира создать новую; в качестве основателей нового царствующего дома выступали Годунов и Шуйский. Когда для первого шапка и бармы Мономаховы оказались непосильно тяжелыми, явился мнимый, самозванный восстановитель старой династии — Лжедмитрий I, который стал орудием порабощения России польщиизмом и папизмом. Но и второй династ, князь Шуйский, оказался не способным основать новый царствующий дом и был поколеблен в своем положении другим

самозванцем Лжедмитрием и поляками. Смута расшатала все до такой степени, что ее орудием становится даже не даровитый и энергичный человек, каким был первый самозванец, но темная во всех отношениях личность, названная народом «вором тушинским».

Низложение же Шуйского поставило Россию под тяжкий вопрос: стать ли ей из Русского царства польской или шведской провинцией, под властью ли Сигизмунда III, или Густава Адольфа? Но то ли, или другое западное владычество было для нас страшнее ига монгольского: ибо это оставляло нетронутыми ни веру нашу, ни государственность, ни национальность. Под тяжелой же пятой надменных западных соседей своих тогда еще не окрепшая Россия потеряла бы все, что она самобытным органическим творчеством создала себе и что составляет ее всемирно-историческую личность.

Следя за историей собственно Москвы как города в это тяжелое время, мы не станем говорить подробно о смуте, разыскивать, какие общественные элементы более виновны в ней: многие проявления ее мы оставим в стороне, частью как общеизвестные, частью как имеющие общеисторическое значение.

Воля Божия, коей поручал Россию царь Феодор, не благоизволила найти для себя орудие промышленности о ней в Борисе Годунове, хотя он обладал и умом, и богатством, и опытностью в государственном управлении, приобретенной при Грозном и особенно при Феодоре. Не помогли Годунову ни патриарх Иов, ни избрание земским собором, ни щедрая благотворительность по отношению к народу, удержаться на престоле: тяжелы были для Бориса шапка и бармы Мономаха потому, что ножом убийцы проложил он себе кровавый путь к престолу.

Мы не станем описывать, как отрекался Борис от избрания своего на престол перед патриархом и народом московским, а потом и земским собором. В этих выборных махинациях и их сценичной обстановке видна была тенденция получше обставить себя в незаконно приобретенном положении. Неправедность способа в достижении верховной власти слышалась и при короновании Годунова, который при требующем безмолвного сознания великом акте изливался если не в искренних, то, во всяком случае, в нервных обещаниях, что при нем не будет нищих и убогих и так далее. При этом Годунов брался за ворот своей рубашки. Коронование Бориса было совершено патриархом в новый год, 1 сентября 1598 года. В память своего восшествия на престол Борис построил церковь Симеона Столпника за Яузой.

В это время Годунову было сорок семь лет, и он был полон жизни и сил: высокий ростом, плотный, плечистый, круглолицый, с черными волосами и бородой, он имел внушительный вид и величавую осанку; глаза его внушали страх и повиновение.

Борис Федорович Годунов. По Титулярнику.

До нас дошло несколько его портретов, сделанных, впрочем, иностранцами за границей. Сомнения нет, что в них немало фантастического, ибо снятие портретов с нынешними сеансами было, конечно, не в ходу на тогдашней Руси. Но все же иностранцы, которыми всегда любил окружать себя Годунов, должны были хорошо знать его лицо. Мы раньше воспроизвели из «Русской Иконографии» Ровинского портрет Бориса, сделанный в ту пору, ког-

да он был еще только боярином. От этого портрета, при всех возможных его неточностях, до некоторой степени веет правдою. Он был напечатан за границей в книге Кевенгюллера. Из русских портретов мы имеем изображение Годунова иконного характера в известной книге «Титулярник».

Борис умно и деятельно правил государством: довершил покорение Сибири, основал в ней города: Томск, Туринск, Верхотурье и другие; строил новые города в России; заботился о народной нравственности, преследуя пьянство и кабаки, коих немало, под именем кружал, было в Москве; вызывал из-за границы разных специалистов, в особенности врачей и аптекарей; задумал вызвать в Россию из Франции, Англии и Германии образованных людей для заведения у нас школ с иностранными языками. Но когда этому воспротивилось духовенство, он отправил для этой цели 18 дворян за границу. Но те, прижившись там, не возвратились на родину. Он дал прекрасное образование своему сыну Феодору и дочери Ксении. В Москве продолжали развиваться разные мастерства; серебряное, например, дело велось очень успешно; у Бориса была громадная масса серебряной посуды русского, а не иностранного дела*.

Он обстраивал Москву новыми зданиями. Так, для того, чтобы дать народу в голодные годы заработки, выстроил для себя большие каменные палаты, где пред этим были хоромы царя Иоанна. Эти палаты существовали до XVIII столетия и стояли против Чудова монастыря, где теперь Кремлевские казармы.

Но главным памятником Борисова зодчества в Москве был Иван Великий, превысивший все здания России и долго соперничавший с самыми высокими зданиями за границей. Эта грандиозная колокольня строилась для того, чтобы дать в голодное время населению заработок и упрочить в далеких поколениях славу Бориса и Годуновской династии. Надпись под золоченой главой Ивана Великого гласит: «Изволением Св. Троицы, повелением великаго государя, царя и великаго князя Бориса Феодоровича, всея России самодержца, и сына его, благовернаго великаго государя царевича великаго князя Феодора Борисовича всея России, храм совершен и позлащен

* По словам Маржерета, во время похода Бориса против крымских татар к Серпухову в стане нового царя угощали шатрами ежедневно, в течение шести недель, 10000 служилых людей на массивной серебряной посуде русской работы. Тут были громадные яндовы из серебра, кои ставили на столы четверо прислужников, серебряные бочонки по несколько ведер вместимостью и проч.

во второе лето государства их 108 (1600) года». В высоту колокольна с крестом имеет $46\frac{1}{2}$ сажений. Царь приказал отлить громадный колокол в 10 000 пудов, который был перелит впоследствии в царь-колокол. В настоящее время весь звон колоколов на Иване Великом состоит из 34 колоколов и весит 16 000 пудов.

Но ничто не могло упрочить на царстве Бориса и его род. Москву и Россию начали посещать бедствия: в 1601 году начался страшный трехлетний голод. По словам Маржерета, мера хлеба с 15 копеек повысилась в цене до 3 рублей.

Чем больше Борис помогал народу раздачей денег и хлеба, тем больше приходило с разных сторон в Москву голодающих. Здесь начались грабежи и убийства из-за куска хлеба; люди стали питаться нечистыми животными, даже падалью и человеческими трупами. Начался мор, уносивший людей десятками тысяч. За это время в Москве умерло, по одним сказаниям, 120 000 народу, а по другим — до полумиллиона. «У народа, — говорит Авраамий Палицын, — явилась мысль, что беззакония Бориса навлекают бедствия на его народ». Смутно стало на душе царя и народа...

В самой природе замечались какие-то зловещие явления, наводившие на всех страх. Иностранец Бер говорит, что по ночам на небе видны были огненные столбы, которые, сталкиваясь между собою, как будто вели битвы. Иногда всходили две или три луны сразу. Бури низвергали колокольни и ворота; рождалось множество уродов; появилась масса волков; в самую Москву стали, чего не бывало прежде, забегать чернобурые лисицы. Под Москвой поймали большого орла. Наконец, появилась комета с большим хвостом. Напуганный Борис призвал к себе одного старика-иностранца и спрашивал, что она вещает; тот сказал: «Тебе грозит великая опасность».

Рассказывают, что смущенный Борис стал ходить к колдунье, известной под именем Елены юродивой, жившей в землянке. Однажды она принесла в свою пещеру бревно и позвала священника служить над ним панихиду, предвещая этим Борису кончину.

Борис омрачился и ожесточился. Всюду стали ему чудиться измена и крамола. Везде распространились доноски и шпионы. Пошли опалы, заточения и даже тайные казни. Под влиянием подозрительности Борис велел немцу-хирургу выщипать Бельскому, прежнему своему другу, бороду по волоску, а затем сослал его в заточение в один из Низовых городов. Скоро открылись, к великому огорчению народному, гонения на неповинных бояр Романовых, состоявших через царицу Анастасию в родстве с угасшим царским

Колокольня Ивана Великого.

родом и в большой близости к престолу. Они были отправлены в заточение в разные отдаленные города. Особенно тяжким было положение наиболее царственного из Романовых Феодора Никитича, которого, как говорили, хотел сделать своим наследником царь Феодор Иоаннович. Он отличался царственной красотой, умом и высоким благородством своего характера. Все чувствовали на себе его обаяние и особенно любовались им, когда он ездил вер-

Печать Бориса Годунова.

хом. Этого-то боярина и его супругу Борис велел постричь в монашество и отправил в заточение на север, но ничто не помогало.

Сам царь и народ в тяжком предчувствии ждали страшной грозы, и она скоро воплотилась в самозванце, в коем возникло орудие кары убийце царевича-отрока и средоточие всего недовольства против похитителя престола. Вместе с тем Лжедмитрий стал орудием польщины и иезуитского папизма для порабощения русского православного царства.

Мы не станем пересказывать известные факты о появлении самозванца, о житие его в Чудовом монастыре и т. д. Его сила заключалась не в нем самом и даже не в польской поддержке, а в слабости Бориса, в той смуте, которая крылась в его душе, запятнанной неповинной царственной кровью. Эта смута охватила и весь народ русский. «Шатость» в умах, сомнение, не поднять бы рук против законного и прирожденного своего царя, в защиту похитителя венца Мономахова, лишала всех рук для борьбы с дерзким пройдохой. Эти «шатость и колебания» причиняли Борису глубочайшие волнения и делали неизбежной его трагическую гибель.

Царствование Бориса Годунова важно для нас и потому, что от него дошли до нас важные для изучения топографии Москвы два плана, кои свидетельствовали, что основной тип ее уже сложился и в последующее время испытывал только второстепенные изменения.

Первый из этих планов начерчен Феодором Борисовичем и воспроизводился в XVII столетии в амстердамских изданиях иностранных сочинений о России; он представляет нам Москву в черте Земляного города, или вала, который совпадает с нынешней Садовой улицей. Правда, этот план далеко не совершенен и сделан без соблюдения масштаба, но, очевидно, он снят с натуры и определяет положение всех стен, окружавших Кремль, Китай, Белый и Земляной город, а также взаимное отношение некоторых улиц. Основным недостаток этого плана заключается в расширении Кремля и Китай-города в ущерб остальному и в придании земляному валу овальной формы вместо круглой. Здесь буквой А обозначен Кремль, В—

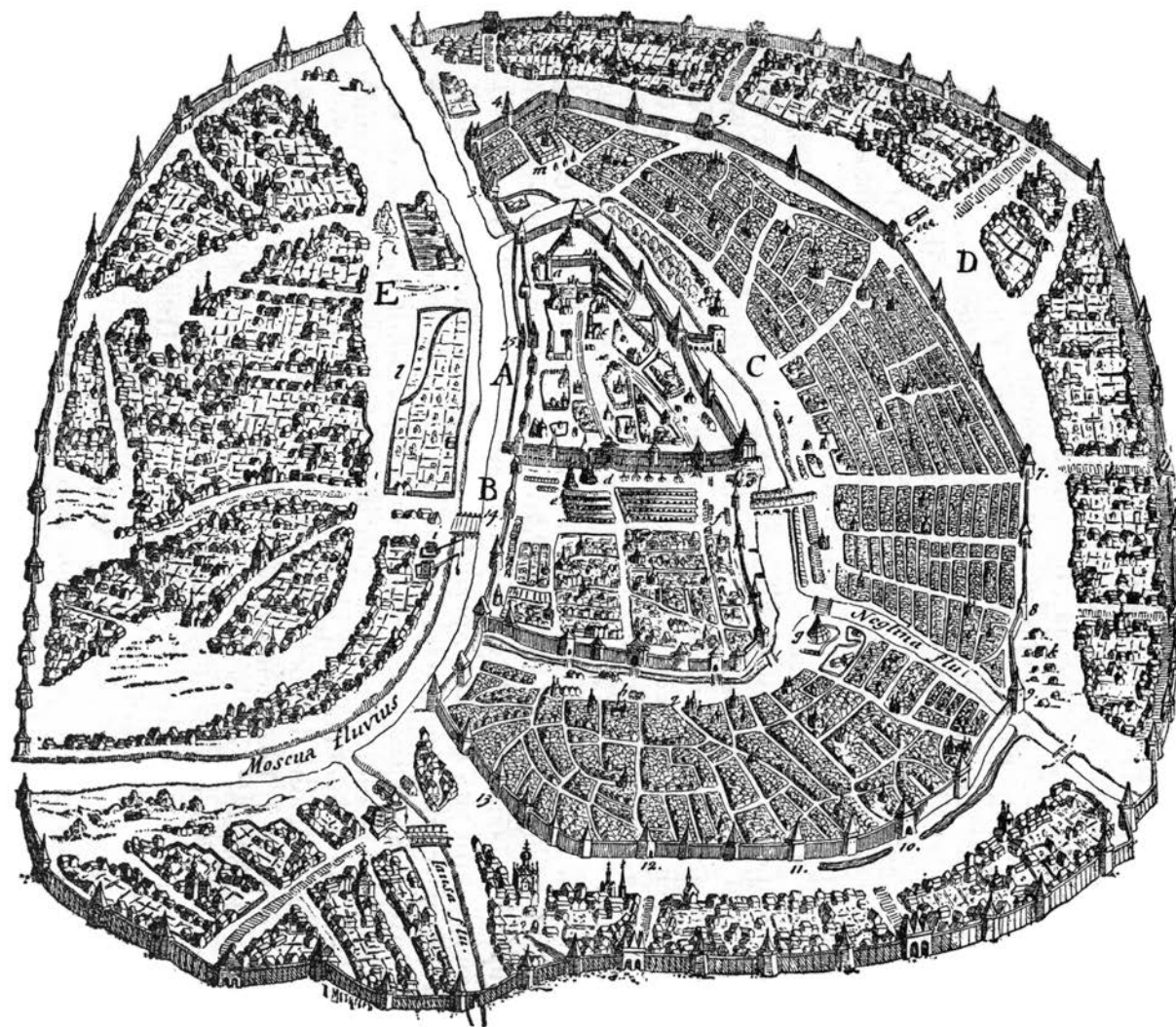
Китай-город, С — Белый город, Д — Земляной город, Е — Замоскворечье. На плане показаны: Москва-река, Неглинная и Яуза. Составление этого плана относится ко времени до 1605 года, когда был убит Феодор Борисович.

На этом плане нетрудно уже рассмотреть некоторые главные подробности топографии Москвы. В Китай-городе уже намечаются три главных улицы: Никольская, шедшая до так называемых Сретенских (теперь Никольских) ворот, Троицкая, со времен Алексея Михайловича — Ильинка, Варварка, шедшая до Всесвятских ворот, названных так по церкви Всех Святых (на Солянке). Космодамиановские ворота вели к Москве-реке на так называемую Великую улицу, шедшую вдоль Москвы-реки. Стены Китай-города были красные кирпичные и такими оставались до правления царевны Софьи, которая велела их выбелить. На Никольской улице еще при Иоанне IV была типография, на Варварке дом бояр Романовых и Английское подворье.

Стена Белого, или Царь-города, имела 28 башен и 9 ворот: Чертольские или Пречистенские, Арбатские, Никитские, Тверские, Петровские, Сретенские, Мясницкие, Покровские и Яузские. К этим воротам вели улицы соответствующих названий. Ворота и стены Белого города по ветхости были разобраны при императрице Елизавете Петровне. Екатерина II приказала заровнять и шедший вокруг стен ров и на его месте устроить бульвары. При постройке стен в Белом городе было немало свободных мест, кои образовали площади, как, например, Житную (в Охотном ряду), где был Моисеевский монастырь, Коневскую, между Варваркой и Ильинкой.

Скородом (от легких, скорых построек), или Земляной город, представлял круг неправильной формы, охватывавший саму Москву, за исключением подмосковных слобод и сел. Один из спутников германского посла Марка Воркоча в 1593 году говорил, что деревянные стены Скородома были очень толсты и имели множество башен, что придавало городу величавый и красивый вид. В нем все ворота были одинаковой постройки, большие и красивые, и все, как видно и на плане, с трехконечными башнями; всех их было 34; из них две — Серпуховская и Калужская — были каменные. Окружность этих стен представлялась французу Маржерету, во времена Лжедмитрия, большей, чем окружность стен Парижа. Некоторые ворота, к коим вели продолжавшиеся из Белого города улицы, носили их названия, как Чертольские, Арбатские, Никитские и т. п.

В стенах Земляного города, включая в него и Заречье, за Моск-

План Москвы в Годуновское время.

вой-рекой, находились разные слободы, давшие имена их урочищам и определявшие их быт. Таковы: Могильцы (близ Мертвого переулка), Плотники, Кречетники, Трубники, Сторожи, Воротники, Пушкари, Грачи (куски свинца, коими стреляли), Мясники, Огородники, Садовники, Каташи (ткачи), Толмачи (переводчики), Яндовы (медная посуда), Бронники, Бараши (шатерники). Были здесь и слободы инородческие, населенные преимущественно татарами, как Татарская слобода, Балчуг, Таганка, Ордынка, в Наливках жили выходцы с запада и т. д. За Земляным городом шли уже села, скоро обратившиеся в слободы и вошедшие в состав города, как Напрудское, Елохово, Рубцово, Образцово и другие. Эти селения впоследствии были замкнуты новым, более обширным концентрическим кругом, — Камер-коллежским валом.

Этот общий топографический обзор Москвы может быть пополнен подробным планом Кремля, относящимся ко времени Годуновых. Он напечатан был в XVII столетии в *Geographie Blaviane*, изданной в Амстердаме. Надпись на этом плане показывает, что он посвящен царю Алексею Михайловичу, и вместе с тем свидетельствует, что он был составлен «под державой царя Бориса Федоровича». Так как на плане этом имеется колокольня Ивана Великого, то он составлен в промежуток времени от 1600 по 1605 год. В. Е. Румянцев в издании Императорского московского археологического общества «Вид Кремля в самом начале XVII века» говорит: «этот вид Кремля, древнейший, после фантастического вида Герберштейна, превосходит другие, позднейшие, и своим размером и более подробным указателем мест и строений и тщательной вырисовкой предметов, которая дает понятие о самой фигуре зданий с мелкими подробностями их архитектурной отделки.

Под цифрами: 1) поставлены Фроловские, впоследствии Спасские ворота, 2) Вознесенский монастырь, 3) двор Ф. И. Шереметева, 4) Кирилло-Белозерское подворье (с церковью Афанасия и Кирилла), 5) Крутицкое подворье, 6) Ховрин двор (каменные палаты построены в 1485 году), 7) Разбойный приказ. Цифра на плане, к сожалению, пропущена; 8) двор князя Сицкого с палатами и какой-то церковью, 9) двор князя Ф. И. Мстиславского с одноглавой церковью, выходящей на Ивановскую площадь, 10) приказы — двухъярусное строение в виде буквы П; от них идет к дворцу зубчатая стена, 11) Посольский приказ, 12) Архангельский собор, 13) Тайницкие ворота, 14) Казнохранилище царя, 15) Благовещенский собор, 16) Царский двор.

Здания на самом царском дворе изображены здесь в следующем

виде. Между Благовещенским собором и Грановитой палатой, к западу от них, показана чертами Средняя или Большая Золотая палата, построенная в начале XVI века. Перед ней выступ, или Красное крыльцо, на которое ведут с Соборной площади три лестницы: одна к северной паперти Благовещенского собора, другая, средняя, перед входом в сени Золотой палаты, и третья у южной стены Грановитой палаты (см. ниже картину из книги «Избрание и венчание на царство Михаила Феодоровича»). За Средней палатой, внутри двора, против алтарей Спасо-Преображенского собора, находится столовая изба, под двумя четырехскатными крышами, построенная на кружалах, или арках, опирающихся на столбах. Грановитая палата, сооруженная фряжскими архитекторами Марком и Петром Антонием в 1491 году, выдвигается во всю длину на Соборную площадь. Подле нее, к северу, показана контуром Золотая палата, меньшая, под двухскатной крышей, перестроенная или вновь выстроенная, вероятно, при царе Феодоре Иоанновиче для его супруги — Ирины. У северного угла этой палаты стоит двуглавая церковь, с закомарами на крыше, на том самом месте, на котором в нынешнем дворце находится церковь великомученицы Екатерины. Позади меньшей Золотой палаты простирается к западу продолговатое четырехугольное здание, на котором при царе Михаиле Феодоровиче, в 1635 и 1636 годах, надстроен нынешний терем. Оно примыкает к пятиглавой церкви Рождества Богородицы, с приделом Св. Лазаря, сооруженной фрязином Алевизом в 1514 году. У северной стены этого здания находятся: крыльцо с лестницей, спускающейся подле стены на запад, к церкви Рождества Богородицы, и небольшие пристройки, соединенные с длинным одноэтажным строением, идущим на северо-запад. За церковью Рождества Богородицы, далее на запад, показаны продольными линиями какие-то постройки, простирающиеся до внутреннего угла большого строения с тремя надстройками, под двухскатными крышами, которое протягивается отсюда по направлению к Троицким воротам, но, не доходя до них, поворачивает на юго-восток подле Троицкого подворья. Затем царский двор граничит с Цареборисовским двором и с двором патриаршим.

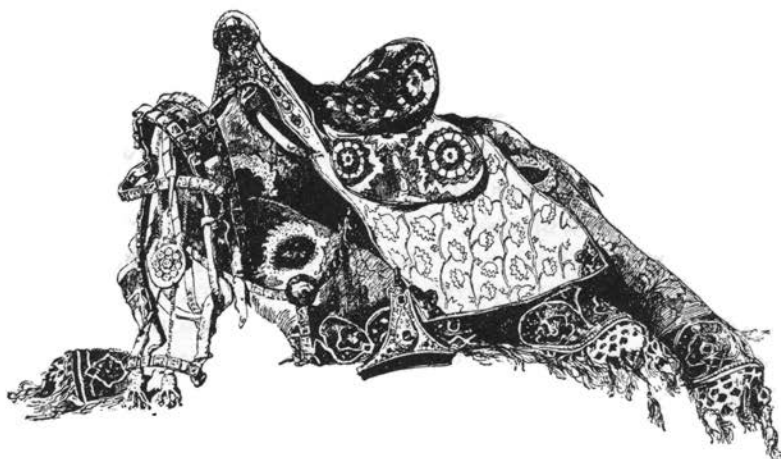
По другую сторону западных дверей Благовещенского собора, на юг, к Москве-реке, выступает двухъярусная палата под двускатной крышей, обращенная своей длинной лицевой стороной на восток, а за ней простирается на запад палата большего размера, также под двускатной крышей (см. Избр. и венч. на царство Михаила Феодоровича). Это — две Набережные палаты: одна малая, а другая

большая, вероятно, та самая, которую по повелению великого князя Иоанна Васильевича основал Марко Руф фрязин в 1487 году («на великаго князя дворе, где терем стоял»). Позади Набережной палаты находится Сретенский пятиглавый собор, построенный второй раз царем Иоанном Васильевичем, на взрубке, в 1560 году; под ним видны с обеих боковых сторон кружала, или арки на столбах. За Сретенским собором, далее на запад, означены чертами строения, составляющие продолговатый четырехугольник, от которых идет зубчатая стена, примыкающая к кремлевской близ Боровицких ворот; эта стена построена Алевизом в 1499 году. От тех же строений простирается другая зубчатая стена на север, с воротами и калиткой посредине ее, ограждающая царский двор с запада, и примыкает к большому строению, с тремя верхними надстройками, под двускатными крышами, о котором упомянуто выше. Посреди этого двора стоит Спасо-Преображенский собор, называвшийся в XVII столетии Спас на дворце, то есть на дворике царского двора; это — Спас на Бору.

Под литерой *a* показаны новые постройки на царском дворе. Они занимают четырехугольное пространство на южном выступе кремлевской горы, против конца Большой Набережной палаты, Сретенского собора и находящихся на западе от него строений. Здесь царь Иоанн Васильевич еще в 1560 году «детям своим повелел делати двор особый на взрубке, позади Набережной большой палаты, и на дворе у них храм большой Сретение». Царь Борис Феодорович в 1601 и 1602 годах, во время голода, «повеле делати каменное дело многое, чтобы людем питатися, и сделаша каменные палаты большие на взрубке, где были царя Иоанна хоромы». Вероятно, две большие каменные палаты Борисовы и изображены тут на окраинах южного выступа кремлевской горы, с особым двором, с которого лестница о двух взодах ведет вверх, по направлению к западным дверям Сретенского собора. Впоследствии на этом месте был набережный Красный сад. Обращаемся к дальнейшему обозрению плана Кремля; на нем обозначены под цифрами:

17) Боровицкие ворота. Здесь, кроме двух зданий, ближе к дворцу, намечена двуглавая церковь Иоанна Предтечи, древнейшая в Москве. Она вначале, по словам летописи, «бе деревянная», каковой оставалась до Василия Темного, который построил здесь каменную церковь. 18) Каменный мост через Неглинную с воротами, кои прежде назывались Богоявленскими (по храму), потом Куретными, а при Алексее Михайловиче — Троицкими, по Троицкому подворью. Перед мостом башня без готического верха, за

мостом башня кутафья, покрытая шатровым верхом. 19) Двор патриарха, огибающий своей оградой с воротами Успенский собор с северо-западной стороны, по направлению к церкви Положения Ризы Богоматери. С северной стороны патриарших палат видна одноголовая церковь. На востоке здание замыкается одноголовой церковью, обращенной алтарем на площадь, 20) Успенский собор, 21) боярский двор Бориса Годунова, 22) Троицкое подворье, место коего было подарено Димитрием Донским преподобному Сер-

Седельный прибор Бориса Годунова.

гию. Здесь показаны две церкви — Богоявления и Преподобного Сергия. 23) Храм Рождества Христова, рядом с колокольной, 24) Иван Великий, 25) Большой колокол на шатровой колокольной, 26) Чудов монастырь, 27) двор Богдана Бельского, 28) двор Клешнин, 29) двор Семена Годунова, 30) двор Димитрия Годунова, 31) двор Григория Годунова, 32) Никольские ворота.

Чрезвычайно интересно пристальнее всмотреться в этот план и произвести его транскрипцию в больших размерах. Кремль представляется здесь в виде неправильного треугольника; он окружен со всех сторон не только стенами, но и водой: Москвы, Неглинной и особого водяного рва. В некоторых местах идет не одна стена, а две и даже три. Большая стена покрыта двускатной, не существующей теперь кровлей. Башни имеют форму и высоту иные, чем при Михаиле Феодоровиче и после него. У ворот видны мосты.

Некоторые храмы, как, например, пятиглавый Чудовский собор, имеют иной вид, чем в последующее время. В Кремле были деревянные мостовые.

Очень любопытно изображение на плане перед Кремлем части Китай-города, именно — Красной площади с находящимися на ней строениями. Справа, на северной стороне, в стене Китай-города возвышаются покрытые двускатной кровлей ворота Неглиненские, ныне Воскресенские; за ними виден через Неглинную мост; перед мостом, со стороны Тверской улицы, по обеим сторонам — торговые лавки. От Неглиненских ворот стена Китай-города, переходя через ров, смыкается с кремлевской стеной у ее наугольной Неглиненской башни. Здесь, внутри Китай-города, видно двойное строение под двумя двускатными крышами: здесь же находится Старый земский двор. Тут же, у Никольских ворот, стоит на колесах пушка большого размера. Далее, к югу, «на рву», между Никольскими и Спасскими воротами, пять малых церквей. Против них, на противоположной стороне Красной площади, с востока, выдвигается передняя сторона каменных торговых рядов, построенных в 1596 году. За рядами, против Спасских ворот, видно Лобное место, обнесенное круглой оградой. Близ него, «на рву», знаменитый Покровский собор о девяти верхах. Собор изображен с открытыми лестницами в верхний ярус и с главками вокруг среднего шатрового верха, как на рисунках Олеария и Мейерберга, ныне уже не существующими. Подле него трехъярусная колокольница, покрытая тремя шатровыми верхами, в которых видны колокола. Далее, к Москворецким воротам, — четыре ряда торговых лавок, в которых продавались сапоги. За этими лавками — две небольшие церкви, вероятно, Николы Москворецкого и Спаса Смоленского. Наконец, у Москвы-реки, в стене Китая намечены Москворецкие ворота, так же, как и Неглиненские, под двускатной крышей. От них стена идет через ров и примыкает к Кремлю у Беклемишевской угловой башни...

Возвращаемся затем к концу царствования Годунова.

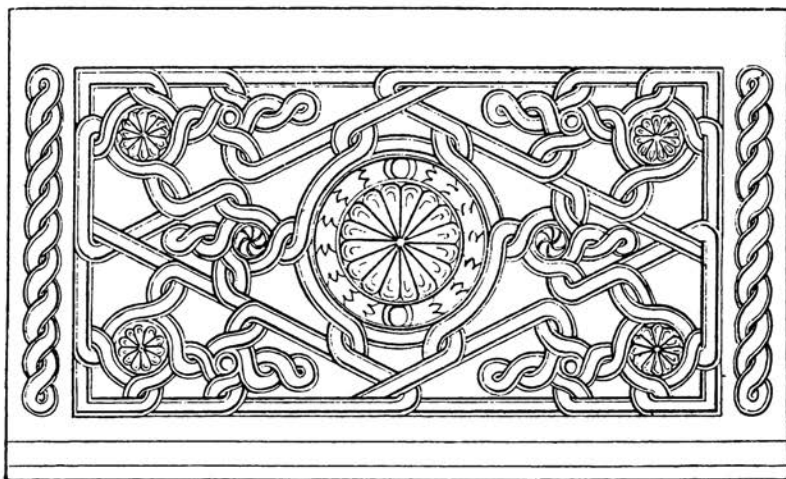
13 апреля 1505 года Борис Феодорович встал с постели, по-видимому, здоровым, и казался бодрым и за обедом ел охотно и много. После обеда он взошел на вышку, с которой часто любовался Москвой; но вдруг спустился оттуда и сказал, что ему дурно, что у него сильное колотье внутри. Бросились за врачом. Видно было, что приходил смертный час. У царя хлынула кровь из носа и ушей, и он упал без чувств. Прибежали патриарх и духовенство, едва успели приобщить умиравшего; наскоро совершили над полумертвым

обряд иноческого пострижения и нарекли его Боголепом. На другой день его, без всякой пышности, похоронили в Архангельском соборе; но здесь недолго оставался в покое злосчастный царь. Лжедмитрий I приказал вытащить его тело из собора (через пробитую специально стену) и похоронить вместе с сыном и женой в Варсонофьевском монастыре, что на Убогих домах. Но и здесь не оставили в покое несчастного праха Бориса: отсюда он был переправлен к Троице, где, отторгнутый от других царей, пребывает и доселе. Но ему и не подобает лежать под сводами того собора, где почивает св. Димитрий царевич.

Борис умер 55 лет. Перед смертью ото всех несчастий он сильно поспедел.

Приводим выше снимок с золотой печати (буллы) царя Бориса, привешенной к договору между Россией и Данией (1602 года). Примечательно, что в титуле, выбитом на этой печати, Борис именует себя самодержцем. Сохранилась и печать его сына Феодора Борисовича, приложенная к грамоте, хранящейся в Вене в королевском архиве (1604 года).

X

Москва в Смутное время при самозванцах, Василии Шуйском и в междуцарствие

Наступившая великая смута, в виде самозванщины, междуцарствия и польского владычества, имела в нашей истории значение истребительного пожара,—испытания русского народа и его созданий огнем. Этот пожар своим всепоражающим пламенем уничтожил, казалось, все — не только нечистое, но и чистое — и оставил от многовековой России и Москвы только одни развалины, из коих готовились строить новое, уже не русское здание поляки. Но под углем и пеплом разрушения таились живые и зиждательные силы, кои поднялись на пожарище, чтобы изгнать из Русской земли ее новых хозяев-властителей, чтобы восстановить Русское государство, ее столицу, весь наш быт. Нужно ли говорить, что эти силы заключались в русской народности и в нашей вере православной?

История Москвы в эпоху нашего лихолетья была летописью ее быстрого и прогрессивного разрушения.

Низвержение Годуновых, со скоропостижной смертью Бориса и убиением Феодора Борисовича, произошло не в виде революции, передающей верховную власть какому-либо из ее вождей, а в виде

возвращения престола будто спасшемуся от смерти его законному наследнику,— царевичу Димитрию. Чрезвычайно характерно, что даже против несправедливо захватившего власть Годунова можно было возмутить народ только именем законного государя. И те, кто подготовил самозванца, действовали с тонким разумением государственного духа русского народа, чуждого революционному и анархическому.

После убийства Феодора и супруги Бориса Марии и низвержения патриарха Иова, 20 июня 1605 года, в чудный летний день,

Лжедмитрий I.

вступил самозванец в присягнувшую ему Москву. Народ, веривший, что это приходит истинный царь Димитрий, громадными толпами наполнил улицы и площади и покрыл крыши домов и колокольни и радостно приветствовал нового властителя, не подозревая в нем похитителя престола. Вступление его в Москву было необычайным: впереди ехали польские латники в их крылатых шлемах и панцирях, польские паны в кунтушах и конфедератках; вокруг самозванца было много немцев и других иностранцев; сзади же его шли русские бояре и русские полки. Лжедмитрий ехал на белом коне, в великолепной одежде, в блестящем ожерелье ценой в 150 000 червонных. Звон колоколов сливался с приветственными

кликами народа; но уже чувствовалось что-то неладное. Когда самозванец выезжал из Москворецких ворот на Красную площадь, поднялся страшный вихрь; всадники едва усидели на лошадях; колокола сами собой зазвонили у св. Софии, что на набережной; покрытое тучами пыли шествие остановилось. Народ увидел в этом недоброе предзнаменование. Кроме того, он был недоволен, что в ту минуту, когда Димитрий, встреченный духовенством, прикладывался к образам на Лобном месте, на Красной площади гремела музыка: трубы и литавры заглушали церковное пение. В то время

Марина Мнишск.

как самозванец проявлял притворное волнение перед гробом Грозного в Архангельском соборе, князь Василий Шуйский уже говорил народу, что это — не истинный Димитрий, а самозванец, за что едва не поплатился головой, помилованный самозванцем уже на самой плахе.

Трудно было держаться на престоле Лжедимитрию, хотя он обладал умом и энергией и на его стороне было расположение народа, в своем большинстве простодушно верившего, что он — подлинный Димитрий Иоаннович. Если кровь Димитрия царевича погубила Годунова с его родом, то тем паче измена русскому духу Лжедимитрия, севшего на престол, правда, не насилем, а только

обманом, должна была погубить нового похитителя шапки Мономаха. Самозванец купил поддержку Польши в лице ее короля, духовенства и панов, ценой тайного принятия папизма и обязательства ввести его в России. Кроме того, он вводил в православный Кремль, в качестве русской царицы, католичку, польскую панну Марину Мнишек. Некоторые историки сильно налегают на то, что Лжедмитрий легкомысленно относился к русским обычаям, давая этим понять, будто он удержался бы на престоле, если бы освободился от своего беспечного легкомыслия. Но притворное уважение к русским обычаям не могло бы надолго укрыть в самозванце более существенного, именно того, что он идет против самой коренной основы нашей жизни,—против православия, что он не «царь православный». Не одевайся он в польский костюм, ходи в баню, не ешь телятины в постные дни, не делай и других нарушений нашего быта,—народ своим вещим чутьем разгадал бы, кто он и что он, и убедился бы, что он ошибся, признав в нем истинного сына царя Иоанна IV.

Смирный патриарх Игнатий : —

Подпись патриарха Игнатия.

На место сверженного патриарха Иова был возведен самозванцем грек Игнатий, бывший архиепископом в Рязани. Он первый из архиереев признал Лжедмитрия царем. Вслед за тем новый придворный сановник — великий мечник, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, привез из Выксинского монастыря (в 500 верстах от Москвы) царицу-инокиню Марфу. Несчастливая вдова Грозного должна была, после свидания с мнимым сыном в шатре близ села Тайнинского, признать самозванца своим порождением. Вдовствующая царица была поселена в Вознесенском монастыре.

30 июля Лжедмитрий, по установленному порядку, венчался на царство в Успенском соборе. Но к древнерусскому священнодействию примешалось нечто чужое, неприятно поражавшее народ. В храме Пречистыя польский иезуит Николай Черниковский приветствовал речью нового царя. По случаю коронации последовали царские милости: пожалован был, как мнимый дядя государя, Михаил Нагой саном великого конюшего; Романовы были возвращены из заточения, Филарет Никитич посвящен был в митрополиты Ростовские, а Иван Никитич Романов получил сан боярина.

Но Москва уже стала замечать в новом властителе, в его действиях и самой обстановке нечто фальшивое, нечто нерусское. Кроме упомянутого нарушения русских обычаев, всех поражала невиданная расточительность Лжедмитрия в пользу чужих, дававшего иноземным музыкантам такое жалованье, какого не получали и первые сановники государства. Называя себя «непобедимым императором», самозванец сделал себе из чистого золота богатейший трон со львами и большим орлом и увешал его брильянтовыми и жемчужными кистями. Одетый в польский костюм, он бешено ездил верхом по Москве и даже к Успенскому собору, чего не бывало

Печать Лжедмитрия I.

прежде, подъезжал на седле. Устраивая травли медведей и волков с невиданным в Москве задором, участвовал в них сам. Не ложась спать после обеда, он ходил пешком к полякам и немцам; и боярам, недосмотревшим выхода его из дворца, приходилось разыскивать его по городу; поляки пировали в Москве, высокомерно обращались с русскими и обижали их. Воспроизводим выше из «Материалов для Русской иконографии» Д. А. Ровинского портрет Лжедмитрия, выгравированный Лукой Килианом в Аугсбурге, в 1606 году.

По свидетельству современников, первый самозванец был сильный и широкоплечий человек, мрачный и задумчивый, без бороды и усов. Лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши длинные, волосы русые, рыжеватые; глаза темно-голубые, большой рот, толстые губы и крупный нос.

Чем дальше шло, тем было хуже.

В Ивановской колокольне ксендзы стали совершать католические обедни. Появился в Кремле папский легат. В Москве пошли приготовления к приезду царской невесты Марии Мнишек.

3 мая она прибыла в Москву; на ее пути сделаны были большие приготовления.

Не приняв православия, она была венчана в Успенском соборе царской короной и в тот же день совершено было ее бракосочетание с Лжедмитрием.

Начались праздники и пиры в Кремлевском дворце, выражавшие в похитителе власти настроение, не свойственное сыну Грозного и вообще русскому человеку. На обедах самозванец садился лицом к польским панам, а спиной к русским боярам.

Самозванцу из медового месяца пришлось прожить только одну неделю и слишком скоро оставить Марину вдовой. Его полякующий образ действий, антирусское его настроение готовили ему гибель: разоблачавшему всем, что он обманщик, князю Василию Ивановичу Шуйскому нетрудно было при помощи заговора подготовить гибель самозванца. Конец его был кровавый...

Таким образом кончился второй акт смуты, если за первый считать гибель Годуновых.

Василий Иванович Шуйский, провозглашенный в Москве царем, не обладал силами, необходимыми для подавления смуты. Престарелый, вдовый, бездетный, обладавший умом, годным для царедворца или министра, он совсем лишен был тех качеств, кои необходимы царю, а особенно основателю новой царской династии, в такое тяжелое время. Напротив того, в нем было немало такого, что делало его положение на престоле шатким, колеблющимся. Избранный только Москвой, а не всей Русью, он в глазах народных был запятнан ложью, что царевич Димитрий сам лишил себя жизни в припадке падучей болезни. Но лишенный нравственного доверия, он не обладал всей силой и полнотой власти, к коей привык народ и которую он ставил выше всего. Он не был самодержец, а был только, по выражению современников, полуцарь, потому что дал боярам обязательство и клятву в Успенском соборе — не решать ничего важного без их согласия. Каждое действие Василия, хотя бы оно и было вполне самостоятельным, представлялось народу внушенным Шуйскому не его царской совестью и чувством долга пред Богом и государством, а делом невольного соглашения с думой боярской.

Совершенно естественно, что смута, пустившая корни при Годуновых и Лжедмитрии I, не преминула воспользоваться слабостью Василия Ивановича, и в его личности, и в самой его умаленной власти.

1 июня 1606 года Василий Иванович венчался на царство, а 3 июня, ради предотвращения самозванства, были принесены в Москву мощи св. царевича Димитрия. Царь, инокия-царица Марфа, духовенство, бояре и народ встретили их за городом, причем удостоверились в нетлении мощей. Сам царь нес раку царевича, прославляя его святость и, в обличие себя самого, свидетель-

Царь Василий Иванович Шуйский.

ствуя, что царственный отрок убит был по приказанию Бориса Годунова.

В грамоте царя Василия говорится об обретении мощей следующее: «Послали мы по мощи царевича Димитрия Иоанновича митрополита Ростовского Филарета, и Астраханского епископа Феодосия, и Спасского архимандрита Сергия, и Андроньевского архимандрита Авраамия, и бояр: князя Ивана Михайловича Воротынского, и Петра Никитича Шереметева, и Григория и Андрея Феодоровича Нагого; писали из Углича богомольцы и наши бояре, что они мощи благоверного князя Димитрия Иоанновича обрели; мощи его целыя, ничем невредимыя, только в некоторых местах немножко тело вредилося; и на лице плоть и на голове волосы целы и крепки; и ожерелье жемчужное с пуговицами все цело; в руке левой полотенце тафтяное, шитое золотом и серебром, целое; кафтан на плечах и сапожки на нем целы, только подошвы на ногах попоролись; и на персех орешки положенные — горсть. Сказывают, что коли он играл, тешился орехами и ел; и в ту пору его убили, и орехи кровью омочились; и того дня тые орехи ему в горсть положили и тые орехи целы. И которые были расслабленные различными болезнями уздоровились от раки его, царевича...» Сперва мощи были поставлены в храме св. Уара, у Боровицких ворот, а потом в Архангельском соборе. Серебряную раку для них соорудил царь Михаил Феодорович.

Напрасно Шуйский стремился предотвратить самозванчину: это не успокоило смуты. Сперва зашевелились области, не участвовавшие в избрании его и подвергшиеся интриге бояр: князь Шаховской возмутил против Шуйского Северскую Украину, а Ляпунов и Сумбулов — Рязанскую область. Но наиболее смуты производили народные подонки, выразителем коих явился беглый холоп князя Телятевского Иван Болотников. Однако эта смута и слякоть не вдруг могла выставить из своей среды самозванца, хотя деятельно повсюду распускались слухи, что Димитрий Иванович не был убит в Москве, как раньше и в Угличе, а что вместо него убили другого и, чтобы обмануть де народ, лицо убитого покрыли маской.

Первая волна смуты, под предводительством Ивана Болотникова, Шаховского и Ляпунова, докатилась до Москвы, и войскам Шуйского приходилось биться с мятежниками и под самой Москвой, и у речки Пахры, в селе Троицком, и близ деревни Котлы. Однако положение Василия Шуйского еще не расшаталось, особенно благодаря поддержке новопоставленного патриарха Гермогена; и смутьяны — одни принесли, как Ляпунов, повинную царю,

другие отброшены были от Москвы и, после осады в Туле, должны были сдаться Шуйскому.

Но за первой волной смуты катился второй вал ее: в Стародубе объявился Лжедмитрий II, которого одни называли поповичем от Знаменья на Арбате, другие — сыном Курбского, а некоторые — даже жидовином. Между тем Шуйский не проявлял и в самой Москве царственной силы. Москвичи в это время видели, как выко-

Чудов монастырь.

пали из земли тело первых жертв самозванства — Годуновых и как повезли их для новых похорон у Троицы; неутешный плач дочери Годуновых Ксении, теперь инокини Ольги, глубоко трогал народ. Вызван был в Москву низложенный самозванцем патриарх Иов, и вместе с новым патриархом Гермогеном дал в Успенском соборе разрешение народу от клятвопреступления при первом самозванце Феодору Борисовичу. По этому поводу обнародована была от имени двух патриархов грамота с изложением событий от смерти Грозного до воцарения Шуйского включительно. Но все же власть не обнаруживала энергии, несмотря на то, что Москва была встревожена видением одного старца, коему во сне явился Христос и в Успенском соборе грозил московскому народу страшной казнью за все его неправды. Патриарх Гермоген приказал объявить народу об этом видении и назначил по этому поводу пост от 14 до 19 октября. Между тем, зимой ничего не предпринималось против самозванца; пользуясь бездейственным затишьем, Василий Иванович отпраздновал свою свадьбу с княжной Буйносовой-Ростовской.

Св. Гермоген, патриарх всероссийский. С иконы В. М. Васнецова.

Между тем второй самозванец окреп: к нему пристали польские отряды под начальством панов Меховецкого и Рожинского, донские казаки с атаманом Заруцким и немало русских людей, успевших порядочно испортиться или, как говорили тогда, «измалодушествоваться» от смуты. Пропущен был момент нападения, и пришлось защищаться. Города стали сдаваться самозванцу, и даже войска изменяли Шуйскому... И вот самозванец, далеко уступавший первому Лжедмитрию и называемый народом просто вором, подошел к Москве и расположился станом в селе Тушине. Сюда привезена была перехваченная по дороге в Польшу панна Марина, и эта авантюристка не посовестилась признать своим мужем самозванца, нисколько не походившего на первого Лжедмитрия. Хотя тушинцы не чувствовали силы осадить Москву, но и полударь не имел энергии ударить на Тушинский стан. Происходившие между речками Ходынкой, Восточной и Химкой битвы не приводили ни к чему; поляки под начальством панов Лисовского и Сапеги осадили Троицкую лавру. Но ее иноки геройски защищали обитель преподобного Сергия. Великая лавра показывала, что Бог, по молитвам преподобного, не отступился от царя. Но все же поддерживаемая слабостью в нем власти смута все росла и росла. В самой Москве было ненадежно: в ней плодились так называемые перелеты: характерным проявлением смуты было появление людей, кои стали торговать своей верностью, изменяя то Шуйскому, то самозванцу. Торговый человек, желая стать дворянином, дворянин — получить поместье или боярство, бежали из Москвы в Тушинский стан и здесь присягали Лжедмитрию, а получив от него жалованье, возвращались в Москву и здесь притворным покаянием вымогали себе новые награды. Но это не все: Москва видела не одну бунтовскую вспышку против Шуйского.

17 февраля 1609 года Сумбулов, Гагарин и Грязной, составив заговор, потребовали от бояр, чтобы они низложили царя, а когда те, выжидая, что будет дальше, разошлись по домам, бунтовщики грубо и насильственно вывели патриарха Гермогена из Успенского собора на Лобное место и стали кричать, что Шуйский незаконно избран одной Москвой и притом своими потаковниками. Патриарх сказал, что до сего времени ни Тверь, ни Псков, ни Новгород, ни другие города Москве не указывали, а им всем Москва указывала, и, напомнив им о присяге на верность царю, удалился с Красной площади в Кремль. Заговорщики бросились за ним. Народ не удерживал их, но и не помогал им. Василий Иванович на этот раз показал себя и твердым, и мужественным, хотя и не схватил бунтовщи-

ков. Он спросил их, зачем они, клятвопреступники, дерзко врываются во дворец? Если они хотят убить его, то он не боится смерти; но низложить его без больших бояр не могут. Заговорщики оторопели и убежали в Тушино.

Второй заговор был составлен Крюком-Колычевым, замыслившим убить Шуйского на Вербное воскресенье. Но заговор был открыт, его глава был казнен, а сообщники поплатились заточением. Началось волнение в народе от страшной дороговизны хлеба, про-

Князь Скопин-Шуйский.

исшедшей от того, что тушинцы, осадив Коломну, приостановили подвоз хлеба в Москву. Цена на него поднялась до 7 рублей за четверть. Но, по просьбе царя, келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын пустил в продажу монастырский хлеб по 2 рубля за четверть.

Скоро, однако, сквозь тучи смуты проглянуло было на Шуйского солнце: его молодой племянник, доблестный князь Михаил Васильевич Шуйский, собрал ополчение северо-восточных городов, получил от шведов вспомогательный отряд под начальством Делагарди и, двинувшись к Москве, разбил по дороге поляков и подходил к первопрестольной столице, когда Лисовский и Сапега уже сняли осаду Троицкой лавры, а самозванец бежал из Тушинского лагеря в Калугу, и самое это гнездо распалось. Король польский Сигиз-

мунд III, подступив к Смоленску, потребовал к себе из Тушина поляков. Лжедимитрий, оскорбляемый своими приверженцами, не чувствовал себя в безопасности без поляков в Тушине и бежал, а его стан сам собой распался.

Народные надежды в это время покоились на Михаиле Скопине, в котором все хотели видеть наследника несчастного и бездетного его дяди. Народ приписывал ему освобождение Троицкой лавры и распадение Тушинского лагеря. Прокопий Ляпунов на возвратном пути Скопина через своих посланных предложил ему престол, но тот с благородным гневом разорвал присланную ему грамоту.

Однако, среди общего расположения народа, царственного юношу стерегли в Москве зависть и ненависть. Брат Василия Димитрий Шуйский, питавший надежду после его смерти наследовать престол, не мог не видеть в Скопине-Шуйском помеху своим планам.

12 марта князь Михаил Васильевич торжественно, вместе с Делагарди, вступил в Москву. Народ тысячными толпами вышел встретить молодого героя, в коем видели все спасителя государства. У ворот «Скородома» по приказанию царя Василия князю Скопину была поднесена хлеб-соль. Народные толпы на пути его в Кремль земно кланялись ему и со слезами благодарили его за освобождение от врагов. Зная о затаенной вражде к князю Михаилу, Делагарди торопил его идти на поляков под Смоленск, и тот стал готовиться к походу. Но смерть неожиданно прервала жизнь народного любимца. 23 апреля, на крестинном пиру у князя Воротынского, хлынула у него кровь носом, и через две недели он умер. Народ с ужасом встретил эту весть и заговорил, что он отравлен. Пошли толки, что жена Димитрия Шуйского, дочь Малюты-Скуратова, поднесла ему яд в чаше с вином. Народ внес это в свою песню. Вот что князь Михаил говорит в ней «своей матушке» «о стопе зелья лютого».

Ох ты, гой еси, матушка родимая,
Сколько я по пирам не сжал,
А таково еще пьян не бывал;
Съела меня кума крестовая,
Дочь Малюты-Скуратова!

Об этом тяжком для народа времени псковский летописец говорит, что в Архангельском соборе слышны были шум, гласы и плач, предвещавшие разорение царства Московского. Князь Скопин-Шуйский был,—при общем плаче, подобном тому, который был

по царе Феодоре Иоанновиче,— погребен в царской усыпальнице. Воспроизводим выше его иконописный портрет, стоявший в Архангельском соборе над гробом царственного юноши.

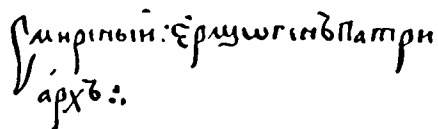
Со смертью его порвалась последняя народная связь с несчастным Василием Ивановичем; нужен был только повод, чтобы совершилось его падение, и он не замедлил. Бездарный, но честолюбивый Димитрий Шуйский, почти с пятидесятитысячным войском, был разбит паном Жолкевским под Клушиным: чаша несчастий полуцаря переполнилась. Захар Ляпунов поднял против Шуйского толпы народа, пошел во дворец и стал требовать от Василия, чтобы он отрекся от престола. Тот схватил нож и замахнулся им на Ляпунова, который хотел ответить тем же; но товарищи увели его из дворца. Они пошли на Лобное место, куда двинулись народные массы и приехал патриарх Гермоген. Толпы не умещались на Красной площади, и Ляпунов с Салтыковым и Хомутовым закричали народу, чтобы все шли к Серпуховским воротам, где больше места. Здесь решились просить Шуйского сойти с престола, так как и род его несчастен, и из-за него понапрасну льется кровь. Патриарх Гермоген противился этому, но совета святейшего на этот раз не послушали и послали в Кремль свояка Васильева, князя Воротынского, сказать обо всем Шуйскому. Тот, не видя нигде опоры, согласился и переехал с женою в свой боярский дом на Арбат. Чтобы сделать невозможным для него возврат на царство, Ляпунов с князьями Засекиным, Волконским и Тюфякиным потребовал, чтобы Шуйский постригся. Когда он не захотел сделать это, его насильно свезли в Чудов монастырь и там постригли в иноки. С падением этого государя, хотя он был только полуцарем, стало Москве еще смутнее, и наступал последний, самый тяжкий акт смуты—междоусобица.

Василий Иванович не мог оставить по себе много памятников в Москве. Впрочем, при нем переведен был с иностранного устав ратных дел, сделанный Михаилом Юрьевым, построен был новый дом для типографии на Никольской улице, и в год низложения (1610), близ Патриарших прудов, на Козьем болоте, была выстроена церковь священномученика Ермолая, по преданию построенная патриархом Гермогеном, носившим в миру имя Ермолая.

Роковое, по всей видимости, безысходное время наступает для Москвы и всей России в 1610 году, когда пал Василий Шуйский. Безгосударье было неизмеримо тяжелее правления полуцаря, теперь развенчанного и постриженного в иноки. При нем все же был, хотя и в колеблющемся престоле, государственный центр, все же еще горел, хотя и мерцая, огонь народного единения.

Передача регентства боярской думе, впредь до избрания царя, была скачком в неизвестность. Ежели было немыслимо, чтобы бояре решились на Руси ввести управление при помощи народного вече, или даже воскресить удельную систему, с ее небольшими княжествами и князьями, то все же пред расшатанными смутой Москвой и Россией зияли две пропасти: или разбойническое владычество сидевшего в Калуге самозванца с его приспешниками, или польское владычество, надвигавшееся на Москву с войском пана Жолкевского, дошедшего уже до Можайска.

То и другое грозило конечным разрушением всего того, над чем более семи веков работал народ и для чего особенно потрудились Москва.

Смирный: Ермогенъ Патри
архъ.

Подпись патриарха Гермогена.

Семибоярщина правительствующей думы, дабы предотвратить обращение России в провинцию Речи Посполитой, придумала избрать в цари польского королевича Владислава. Восстал против этого доблестный патриарх Гермоген, требовавший, чтобы царь был избран из русских бояр, причем указывал на юного Михаила Феодоровича Романова и на князя Василия Голицына, как на достойных занять престол. Но его успокоили тем, что избираемый инородец примет православную веру и ограничит власть свою в том отношении, что не приведет на Москву поляков и не будет ничего решать без согласия земского собора и боярской думы. Патриарх же настоял, чтобы Владислав отрекся от католичества и принял православие. Не мог быть по душе русским людям новый полуцарь, да притом польской крови. Но страх пред тушинским вором и обращением Руси в польскую провинцию заставил умолкнуть недовольство. Жолкевский стоял уже на Поклонной горе за Дорогомиловом...

27 августа Москва присягала королевичу Владиславу как русскому царю, и сердце Москвы — Кремль был сдан полякам. Хитрый и ловкий поляк Жолкевский извивался змеей пред москвичами и сумел ослабить нерасположение к ляхам даже патриарха Гермогена. Но, дабы удалить из Москвы людей, опасных для кандидатуры королевича Владислава, он выбрал в члены великого посольства

к королю князя Голицына и митрополита Филарета Никитича Романова, как представителей тех родов, кои ближе других были к престолу и могли быть в руках поляков заложниками за Русь, в пользу Владислава. Когда уполномоченные прибыли под Смоленск, фанатичный ученик иезуитов Сигизмунд III сразу проявил намерение поработить Россию: требовал, чтобы послы заставили смолян сдать ему и вместо сына признали его самого царем России. Те, видя в этом гибель самостоятельности России, ее независимости, стойко воспротивились этому. Узнав о всем этом, Жолкевский уехал из Москвы, оставив ее во власти Гонсевского. Сердце восточной России сразу стало испытывать на себе тот польский гнет, который в это время так давил Киев и всю Юго-западную Русь. Поляки в Москве стали теперь обращаться с русским народом, как с «быдлом», как с рабами Речи Посполитой, заносчиво, дерзко и жестоко. Москва и Россия начинают судорожные движения, чтобы освободиться от польских сетей...

Смерть самозванца, убитого крещеным татаринном Урусом, развязала русским людям руки в Москве и других городах. Патриарх Гермоген убедился, что поляки не отпустят Владислава и, поработив Россию, погубят в ней и государство, и народность, и самую веру православную. Гонсевский, засевший в Кремле, в доме Годунова, стал вместе с изменником Федором Андроновым отсылать к Сигизмунду русские царские сокровища: короны, сосуды, драгоценные одежды и прочее. Сколько в это время погибло вековых сокровищ Москвы! К счастью, стольник Трахониатов успел часть сокровищ скрыть в подземном тайнике Кремля.

Когда Жолкевский, захватив с собою постриженного в иноки Василия Шуйского, уехал из Москвы, а поляки, хозяйничавшие в Кремле, сняв с себя маску, стали теснить москвичей,— поднимает голос против иноплеменников патриарх Гермоген. Он начал открыто говорить, что Владислава нельзя признать русским царем, потому что он не примет православия; а польские люди именем своего королевича заполнили все Московское государство, и в самом Кремле уже раздается папское латинское пение. Патриарх дал православным людям разрешение от данной королевичу присяги и в своих грамотах благословлял их подняться на иноземных, иноплеменных и иноверных пришельцев. Слово Св. Гермогена развязывало русским людям руки. К этому присоединились еще грамоты из-под Смоленска, которые призывали всех на защиту веры православной, поруганной поляками. Москвичи, с благословения Гермо-

гена, присоединили к этой грамоте свою, призывавшую к освобождению самой Москвы и ее святынь от иноплемеников.

«Здесь,—говорилось в грамоте о Кремле,—образ Божией Матери, заступницы христианской, который евангелист Лука написал, здесь великие святители и хранители — Петр, Алексий и Иона чудотворцы». Грамоты вызвали патриотическое движение народа,

Панагия патриарха Гермогена. *Внешняя сторона.*

и северо-восточные города стали ополчать ратников. Во главе их стал даровитый Прокопий Ляпунов. Но русские люди еще не освободились от смуты очистительным огнем страданий. Народное ополчение смешалось с отрядами прежних тушинцев, находившихся под начальством Заруцкого, Просовецкого и Трубецкого.

Изменники стали требовать от патриарха, чтобы он церковным проклятием вернул назад уже двинувшееся к Москве ополчение, но он мужественно сказал: «Если все изменники и королевские люди выйдут из Москвы вон, то я отпишу ратным людям, чтобы они вер-

нулись назад». Великий старец не уstraшилcя и ножа, которым замахнулся на него Салтыков. Поляки стали держать его под стражей. В Вербное воскресенье его освободили, ради шествия на осляти.

Народ отсутствовал на помянутом торжестве и, очевидно, настораживался,— был в ожидании событий. Поляки начали готовиться к встрече подходившего народного ополчения. Они стали втаскивать пушки на башни и крепостные стены и послали на рынок звать к себе на помощь русских извозчиков. Те не послушались, завязался спор, поднялся шум и сбежался густыми толпами народ. Немцам, находившимся на службе у поляков, показалось, что это — народное восстание, которого уже все ждали со дня на день. Они вместе с поляками бросились с оружием на безоружный народ. 7000 москвичей пали под ударами иноземцев. Но народ в Белом городе стал готовиться к энергичной защите: улицы были перегорожены бревнами, столами и чем попало. К горожанам выходили ратные люди в вооружении. На улицах закипели битвы. Особенно горяч был бой на Сретенке и Лубянке. Им распоряжался князь Д. М. Пожарский, пришедший в Москву ранее Ляпунова; он отбил здесь поляков и заставил их уйти в Китай-город. У Введения на Лубянке, во Псковичах, или в Опасовичах, он поставил вблизи своего дома (на месте нынешней 3-й гимназии) и богадельни, построенной им при существовавшей здесь церкви св. Феодосия, укрепление. Бутурлин бился с поляками у Яузских ворот, Колтовской — в Замоскворечье. Общими силами русских поляки были загнаны в Китай-город и Кремль. Тогда они решили сжечь Москву и подожгли сперва Белый город. Ветер благоприятствовал пожару. Проникли поляки, несмотря на сопротивление москвичей, и в Замоскворечье, подожгли и его в нескольких местах. Польский отряд среди пылавших улиц обошел князя Пожарского и ударил ему в тыл. Этот защитник Москвы целый день геройски отбивался от поляков, но был ранен и отвезен в Троицкую лавру. Москва горела до четверга Страстной недели. Одновременно с этим она подвергалась страшному разграблению от поляков и немцев. «Им,— говорит в своей московской летописи Бер,— не нужно было ни дорогих полотен, ни олова, ни меди; они брали одне богатые одежды, бархатные, шелковые, парчевые, серебро, золото, жемчуг, дорогие камни; снимали с образов драгоценные ризы; иному немцу, или поляку доставалось от 10 до 12 фунтов чистого серебра. Тот, кто прежде не имел ничего, кроме окровавленной рубахи, теперь носил богатейшую одежду; на пиво и мед уже не глядели: пили только самые

редкая вина, коими изобиловали боярские погреба,— рейнское, венгерское, мальвазию. Поляки стреляли в русских жемчужинами, величиною с добрый боб, и проигрывали в карты детей, отнятых у бояр и именитых купцов...» В несколько дней большая часть Москвы выгорела. Лишь обгорелые остовы церквей да трубы торчали среди углей и пепла, на коих лежали массы мертвых тел. Мрачно смотрели поляки со стен Кремля и Китай-города на пепелище Москвы, поджидая народных ополчений и слушая по ночам вой собак, глодавших человеческие кости. Святейший патриарх Гермоген, брошенный в подземелье Чудова монастыря, был низвергнут и заменен лжепатриархом Игнатием.

На третий день Святой в сожженную Москву вступили ратники под начальством Ляпунова. На следующий день привел сюда Заруцкий казаков, а Трубецкой — калужан. Но те русские, кои, заняв Белый город, окружили поляков, не были готовы к совершению великого и святого дела. Среди них кипели раздоры, а казаки поразбойничьи относились к родной земле и ее народу. Этим воспользовался коварный Гонсевский и подбросил в казачий стан подложную грамоту от имени Ляпунова, требовавшую, чтобы русские люди избивали казаков, как собак. Казаки призвали к ответу Ляпунова и изрубили его саблями. Ополчение городов, лишившееся авторитетного предводителя, разошлось по домам, и под Москвой остались казаки да бывшие тушинцы.

Между тем патриарх Гермоген томился в подземелье Чудова монастыря, где этого святого мученика за Русь святую, православную мучили голодом и терзали нравственно. Его призывный голос уже не был слышен из-под сводов подземелья. Даже в Успенском соборе не совершалась уже служба. Наступал самый ужасный момент в нашей истории. Разоренной Москве и России, казалось, уже неоткуда было ждать спасения.

Но жив еще был русский народ, жива была его душа православная. Ее светлое, ее святое, все объединяющее проявление мы видим в обители преподобного Сергия, в учениках первосвятителя Гермона.

Из Москвы и из других центров разоренной и умиравшей Руси потянулся в 1611 году страшный, можно сказать, Голгофский крестный ход: под сень Троицкой лавры шли орошенные кровавым потом русские люди, ограбленные, голодные, страшно изувеченные (у иных были ремни на спинах выкроены и глаза из глазниц вырваны). Они шли под кров святой обители уже без всякой мысли о зем-

С картины В. М. Васнецова.

ной жизни, с одним желанием помолиться и по-христиански встретить здесь свой смертный час.

В толпе двигавшихся сюда людей виделась вся ужасающая картина погибавшей Москвы и всей Руси, но и все величие и зиждительная сила ее исторического духа, заключавшаяся в неизменной до смерти верности своему отечеству, его православию, его народности, его царству. Дух этот воспрянул во весь рост свой в игумене Троицкой лавры — архимандрите Дионисии и келаре Авраамии Палицыне. Они поняли, что их задачи не в благотворительно-

Троицкая лавра.

сти только измученным русским людям, не в напутствии только их в иную жизнь, но в призыве всех русских людей, кто в силах, еще раз подняться, с мечом в руках, на спасение отечества.

Чем менее земных надежд на это представляла окружающая действительность, тем животворнее была вера патриотов, что рука Божия не оставила Россию на погибель. Кто не знает, что сделали Троицкие грамоты, как воскресили они всю Русь, ополчили ее на врагов, воздвигли и гражданина Минина, и князя Пожарского, и их сподвижников.

Мы не станем передавать известных подробностей об этом народном ополчении, которое из глубины подземелья благословил умиравший в Чудовом монастыре патриарх Гермоген.

Но мы обязаны внести здесь в летопись Москвы недавние знаменательные чествования этого величайшего из русских патриотов и самого выдающегося из числа десяти наших патриархов, запечатлевшего высокую святость своей жизни великим подвигом мученичества за веру и отечество.

17 февраля 1912 года в Москве было торжественно совершено

Стяг князя Д. М. Пожарского.

церковное, государственное и народное чествование трехсотлетия с кончины этого иерарха. В следующем 1913 году 12 мая, на 302 году после его мученической смерти, по определению высшей церковной власти, с еще большею торжественностью было совершено причисление к лику святых священномученика и чудотворца. Это торжество, приняв народный характер, привлекло к себе сочувствие не только властей, но и науки и искусства: появилось множество исторических исследований о новопрославленном патриархе

Князь Пожарский в битве под Москвой.

и изданий, посвященных ему, как, например, напечатанные Церковной юбилейной комиссией его «Творения», фототипическое воспроизведение его собственной рукописи «Явление Казанской иконы Божией Матери» и другие. Живопись дала множество изображений первосвятителя, среди которых первенствуют посвященные ему и воспроизводимые выше произведения В. М. Васнецова. От живописи не отставала и музыка, перелагавшая в свои звуки в честь святейшего патриарха песнопения, среди которых особенно выдаются произведения М. М. Ипполитова-Иванова. Все это не должно быть обойдено молчанием в летописи Москвы.

Но возвратимся к тому великому делу, на которое вдохновил св. Гермоген Минина и Пожарского и их народные ополчения.

18 августа ополчение подошло к Москве. Князь Трубецкой при-

Первый храм во имя святителя Гермогена в подземелье Чудова монастыря,
где он скончался.

слал звать князя Пожарского и его ратников в свой стан. Но тот, зная дух казаков, отказался от этого и расположился станом у Арбатских ворот. В это время подошли к Москве и поляки, под начальством пана Ходкевича, и остановились на Поклонной горе.

Казанская икона Божией Матери XVII-го века *.

Пожарский, по левому берегу Москвы, двинул свое ополчение к Новодевичьему монастырю, а Трубецкой со своими казаками стал на правом берегу у Крымского брода (где теперь Крымский мост), чтобы не пропускать Ходкевича к Кремлю на соединение с польским гарнизоном.

* С этой иконой приходили на освобождение Москвы сперва Прокопий Ляпунов, а потом князь Пожарский. Знаменательно, что патриарх Гермоген «первый взял ее от земли», когда она явилась во граде Казани. В 1612 году она сопровождала ополчения при штурме Китай-города; в память этого Пожарский дал обет построить на Красной площади Казанский собор, что было исполнено царем Михаилом Феодоровичем Романовым.

Красная площадь.

22 августа, переправившись через реку, поляки напали на Пожарского. Хотя русские храбро отбивались, но едва не были подавлены. Казаки Трубецкого злонамеренно бездействовали, не подавая помощи своим. Но в самое критическое мгновение посланные Пожарским на помощь казакам, по просьбе Трубецкого, несколько сот ополченцев, несмотря на запрет, вырвались от казаков и поспешили на выручку товарищей; к ним присоединились некоторые казаки. Прибывшее подкрепление дало перевес русским, и побитые поляки отступили на Поклонную гору. В то же время были отбиты и поляки, сделавшие вылазку из Кремля; при этом у них отняты были знамена и много провианта, доставленного им.

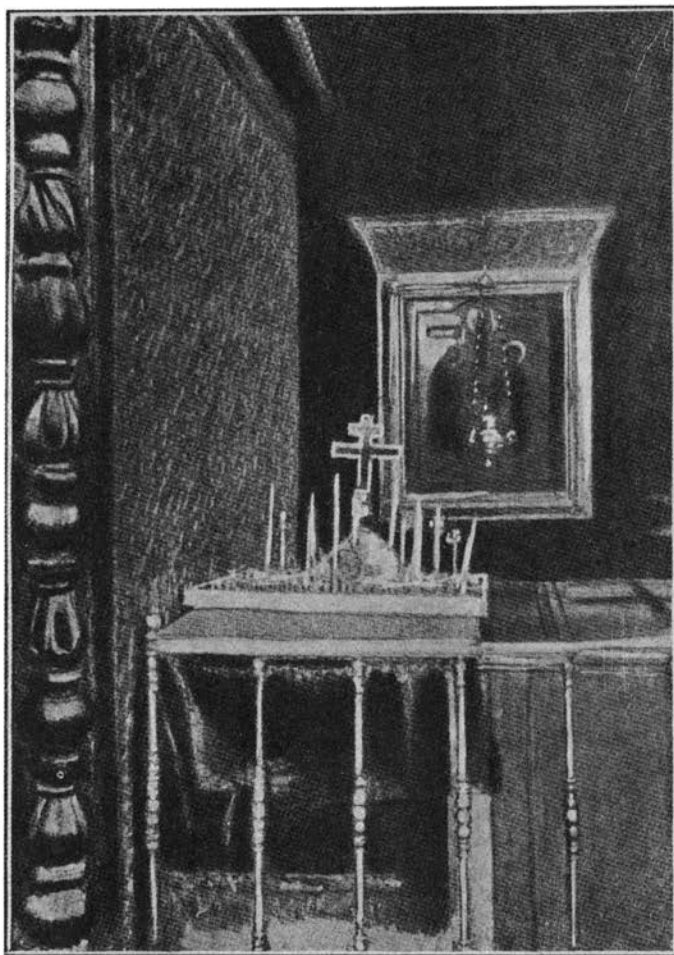
23 августа поляки сделали вылазку из Кремля и в этот раз захватили укрепление у церкви Георгия в Яндове, за Москвой-рекой, а Ходкевич с Поклонной горы перешел к Донскому монастырю. Теперь против него были только казаки; но князь Пожарский, не помня зла, перешел к ним с большей частью своего войска. 24 августа, с рассветом, поляки ударили на наших с такою силою, что их смяли; Пожарский перешел назад через реку, а казаки ушли в свои таборы. Но келарь Авраамий Палицын уговорил казаков не покидать общерусского дела. Общими силами отнято было занятое поляками укрепление у церкви Климента на Пятницкой, а затем пехота залегла по ямам, чтобы не пропускать неприятеля в Кремль.

В это время Минин с тремястами охотников из дворян и ротмистром Хмелевым перешел через Москву-реку и ударил по стоявшим там у Крымского двора двум польским ротам. Те были смяты и побежали. Тогда залегшие в ямах ратники, вместе с конницей, бросились на поляков. Эти, потеряв 500 человек убитыми, направились к Воробьевым горам и на рассвете ушли от Москвы, по Можайской дороге. Воспроизводим выше то знамя, под коим русское ополчение сражалось за Русь святую и за освобождение Москвы. Внизу этого достопамятного и драгоценного стяга изображены сабли Пожарского и Минина.

Таким образом, пан Хоткевич был прогнан от Москвы; но нужно было очистить сердце ее — Кремль от поляков, сидевших здесь с полковником Струсем. И в это время открывается рознь между ополчением и казаками, кои хотели опять уйти из Москвы. Архимандрит Троицкой лавры св. Дионисий прислал казакам последние монастырские ризы, епитрахили и стихари. Но те устыдились и, возвратив к Троице присланное, обещали не покидать общего дела. Разногласие воевод, составивших правительство, было устранено;

они решили съезжаться на Неглинной (где теперь Труба) для совещаний.

Стали дружно готовиться к осаде Китай-города и Кремля. Поставили туры: один на Софийке, у Пушечного двора, другой — у

Старая гробница св. Гермогена в Успенском соборе.

Георгиевского монастыря, сзади нынешнего дворянского собрания, третий — у Всех Святых на Кулишках. Окопали рвом Замоскворецкий полуостров и загородили его плетнем. Осажденные терпели го-

лод, питались трупами, но не сдавались. 22 октября казаки приступом взяли Китай-город, но поляки держались еще в Кремле, выпустив оттуда боярских жен. Наконец, томимые голодом осажденные начали переговоры о сдаче и, когда им обещано было сохранение жизни, прежде всего выпустили из Кремля бояр, в числе коих были Иван Никитич Романов и его племянник Михаил Феодорович с матерью инокиней Марфой, вынесшие много ужасов от поляков и от самой осады. На следующий день сдались и поляки с паном Николаем Струсем во главе.

27 октября 1612 года на Красную площадь двинулось ополчение князя Пожарского от церкви Иоанна Милостивого (на Кисловке, существовала до 1812 года), а казаки князя Трубецкого — от церкви Казанской за Покровскими воротами. Когда рать, сопровождаемая народом, с крестами и образами, подошла к Лобному месту, и святой Дионисий начал служить здесь благодарственный молебен, из Спасских ворот показались кремлевские хоругви и духовенство, несшее икону Владимирской Божьей Матери. Глубоко растроганный народ при виде этой великой святыни — «Знамени отечества», залился слезами радости и в чувстве невыразимого умиления пал на колени пред этим крестным ходом. По окончании молебна на Лобном месте войска и народ радостно вступили в Кремль. Он был страшно опустошен. В Успенском соборе совершено было молебствие, и затем началась литургия, не совершавшаяся здесь в течение осады. В это тяжкое время первопрестольный собор всея Руси заменялся собором Успения на Крутицах, бывшим кафедрой митрополитов Сарских и Подонских.

Так начался великий день освобождения России. Сброшено было с России польское иго, и началось действие зиждительных сил русского народа. Никто из освободителей России не подумал захватить в свои руки верховную власть и по своим замыслам и планам произвольно строить лежавшее в развалинах государство. Воспрянувший государственный дух русского народа приступил к воскрешению только того, что было создано страдною историей Москвы. Созванные в Москву из всех городов уважаемые люди на великий земский собор единодушно и безусловно добровольно решили восстановить прежнюю национальную монархию, с неограниченной властью царя-самодержца, как созданы были они Москвою и в таком виде как существовали они, испытанные веками, при угасшей династии св. Владимира. Сошедшиеся в Москве выборные заявили, что России прежде всего необходим не патриарх, а царь, и не

иностранного происхождения государь, а прирожденный русский и православный. Выбор остановили на роде, близком уже прежде этого к царскому престолу,— бояр Романовых, и именно на юном боярине Михаиле Феодоровиче Романове, к коему было снаряжено от Москвы великое посольство, состоявшее из высшего духовенства, боярства и других людей.

XI

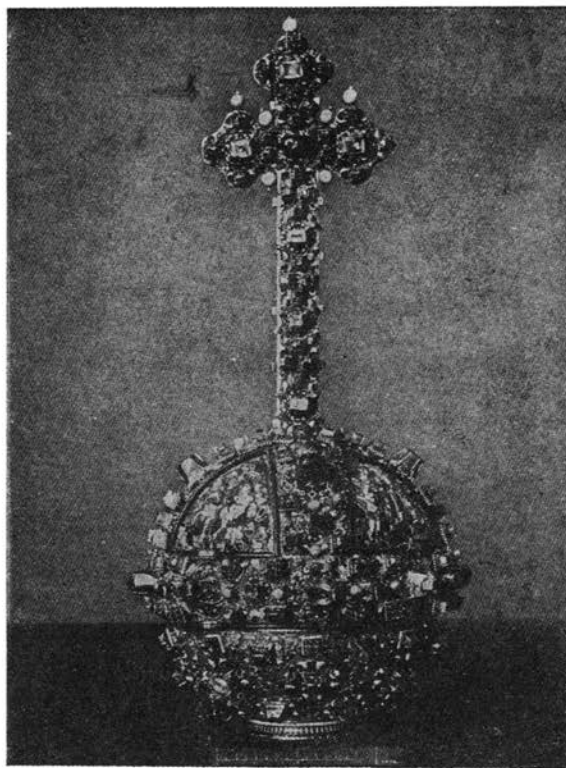
Москва в царствование Михаила Феодоровича Романова

ожие Провидение спасло Россию от гибели в тяжкую годину нашего лихолетья,—разрушительной смуты, не оставившей камня на камне в Москве и России. Вот почему достопамятнейший день—21 января 1613 года, когда подписан сохранившийся до наших дней акт избрания на царство Михаила Феодоровича, коему предназначено было основать национальную династию и восстановить разрушенное до основания Русское государство, так же важен, как и тот день, когда, в 862 году, наши предки, отказавшись от вечевого уклада, порешили создать у себя государство и призвали к себе первых князей—государей. В минувшем 1913 году исполнилось триста лет, как совершилось это событие, которое является как бы вторым основанием Русского государства.

Россия со своим царем во главе с знаменательной торжественностью отметила это событие, с коего начинается царствование династии Романовых.

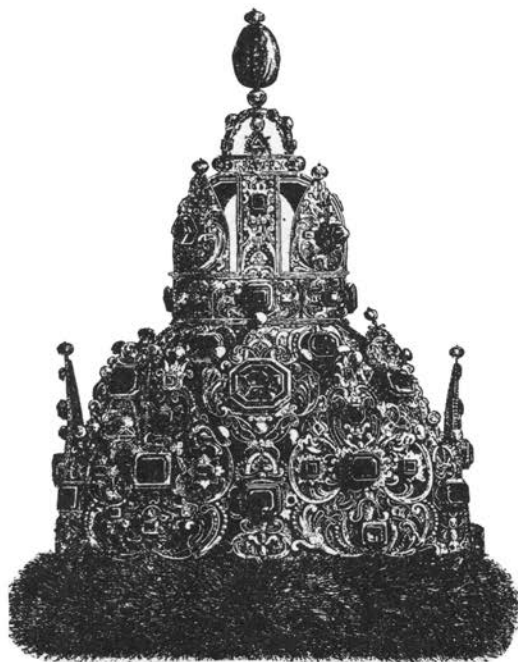
С выдающейся торжественностью отпразднован был этот трехвековой юбилей в Костроме, где совершилось восшествие в Ипатьевском монастыре на престол Михаила Феодоровича, и в Москве,

Царская держава Михаила Феодоровича.

где он родился и был венчан на царство. Государь император, в сопровождении своей царственной семьи и особ царствующего дома, в майские дни минувшего года посетил Кострому и все исторические города, с которыми связаны события воцарения его пращура, как Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Троицкую Лавру, Ростов и Суздаль. Радостно встречал его на всем пути исторических воспоминаний народ. Более продолжительным

было пребывание государя в древнепрестольной Москве, куда он вступил, как и царь Михаил Феодорович, через Красную площадь в вековой Кремль. У Спасских ворот он встречен был крестным ходом с главнейшими нашими святынями и вступил пешком в сердце Москвы, где молился у гробниц своих предков в Архангельском соборе и у святынь первопрестольного Ус-

Царский венец Михаила Феодоровича

пенского собора, где совершилось призвание на царство родоначальника Дома Романовых. На другой день император посетил Чудов монастырь, где устроена была примечательная выставка церковно-исторических памятников царского периода Дома Романовых, и где незадолго перед тем освящен был известный уже нам храм во имя новопрославленного святителя Ермогена. Отсюда император направился в Знаменский монастырь и боярский дом Романовых, а потом посетил Новоспасский монастырь, где находится «усыпальница его пресвятых предков». Глубоко знаменательные воспоминания обведали царя и народ в эти дни...

Молодой царь и основатель новой династии Михаил Феодорович должен был одновременно восстановить разрушенные государство и его столицу Москву. Но задача нашего труда не позволяет нам останавливаться на общеисторических событиях этого царствования, как, например, на очищении России от разных внешних и внутренних врагов, ни на воссоздании ее учреждений: мы должны обратиться к истории собственно Москвы при царе Михаиле Феодоровиче.

Чтобы судить о силе ее органического творчества в деле собственного воссоздания, достаточно сопоставить то, чем явилась она пред народным ополчением князя Пожарского, с тем, что говорят о ней иностранцы в середине царствования Михаила Феодоровича. Прибывший через двадцать лет по его вступлении на престол голяштинец Олеарий уже нашел ее большим и цветущим городом, не носившим следов страшной разрухи. Между тем, в 1612 году совершилось истребление огнем трех четвертей города; уцелели только Кремль и Китай-город; а три концентрических круга или пояса Москвы погибли; выжжены были: Белый город, затем охватывавший его деревянный город, или «Скородом», и, наконец, более широкий пояс окружавших Москву слобод и сел.

Трудно и представить себе, что представляли Китай-город и Кремль перед приходом сюда князя Пожарского. Что и говорить о первом, если во втором «все царския палаты и хоромы стояли без кровель, без полов и лавок, без окошек и дверей, так что молодому царю негде было поселиться» (Дворц. Разряды. II. 1850. Т. I, стр. 1154). Михаил Феодорович с пути своего в Москву писал боярам, чтобы они приготовили для него палату царицы Ирины с мастерскими палатами и сенями, а для его матери деревянные хоромы супруги Василия Шуйского; бояре отвечали, что «приготовили для государя только комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы в Вознесенском монастыре; тех же хором, что государь приказал, скоро отстроить нельзя, да и нечем: денег в казне нет и плотников мало; палаты и хоромы все — без крыш, полов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть». Но Михаил Феодорович не удовольствовался этим ответом и вновь в конце апреля писал боярам: «по прежнему и по этому нашему указу, велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей — хоромы царицы Марии; если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василия. Вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Воз-

несенском монастыре; в этих хоромах жить матери нашей не годится».

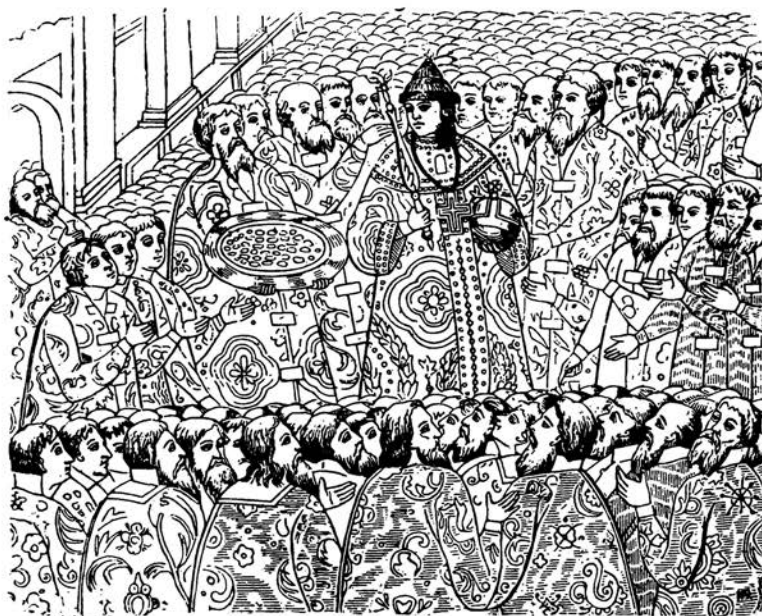
Кипучая деятельность по очищению России от врагов внутренних и внешних, по восстановлению разрушенного государства, по исцелению язв, произведенных в нем временем смуты, нет сомнения, сильно задерживала восстановление Москвы как города, но также несомненно, что и этот процесс совершался с необыкновен-

Венчание на царство.

ной энергией и быстротой. Воскресший и олицетворившийся в молодом государе дух народа, как сила пластическая, поразительно скоро создал себе скорлупу или оболочку в Москве, восстановленной, в главных чертах, в том же национально-своеобразном виде, в каком она существовала при последнем представителе прекратившейся династии св. Владимира. Отвлеченные более важными

явлениями современники Михаила Феодоровича мало дают нам сведений о его строительной деятельности в Москве. Но она была несравненно обширнее того, что говорят о ней современные письменные свидетельства. Сын родоначальника династии Романовых — царь Алексей Михайлович принял от своего отца Москву уже восстановленную и хорошо обстроенную, так что ему на долю выпало только украшение ее и умножение здесь второстепенных уже сооружений.

Выход из Успенского собора после венчания на царство.

Таким образом, при Михаиле Феодоровиче: 1) выстроился вновь круговой пояс московских слобод; 2) полукруг «Скородома» и Замоскворечье, в коих деревянные стены были заменены земляным валом; 3) восстановлен Белый город; 4) обстроен Китай-город и 5) реставрирован Кремль.

Само собою разумеется, что более всего мы имеем сведений о строительной деятельности Михаила Феодоровича в Кремле. Она сильно проявилась в этом центре Москвы.

Прежде всего работа зодчих коснулась Фроловских ворот, кои со времени царя Алексея Михайловича стали называться Спасскими. Построенные при Иоанне III Антонием Солярием, они, как

видно на изображении Кремля в царствование Бориса Годунова, приведенном нами выше, представляли четырехугольное невысокое здание, покрытое четырехскатною крышей, под которой устроена вышка с четырьмя фронтонами, увенчанная двуглавым орлом. На вышке был повешен колокол. В 1624 году, по указу царя Михаила Феодоровича, над Фроловскими воротами построена была шести-

Великая инокиня Марфа Иоанновна,
мать царя Михаила Феодоровича.

гранная высокая башня, а на ней поставлены были часы, существовавшие в своем первоначальном виде до Петра I, который заменил их другими. Строителем башни и часовщиком был англичанин Христофор Галловей. Воспроизводим на особом листе из книги «Об избрании на царство Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича» рисунок, на коем башня имеет тот вид, который она сохраняет и теперь; но окружающая ее обстановка уже не та, что при Михаиле Феодоровиче. Так, перед нею мы видим на рисунке мост, перекинутый через ров, наполненный водой.

Самая главная кремлевская стена покрыта двухскатною крышей. Соседние башни, как, например, та, на которой висел всполошный (набатный) колокол, имеют другой, чем теперь вид. Перед главной стеной выведены еще две невысокие стены; перед ними изображен ряд небольших, теперь несуществующих, деревянных церквей. На другой стороне виден Покровский собор, или храм Св. Василия Блаженного. В самом Кремле нарисованы: за всполошной башней верх несуществующей теперь церкви Кирилло-Белозерского монастыря. С другой стороны Спаской башни видны верхи Вознесенского и Чудова монастыря и Иван Великий.

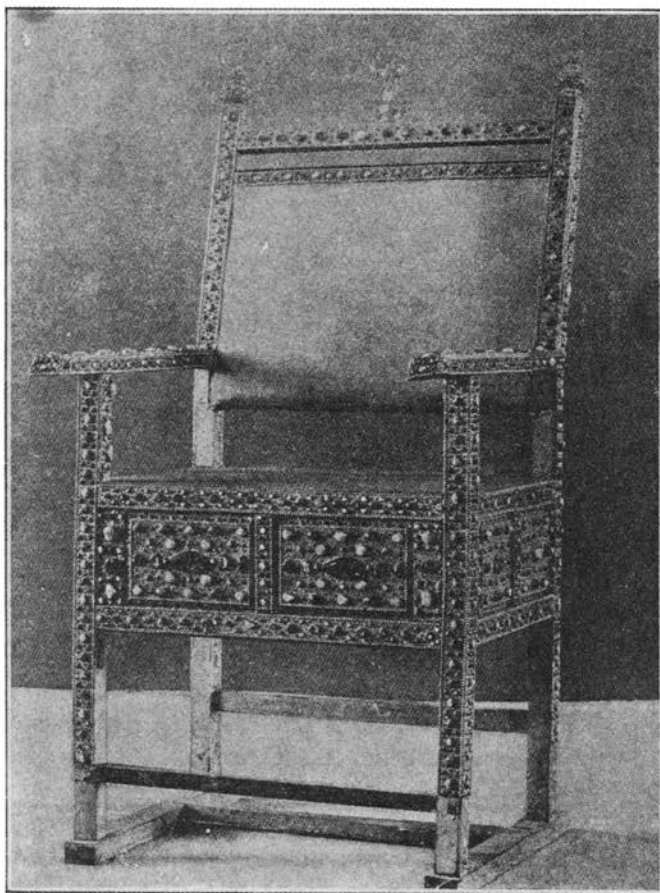
На первом плане рисунка изображено провозглашение с Лобного места царем Михаила Феодоровича; здесь мы видим рязанского архиепископа Феодорита со свитком в руке, Авраамия Палицына, боярина Василия Морозова и других. Вокруг Лобного места народ и войско. Рисунок позволяет видеть одежду и вооружение изображенных здесь людей.

В самом Кремле в царствование Михаила Феодоровича кипела огромная работа по восстановлению его храмов и дворцов. В Успенском соборе были восстановлены испорченные в междоусобицу своды и настенная иконопись. По современным сведениям, это последнее дело было поручено псковскому иконописцу Ивану Паисею, вместе с московскими иконописцами, кои в точности снимали на листы старую живопись. Возобновление ее совершалось под на-

Навершье. Оконечность.
Скипетр Михаила Феодоровича.

блюдением боярина Бориса Репнина, стольника Григория Пушкина и дьяка Степана Угодского. Золота употреблено было 210 000 листов, на 1721 червонец (около 20 000 рублей). Государь указал брать деньги на этот предмет из печатного и монетного дворов и из приказа Казанского дворца. Однако в возобновлении собора уча-

Трон Михаила Феодоровича.

ствовали патриарх, давший на этот предмет 1000 червонцев, и торговый человек Толечов — 164 червонца.

«По учинении сметы, поданной государю за руками иконописцев Ивана Паисена с товарищами, оказалось, что если собрано будет государевым изволением знаменщиков и иконописцев шестьдесят человек, то всю соборную церковь уповательно можно подпи-

сать в два лета. По приготовлении красок и всего материала, потребного к сему делу, начали левкас делать из старой извести, которую возили из Ростова. В привозе оной значится 200 бочек, ценою каждая по 50 копеек, и притом за провоз 50 же. Оную же известь в левкас претворяли следующим образом: смешав с водою, цедили в 20 творил через решето, в творилах гребками мешали и из Москвы-

Святейший патриарх Филарет Никитич.
По Титулярнику.

реки воду в определенные часы переменяли; емжуг же, или сор с пеною с извести снимали и потом оную со льном сбивали; а лен приготавливали так: оный на мельницах терли и выбирали из него кострицу, а потом сушили в ведренное и теплое время на шестах, а в ненастное время нарочно избы топили, изсуша, вили веревки, и, изрезав их, в творилах же, с известью мешали; таким образом, приуготовив левкас, снимали со стен старое иконное письмо на бума-

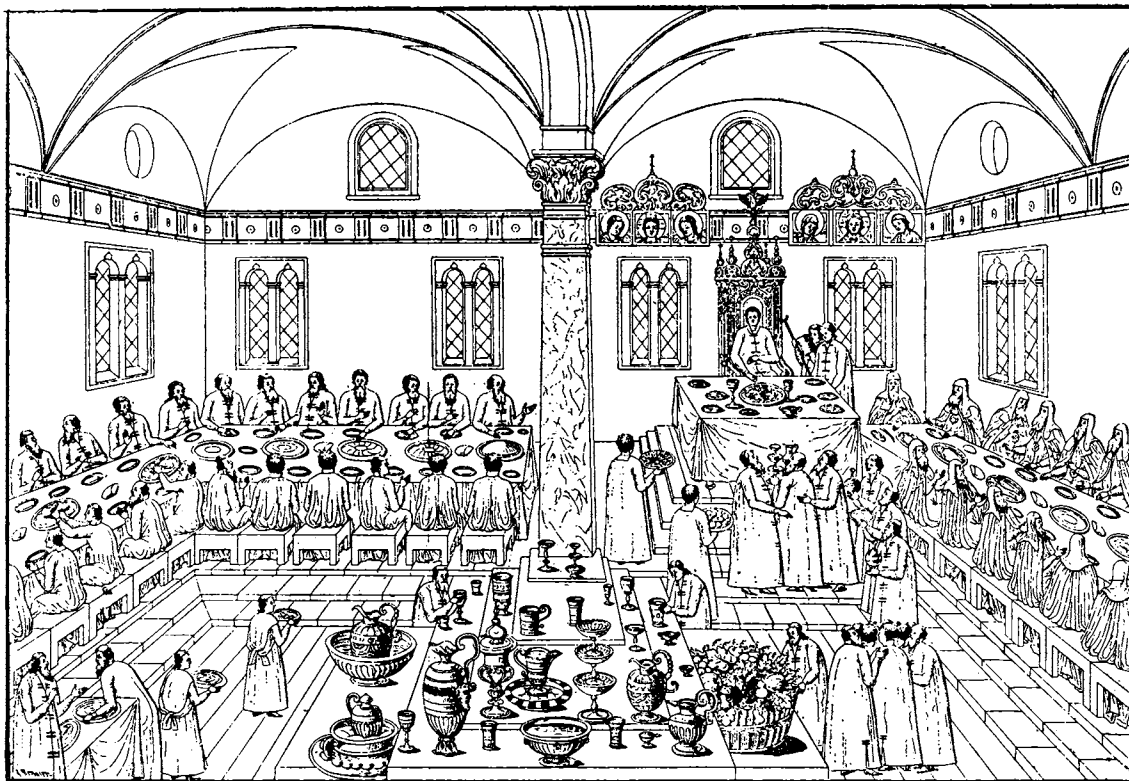
жные листы; потом старый левкас сбивали и, где оказывались сверху на сводах трещины, заливали их вареною смолою. Очистив стены, набивали оные для укрепления нового левкаса гвоздями, где же гвозди в стену не входили, то наворачивали нарочно сделанными пробоями, а потом левкасили вновь стены и, чтобы гладок был левкас, потирали оный ветошками. Учредив все таким образом, писали иконописцы на стенах без свеч, а по необходимости и при свечах, против снятых старого письма рисунков, растворяя краски на яйце, да на пшеничной вареной воде, в киноварь же и сурик — масло, а в бакан и ярь — нефть и скипидар клали, золотили же только на олифе, и оное стенное письмо покрывали олифою ж. Ревностно продолжая сим порядком свой труд, окончили иконное писание в 1644 году».

Воспроизводим из «Книги об избрании Михаила Феодоровича на царство» рисунок, как на Филарета Никитича возлагает иерусалимский патриарх митру. Кроме царя, уже возмужавшего, и патриархов, здесь обращают на себя внимание особые чиновники — огненники. Они были одеты в красные одежды и багряные остроконечные шапки и держали в руках булавы, а может быть, фонари с огнем, то есть свечами.

Филарет Никитич сделался соправителем сына своего и в этом качестве, а равно как и отец государя, пользовался титулом «великого государя».

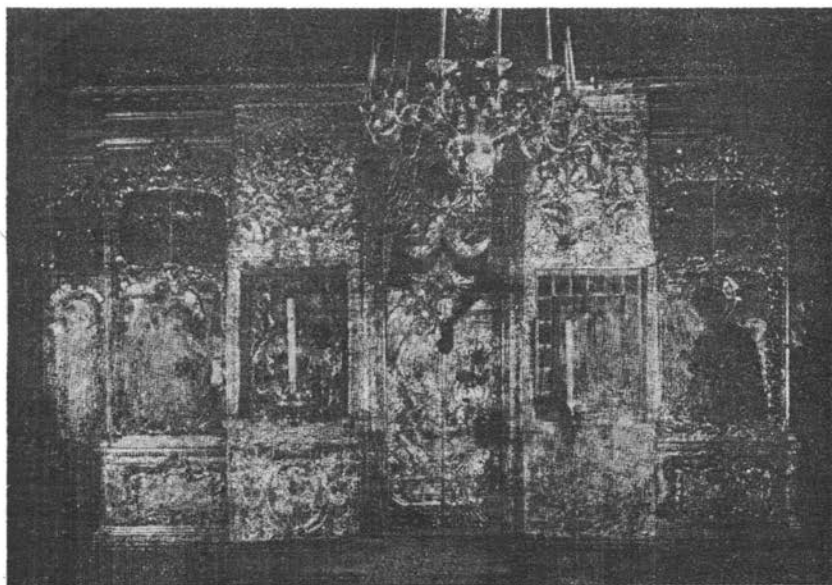
Нет сомнения, что и Архангельский собор, подвергшийся опустошению во время польского владычества в Москве, требовал немало работ по своему восстановлению. Но об этом мы не имеем сведений. В истории этого собора это царствование отмечено, кроме вкладов, богомольных царских выходов и погребения самого государя, перенесением сюда из Польши гроба развенчанного царя и невольного инока Василия Ивановича Шуйского. При заключении Поляновского мира польский король Владислав IV согласился отпустить гробы Шуйского и его жены в Москву.

Сюда они прибыли 10 июня 1635 года. Народ вышел встретить гробы на Поклонную гору за Дорогомиловскую заставу. Их несли на головах дети боярские до церкви Николы Явленного на Арбате. Отсюда их понесли московские дворяне на плечах. Патриарх Иосаф, преемник Филарета Никитича, встретил печальную процессию у несуществующей теперь церкви Николая Зарайского, у Каменного моста, и, отслужив литию, пошел за ними вместе с духовенством. Гробы внесли в Кремль через Ризположенские ворота и, когда проходили около двора Бориса Годунова, зазвонили во все колоко-

Коронационный обед Михаила Феодоровича в Грановитой палате.

ла. Царь с боярами были все в «смирных», или траурных одеждах. На другой день происходило погребение царя Василия Ивановича в соборе Архангела Михаила. Гроб его был поставлен у северной стены. Надпись гласит: «7121—1613 сентября, в двенадцатый день, на память священномученика Автонома, преставился благоверный и христоробивый великий государь, царь и великий князь Василий Иванович всея России самодержец, в польском королевстве в 65 лет живота его, а в Польше лежало его тело 23 года».

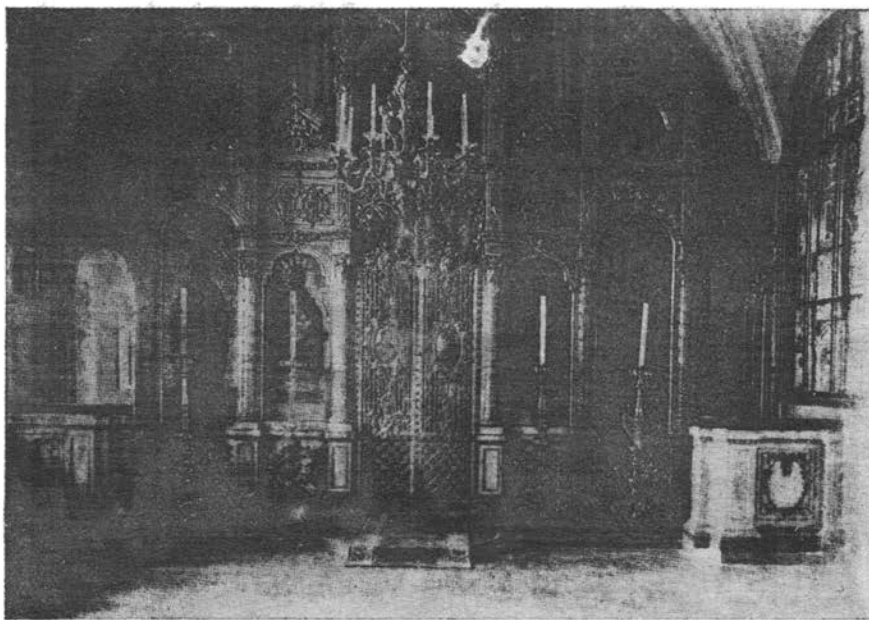

Дворцовая церковь Спаса «за золотую решеткою».

О Благовещенском соборе известно только, что царь Михаил Феодорович велел устроить в нем новый каменный пол, существующий доселе. Он сделан из набора яшм и перенесен, по приказанию отца государя, из Ростовского собора.

В это же царствование, по благословению патриарха Филарета, рядом с Ивановским столпом Годунова была построена колоколеная пристройка больших размеров для помещения колоколов. Но это здание было взорвано Наполеоном в 1812 году и восстановлено было уже после Отечественной войны и доселе носит название Филаретовской постройки.

Являясь восстановителем прежних храмов Кремля, Михаил Феодорович был и создателем новых. Патриарх Филарет Никитич около 1630 года построил в Кремле, над Тайницкими воротами, первый на Руси храм (соборный) во имя Александра Невского. Как видно из дел Патриаршего приказа, в этом году, 7 июня, по указу патриарха «впервые выдано двум священникам и диакону 8 алтын и 2 деньги». Вот некоторые подробности об Александровском соборе, уничтоженном в конце XVII столетия. В описываемое

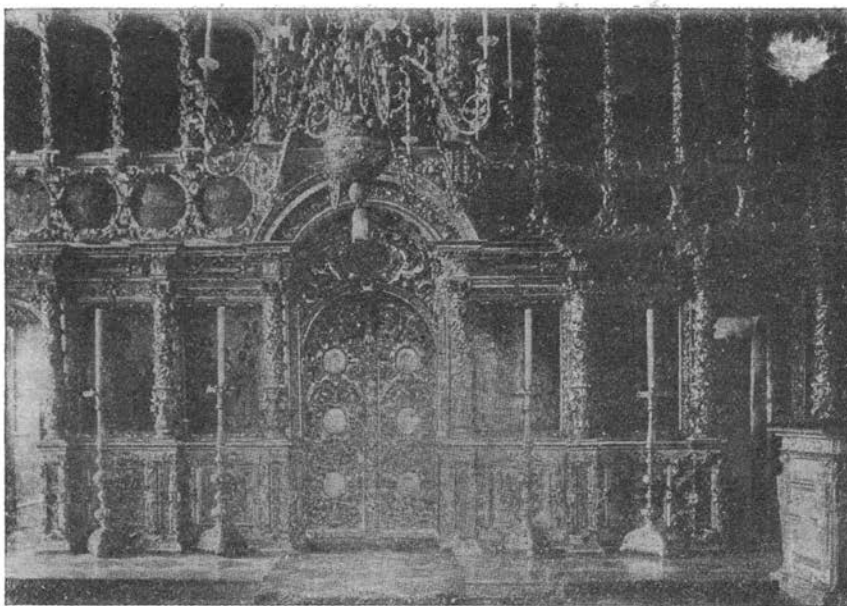

Екатерининская церковь.

время для него «поволакивал бархатом червчатым» евангелие переплетчик Ермолаев, «знаменил и золотил евангелистов и крест знаменщик Петр Матвеев. За киот и образ св. Александра Невского, для ношения в крестных ходах, заплочено иконнику Ондриюшке Ондрееву 16 алтын 4 деньги. За кадило заплочено 2 руб., 3 алтына, 2 деньги. Над царскими вратами были поставлены образа: Всемилостиваго Спаса, Знамения, Пречистыя Одигитрии, Пречистыя Владимирския, Страстотерпца Феодора и Михаила Малеина, писанныя иконописцем Назарием Истоминым». Протопоп собора

с причтом на праздник св. Александра Невского ходил к святейшему патриарху со святою водою два раза в год: 30 августа и в ноябре.

Из других храмов, построенных Михаилом Феодоровичем в Кремле, известны: 1) находящийся теперь внутри дворца Верхо-спасский собор, или Спас за золотою решеткою. Он назывался также Спасом Нерукотворенным на сених, или на верху. Построение этого храма относится к 1635—1636 году, ко времени увеличения царских теремов. Строитель храма был подмастерье каменных дел

Церковь Воскресения Словущего.

Огурцов. В этом храме говели и причащались цари, начиная от Михаила Феодоровича и до Петра I, были крещены их дети, и совершалось молебствие в день совершеннолетия царевичей, когда они объявлялись наследниками престола. Около этого храма, наверху теремной лестницы, была боярская площадка, на коей собирались наши сановники, прежде чем являться к государю. Церковь Спасова была отделена от нее вызолоченною решеткою. 2) «У царицы на сених» в 1626 году, по повелению Михаила Феодоровича, была построена зодчим Джоном Тайлером церковь Великомученицы Екате-

рины и 3) церковь Воскресения Словущего, существовавшая с 1635 года и по стилю и украшениям сходная с Верхоспасским собором.

История московского Кремля при царе Михаиле Феодоровиче представляется очень оживленной, не по одному только созданию храмов, но и по обширному строительству дворцов.

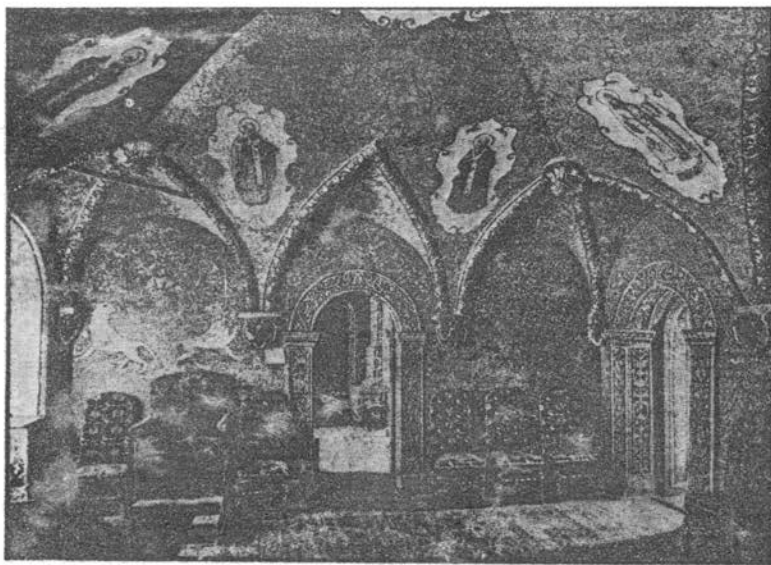
По изысканиям знаменитого знатока истории Москвы И. Е. Забелина, эту сторону деятельности молодого царя можно представить в следующем виде. В 1614 году были выстроены большие госу-

Крестовая палата в Теремном дворце.

даревы хоромы, а в следующем году их расписывали разными орнаментами и картинами иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисеевы. В 1616 году в те же хоромы Серебряной палаты сторож Михалка Андреев делал литую висячую подволоку, которая была вызолочена. В январе государь справлял здесь новоселье и дал награду плотникам. Затем над царицыной и проходной палатами и на постельном крыльце котельные мастера устроили новые металлические кровли. Но 14 февраля 1619 года в царских хоромаш случился пожар, и дворцовый плотничный мастер строил новые государевы хоромы, столовую избу и постельную комнату; а в 1621 году их украшали «знаменьем и письмом» лучшие иконописцы Чирин, Са-

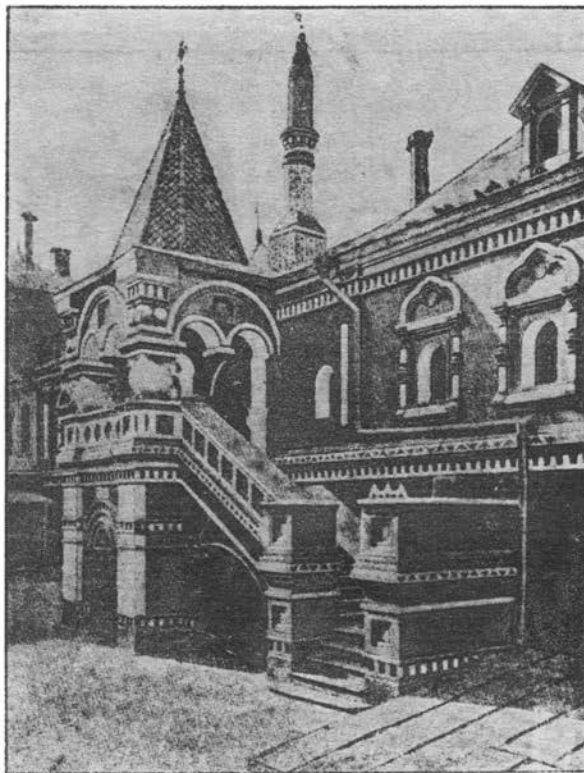
вин, Паисеин, Поспеев и травник Лука Трофимов и другие. В ноябре в столовой было справлено новоселье. В 1624 году Михаил Феодорович к своим хоромам прибавил две мыленки, избушку и сенничек. В следующем году он возобновил церковь Рождества Богородицы на сених, с приделом Св. Лазаря. После того построены были каменные ледники и поварни, а над Куретными воротами светлица мастерицам, золотым и белым швеям. Но 3 мая 1626 года случился новый пожар. В Кремле, кроме монастырей Вознесенского и Чудо-

Престольная палата в Теремном дворце.

ва, «двор государев и патриарший и в приказах каменных всякие дела погореша, и казна, и конюшни, и житницы, и все „жила“ государевы погореша». Опять поднялась стройка, и в лето пожара Первуша Исаев поставил государю новые постельные хоромы. Затем, в следующем году, построена была брусная столовая изба, где 23 ноября, на новоселье, государь угощал бояр обедом, а те подносили ему хлеб-соль и соболей. Иноземец — палатный мастер Джон Тайлер — в этом же году возобновлял кремлевский Сретенский собор и строил помянутую выше церковь Св. Екатерины. После этого пожара каменные стройки следуют одна за другой. По государеву указу собраны были из Ростова, Суздаля, с Бела-Озера и из других

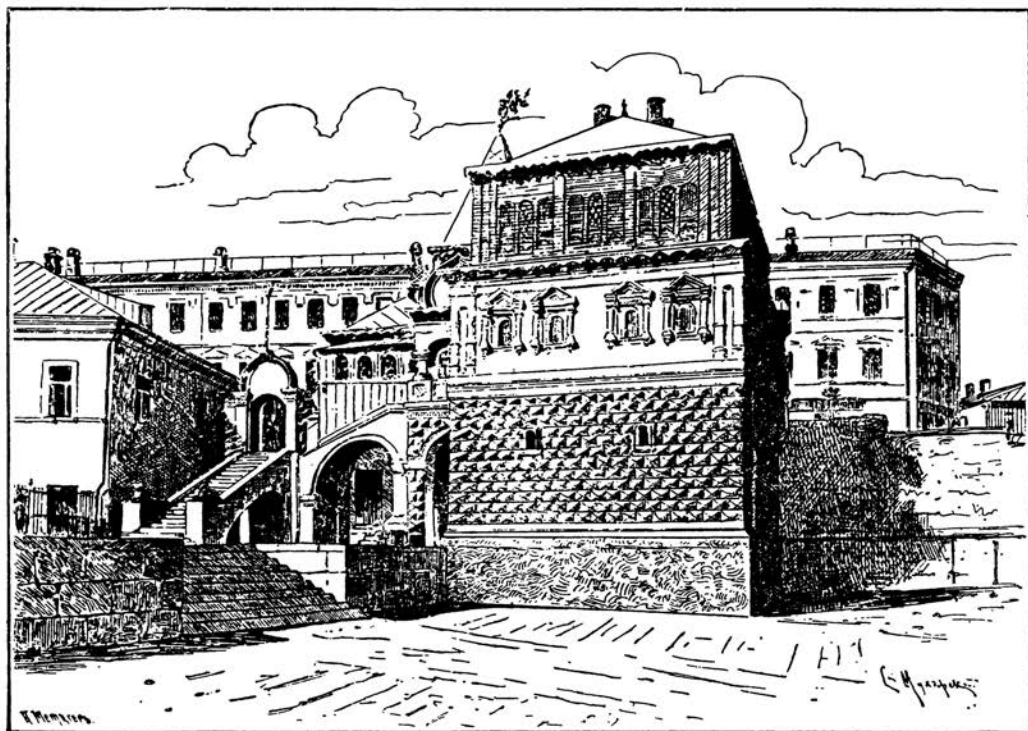
мест все каменщики и кирпичники, «для многих церковных, дворцовых и палатных каменных дел». Выписан был также «Голландския земли немчин — кирпичный мастер Редерик Матрыс», который устроил кирпичный завод в Даниловской слободе, «по своему немецкому образцу». В 1631 году на кормовом дворе выстроена была русскими каменщиками каменная поварня, на которую посредством водоподъемной машины была проведена из Москвы-реки

Печатный двор.

вода, а в 1633 году прежде упоминавшийся Галловей взвел воду на Свибловскую башню, а оттуда в поварни, в сытный и кормовой дворец. В 1633—1636 годах государь для себя и для детей своих выстроил каменные жилые хоромы, хотя до этого, как более пригодные для здоровья, предпочитались деревянные. Они были построены над выстроенною еще при Иоанне III мастерскою пала-

тою и подклетными палатами, ряд которых тянулся к церкви Рождества Богородицы. Возведены были теперь три новых этажа под лицо с царицыными приемными палатами. Верхний этаж с теремом наверху был назначен для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значится и в надписи, сохранившейся и доныне. Все здание сохранило тип деревянных жилых хором. Кроме каменных растесок и резей, напоминающих деревянную резьбу, терема в своем внутреннем устройстве напоминают русские деревянные постройки.

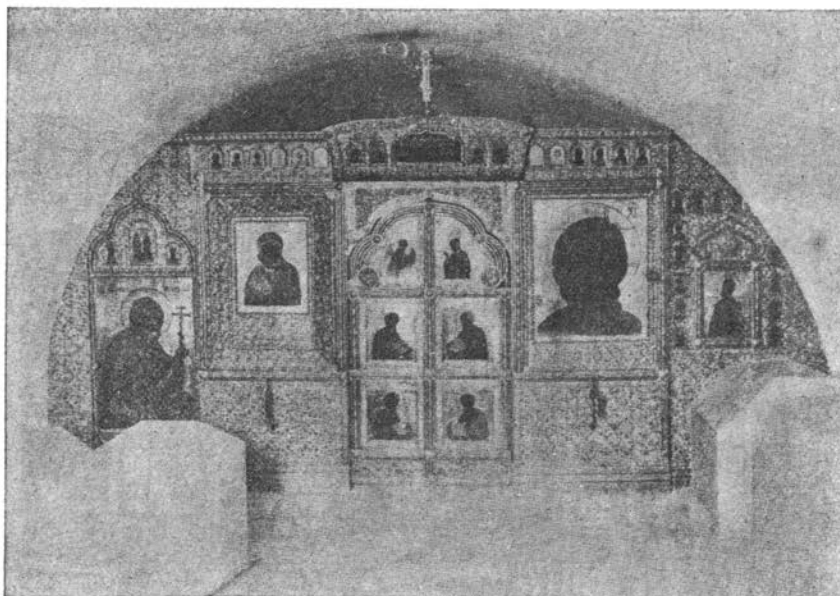

Палаты бояр Романовых.

Почти все комнаты Теремного дворца одинаковой меры, каждая с тремя окнами, что напоминает великорусскую избу. В последние три года своего царствования Михаил Феодорович выстроил еще какие-то дворцовые палаты на Цареборисовском дворце для датского королевича Вольдемара, за которого хотел выдать дочь свою Ирину.

Таким образом, царь Михаил в течение тридцати двух лет своего царствования успел не только восстановить старый дворец, но и увеличить его новыми каменными и деревянными постройками, выраставшими по мере умножения царской семьи и потребностей быта. Его сыну царю Алексею Михайловичу оставалось немного дела в отношении основных сооружений дворца.

Но, без сомнения, в царствование Михаила Феодоровича много сделано было и для внутреннего украшения дворцовых палат, на

Церковь в усыпальнице бояр Романовых
в Новоспасском монастыре.

что есть немало письменных указаний, кои, впрочем, не определяют того, что делалось именно в это время. Но, конечно, это было восстановлением того, что было во дворцовых палатах при Иоанне IV и Феодоре Иоанновиче. Если работы иконописцев по фресковым украшениям дворцовых палат уже при Алексее Михайловиче восстанавливали «те же вещи, что прежде были писаны», то при Михаиле его царские иконописцы Чирин, Назарьев, Савин, Паисейн, Поспеев, подписывавшие и жилые и парадные царские покои, лишь восстанавливали то, что было уничтожено или испорчено смутным временем, не внося, конечно, ничего нового.

На основании этого мы можем утверждать, что, например, Грановитая палата была верно расписана по своим потолкам и стенам, как она реставрирована была при почившем государе императоре Александре Александровиче, на основании описания фресок, сделанного при Алексее Михайловиче знаменитым русским художником Симоном Ушаковым. Здесь в рассматриваемое время красовались иконописные изображения из св. истории Ветхого и Нового завета и из русской истории, портреты русских госуда-

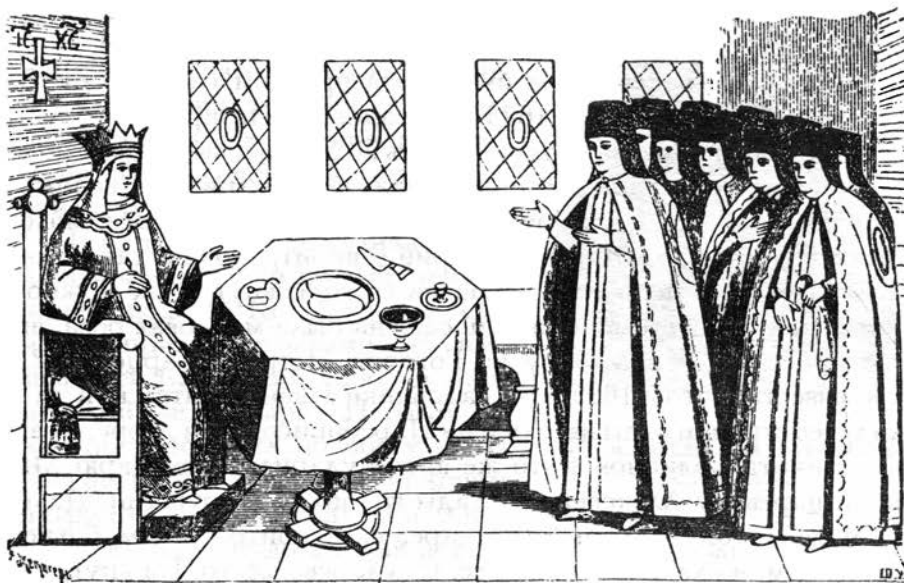

Шествие царя и царицы к бракосочетанию.
Из рукописи «Описание царского бракосочетания».

рей, начиная с Рюрика, и картины, вроде присылки из Византии Владимиру Мономаху царских регалий, также аллегорические изображения мужества, правды и так далее; подобного же религиозного, аллегорического и исторического характера была стенопись в Золотой палате, святых сенях и жилых покоях, где такую живопись не заменяла орнаментация более или менее затейливого характера.

Михаилу Феодоровичу пришлось восстанавливать во дворце царские троны и места, ободранные в эпоху московской разрухи. Вообще молодому царю пришлось немало потрудиться по восстановлению разоренного царского обихода.

Михаилом Феодоровичем были построены при дворце потешные палаты, где устраивались различные увеселения и хранились различные музыкальные инструменты (стременты), как русские гусли, домры и другие, так и заграничные, — органы, скрипки и прочие. При этих палатах находились бахари, или сказочники, песенники, домрачеи, гусяры, скрипачи. Из гусяров этого времени известны Любим Иванов; из органистов Томила Бесов и Мелентий Степанов. На свадьбе царя тешили молодых скрипачи: Богдашка Акатьев, Ивашка Иванов, Онашка да новокрещенный немчин Ар-

Обед царицы.

манка. Во дворце стоял орган с соловьем и кукушкой, певшими своими голосами. Органисту Ансу Луну повелено было научить русских людей делать такие «стременты», кои посылались в подарок восточным государям, как, например, персидскому шаху. При Михаиле Феодоровиче на месте нынешней думы содержались львы и медведи; в Старом Ваганькове, на месте Румянцевского музея, — большой «псаренный двор».

Михаил Феодорович много заботился об устройстве садов двор-

цовых. Эти сады, по мнению И. Е. Забелина, были двух родов: одни верховые, как бы домовые, другие — внешние, или обыкновенные. Первые устраивались в виде так называемых висячих садов на каких-нибудь подклетьях или сводах, кои покрывались свинцовыми досками; на них насыпалась земля и сажались фруктовые деревья: яблони, груши, вишни, сливы, грецкие орехи, даже виноград и цветы: лилии, розы, нарциссы, гвоздика, иссоп и т. д. В этих внутренних садах вешались клетки с соловьями, канарейками, перепелами и даже попугаями. Во внешние сады посредством водопроводов проводилась вода и устраивались большего или меньшего размера пруды, на коих плавали лебеди и даже потешные лодки, как, например, в последующее время, при Феодоре Алексеевиче, для его брата царевича Петра. Здесь же стояли беседки (чердаки), раскрашенные разными узорами и даже картинками.

Вот какие сведения мы имеем о дворцовом садоводстве царя Михаила Феодоровича. В 1623 году садовник Назар Иванов, устраивая государев «сад на верху», то есть во дворце, выискивал по всем садам Москвы лучшие яблони и посадил здесь три собственные яблони большие, налив, да грушу царскую. Вероятно, на этих яблонях росли те яблоки, о которых Олеарий говорит, что они так нежны и белы, что, если держать их против солнца, внутри их можно видеть зерна. Не в этом ли саду посажена была махровая роза, впервые привезенная в Москву из Готорпа Петром Марцелием? Затем, известно, что в 1635 году садовники Иван Телятевский да Тит Андреев строили сады вверху и на Цареборисовском дворе, а садовник Никита Родионов в это же время ударил челом царю Михаилу и царевичу Алексею в их сады яблонями и грушами. Далее, в следующем году «в новый государев сад» обито сукном, багрецом червчатым, на хлопчатой бумаге, государево место. На внутреннем дворе, близ Спаса на Бору, со стороны его алтарей, находился особый сад, который примыкал к столовой избе и постельной государственной комнате. В этом саду в 1643 году, после кровопускания Михаилу Феодоровичу, хоронили в ямку его царскую руду (Акты истор. II. № 228). Воспроизводим из «Книги об избрании на царство Михаила Феодоровича» рисунки кремлевских дворцов и соборов во время коронационного перенесения регалий. Этот рисунок очень любопытен потому, что представляет нам ряд дворцовых храмов и зданий XVII века. За Успенским собором стоит храм св. Евдокии и справа какая-то деревянная постройка, слева терем и пред ним Спас Золотая Решетка. За теремами храм Рождества Богородицы.

На Соборную площадь выдвигается Грановитая палата с крытыми шатровыми башенками и крыльцом. Далее идет Золотая палата с открытым красным крыльцом. За нею видны шатровые верхи столовой палаты, а вдали Колымажные ворота. Левее от них Сретенский собор и, наконец, набережные палаты. Рисунки этих зданий любопытно сопоставить с помещенным выше планом Кремля Годуновского времени.

С коронационным обедом государя, воспроизводимым выше, интересно сопоставить обед царицы, изображенный в рукописи «Описание бракосочетания царя Михаила Феодоровича».

Царствование Михаила Феодоровича оставило по себе немало памятников и в Китай-городе. Самыми примечательными из них являются Казанский собор и Знаменский монастырь. Первый из них построен был по обету князя Пожарского и освящен святейшим патриархом в 1633 году. В нем поставлена была чудотворная икона Казанской Божией Матери, сопровождавшая народному ополчению в 1612 году. Со времени освящения этого собора были установлены сюда два крестных хода: 8 июля и 22 октября.

В 1631 году, в память кончины матери царя, инокини Марфы Ивановны, на месте сгоревшего в Смутное время и существовавшего на Варварке со времен Грозного двора бояр Романовых, где родился Михаил Феодорович, близ уцелевшей каменной палаты, был построен Знаменский монастырь. В главном храме, в иконостасе этого монастыря, находится икона Знамения Богородицы, перед которой молился Филарет Никитич, и серебряная лампада, дар его супруги. Кроме бывшей здесь прежде домово́й церкви, была построена церковь во имя Афанасия Афонского, ученика и постри-

Царица Евдокия Лукьяновна
(Стрешнева).

женника преподобного Михаила Малесина, ангела царя, в честь которого в Вознесенском монастыре, где жила его мать, был выстроен особый придел.

Кроме этого в Китай-городе выстроены были при Михаиле Феодоровиче: сгоревшие церкви Пророка Илии на Новгородском подворье (1626 год) и Николая Чудотворца, «Красный Звон», и перестроена потерпевшая при поляках церковь Зачатия Св. Анны, что в углу. Царь бывал здесь на храмовых праздниках, а князь Д. М. Пожарский, на помин своих родителей, пожертвовал сюда колокол. У Варварских ворот в 1626 году вновь построена была церковь Св. Климента, а храм Троицы в Никитниках, деревянный, заменен каменным. Он называется и церковью Грузинской Богоматери.

Печати Филарета Никитича.

Еще в 1616 году Михаил Феодорович восстановил сгоревший печатный двор и в 1645 на нем построил особую палату, как то значится в надписи над воротами. По описанию Адама Олеария, в Китай-городе, от Василия Блаженного, в это царствование шел самый большой и лучший рынок, полный по целым дням торговцев и народу. На рынке и в соседних с ним улицах устроены были лавки и места для торговли всякого рода товаром. Продавцы шелковых и суконных тканей, золотых дел мастера, сапожники, скорняки, седельники, портные и другие — все имели здесь особые ряды. В улице, идущей направо от Кремля, находился иконный ряд, где выменивались образа.

Далее находится особая площадка, на которой москвичи, под

открытым небом, стригутся и бреются. Рынок этот, называемый вшивым, до такой степени устлан толстым слоем волос, что ходишь по ним, точно по подушке. В этой части города живут некоторые из бояр и лучшие купцы.

Михаил Феодорович в конце царствования.

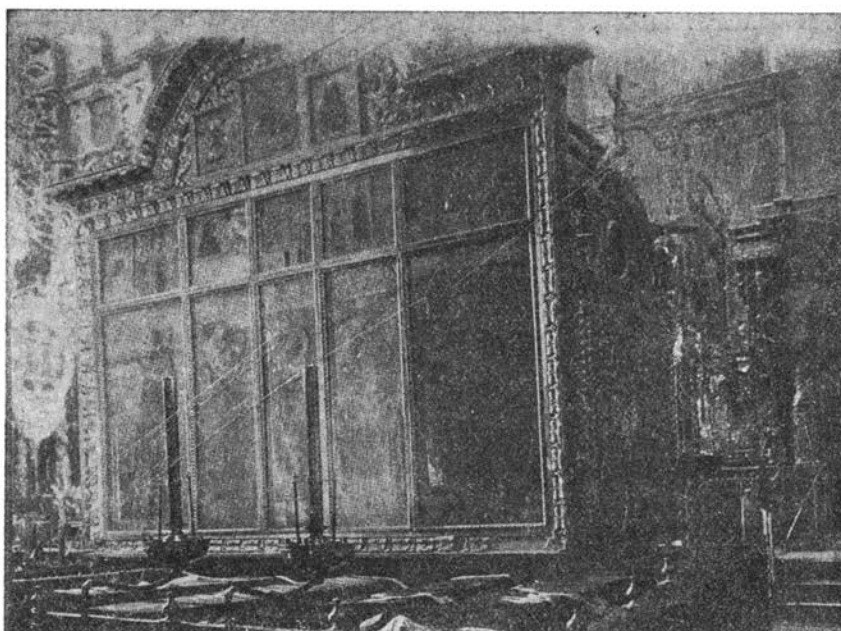
Мы мало имеем сведений о строительной деятельности Михаила Феодоровича в Белом городе, Замоскворечье, Деревянном городе, или «Скородоме», а также в слободах Москвы. Но в этих больших концентрических кругах, почти сплошь истребленных разру-

хой междоусобия, работа кипела громадная. По описным книгам Патриаршего приказа времен Филарета Никитича, значится уже множество прежде существовавших и новых церквей. Но храмовая история Москвы не может с достаточной точностью указать, что именно восстановлено и что построено здесь первым царем из дома Романовых. По свидетельству Олеария, в это царствование во всей Москве было до 2000 церквей, монастырей и часовен.

Подпись царя Михаила Феодоровича.

Немало памятников строительной деятельности царствование это оставило в Замоскворечье, для соединения коего с Белым городом начато было сооружение Каменного моста, для чего из Страсбурга был вызван (в 1643) мастер Анце Кристлер, привезший с собой медные и железные снасти и инструменты. Сделана была деревянная модель моста и начаты работы на реке, но они были остановлены смертью царя, и сооружение было окончено только при Софье Алексеевне. Многие церкви Замоскворечья были возобновлены после разорения, а другие построены вновь, как, например, Михаила Архангела, в Овчинниках.

В деревянном городе возобновлено было много старых церквей и немало было построено новых, каковы: Знамения за Петровскими воротами (каменная, вместо деревянной), Пимена в Старых Воротниках, Иоанна Богослова в Бронной, Преображения и Сергия Чудотворца в Пушкарях. В селах и слободах московских, вошедших затем в черту города, Михаил Феодорович тоже построил немало храмов; так, в селе Рубцове-Покровском, родовом владении бояр Романовых, где ныне Покровская община, построена была церковь Покрова, в память отражения от Москвы поляков, а также храм

Гробницы первых царей из Дома Романовых
в Архангельском соборе.

Введения в Семеновском. Ныне в память трехсотлетнего юбилея в бывшей вотчине царя построена большая Романовская больница.

Вообще царствование Михаила Феодоровича как восстановителя первопрестольной столицы в высокой степени важно для Москвы. Образованность ее в это время значительно подвинулась. Филарет Никитич, владевший образованием (он при Грозном от англичан научился по-латыни), заботился об его развитии: в Чудо-

вом монастыре, ранее Заиконоспасской академии, он учредил славяно-греко-латинскую школу; собирал рукописи и книги; поощрял ученье; заботился об исправлении церковно-богослужебных книг; довел типографское дело в Москве до того, что иностранцы находили печатавшиеся тогда у нас книги не уступавшими иностранным. Ювелирное дело, чеканка монеты (впервые золотой), литье (колоколов и пушек), живопись и архитектура процветали в это время в Москве.

В качестве памятника XVII века воспроизводим печать матери царя инокини Марфы.

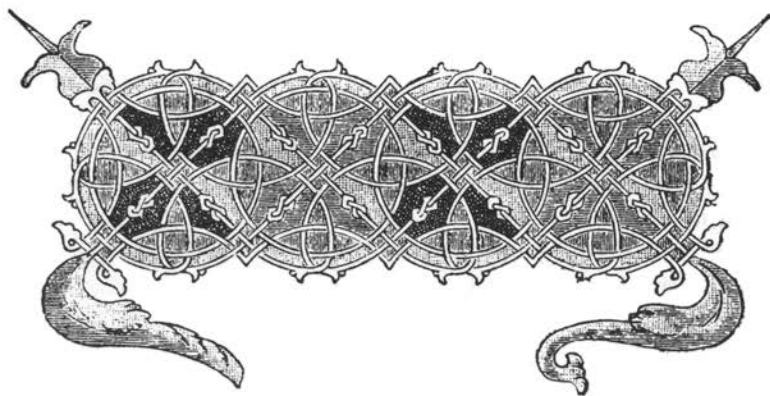
Печать царя Михаила Феодоровича.

В апреле 1645 года Михаил Феодорович тяжело занемог. Его лечили иностранные врачи. В июле больному стало легче. Наступало 12 июня, день памяти св. Михаила Малеина и царских именин. Набожный государь хотел отстоять заутреню в Благовещенском соборе, но во время службы с ним случился обморок, и его на руках отнесли в опочивальню. На следующую ночь, «уразумев свое к Богу отшествие», царь позвал царицу, сына Алексея, патриарха и ближних бояр. Простясь с царицей, он благословил царевича Алексея на царство и, причастившись святых тайн, тихо скончался. В тот же вечер совершен был вынос усопшего в Архангельский собор. Большие бояре несли тело в лубяных санях под бархатным покровом. Впереди шел патриарх. За почившим шел юный царь Алексей Михайлович, а за ним, тоже в санях, несли вдовствующую царицу. Она, склонив голову на грудь поддерживающей ее боярыни, горько плакала. Летописец говорит, что погребение сопровождалось «многим воплем и слезами народа».

Государь император поставил на гробнице родоначальника своего дома драгоценную лампаду и сам затеплил ее в память трехвекового юбилея, а великий князь Петр Николаевич устроил по собственному чертежу сень над гробницей Михаила Феодоровича.

Москва и Кострома ставят у себя монументы в память Михаила Феодоровича.

XII

При царе Алексее Михайловиче

режде чем обратиться к истории Москвы при царе Алексее Михайловиче, мы должны всмотреться в его личность и характер, которые оказали влияние на самую Москву, ее быт и даже самую внешность.

Шестнадцатилетним юношей вступил на престол этот государь, и, по самому возрасту своему и душевным свойствам, мягким и податливым, подчинялся влиянию окружающих его, сперва воспитателя своего боярина Морозова, потом патриарха Никона и, наконец, боярина Матвеева. Но эти влияния не исключали в нем, особенно в пору зрелости, самостоятельности, которая сказалась и в его борьбе со своим прежде «собинным другом» и даже «соправителем» и которая сломила этого «великого государя» и могучего человека. Мягкость характера Алексея Михайловича сказывалась в его благотворительности нищим, в посещении заключенных в тюрьмах и в помощи прочим страждущим, в его ласковости и, наконец, в данном ему народом названии «тишайшего». Во многих его письмах отражается его теплое участие к людям, их горю и нужде. Но при всем этом он бывал и строг к виновным, и немало лиц чувствовали на себе тяжесть царской опалы. Бывали даже случаи самоличной расправы государя.

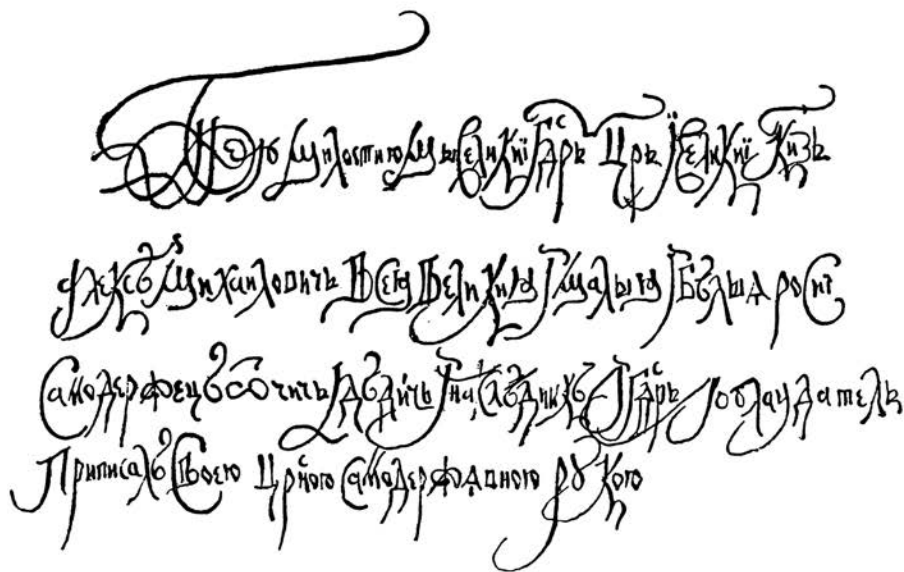
Так, выведенный из терпения хвастовством в боярской думе боярина Милославского, Алексей Михайлович надрал ему бороду и вытолкал его за дверь. Если отрешимся от мелочных фактов, то мы увидим в Алексее Михайловиче человека принципа и осознанной

Царь Алексей Михайлович по Титулярнику.

теории. Власть свою самодержавную государь ставил очень высоко, хотя, как и отец его, созывал земские соборы. В кругу книг, находившихся «на верху» у царя, мы встречаем и сочинения Юрия Крижанича, который, обращаясь к государю, говорил: «В твоих руках,

царь, чудодейственный жезл Моисеев, посредством которого ты можешь творить дивные чудеса,— в твоих руках самодержавие,— совершенная покорность и послушание подданных. Уже давно на свете не было такого царя, который имел бы силу творить такие чудные дела, какие ты можешь легко делать и приобрести за них у всего славянского народа (Крижанич был провозвестником славянского единства и врагом немцев) нескончаемое благословение, у других народов бессмертную славу, а у Бога, после земного цар-

Почерк царя Алексея Михайловича.

ствования, царство небесное». Сознавая свое царское величие, Алексей Михайлович окружал себя необычайным блеском и великолепием. Приемы послов, выходы царские и торжественные обеды отличались удивительным великолепием. «Двор московского государя,— писал в то время англичанин Карлейль,— так красив и держится в таком порядке, что едва ли найдется хоть один из всех христианских монархов, который бы превосходил в этом московского». Он был очень начитан, писал прекрасным почерком, образчик которого мы привели выше. Вместе с тем в нем была заметна склонность к авторству, что выразилось тем, что он писал записки о своих походах, написал устав соколиной охоты и в письмах дал немало

картинных описаний разных обстоятельств, как, например, смерти патриарха Иосифа и разных удач и неудач на охоте, особенно с любимыми им соколами и кречетами (при нем на стрелецких знаменах часто изображали св. мученика Трифона на коне и с соколом в руке).

Он не чуждался иностранцев и позволял им жить в Москве, правда, только в Немецкой слободе, но, желая пользоваться успехами западной образованности, он не так, как его сын Петр I, преклонялся перед иностранцами. Боясь того, что Крижанич называет

Печать царя Алексея Михайловича.

чужебием, он предпочитал иностранцам русских образованных людей вроде Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Федора Ратищева, Ордына-Нащокина и боярина Матвеева. Ценя образованность, Алексей Михайлович своей набожностью был образцом царя православного: каждый день бывал на церковных службах и с необыкновенной строгостью соблюдал посты. В Великом посту обедал только три раза в неделю, а в остальные дни кушал по куску черного хлеба, по соленому грибу и огурцу. В домашней жизни своей государь был образцовым семьянином. Глубоко трудолюбивый, он, однако, был не против увеселений и устроил «комедийные храмины» в Преображенском и в Кремле, где давались представле-

Патриарх Никон.

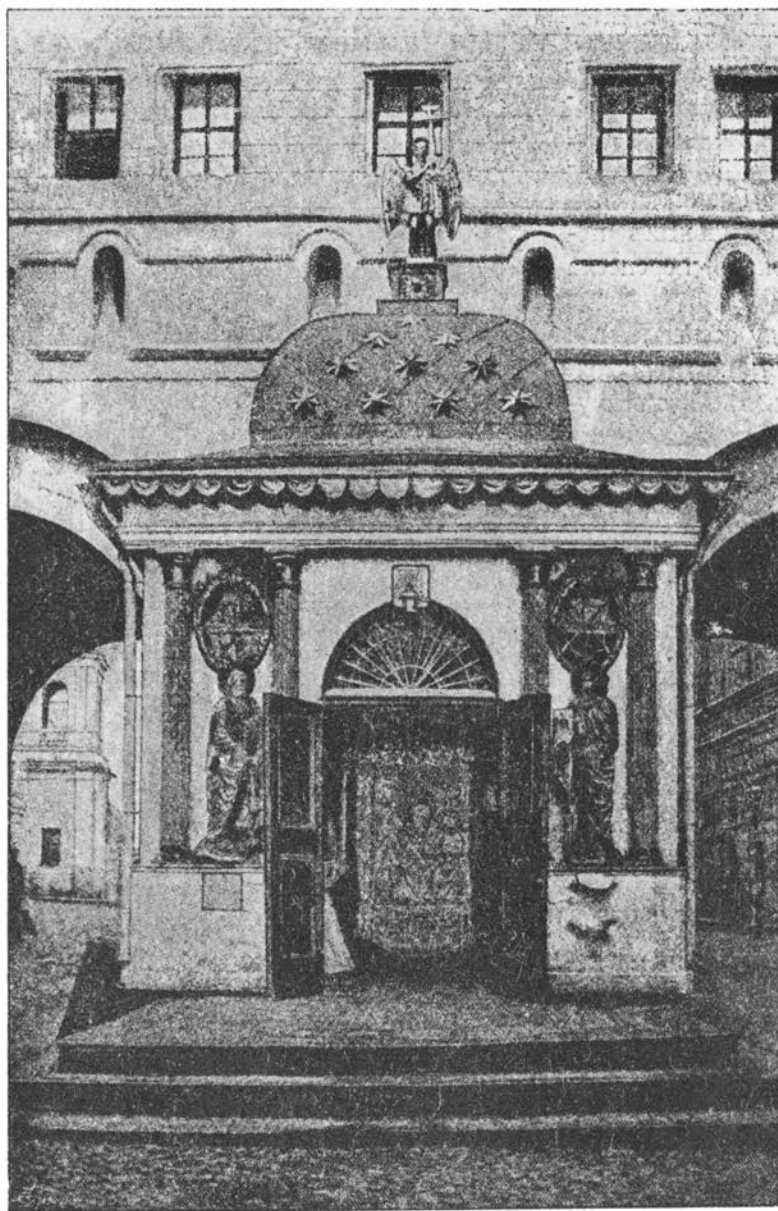
ния вроде Навуходоносора, царя Вавилонского, и Юдифи и Олоферна и т. п.

Наружность его, судя по описанию современников, была такова: он был белолиц, румян, темнорус, имел красивую окладистую бороду. Телосложения был крепкого и, несмотря на деятельную жизнь, был склонен к тучности.

Царствование «тишайшего» Алексея Михайловича не было для Москвы тихим; напротив того, оно было по своим событиям шумным и даже, по временам, довольно бурным. Многие посольства из разных стран приходили в Москву и были принимаемы здесь с выдающимся блеском, поражавшим иностранцев. Воспроизводим дальше рисунок дома в Москве, где останавливались чужестранные послы, как он представлен в «Путешествии в Московию» немецкого посла барона Меерберга.

В свою очередь, царь часто отправлял русских послов в другие государства, даже в Испанию, Италию и пограничный с Сибирью Китай. Видела Москва в это царствование и малороссийское посольство от гетмана Богдана Хмельницкого и всего казачества, пришедшее бить челом, чтобы государь принял Малую Русь «под свою высокую руку»; видела также она, как царь снаряжал на возникшую из-за этого присоединения войну с Польшей свои рати, как напутствовал воевод своих (наказ им положен был к иконе Владимирской Божьей Матери и оттуда был передан патриархом князю Трубецкому); слышала напутственные речи царя к своим воинам и видела, как он сам отправился на эту победоносную войну с Польшей, поручив управление государством патриарху Никону.

Немало, однако, и смутного видела Москва в это царствование: и народный бунт — против Морозова и Милославских, кончив-

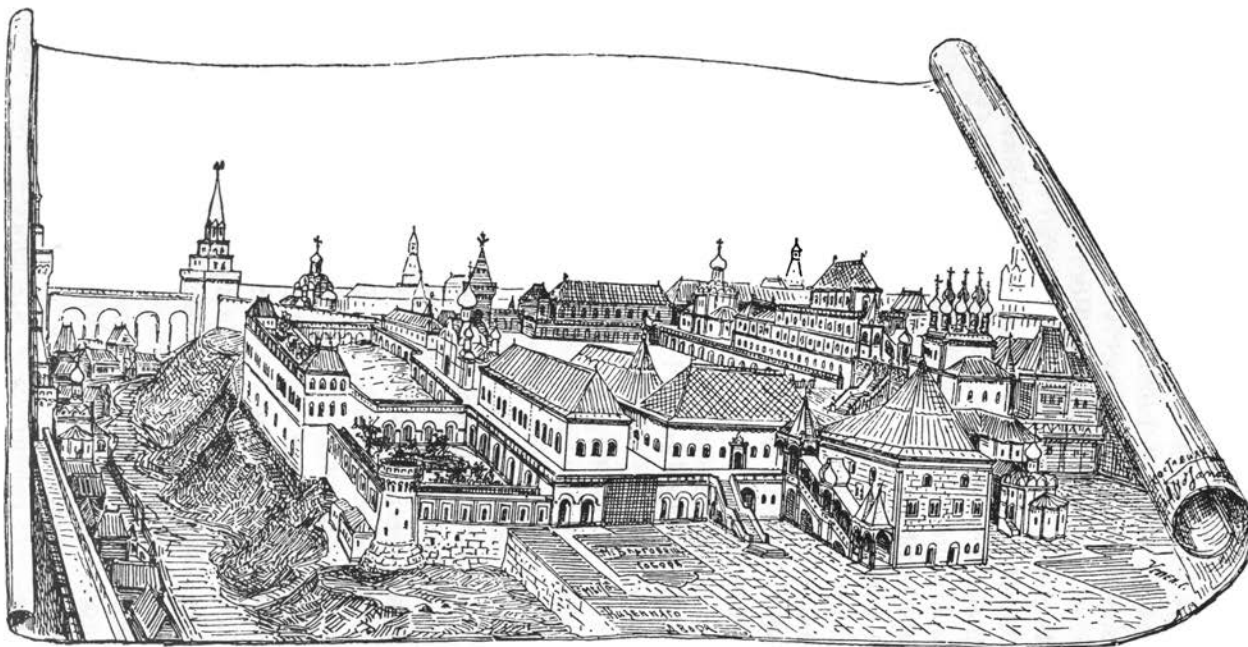
Иверская часовня.

шийся смертью Плещеева и дьяка Трахониатова, и так называемый монетный, вызванный вздорожанием всего, вследствие замены серебряной монеты медной, с принудительным курсом первой. Это было вызвано тем, что приток из-за границы неразрабатывавшего еще в России серебра прекратился, так как англичанам была запрещена беспошлинная торговля, ибо русские купцы жаловались на них за то, что они захватили всю торговлю в свои руки и готовы русским оставить одну только торговлю лаптями.

Царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична,
на иконе Симона Ушакова.

Но самым важным потрясением этого времени был церковный раскол старообрядства, вызванный исправлением богослужебных книг, которое предпринял патриарх Никон. Немало волновало москвичей низложение этого «собинного друга» государя и соборный суд над ним, в коем участвовали восточные патриархи. Как памятник этого времени, приводим в настоящем очерке портрет Никона. Видела также Москва эпилог страшного поволжского бунта, в виде казни (четвертования) Стеньки Разина, испытала несколько сильных пожаров и, наконец, перенесла тяжелую чуму.

Царские дворцы в XVII веке. По рисунку А. А. Потанова.

В 1654 году осенью, когда царь находился на польской войне, началась в Москве чума и страшная от нее смертность. Царица с детьми и патриарх уехали в Калязин монастырь. Зараза уничтожила большую часть жителей Москвы. Массы москвичей от страха разбежались. В грамотах царю писали, что почти вся Москва вымерла. В лавках никто не сидит, преступники из тюрем убежали, начались грабежи. Кремль был заперт, и оставлена была открытой одна калитка на Боровицком мосту. Множество трупов валялось не только по домам, но и на улицах. Гробов для покойников не хватало, и их прямо зарывали в ямы. По списку, сделанному царским наместником князем Пронским, умерло в одно лето 400 800 человек. В Успенском соборе остался в живых один только священник. В Чудовом монастыре умерло 182 монаха и осталось в живых 16. Во время заразы принимались карантинные меры и дезинфекция, в виде окуривания полынью и можжевельником и сожжения зачумленного платья; но все это мало помогало.

При Алексее Михайловиче Москва умножила число своих святынь. По старанию Никона, 13 октября 1648 года в Москву привезена была из Цареграда копия с иконы Иверской Божьей Матери, находящейся на Афоне, в Иверском монастыре. Встреченная царем, его семейством и патриархом Иосифом с духовенством, она сначала была поставлена в монастыре Николая Старого на Никольской улице, потом в Успенском соборе. В 1654 году Алексей Михайлович отпускал икону с войском в поход против поляков; а в 1669 году велел построить для нее часовню в главных воротах Китай-города, потому что на Афоне икона стоит в монастырских воротах и называется «вратарницей».

В 1651 году, по совету Никона, бывшего тогда митрополитом Новгородским, перенесены были в Успенский собор гробы: патриарха Гермогена из Чудова монастыря и Иова — из Старицы. В следующем году Никон с князем Хованским и Василием Отяевым был послан в Соловецкий монастырь за мощами св. Филиппа митрополита. По совету Никона царь написал к этому святителю покаянное послание, в котором говорил: «Молю тебя, святой отец, и желаю твоего пришествия сюда, чтобы разрешить прегрешение прадеда нашего, царя Ивана, совершенное против тебя нерассудно, завистью и несдержанием гнева...» Митрополит Никон читал эту грамоту перед ракой святителя в Соловках.

Царь с духовенством и двором встретил мощи святителя Филиппа в Неглиненских, или Воскресенских, воротах. «Народу, — как говорил сам царь в своем письме, — было так много, что он не вместился

от Тверских ворот до Неглиненских; и по кровлям и по переулкам яблоку негде было упасть; нельзя было ни пройти, ни проехать...» Мощи были принесены на Лобное место, где от них получила исцеление одна девица; потом на площадь против Грановитой палаты, где опять совершилось исцеление, и в Успенский собор, где 10 дней они стояли среди церкви, причем уже множество больных получили исцеление. Все эти дни производился звон во всей Москве, как на святой неделе; при этом митрополит Никон был избран в патриархи вместо умершего Иосифа. В память перенесения мощей царь Алексей Михайлович построил церковь св. Филиппа митрополита на нынешней 2-й Мещанской улице.

Москва при царе Алексее Михайловиче представлялась иностранцам, приезжавшим в Россию, огромным и благоустроенным городом, который выдержит сравнение с любой из западноевропейских столиц как по количеству своего населения, так и по своим огромным размерам. Что касается ее живописной и своеобразной панорамы, то иностранцы сильно восхищались в этом отношении нашей первопрестольной столицей.

Из многих описаний внешности Москвы в это царствование мы обратимся к двум: к путешествию в Россию антиохийского патриарха Макария, описанному на арабском языке его архидиаконом Павлом Алепским, и к сделанному немцем, бароном Мейербергом.

Первый из них так описывает наружный вид ее: «Москва — город открытый и очень привлекательный. Когда вы идете, перед вами постоянно вид полей, лугов и сел. Город расположен на нескольких холмах, особенно высоко стоит Кремлевский дворец. Всякий дом с прилежащим к нему садом заключен в стенах двора. Вокруг всего города идет тридцативерстный вал, укрепленный деревянными башнями и глубоким рвом; за ним, внутри, на семь верст в окружности (по линии нынешних бульваров), идет каменная стена, а в самой середине находится еще Кремль (Китай-город опущен), построенный из кирпича и камня, защищенный глубоким рвом со стенами по краям; все амбразуры в кремлевской стене расположены рядами, друг над другом, с наклоном ко вне, и построены так искусно, что невозможно никому ни скрыться под стеной, ни приблизиться незамеченным с какой-либо стороны.

Против водяных ворот кремлевских стен, за рекой, находится много садов, принадлежащих государю, и громадная площадь для учения конницы, уставленная многими рядами пушек. Перед восточной стороной лежит большая площадь (Красная), застроенная

рядами лавок. Большая часть их построена из камня и снабжена железными ставнями и дверями; напротив их винные погреба, каменные и кирпичные, которые теплы зимой и холодны летом. Между рядами лавок есть книжные лавки, иконные, лавки для продажи платья, колоколов, ладана, посуды и т. д. В каждом ряду для охраны держат собак, которые привязаны на длинных веревках и бегают на блоке вдоль всего ряда. Дворцы в Москве очень новы и построены из камня и кирпича. Мы с удивлением любовались на их архитектуру и украшения, на их прочность, искусное расположение частей, множество окон и столбов на каждой стороне, на высоту их, на громадные башни и разнообразие красок внутри и вне; можно подумать, что стены их обложены плитами настоящего разноцветного мрамора или мелкой мозаикой. Кирпич здесь очень хорош и гладок и к тому же чрезвычайно дешев; каменщики высекают из кирпича фигуры, которые не отличишь от каменных.

Каждый дом в Москве снабжен большими железными засовами. Двери и ставни делаются из прекрасного обделанного светлого железа. Лестницы в домах москвичи строят обыкновенно высокие, на четырех столбах, с арками. Относительно числа домов в Москве и количества населения надо сказать, что здесь есть дворцы и дома даже за земляным валом; быть может, там их более, чем внутри города, потому что здешнее население очень любит поля. Много раз, когда мы выезжали с нашим патриархом за город,— говорит Павел Алепский,— я замечал, что от монастыря в Кремле (Св. Афанасия и Кирилла) до земляного вала нужно ехать более часа, а пешком, вероятно, не пройдешь и полтора; следовательно, длина всего города от востока к западу, по моему счету, равна трем часам пути. Сельских же домов, примыкающих к городу, на расстоянии версты, двух, трех, даже семи, бесчисленное множество, как это видно даже из самого города».

Особенно поражало иностранцев множество церквей с их высокими колокольнями, очень красивой архитектуры, что придавало Москве чрезвычайно живописный вид.

Это описание Москвы очень хорошо иллюстрируется сделанным в 1661 году бароном Мейербергом планом ее, в форме вида города с птичьего полета. Воспроизводим его на особом листе.

Здесь под буквою А изображен Кремль с его стенами, башнями, церквями и дворцами. За колокольней Ивана Великого (2, 3), Архангельским и Успенским соборами (4, 5) видна группа зданий, составлявших дворец царя Алексея Михайловича. Цифрой 6 обозначен дом святейшего патриарха, 7—Чудов монастырь, 8—

Спасские ворота, 17—Сытный двор, 18—Конюшенный, 19—Боровицкие ворота, 20—Водоподъемная башня, 22—Набережный терем, 23—Государев сад, 30—Тайницкие ворота.

На Красной площади (11) под цифрой 10 обозначено Лобное место, 9—Покровский собор, 12—Торговые ряды, 14—Земский двор, 29—Москворецкие ворота и плавучий мост.

В Китай-городе (буква В) видны улицы: Никольская, Ильинка и Варварка, и под цифрой 15 обозначен печатный двор, 16—посольский двор.

В Белом городе (буква С), каменная стена которого шла по линии бульваров, видны под цифрами: 24—Пушечный двор, 25—Сретенские ворота, 26—Вторые Фроловские, 27—Покровские, 28—Яузские, 32—Чертольские, или Пречистенские, 33—Арбатские, 34—Никольские, 35—Тверские, 36—Дмитровские, 37—на Трубе Неглинные, 44—Алексеевский монастырь (где теперь храм Христа Спасителя), 45—Лебединый пруд.

В Земляном городе (буква Д), вал которого с башнями шел по линии нынешней Садовой, обозначены: 38—Таганские ворота, 39—Немецкое кладбище.

Замоскворечье (буква Е) имеет мало обозначений: под 40 цифрой поставлены Калужские ворота, под 41—Крымский дворец.

Этот план показывает, что Москва времени Алексея Михайловича была такою же, какою была до Смутного времени и выглядела на плане, составленном царевичем Феодором Борисовичем Годуновым.

Что касается в частности вида Кремля, то он на приводимом рисунке того же Мейерберга представляется со стороны Москвы-реки таким: от Тайницкой башни, где находится на Москве-реке Иордань, видны: Спас на Бору, затем Сретенский собор и разные дворцовые здания, Иван Великий с соборами. Дальше, вправо от них, идут разные здания и, вероятно, приказы (в углу рисунка, ближе к Спасской башне).

Строительная деятельность царя Алексея Михайловича уступала в количественном отношении строительству его отца Михаила Феодоровича, которому пришлось восстанавливать Москву после ее разорения в смутное время. Но и при этом его преемник оставил в своей столице немало строительных следов.

Начнем с Кремля и дворцов. В 1646 году Алексей Михайлович построил себе новые «потешные хоромы», которые строил дворцовый плотник Васька Романов; здесь давались театральные представления. В 1660 году была возобновлена палата, в коей поме-

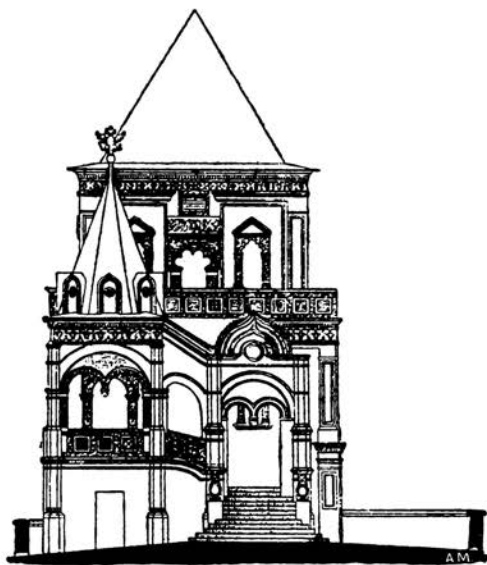
щался Аптекарский приказ. После переделки в ней окон, дверей и сводов, знаменщик (живописец) писал в ней стенное письмо. Она находилась близ церкви Рождества Богородицы. В 1661 году, вместо старой столовой избы, государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбой, золочением и живописью, в новом заморском вкусе, по замыслу инженера и полковника Густава Дикенпина. При этом работали, вместе с русскими мастерами, и иноземные, вызванные из Польши и причисленные к Оружейной палате, которая

Трон царя Алексея Михайловича.

сделалась учреждением и художественным, и ремесленным. Широкое новоселье царь справил в новых хоромы 1 апреля 1662 года, в царицыны именины. Украшена была живописью и новая столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 году. В 1674 году построены были новые постельные хоромы; плафоны их были расписаны притчами пророков Моисея и Ионы и Эсфири. В 1663 году Никита Шурутин починивал в верху у государя церковь Спаса Нерукотворенного и трапезу в ней делал заново. Так как Алексей Михайлович жил в теремах, то храм этот для двора заменил соборы Спасопреображенский, Сретенский и Благовещенский. Око-

ло этого времени произведены были переделки в теремном здании, а в 1670 году верхняя его площадка, находившаяся между царскими покоем и церковью Спаса, была украшена медною вызолоченной решеткой, запиравшей лестницу с постельного крыльца. Эта прекрасная решетка сохранилась доньше и была перелита из тех медных денег, кои заменяли серебряные и вызвали столько смут. Здание это состоит из пяти этажей. Нижние служили мастерскими палатами, третий помещал царских детей, в четвертом жил сам госу-

Крыльцо в теремах.

дарь, а самый верхний представлял одну только палату, вокруг которой сделана открытая площадка, с которой видна вся панорама Москвы. В царских покоях из сеней мы входим в столовую горницу, расписанную живописью и орнаментами по стенам и сводам, с изразчатой печью превосходной ценинной работы; за трапезной следует соборная, или думная, палата, потом престольная, служившая кабинетом царя; затем опочивальня с кроватью его и старинным глазетовым пологом и, наконец, моленная комната с целым иконостасом образов и крестов. Воспроизводим выше крыльцо Теремного дворца, как изящный памятник зодчества того времени. Общий же вид Теремного дворца мы воспроизвели в начале нашей книги.

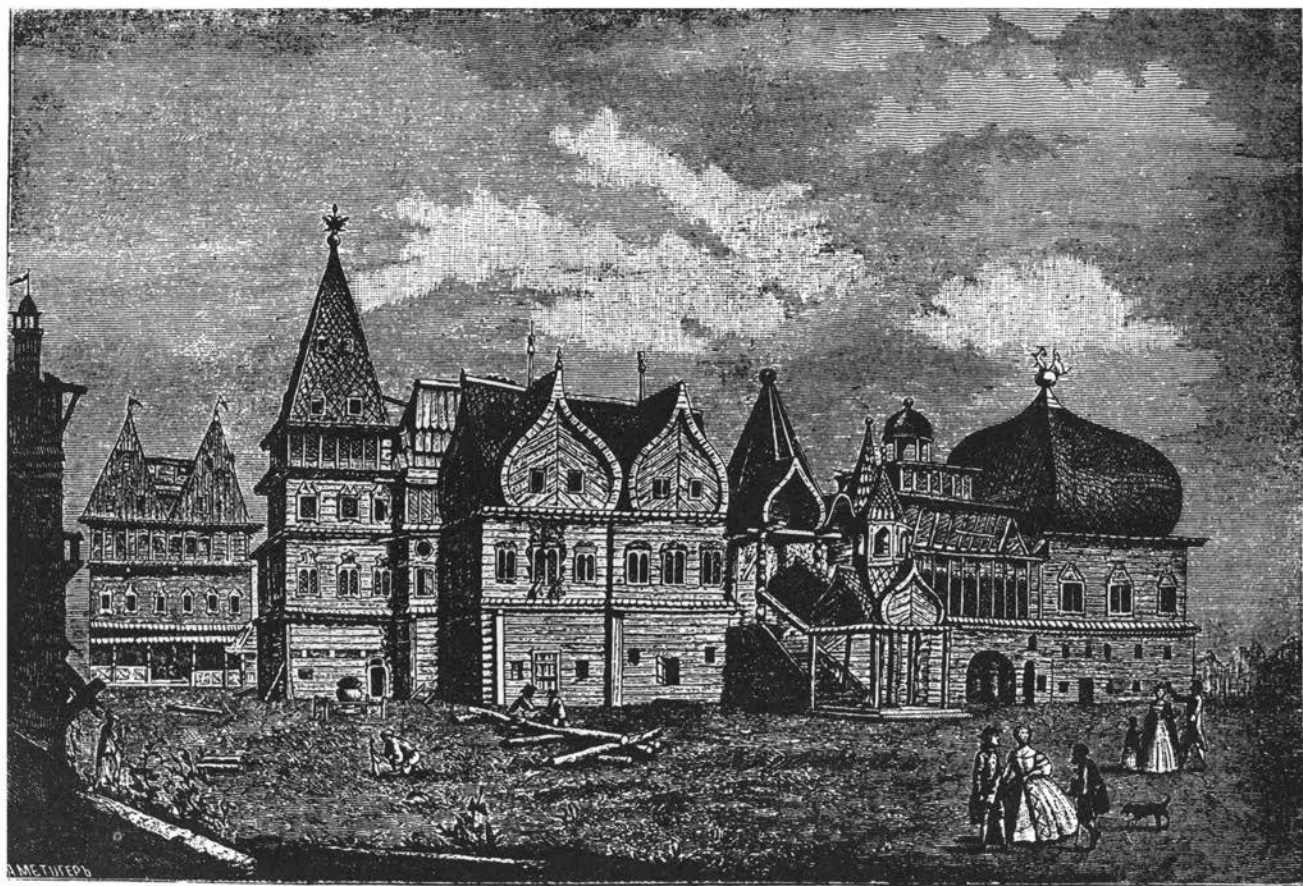
Честь быть жилищем царя Теремной дворец при Алексее Михайловиче делил с дворцом Коломенским, этим прелестным и самобытным созданием русского зодчества в XVII столетии. Расположенное на высоком берегу Москвы-реки, с громадной панорамой поемных лугов, Коломенское село было любимой дачей русских царей, начиная с Иоанна Грозного. Но никто из них не потрудился столько для устройства здесь изящной усадьбы, как «тишайший» Алексей Михайлович. В окрестностях Коломенского царь этот особенно любил тешиться «красною охотой соколиною». Одно из урочищ села Коломенского до сих пор называется Кречетовым, а одна из башен называлась соколиною.

В 1649 году он построил там новые хоромы и церковь, которые ставил староста дворцовых плотников Смирной-Иванов. Не прошло и десяти лет, как в 1657 году царь велит ставить здесь еще новые хоромы. Проходит еще десять, и строится новый, еще более обширный дворец для всего многочисленного царского семейства. Строили его русские мастера — плотничий староста Сенька Петров и стрелец Ивашка Михайлов. Дерево, в особенности дуб, привозили сюда издалека; для затейливой резьбы из Нового Иерусалима привозили «мастерские книги по резному делу», принадлежавшие патриарху Никону; котельные мастера делали крыши с прихотливыми гребнями и подзорами. Золото для золоченья выписывалось из-за границы. Внутренность палат украшалась «добрым письмом» под наблюдением знаменитого живописца Симона Ушакова, который расписывал Грановитую палату, и под руководством боярина Богдана Салтыкова. Сам царь нередко ходил смотреть за работами.

Со своими оригинально сведенными чешуйчатыми крышами, изящными башенками, удивительными крыльцами, причудливыми окнами, резными узорочными подзорами, разноцветной раскраской и позолотой, это произведение русского искусства производило чарующее впечатление не только на русских, но и на иностранцев. Блистая золотом, пестрея красками, представляя самые прихотливые сочетания архитектурных линий, постройки Коломенского дворца показались Рейтенфельсу «игрушкой, только что вынутой из ящика». Симеон Полоцкий, очарованный видом дворца, писал:

Семь дивных вещей древний мир читаше,
Осьмый див — сей дом — время имать наше.

Польские послы, восхищаясь этим дворцом, говорили русским людям, что здесь «место зело весело: хорошо видеть далече поля,

Коломенский дворец.

всю Москву — монастыри и реку, под самым дворцом текущую... Сенокосы едва оком презрети мочно, по которым, егда разольется река, множество птиц, которым Царское Величество тешится, и соколов на птиц пускает...»

Всю жизнь свою царь украшал любимое Коломенское и оберегал его от пожаров, на случай коих было приготовлено здесь пять металлических пожарных труб. В 1673 году часовой мастер Оружейной палаты Петр Высоцкий устроил для этого дворца рыкающих и движущихся (при помощи особой механики) львов, а на дворцовую башню часы.

Великий грех лежит на XVIII веке, преклонявшемся пред Западом, за то, что он не только допустил до разрушения этот памятник самобытной русской культуры, но и, не дождавшись постепенного разрушения, уничтожил его, по причине ветхости. Выше мы воспроизводим Коломенский дворец царя Алексея Михайловича с редкой гравюры, сделанной за год до разрушения.

Существуй этот дворец до нашего времени, сколько бы плодотворных мотивов давал он для дальнейшего развития на Руси архитектуры, резьбы, орнаментации, живописи и т. п.

Кроме Коломенского, царь Алексей Михайлович заботился и об обустройстве своих подмосковных сел — Измайлова и Преображенского. Точно так же немало забот было посвящено и многочисленным кремлевским садам: нижнему, верхнему, аптекарскому и внутренним, собственно дворцовым. Давались царские указы и «дохтору», а не простым только садовникам, чтобы в этих садах были разные растения; строились в них беседки и другие украшения, ставились там клетки с соловьями и другими птицами.

В это царствование патриарх Никон построил для себя новые великолепные патриаршие палаты, среди которых отличалась своими украшениями Крестовая палата, со времени императрицы Екатерины II обращенная в Мироварную. Окружавший себя необычайным великолепием Никон неоднократно принимал в своем доме царя Алексея Михайловича.

Москва в царствование Алексея Михайловича в своих трех концентрических кругах: в Кремле с Китай-городом, в Белом городе и, наконец, в Земляном городе с Замоскворечьем, достигает окончательного своего развития. Даже процесс образования пригородных слобод, которые после Петра I замкнулись в еще более широкий пояс Камер-коллежского вала, в это время почти закончился.

В этом уже последнем поясе мы в рассматриваемое время отмечаем присоединение к древним слободам — Суцевской, Напруд-

ной, Кречетниковской и т. д. еще следующих: Пушкарской, Нововоротниковской, Мещанской, которая была названа по множеству переселенцев из городов (място — по-польски) Западной Руси, где они назывались «мещанами», соответствовавшими нашим посадским, и, наконец, Немецкой слободы. По указу царя стрельцы-пушкарки помещены были из разных мест в одно, близ церкви св. Сергия, которая стала с этого времени называться «в Пушкарях». Здесь находился литейно-пушечный завод, а также и колокольный.

Митра корона Никона.

Заведовавшие воротами воротники были перемещены от церкви Св. Пимена, близ Малой Дмитровки, в Сущево, где они построили храм Св. Пимена, в Новых Воротниках.

До царя Алексея Михайловича иностранцы селились близ Спаса в Наливках и в других местах, но, по повелению государя, для иностранцев (офицеров и техников разного рода), отведено было на Яузе особое место, которое стало называться Немецкой слободою, сыгравшей столь важную роль в годы молодости Петра I. Здесь

построены были кирки и костелы и возник центр новых веяний, кои при Петре I привели к огромному перевороту в истории Москвы и всей России, к целому ряду преобразований по западным образцам.

Но прежде чем обратиться к этому последнему предмету, мы должны еще раз взглянуть в личность и быт отца преобразователя России, в то старое, чего он держался, и в то новое, что при нем начинается в Москве.

Царский охотничий поезд. Рис. В. М. Васнецова.

Кротостью своего характера, склонностью подчиняться влиянию окружающих и глубокою набожностью он похож был на своего родителя. Но он отличался от него большей подвижностью, что выражалось его личным участием в первой польской войне и весьма частыми поездками на охоту. Он превзошел страстью к ней Василия III и Иоанна Грозного. По его приказанию, в интересах охоты, во дворце введен был дневник погоды. Сам государь с задором истинного охотника описывал в письмах свои охотничьи удачи. Как увлекался он поэзией охоты, видно из его собственноручных писем к ловчему А. И. Матюшкину. В одном из них он описывает, как, раннею весною 1657 года (10 апреля), поехал он «отведывать

Патриаршее шествие в Вербное воскресенье.

птицу на добычах и между Сушевым и Напрудным наехал прыск (место, залитое вешней водой); там были утки, многие шилохвосты, свиязи и чирята. Пустили на них одного сокола; он высоко взмыл, но не спустился. Пустили другого Дикомыта; он добыл, к радости охотника, хорошую добычу и потешил всех хорошим летом».

В другом письме к заведовавшим соколиным путем царь выражает радость, что улетевшего сокола поймали около Рязани, и пишет: «Я теперь кладуся на вас во всем, как лучше, так и делайте; а будет вашим небрежением Адар, Мурат, Лихач, Стреляй или Салтан (ловчие птицы) умрут, и вы меня, не встречайте, а сокольников всех велю перепороть; а если убережете и вас милостиво пожалую, и сокольников тоже».

Царь засвидетельствовал свою любовь к соколиной охоте составлением устава, или «Урядника сокольниковяго пути». Здесь он называет ее «красною и славною птичьєю охотою», ибо «красносмотрителен и радостен высокий сокола лет». Поощряя служилых людей к ней, он собственноручно приписывает следующий «прилог»: «делу время, потехе час». Посол германского императора барон Меерберг, желая снискать царское расположение, всячески выказывал свой интерес к этой охоте. Царь, награждая его за это своим вниманием, посылал к нему своих сокольников для показу, с лучшими кречетами и другими ловчими птицами. Этот дипломат даже снял с любимого государева кречета портрет и приложил его к описанию своего путешествия в Московию.

Но, предаваясь охотничьей потехе, государь прилежно занимался государственными делами; он высоко ставил свою царскую самодержавную власть и оберегал ее от всяких посягательств на нее, хотя бы они шли от «собиннаго друга» и патриарха всех северных стран, каким был Никон. Государь всея Руси, он был одним из последних ее собирателей, присоединив от Польши к Москве Малую Русь. Своим законодательством («Соборным уложением» — подлинник его в виде столбцов хранится в Архиве Министерства иностранных дел), он продвинул вперед русское право вообще, и в особенности государственное, оградив Царское Величество не только от восстания на него и неповиновения, но и от малейшего его оскорбления. На Москву свою он смотрел, как на новый Цареград, и был очень рад поместить в первопрестольном соборе икону Влахернской Богоматери, которая считалась покровительницею второго Рима. Относительно блеска своей обстановки, он для Восточной Европы был тем же, чем для Западной был Людвиг XIV. Ни один из государей не окружал себя таким величавым этикетом и такой

ослепительной роскошью, как Алексей Михайлович. Это обуславливалось не одним только накоплением царских сокровищ в Москве, но и самими воззрениями и чувствами государя. Он внес живую мысль и искреннее настроение в те величавые и роскошные обряды царских выходов, приемов послов и церковных празднеств, кои, будучи совершаемы без подобающего одушевления, обращаются в блестящий формализм. В этом, как и в семейной жизни, государь был верен заветам и уставам своих царственных предшественников.

Царица Наталья Кирилловна.

Государь был любящим супругом и примерным отцом своей семьи. Мы привели уже портрет первой его супруги царицы Марии (Милославской). Воспроизводим портрет и второй супруги его Натальи Кирилловны (Нарышкиной). Она, по словам одного ино-

странца (Рейтенфельса), была блестящей красоты, стройная станом, с челом возвышенным, пленяла звонкой сладостной речью.

Алексей Михайлович много заботился об обучении не только своих сыновей, но и дочерей, коим в учителя дал ученого Симеона Полоцкого. В новый (1 сентября) 1674 год он объявил старшего сына, тринадцатилетнего царевича Феодора, своим наследником. «Действо» (церковно-государственный обряд) происходило в этот раз на Красной площади, в присутствии двора, духовенства, народа и иноземцев. При этом царевич поздравлял отца и патриарха с Новым годом и говорил речь. Царевича показывали в этот день в Архангельском соборе иностранным послам и находившимся в Москве малороссиянам (сыновьям гетмана Самойловича).

Медаль на рождение Петра I.

За два года перед тем, 30 мая 1672 года, родился царевич Петр. Народ в своей песне так сказывал об этом событии:

Как светел, радостен в Москве
Благоверный государь Алексей, царь Михайлович,
Народил Бог ему сына, царевича Петра Алексеевича,
Первого императора на земле...

Ранним утром колокола Кремля и Москвы разнесли повсюду весть об этом событии, и царь-отец уже в 5 часов утра был на благодарном молебне в Успенском соборе и ходил к Михаилу Архангелу

и в Вознесенский и Чудов монастыри. В Благовещенском соборе возвел в окольные отцы царицы Кирилла Нарышкина и ее воспитателя Матвеева. Во дворце в этот день угощали бояр и думных людей и других поздравителей водкой, фряжскими винами и плодами, а 1 июля был обед для бояр в царицыной палате. 29 июня в Чудовом монастыре происходило крещение младенца; крестным отцом был брат царевича Феодор, а крестной матерью тетка, царевна Ирина Михайловна. На следующий день был крестильный стол в Грановитой палате. Так встречен был в Москве на заре своей жизни Петр I...

Царь Алексей Михайлович еще с пятилетнего возраста начал учиться грамоте. С этого времени, кроме разных игрушек и музыкальных инструментов, дедушка его Филарет Никитич и бояре стали дарить ему книги, а отец приставил к нему в учителя дьяка Василия Прокофьева, который прилежно учил его чтению, письму и даже церковному пению. По дошедшим до нас сведениям, ученье его заключалось в чтении книг Св. Писания и церковного богослужения. При живых способностях и любознательности царственного ученика учебные годы не пропали для него даром. Разнообразным чтением и беседами с образованными людьми он всю жизнь пополнял свои познания. По смерти своего отца, он заметно выдавался из ряда своих современников своим умом и интересом к образованию. Молодой государь не только писал отличным, как мы видели, почерком, но имел склонность к писательству. Он любил писать длинные письма, выражавшие способность живо подметить и картинно передавать свои мысли и чувства. Немало осталось от него записок, заметок и даже описаний походов, московских событий и даже случаев на охоте и т. д. Государь любил и устно говорил речи, как, например, при отпуске воевод в поход и при других торжественных случаях. Даже в одном письме его к Ромодановскому мы видим опыт царя писать стихами...

Царь сочувствовал развитию на Руси образования и ее сношениям с государствами Запада, начиная с Франции и Германии, и Востока, кончая Китаем и Индией, и не чуждался перемен и нововведений.

Нечего и говорить о том, что царь Алексей Михайлович не мог быть сторонником того умственного застоя, который выразился в расколе, в протопопе Аввакуме и им подобных, и готов был содействовать насаждению в России школ и разных нововведений, поддерживал и приближал к себе лиц такого же направления.

Представителями их являются патриарх Никон, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин и А. С. Матвеев. Пред этими русскими людьми открывались два пути образования: один греко-славянский, верный началам православия, другой путь — западный, проложенный в чуждом нам католическом и протестантском мире.

Запад пережил уже к этому времени эпохи открытий и изобретений, возрождения наук и искусств и реформации. Ко времени Алексея Михайловича Италия, например, выставила уже не только предтеч Возрождения, какими были Данте, Петрарка и Боккачио, и ве-

Боярин Матвеев.

ликих художников Возрождения, какими являются Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи, таких представителей науки, как Макиавели и Галилей; Германия — Эрамза и Рейхлина, Коперника и Кеплера; Франция — Декарта и Рабле, а там начался славный век Людовика XIV, с Корнелем, Расином, Мольером и другими; Англия уже имела Шекспира, Бэкона, Мильтона, Ньютона и других.

Но русские люди, в силу исторических условий отделенные от общей жизни Запада, опасливо относились к западно-европейской образованности, как основанной на католическом и протестантском инославии. Однако потребность в образовании чувствовали

сам царь и те люди, коих он приближал к себе; но все боялись учиться у людей Запада, как у инославных. Предпочтение оказывалось грекам и западно-русским ученым, усвоившим западно-европейскую образованность, потому что те и другие были православными и не могли стирать особенностей в верованиях, воззрениях и обычаях русских людей. Только некоторые обращались к полякам и западным славянам, неправославным. Патриарх Никон входит в сношения с греческими патриархами и посылает на Восток за древними греческими и славянскими рукописями Арсения Суханова.

Ордын-Нащокин.

С разрешения государя и по благословению патриарха, Ф. М. Ртищев вызвал из Малороссии нескольких ученых людей, с Епифанием Славинецким во главе. Эти люди, сначала составившие ученое общество в Андреевском монастыре и затем переведенные в Чудов монастырь, в основанную там при Михаиле Феодоровиче славяно-греческую школу, и привлеченные к делу исправления церковно-богослужебных книг, старались проводить у нас «ясные лучи греческого учения, чтобы рассеять тьму мрачного неведения». Но они шли против латинской образованности, которая взяла верх

даже в Киеве, в тамошней академии Петра Могилы, так как она, по их мнению, вела к сближению с католичеством. Это греко-славянское образование поддерживали патриарх и духовенство. Такого же рода учение преподавалось и в основанной при типографии школе, которую вели греки Тимофей и Мануил.

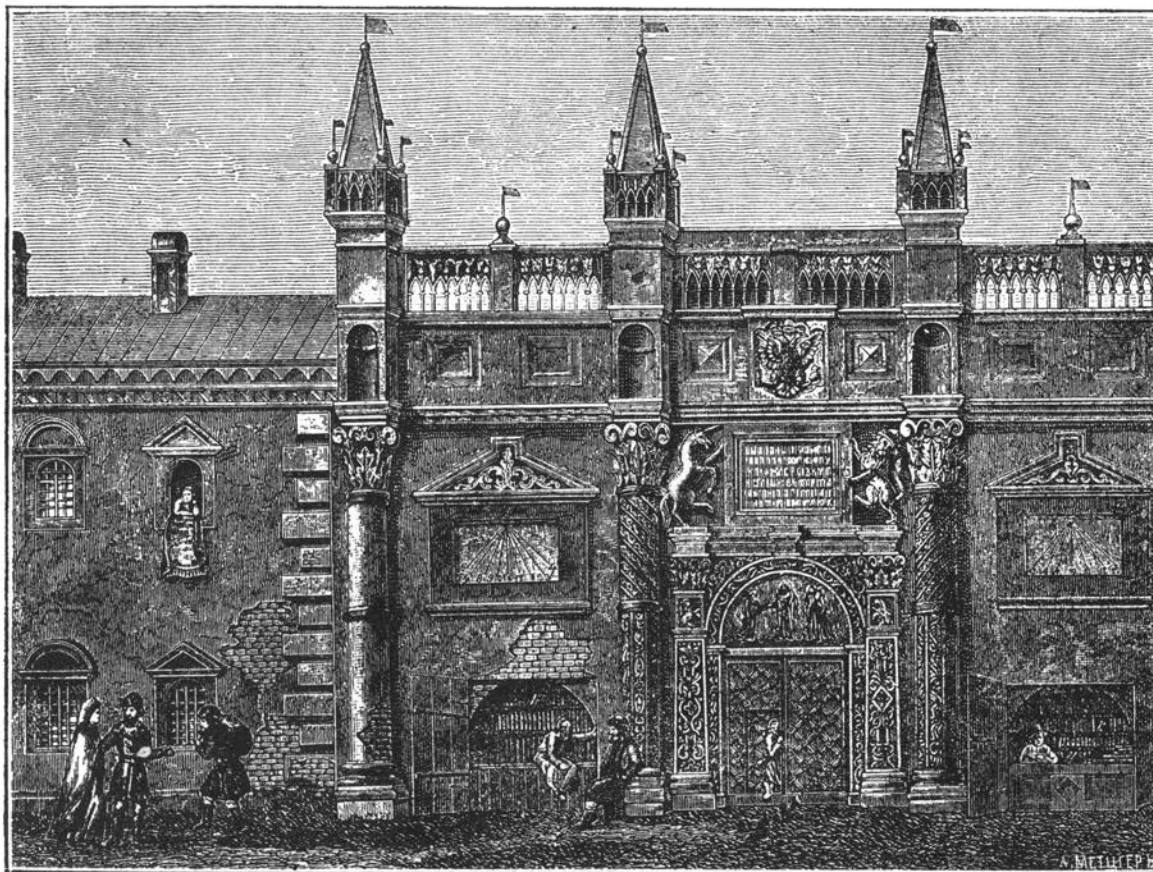
Другое образование, возникшее в Москве в это время, было латинского характера. Оно насаждено было западно-русским ученым Симеоном Полоцким, который основал школу в Заиконоспасском монастыре, где учились подьячие из приказа тайных дел. Этот ученый сделался воспитателем царских детей: царевичей Алексея

Бояре.

и Феодора и царевны Софьи, основал новую типографию на верху у государя и, будучи сторонником латинского образования, шел против представителей греческого у нас образования. Он был не чужд латинских мнений в деле веры, писал светские стихи и сочинял театральные пьесы.

Но были люди, кои хотели еще более западного образования. Таков замечательный дипломат и начальник Посольского приказа (царственных больших печатей и государственных посольских дел оберегатель) А. Л. Ордын-Нащокин. Он знал не только латинский язык, но и немецкий и польский язык, сближался с иностранцами, завел у нас заграничную почту и рукописную газету «Куранты», сообщавшие известия о западно-европейских событиях, дал при по-

Печатный двор в XVII столетии.

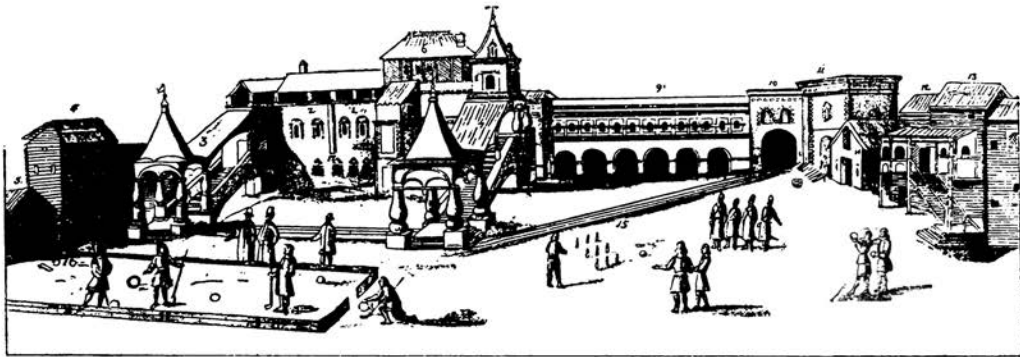
средстве поляков хорошее образование своему сыну, который, впрочем, наслушавшись много о Западе, бежал за границу. В доме своем он держался иноземных обычаев. Но западничество не пустило, однако, слишком глубоких корней в этого человека: он окончил свою жизнь иноком...

Другой начальник Посольского приказа и также любимец Алексея Михайловича, А. С. Матвеев, женился на иностранке из Немецкой слободы, родом шотландке, присоединенной, однако, к православию. Он также сочувствовал западной науке и искусству и завел у себя дома западную обстановку, устраивал у себя собрания, своего рода ассамблеи, на которых бывали и женщины, не державшиеся прежнего затворничества.

Эти элементы отразились и на нашей литературе и даже начали влиять на нравы в Москве.

Памятниками этого являются произведения светского характера. Е. Славинецкий по просьбе Ртищева составил греко-славяно-латинский лексикон. В 1653 году в Москве была напечатана славянская грамматика Мелетия Смотрицкого. Для истории русской царствование Алексея Михайловича не осталось бесплодным. Кроме сделавшихся уже обычными у нас летописных сводов (Никоновской, Воскресенской и др.), укажем на следующее. В Посольском приказе, по приказанию боярина Матвеева, была составлена «Государственная Большая книга», представляющая русскую историю с портретами государей и патриархов. В том же Посольском приказе и при том же Матвееве была составлена «Книга об избрании на царство Михаила Феодоровича». Она, по указанию этого начальника приказа и самого царя Алексея Михайловича, была писана подьячим Иваном Вережцагиным. Для иллюстрации ее был вытребован от князя Василия Васильевича Голицына из Пушкарского приказа иконописец Иван Максимов, который и нарисовал 21 лист рисунков, относящихся к этой коронации и к поставлению в патриархи Филарета Никитича. Не лишено интереса для русской истории и сочинение Катошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Этот эмигрант-подьячий очень критически относится к московскому боярству, но все же в его сочинении немало правдивого, например что «многие из бояр грамоте неученые и нестудированные». Юрий Крижанич, родом хорват, переселившийся к нам, чтобы послужить своей ученостью одноплеменному народу, самому могущественному между славянами, написал сочинение «Русское государство во второй половине XVII века». Это сочинение трактует о народном богатстве, о силе государства, преимуще-

ственно военной, и, наконец, о мудрости, преимущественно политической. Он выставял необходимость для России науки и школ и корил немцев за то, что они намеренно держали славян в невежестве. Но, желая для России образования, Крижанич доказывает, что для нее необходимо самостоятельное национальное просвещение. Привязанность к иностранцам, «чужебесие» он считает величайшим бедствием для русских и всех славян. В эпитафье к своей книге он говорит: «Хочу вытеснить всех инородных мастеров и ратников и поднимаю всех днепрян, поляков, сербов и кто только есть

Дом для чужестранных послов.

славянского рода за одно ратовать со мною». Крижанич предлагает крепкий союз со своими одноплеменниками. Славянские народы, утратившие политическую самостоятельность, должны возвратить свою «слободину». Немцы притеснениями довели большую часть славян до такого отчаяния, что последние стыдятся своего рода и языка; многие из них скрывают свое славянское происхождение и выдают себя за людей иного народа. Кому же предлежит великий подвиг освобождения славян? «На тебе одном, пресветлый царь, попечение о всем славянском народе,— говорит Крижанич, обращаясь к Алексею Михайловичу.— Ты, как отец, должен нести заботу и чинить промысел о рассыпанных детях, да соберешь их воедино. Ты один поставлен от Бога, да начнут они промышлять о просвещении и о свержении немецкого ига». Крижанич является антагонистом всех инородцев среди единоплеменных славян. В славянской стране, говорит он, куда наплывут немцы, по наружности явится много лучшего; но это лучшее будет служить только для пользы тех

же немцев, а славяне станут у них рабочей силою. Обезьяническое перенимание чуждой образованности мало может содействовать самобытному развитию народного творчества. Защищая славянскую самобытность, Крижанич является убежденным сторонником принципа царского самодержавия. Превосходство его, по мнению Крижанича, видно из того, что самодержавный государь может лучше всех исправлять пороки и дурные обычаи своего государства. При этом он указывает на неурядицы Польши, где нет единства и крепости власти, где столько маленьких королей, сколько панов.

Печать царя Алексея Михайловича.

Более влиятельным распространителем у нас образованности является западнорусский ученый Симеон Полоцкий. Он сделался учителем царских детей, придворным проповедником и поэтом. Он в самом дворце устроил новую (вторую в Москве) типографию. В одной из проповедей своих на Рождество Христово, от лица Вселенских Патриархов, съехавшихся тогда в Москву, он обращается к царю с молением заводить училища греческие и славянские и другие, умножать число учащихся, отыскивать благоискусных учителей и всех «честью поощрять на трудолюбие». Он написал чрезвычайно много различных сочинений, не только духовного содержания, но и светского, и притом в стихотворной форме. Кроме псал-

тыря, он излагал в стихах предметы нерелигиозного характера, так, например, его «Рифмологион» содержит стихи разнообразного содержания: похвальные, поздравительные, элегические, драматические. Здесь помещены: праздничные приветствия царю и царице от имени царевича Феодора Алексеевича, «Орел Российский» — обширная похвала царю Алексею Михайловичу, утешительное послание к нему по кончине его первой супруги и поздравление со

Выход царицы Марьи Ильиничны в церковь.

вторым браком и двенадцать драматизированных плачей по кончине этого царя. Наконец, несмотря на свой монашеский сан, Симеон написал для театра драматические пьесы «О блудном сыне» и «Царе Навуходоносоре». Направление Полоцкого было латинского характера, и он и его ученики не убереглись от некоторых католических мнений, что вызывало неудовольствие в представителе греческого образования у нас Епифании Славинецком и патриархе.

Чисто же католическая и протестантская образованность в православных людях возбуждала большие опасения. Отсюда можно было, по понятиям того времени, заимствовать только одни технические усовершенствования. Но наши крайние западники, чтобы выше поставить реформы Петра I, преувеличенно рисуют отсталость допетровской Руси в деле технического, хотя это не соответствует действительности.

При Алексее Михайловиче процветали многие прежние виды промыслов, как-то: ювелирное дело (золотое и серебряное), литейное, строительное. Но он особые заботы прилагал к развитию у нас металлического производства. При нем добывалась медь близ Со-

ликамска и продавалась по 4 рубля с полтиною за пуд. В конце его царствования еще была найдена медная руда близ Олонца и на Мезени. Обработка железа производилась близ Тулы и Каширы. Самый большой железный завод находился близ первой и принадлежал Марселису. Другой — на реке Протве, находился в заведовании Акемы. На заводах выделялось полосовое, листовое и пру-

Портреты царей Михаила Феодоровича
и Алескся Михайловича
на иконе Новоспасского монастыря.

товое железо, якоря, гвозди, мельничные снаряды, ставни, ступы, ядра и даже пушки. Сибирским удальцам, отправлявшимся для открытия новых земель, давался приказ высматривать, нет ли где золотой и серебряной руды, слюды, драгоценных камней и прочего. В селе Измайлове царь завел стеклянный завод, посуда коего славилась во время Петра I и представляет немало прекрасных образцов в нашей Оружейной палате. Вместе с тем, названное село сделалось образцовой сельскохозяйственной фермой, где уже применялись разные земледельческие машины. Примечательно, что эти машины устраивали не иностранцы, а русские мастера. Одни маши-

ны молотили хлеб силой воды, другие — колесами без воды. Кроме того, Алексей Михайлович завел в этом селе ботанический, аптекарский и другие сады; в них акклиматизировались иноземные фруктовые деревья, имелись виноградники и даже шелководство.

Особенное внимание обращал царь на начавшееся еще при Михаиле Феодоровиче устройство войск по иностранным образцам. Вместо наемных полков из иностранцев, Алексей Михайлович стал заводить такие же из русских людей. Из служилых людей он набирал конницу, полки рейтарские и драгунские. Они были обучаемы инструкторами иноземцами, носившими чины полковников, полуполковников, майоров и ротмистров. В 1649 году царь начинает заводить солдатские пехотные полки. Они разделялись на роты и были вооружены мушкетами и саблями. Петр I в своих солдатских полках только продолжал начатое его отцом дело. Не ограничиваясь этим, Алексей Михайлович делал попытки завести и русский флот. В 1662 году московский посол, проезжая в Англию через Курляндию, много говорил там, нельзя ли в курляндских гаванях завести нам корабли. Курляндский канцлер отвечал, что великому государю пристойнее заводить корабли у своего города Архангельска. Ордын-Нащокин, управляя Ливонией, завел флотилию на Западной Двине, уничтоженную Кардисским договором. Но Алексей Михайлович не опускал рук от этих неудач и в 1667 году издал указ: «В селе Дединове, на Оке (в Зарайском уезде), строить корабли для посылок из Астрахани на Хвалынское (Каспийское) море и то корабельное дело ведать боярину Ордыну-Нащокину». В этом году нанят был в Голландии Давыд Бутлер «служити Царскому Величеству на море Хвалынском капитаном и кормщиком — генералом. Бутлер бывал во многих краях света и разумеет многие индейские языки и торги, и извычаи индейские, и небесное течение и как водится морем кораблям ходить». В Дединове построен был первый русский корабль за 9000 рублей и назван «Орлом». Но этот родоначальник русского флота был сожжен Стенькой Разиным.

Даже в сферах установившихся на Руси искусств начинают замечаться различные нововведения. Так, например, в зодчестве появляются новые способы резьбы. Вместо русской резьбы, по одной только поверхности дерева, появляется фигурная немецкая работа, в стиле барокко. Сами столярные инструменты начинают носить немецкие названия; появляются шерхеблы, гзымзублы, нашлахтеблы и прочее. Окрепшая уже и развившаяся русская живопись проявляет нечто новое. Для плафонной живописи выписываются мастера из Поль-

ши. У природных же русских живописцев изменяется пошиб. Лучшим представителем нашей иконописи времен царя Алексея Михайловича является царский иконописец Симон Ушаков, стремившийся к ее усовершенствованию. Он писал в двояком стиле: в собственно так называемом иконописном и во фряжском и соединял в своих произведениях византийское предание с усовершенствованной на Западе техникой. Но его стремление усовершенствовать иконопись в правильности рисунка, в перспективе и ландшафте, в живом колорите, большей естественности, не только не противоречит родным преданиям этого искусства, но и вполне с ним согласуется. До нас дошли его превосходные иконы, по грудь, в медальонах, в церкви Грузинской Богоматери, изображающие Иисуса Христа в святительском облачении, Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского и других и Нерукотворенного Спаса.

В самих обычаях высшего класса в Москве начинаются нововведения. В домах бояр появляется заграничная мебель, часы, картины, даже статуи, и, наконец, русские люди начинают курить табак и даже одеваться в иноземное платье. Но против этого вооружались не только старообрядцы, но такие люди, кои были в своем роде передовыми, как, например, патриарх Никон. Под влиянием Матвеева и других сторонников иноземных обычаев, новшества начинают проникать во дворец. Эти нововведения поддерживает и молодая царица Наталья Кирилловна, являвшаяся народу открыто в своей карете. В разрядных записях мы находим любопытное описание одного вечернего кушанья у великого государя, в Потешных хоромах (Потешный дворец). Перечислив, кто из бояр приглашен был к этому кушанью (в их числе духовник царский — протопоп Андрей Савинович), запись говорит, что «после кушанья государь изволил тешить себя великими игры: и в органы играли (немчин), и в сурну, и в трубы трубили и по накрам (бубнам) и литаврам били во-вся. Да жаловал великий государь своего духовника, бояр дьяков думных водками и ренскими и руманеей и всякими разными питьи; и пожаловал их своею государскою милостию: напоил их всех пьяных...» Под влиянием Матвеева, который завел у себя домашний театр, построили сперва в Преображенском, а потом и в Кремле комедийную храмину. И то там, то здесь государь с царицей, царевичами и царевнами, под звук фиолей и других «стрементов» смотрит действия (драмы), взятые из Библии (Юдифь и Олоферн, Аман и Мардохей и проч.), или из мифологии (Орфей). Здесь на сцене играют, а иногда и танцуют актеры или из немцев или из дворовых

Храм Грузинской Божией Матери, в Никитниках.

боярина Матвеева. Во главе труппы и оркестра стоят иноземцы Немецкой слободы Яган Готфрид, Грегори, Рингубер, органист Симон Гутовский и другие.

Но, несмотря на все эти нововведения, по-прежнему сохранились все национальные основы царского быта, все его торжествен-

ные религиозные обряды и даже мелкие обычаи, до выслушивания от верховых старцев былин и преданий. Уважение царя к русскому быту сказалось всенародным указом от 6 августа 1674 года: «Князя Андрея Княж Михайлова сына Кольцова-Мосальского из стряпчих записать по жилецкому списку за то, что он на голове волосы у себя подстриг. А стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам указал великий государь свой государев указ сказать, чтоб они

Пелена, пожертвованная царем
в Успенский собор.

иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели. А буде кто впредь учнет волосы подстригать и платья носить с иноземного образца, и такое ж платье объявится на людях их, и тем от великаго государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины». Замечательный указ этот был одним из последних распоряжений царя Алексея Михайловича.

Царь Михаил Феодорович, восстановив разоренные в смутное время кремлевские храмы, оставил уже немного забот о них своему преемнику; и царь Алексей Михайлович, по отношению к первым, является не столько создателем храмов, сколько вкладчиком.

Царь Алексей Михайлович. Со старинной гравюры.

В первопрестольном Успенском соборе этот государь оставил по себе память следующим. В приделе апостолов Петра и Павла Алексей Михайлович поставил замечательную по древности и сделанную из особого рода мастики икону Влахернской Божией Матери. Она была некогда покровительницей Цареграда и привезена была оттуда в дар государю. В 1653 году царь принес в дар Успенскому собору серебряное в 2 пуда блюдо и при нем ведро, с коим он сам

ходил на Иордань и зачерпал им только что освященную воду. Его же пожертвование — великолепные золотые, украшенные жемчугом священнослужительские облачения и пелена к Владимирской Богоматери, «на помин родителей». Царица Наталья Кирилловна пожертвовала громадное евангелие, оправленное массивным золотом и разнообразными драгоценными камнями. При императрице Екатерине II оно было оценено в два миллиона рублей. Свояк государя, по первой его супруге, боярин Морозов пожертвовал к Успенскому огромное паникадило в 60 пудов серебра, висевшее посредине собора до 1812 года. Алексей Михайлович повелел перенести из церкви Рождества Богородицы в Успенский собор царицыно место и поставить его против левого клироса. Оно резное из дерева, вызолочено, и верх его на четырех углах увенчан двуглавыми орлами. Никон в это время обновил патриаршее место.

Архангельский, Благовещенский и другие соборы Кремля получали так же, как и придворные храмы, разные более или менее ценные вклады набожного царя Алексея Михайловича. Из дворцовых храмов особенной заботой его пользовалась церковь Екатерины великомученицы, «у царицы на сениях», где в это время был устроен придел в память матери царя (Евдокии Лукьяновны); здесь царицы брали молитву после родов и причащались постом. В церкви Распятия над жертвенником находится икона, на которой изображены свв. Константин и Елена, а также Алексей Михайлович, его супруга Марья Ильинишна и патриарх Никон.

«Тишайший царь» не оставил без внимания и колокольную Ивана Великого. Находившаяся при нем звонница с громадным колоколом Годунова сгорела, и сам колокол разбился. Царь приказал воспользоваться его осколками и отлить новый. Барон Мейерберг, видевший его в 1661 году, говорил, что он был отлит русским литейщиком 24 лет, весит 8000 пудов и поставлен был на новой звоннице. В пожар 1701 года он разбился, но при императрице Анне Иоанновне был отлит снова и сделан, следовательно, отцом царя-колокола; к осколкам этого произведения XVII века прибавлено было еще 2000 пудов меди. В память царя Алексея Михайловича сделано было на царь-колоколе его изображение рядом с изображением названной императрицы. Чудовская обитель св. Алексея митрополита, где восприим принял Алексей Михайлович, и Вознесенский монастырь, где он сам хоронил свою первую супругу и дочерей, пользовались вкладами этого государя. В Вознесенском монастыре и до сих пор сохраняется большая серебряная водосвятная чаша, дар царя.

Забываясь о храмах и дворцах, государь под конец своего царствования обратил внимание и на приказы. К 1670 году кремлевские палаты разных приказов «обветшали гораздо и порушились во многих местах; сидеть в них было опасно». Поэтому приказы с их делами были переведены из Кремля в Китай и Белый город и размещены там в разных местах. В 1675 году Каменный (строительный) приказ начал постройку новых приказов в Кремле, по горе, начиная от Архангельского собора к Спасским воротам. По чертежу, который был прислан из Польского приказа, предполагалось выстроить: Разряд, Посольский приказ с четвертьми, Большую казну, Поместный и Стрелецкий приказы и Казанский дворец. Денег на постройку перечислено было 24 806 рублей 3 алтына 5 денег. Но эти стройки были закончены уже при Федоре Алексеевиче.

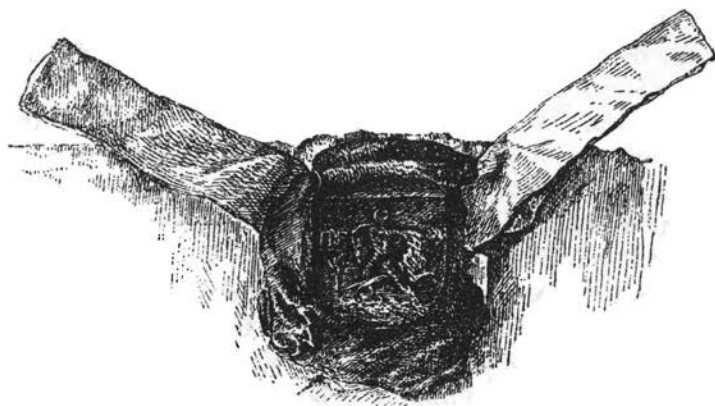
Немало хлопот доставлял ему и Китай-город. В заботе о благоустройстве Красной площади было повелено сломать и убрать рассеянные на ней и ее перекрестках торговые шалаши и скамьи и было предписано «всякими товарами торговать в рядах, в которых коим указано и где кому даны места». По Соборному уложению, оптовая торговля должна производиться только в Гостином ряду (между Ильинкой и Варваркой), а «в рознь товаров там не продавать». Розничная торговля была исключительно рядскою. Алексей Михайлович дал указ, чтобы Гостиный двор и ряды не торговали в субботу, как станут звонить к вечерне, и в воскресенье, до окончания литургии.

У Неглиненских (Воскресенских) ворот государь построил часовню для Иверской Божией Матери. В Казанском соборе он оставил по себе память вкладами. В Покровском — постройкой новых приделов. В Богоявленском монастыре, благодаря пожертвованию боярыней Репниной земли, выходившей на Никольскую улицу, построены существующие и теперь ворота с храмом Иоанна Предтечи. В Заиконоспасском монастыре построена была двухэтажная соборная церковь, освященная в 1661 году. Здесь в 1666 году поселен был западнорусский ученый Симеон Полоцкий и построено было за счет государя здание для него и учеников, которых он должен был учить «полатыням». Начали учиться здесь молодые подьячие из Приказа тайных дел. Из этой школы возникла знаменитая Славяно-греко-латинская академия. В 1653 году Алексей Михайлович дозволил в Никольском (Афонском) монастыре совершать богослужение на греческом языке.

В опустошительный пожар 1668 года сильно пострадал Знаменский монастырь. Царь и его родственники за свой счет возобновили

его. Не только были восстановлены старинные Романовские палаты, но и были построены вновь другие здания, и вместо прежней деревянной ограды была возведена каменная. Сложена была новая церковь Знамения, а под нею теплая во имя Афанасия Афонского. Постройки продолжались и после смерти Алексея Михайловича.

Из приходских церквей Китай-города много забот этот государь посвятил Зачатию св. Анны, что в углу. Здесь, по случаю рождения дочери, он построил придел во имя св. Екатерины, а в 1668 году, после пожара, возобновил и украсил всю церковь.

Печать царицы Марии Милославской.

Вообще царь любил эту церковь и в праздники со своим семейством слушал здесь литургию, которую совершал патриарх. Рядом с этим храмом в 1664 году построена была церковь Св. Николая, существовавшая до конца прошлого столетия. В 1657 году боярином Салтыковым построена была церковь Троицы на Полях, где раньше была церковь Св. Георгия.

Немало памятников это царствование оставило и в стенах Белого города. Алексей Михайлович в 1649 году приказал принести в Москву чудотворную икону Страстной Богоматери из вотчины князя Лыкова, в Нижегородской области (Палицы), и, встретив ее с крестным ходом, приказал построить для нее Страстной монастырь с двухэтажным в нем храмом.

Из приходских храмов Белого города особенно хорошо был обстроен в это царствование основанный еще при Михаиле Федоровиче храм Св. Николая на Столпах, где был дом боярина Матвеева,

где жила прежде Наталья Кирилловна Нарышкина и где после похоронен был убитый стрельцами Матвеев. Храм двухэтажный. Над нижнею церковью сделана галерея, кровля которой поддерживается каменными столбами наподобие кувшинов.

В 1650 году на Лубянке, на месте старой церкви Софии Премудрости, построена была новая и освящена патриархом Никоном. В 1657 году у Мясницких ворот построена была церковь Флора и Лавра. В 1649 году близ Покровских ворот построена была церковь Троицы на Грязях, как значится на одном из крестов, нахо-

Стрельцы.

дящихся в церкви. В Охотном ряду в 1667 году построен храм Преподобной Парасковии-Пятницы. В 1647 году Григорием Горихвостовым поставлено было на Успенском Вражке Успение Богоматери. На Большой Дмитровке в 1652 году — Преподобного Сергия.

В стенах Земляного города были построены следующие храмы: в 1656 году Св. Николая на Берсеневке; в 1650 году деревянная церковь Троицы на Листах заменена каменной, которую достраивали стрельцы, усмирявшие бунт Стеньки Разина; в 1653 году Георгия Победоносца в Яндове; в 1649 году — Петра и Павла на Якиманке; в 1660 году — Казанской Богоматери там же; в 1652 году — Харитония в Огородниках; в 1676 году — Апостола Иакова

в Казенной; в 1647 году — Введения в Барашах, в 1653 году Благовещения на Воронцовом поле (взамен старой); в 1657 году — Космы и Дамиана в Кузнецкой (взамен старой); в 1656 году того же имени, но в Таганской слободе; в 1654 году — Успения в Гончарах; в 1671 году — Воскресения в Таганке; в 1652 году — Филиппа митрополита на Мещанской; в 1650 году — Георгия на Всполье (деревянная); в 1653 году — Ржевской Пресвятой Богородицы на Поварской; в 1670 году — Николая Чудотворца в Плотниках; в 1650

Восвода.

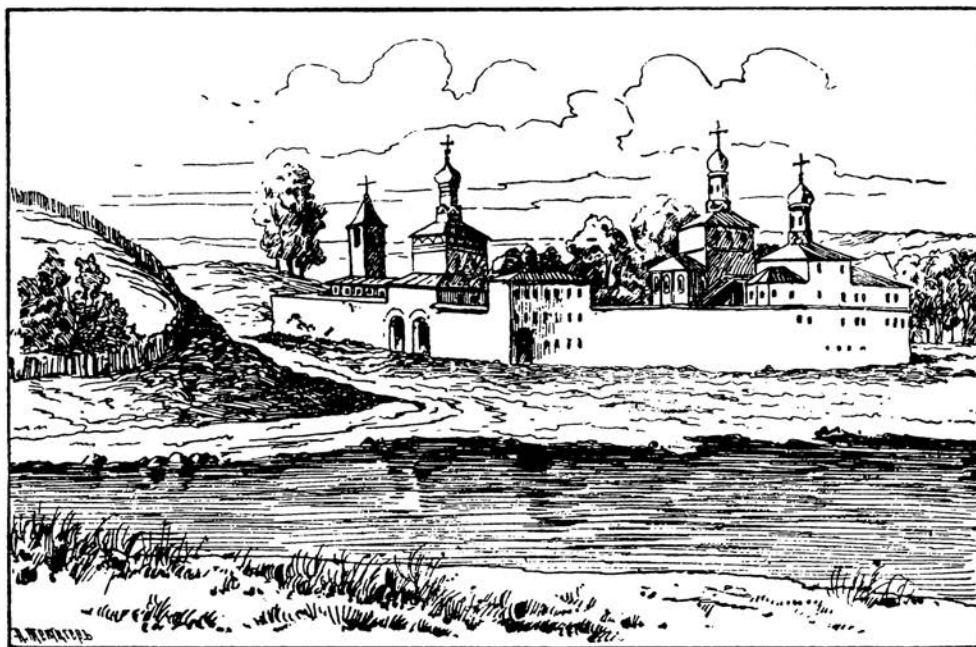
году — Св. Николая на Щепях (здесь был царский дровяной двор); в 1658 году — Воздвижения на Вражке (Поветном); в 1647 году — Николая Чудотворца в Пыжах.

Чрезвычайно было бы полезно для истории Москвы этим, а равно и всем вообще приходским церквам нашим издать свои исторические описания, с видами и планами самих храмов, снимками иконографическими, археологическими, палеографическими и проч. Это значительно подвинуло бы дальнейшую разработку истории Москвы.

Из монастырей, находившихся на окраинах Москвы, три были построены при Алексее Михайловиче: Андреевский в Пленницах,

Покровский на Убогих домах и Зосимо-Савватиевский у Краснохолмского моста.

В местности между Калужской заставой и Воробьевыми горами в 1648 году любимцем и окольным царя Ф. М. Ртищевым восстановлен упраздненный древний Андреевский монастырь, ставший к этому времени богадельней. Строитель назвал его Преображенскую пустыню и основал здесь ученое общество и школу.

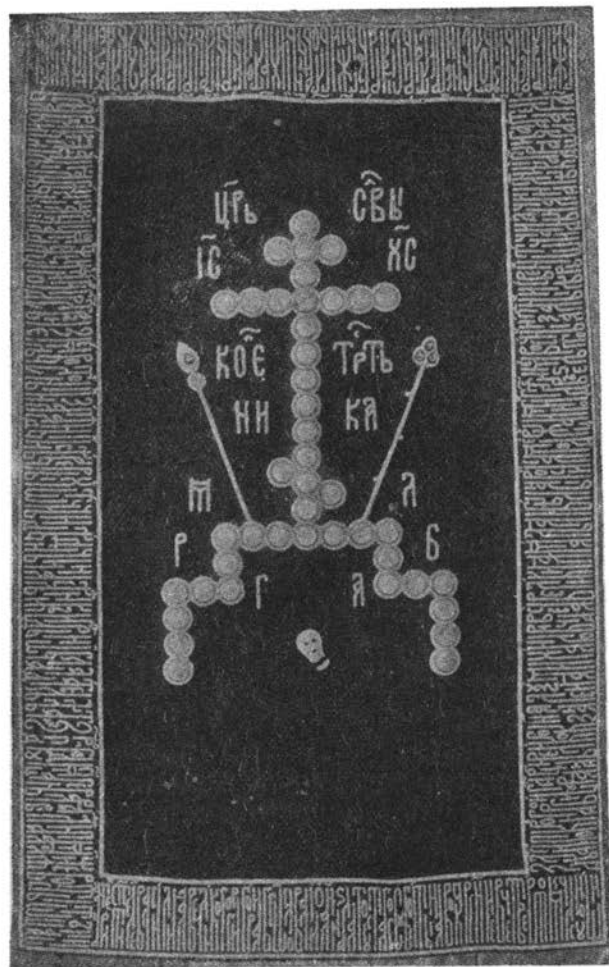

Андреевский монастырь.

Он вызвал сюда из Киева ученых: Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, Дамаскина Птицкого и Феодосия Сафоновича, для перевода греческих книг и обучения русских людей свободным наукам. Труженики эти в три года изготовили огромные фолианты, и в 1649 году выпущена была из печати книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Это учреждение Ф. М. Ртищева много сделало для исправления церковно-богослужебных книг и подготовило открытие Славяно-греко-латинской академии в Москве.

Покровский монастырь построен был в 1655 году, по указу

Алексея Михайловича, на комнатную царскую сумму. Место, на котором поставлена обитель, занято было прежде кладбищем для бедных, странников и умерших насильственной смертью. Здесь был так называемый «Убогий дом».

Покров на гробницу царя Алексея Михайловича.

В Гончарной слободе, у Холма, царь основал третий монастырь во имя свв. Зосимы и Савватия Соловецких. Но по случаю постоянного затопления этой местности разливами Москвы-реки, он был перенесен в Бронницы.

Храм Рождества
в Путниках.

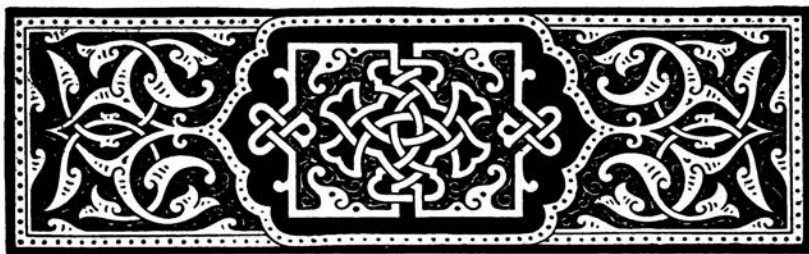
Старые монастыри в это царствование обстраивались новыми храмами, обогащались вкладами и жаловались землями. Особенное внимание царь обращал на Новоспасский монастырь, как придворный и как место погребения своей бабушки — царственной инокини Марфы и своих родственников — бояр Романовых. Мы воспроизвели вид находящейся в этом монастыре их усыпальницы. Царь со своей семьей, боярами и духовными властями, даже с восточными патриархами, нередко предпринимал сюда

богомольные походы. Государь достраивал здесь и богато украшал заложенный еще его отцом новый соборный храм и в 1673 году построил церковь Покрова Богородицы.

В Даниловском монастыре, при Алексее Михайловиче, совершилось открытие мощей св. благоверного князя Даниила и построена была Покровская церковь. В Донском монастыре построены два придела при трапезной церкви. Ризницы монастырей получили в это время немало богатых царских вкладов.

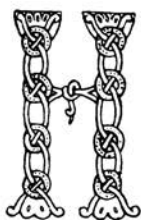
Русское зодчество в царствование Алексея Михайловича сделало еще шаг в дальнейшем своем самобытном развитии. Отличаясь от построек чисто византийского стиля, оно очень разнообразно и стройно разрабатывало русские мотивы в устройстве колоколен, глав, крыш, крылец, галерей, разнообразных украшений и т. д. Мотивы их взяты из чисто самобытных русских деревянных построек.

Скончался «тишайший царь» с 29 на 30 января 1676 года. Его тело, как и вдовствующую царицу, несли на следующий день в Архангельский собор стольники. За усопшим несли в кресле больного ногами царя Феодора Алексеевича. После отпевания, совершенного патриархом с Великим Собором, все присутствовавшие в смиренных одеждах прощались с царем, целуя его руку. Народ, наполнявший Кремль, горячими слезами оплакал свое «Красное Солнышко», своего любимого самодержца, с которым жил душа в душу.

ХІІІ

При Феодоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи

Наша история в царствование Феодора Алексеевича не богата фактами, потому что оно продолжалось всего шесть лет (1676—1682). Он вступил на престол в 14 лет и был очень хилого сложения. В день кончины своего отца он лежал больной в постели и его на руках принесли в Грановитую палату и посадили на престол.

Сама кратковременность этого царствования и сходство его по духу с последними годами правления царя Алексея Михайловича обусловили то, что оно не дало много нового.

Хотя Матвеев и Нарышкины подверглись в это время опале и удалению от двора, но начавшееся сближение с Западом продолжалось. Питомец прежде упомянутого Симеона Полоцкого, научившийся от него по-латыни и по-польски, сам писавший вирши, или стихи, царь Феодор не чуждался нововведений в духе Запада.

В придворной верхней типографии Симеон Полоцкий деятельно, без разрешения патриарха, печатал свои книги. Так, в 1680 году был напечатан в этой типографии testament Василия, греческого царя, а затем стихотворная псалтырь. При типографии находилось училище, помещавшееся в трех палатах, которым заведовал монах Тимофей, а учителями были приглашены два грека Лихуды. В 1684 году училище было переведено в Богоявленский монастырь. В 1685 году патриарх Иоаким перевел его в Заиконоспасский монастырь.

Симеон Полоцкий выработал проект преобразования этой школы в высшее училище — в Славяно-греко-латинскую академию, в которой должны систематически изучаться богословие, философия, пиитика, риторика и все части грамматики. Она должна быть не только рассадником науки, но и охранительницей православия: наблюдать за инославными иностранцами и судить еретиков. Но академия была открыта только после смерти Феодора Алексеевича,

Портрет царя Феодора Алексеевича.

в правление царевны Софьи. Большой портрет этого царя до сих пор находится в Заиконоспасском училище. Симеон Полоцкий похоронен в Чудовом монастыре.

При Феодоре Алексеевиче продолжалось начатое еще при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче преобразование нашего войска по западно-европейским образцам. Это обсуждалось на земском соборе, высказывавшемся в пользу уничтожения местниче-

Вид Китай-города. Богоявленский и Греческий монастыри.

ства и старинных родовых счетов бояр. И Москва была свидетельницей сожжения разрядных книг и заведения новых родословных. В это время число полков иноземного строя у нас было более 60, а именно 25 конных (рейтарских и копейных) и до 40 пеших солдатских. Душой этого преобразования был князь Василий Васильевич Голицын, любимец царевны Софьи. Он продолжал действовать в духе Ордына-Нащокина, который желал, чтобы мы учились хорошему у иностранцев, и советовал царю Алексею Михайловичу завоевать Нарву, Орешек (Шлиссельбург) и все течение Невы до Ньешанца, где впоследствии был построен Петербург, и в особенности Ригу, как важную пристань близ моря, что пролагало нам пути на запад.

Преемником при Феодоре Алексеевиче было отменено местничество, то есть право занимать придворные, военные и другие должности, запрещены были споры из-за них, были уничтожены разрядные книги и заменены родословными. Заменявший Нащокина, по управлению Посольским приказом, князь В. В. Голицын был горячим поклонником Запада, нередко забывавшим русскую старину. В его доме, в Охотном ряду, все было устроено на европейский лад: в бо-

Законоспасский монастырь и его училище.

льших залах протенки были заставлены зеркалами, на стенах висели портреты (парсуны) русских и иностранных государей и немецкие географические карты. У него была значительная библиотека, в которой русский летописец стоял рядом с немецкой геометрией. В библиотеке Голицына были и «Политичные думы» Крижанича. Голицынский дом был центром для приезжавших в Москву образованных иностранцев. Он вместе с другими придворными играл в хоромы царевны Софьи «Доктора поневоле» Мольера и часто говорил о необходимости для бояр ездить за границу и отдавать детей для обучения в польские школы. От Голицына иностранцы были без ума...

Под западным влиянием в Москве начинают замечаться в это время и бытовые перемены. Феодор Алексеевич в первый раз был женат на Агафье Семеновне Грушецкой, полячке по происхождению. Ее влиянию приписывают то, что в Москве начали в то время брить бороды, носить польские кунтуши и сабли.

В то же время царь, заметив беспорядки в езде по Москве, повелел боярам, окольничим и думным людям ездить в городе на двух лошадях. В праздничные дни боярам позволялось ездить на четы-

рех лошадях, а в случае свадьбы — шестериком. В это время у нас появляются кареты.

При Феодоре Алексеевиче московские церкви были разделены на сороки, или заказы, и поставлены под ведение заказчиков, нынешних благочинных. Сороков было шесть: Китайский (159 церквей), Пречистенский (210), Никитский (176), Сретенский (150), Ивановский (117) и Замоскворецкий (131). Во всех сороках было 943 церкви, в том числе во имя св. Николая 128.

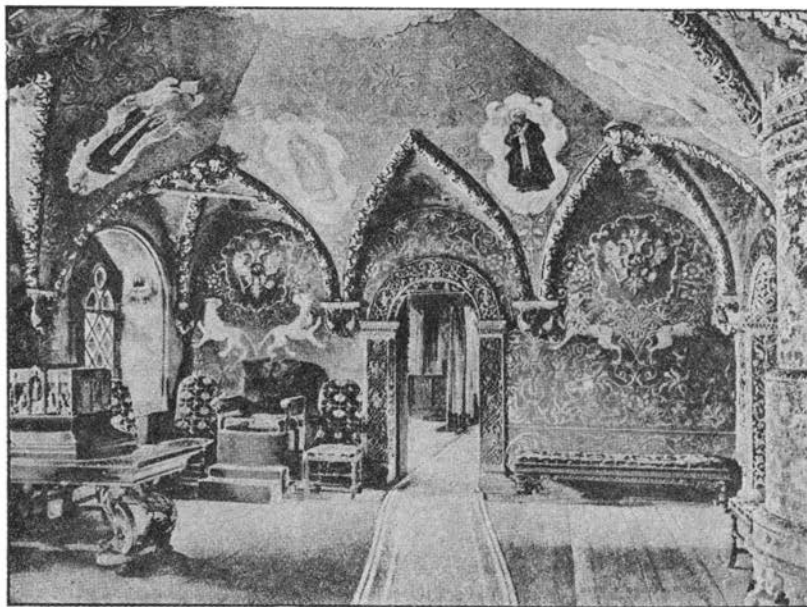
В Кремле, при Феодоре Алексеевиче, строились палаты для приказов. Так, в 1677 году готовы были нижние этажи 28 палат и стали строить верхние. На проезжих воротах была построена церковь Трех Исповедников. В 1680 году царь указал в новопостроенных палатах учинить приказы: от Архангельского собора Польский с четвертьми (4 палаты), у проезжих ворот Большая казна и Новгородский приказ с четвертьми. На Мстиславском дворе, от проезжих ворот, Поместный приказ с четвертьми (4 палаты), рядом Казанский дворец (в одной палате здесь был устроен колодец). Рядом с Поместным приказом поместился Стрелецкий. В Китай-городе, на Ильинке был выстроен храм Св. Николая (Большой крест).

Патриарх Иоаким в своей слободе на Козьем болоте, откуда тек ручей в речку Пресню, неподалеку от прудов, которые там были, приказал вырыть несколько прудов, из коих один существует до сих пор и называется Патриаршим. В 1681 году на Пресне был выстроен государев дворец и при нем каменная церковь Воскресения, отчего государево село стало называться Новым Воскресенским. В том же году сюда была перенесена деревянная церковь Николы Чудотворца «с Курьей ножки», близ Поварской.

В это царствование построена Дмитрием Калошиным близ Девичьего поля церковь Неопалимой Купины. Этот боярин особенно чтит икону Неопалимой Купины, находившуюся в Святых сенях перед Грановитой палатой. Однажды он попал в царскую немилость, хотя и не знал за собой никакой вины, и стал молиться перед этой иконой о небесном заступничестве. Богоматерь, явившись царю во сне, известила его о невинности опального. Освободившись от своей невзгоды, боярин в благодарность за это построил Неопалимовский храм.

27 апреля 1682 года удар колокола на Иване Великом возвестил Москве о кончине царя Феодора Алексеевича. Во дворец отправились патриарх Иоаким с архиереями и бояре. Собравшиеся прежде всего поклонились усопшему царю, а затем целовали руки его двум

братьям царевичам Иоанну и Петру Алексеевичам. Приходилось решать вопрос, кому наследовать престол после бездетного Феодора. Старший его брат был болезнен, подслеповат и слабоумен (скорбен главою). Десятилетний Петр был крепок телом и уже обнаруживал замечательные способности. Немедленно духовные лица и бояре собрались, для решения вопроса, в передней палате. Большинство бояр, прибывших на случай смятения в панцирях, бы-

Государев кабинет в теремах.

ло на стороне Петра, но немало было и на стороне Иоанна. Чтобы прекратить недоумение, по совету патриарха было решено предложить это дело людям всех чинов Московского государства. В Москве находились призванные Феодором (по вопросу о податях и отправлении выборной службы) выборные люди. Народ собрался перед церковью Спаса за «золотой решеткою» и на предложенный патриархом вопрос провозгласил царем Петра. Он находился в это время у гроба брата. Освященный собор и бояре нарекли его здесь царем. Патриарх благословил государя-отрока крестом, и его посадили на трон. Бояре, дворяне и люди всяких чинов принесли ему присягу, поздравляли его с восшествием на престол и целовали царскую руку.

На другой день происходило погребение царя в Архангельском соборе. Тело его несли в санях стольники, а за ним в других санях несли молодую вдовствующую царицу Марфу Матвеевну Апраксину. За гробом шел царь-отрок. Но рядом с Петром, вопреки обычаю, шла девица-царевна Софья. Она громко голосила и покрывала своими воплями причитанья целой толпы черниц. Ей было 25 лет, она отличалась дородством и еще при покойном брате покинула

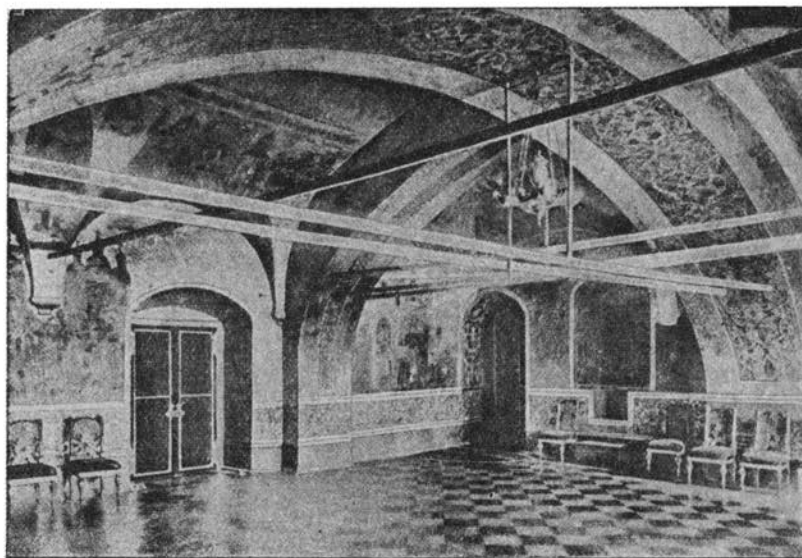
Смерть царя Феодора. С картины художника Лебедева.

терем и, владея немалым образованием, принимала участие в делах правления. По окончании погребения царевна Софья, возвращаясь во дворец, всенародно вопила: «Брат наш, царь Феодор, нечаянно отошел со света отравой от врагов. Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата-царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю, к христианским королям».

Это показывало, что Софья уже в этот момент готовилась вырвать правительственную власть из рук Нарышкиных и овладеть ею. Ее агенты с первых же дней стали шнырять в Стрелецких слободах, за Москвой-рекой: в приходах Троицы в Вишняках, Петра

и Павла на Калужской улице и Казанской у Калужских ворот, в Земляном городе, у Пимена в Воротниках, у Сергия в Пушкарях, у Троицы на Листах, у Николая Чудотворца в Воробине, у Спаса в Чигасах за Яузой.

Мы не станем описывать известные подробности Стрелецкого бунта, отмеченного кровавыми явлениями и утихшего к концу мая 1682 года государственным переворотом, выразившимся провозглашением первым царем Иоанна, вторым — Петра, а правительницей

Патриаршая палата в Кремле XVII века.

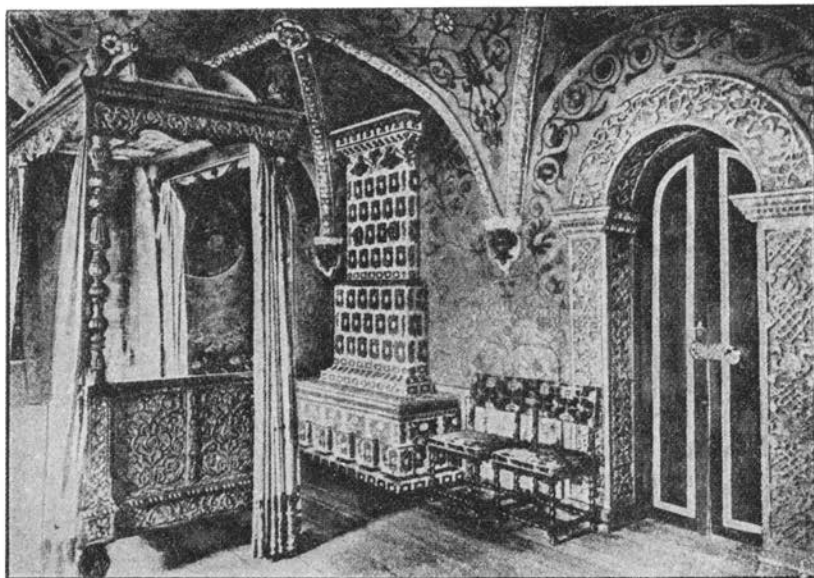
Софьи. Упоминаем бунт раскольников, опиравшихся на стрельцов и дошедших до дерзкого требования, чтобы цари венчались по старым обрядам. Памятниками этого Смутного времени в Москве явились столб на Красной площади, поставленный, по требованию стрельцов, с именами убитых ими бояр и с перечислением мнимых их вин, и гробница убитого тогда перед Красным крыльцом боярина Матвеева у Николы на Столпах.

Смута еще не улеглась, а венчание на царство обоих государей было совершено 25 июня. Все происходило по установившемуся обряду. Первым лицом при коронации был князь Василий Голицын. Перед возложением на государей венцов патриарх, облаченный в саккос митрополита Фотия, спросил царей, «како они веруют

и исповедуют Отца и Сына и Святаго Духа?» Государи в ответ на это прочитали вслух символ веры. Коронационный обед по установившемуся обычаю происходил в Грановитой палате.

Недолгое и смутное время правления царевны Софьи не могло оставить по себе многих памятников в Москве.

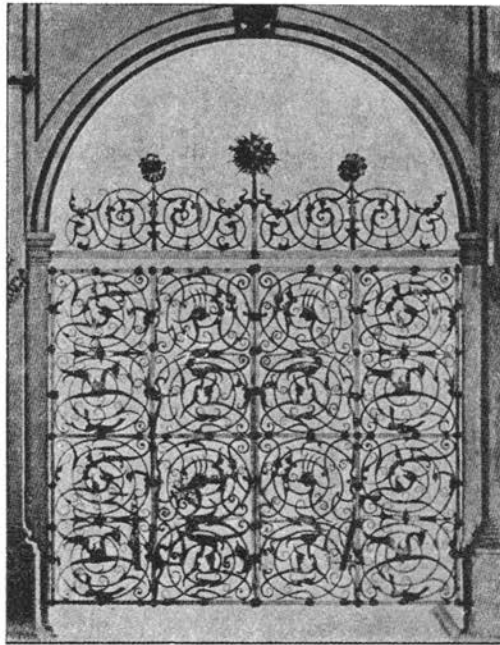
В ноябре 1682 года в Кремле произошел большой пожар; сгорели выстроенные Феодором деревянные хоромы Петра Алексеевича и царевен; загорелся Успенский собор, на котором сгорела медная

Царская опочивальня.

кровля и в главах оконницы; все значительные иконы и мощи были вынесены в Архангельский собор на то время, пока шли работы по восстановлению первопрестольного собора. В возобновленном Успенском соборе патриарх поставил епископа Луцкого и Острожского Гедсона (князя Святополка-Четвертинского) в митрополита Киевского и Галицкого. Через три года на месте погоревших были выстроены новые деревянные хоромы для царя Петра и его матери (при дворце в садовом пруду Петр пускал маленькие кораблики), а для царевны Софьи и других меньших царевен были возведены трехэтажные каменные палаты, в нижнем этаже которых была устроена, по приказанию Софьи, комната, «где сидят с боярами и слушают всякие дела». В то же время на кормовом дворе, возле

верхнего Красного сада и новых хором царя Петра, построена церковь Свв. Петра и Павла. Для подкрепления Верхоспасского собора в Меньшой Золотой палате были подведены под своды крестообразные каменные «перететивы». Были возобновлены Грановитая, Золотая (средняя), Ответная и другие палаты. Вообще перед единодержавием Петра Кремль достиг апогея своего величия. Царские дворцы находились в самом цветущем состоянии, какого не достигали ни в одно из предыдущих царствований. В это время обширность и великолепие дворцов вполне выражали характер царской жизни, во всем ее блеске и пышности.

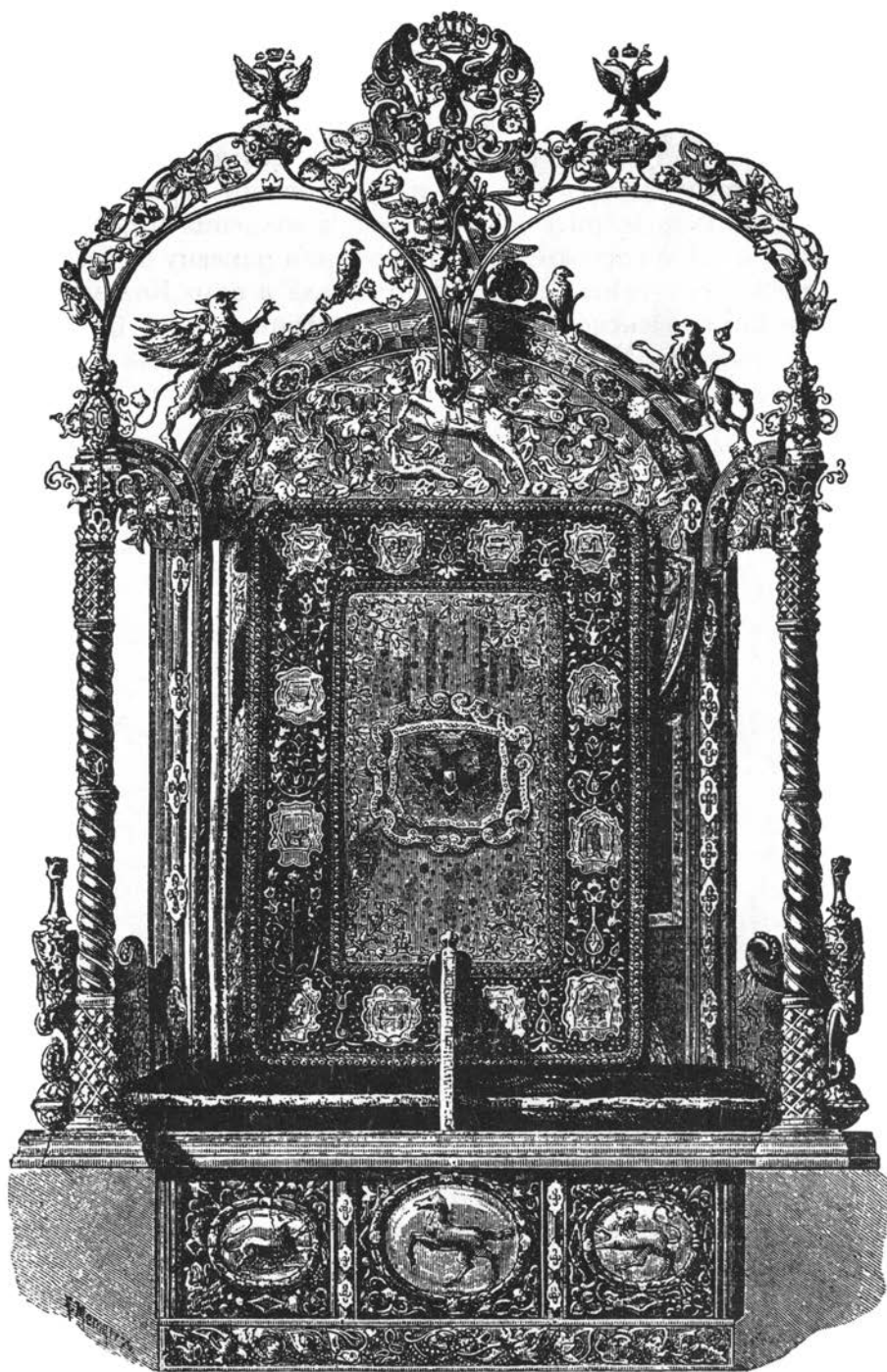
Золотая решетка в теремах.

В 1686 году было окончено строительство церкви во имя святителя Алексия в Чудовом монастыре по чертежу, данному Феодором Алексеевичем. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи собственными руками перенесли мощи святителя Алексия из храма Михаила Архангела во вновь построенную церковь, где они стоят и ныне. Царевна Софья участвовала, вопреки обычаю, в этом торжественном шествии. При большом звоне во все колокола правительница вышла

с обоими царями из дворца и прошла с ними в Чудов монастырь. Здесь она во время службы стояла рядом с ними, а когда цари вместе с патриархом понесли угодника, она одна из всего царского семейства следовала за ними. С этих пор она не пропускала уже ни одного торжества или крестного хода, чтобы показаться народу. Этим она старалась достичь того, чтобы все привыкли смотреть на нее, как на свою царицу и самодержицу.

Памятником в Москве правления царевны Софьи был Каменный мост через Москву-реку, считавшийся чудом нашей столицы наравне с Иваном Великим. До этого времени Замоскворечье соединялось с Кремлем и Белым городом посредством так называемых «живых мостов», которые были составлены из плотов и разводились в половодье. Мы видели, что Михаил Феодорович для постройки постоянного каменного моста вызвал из-за границы инженера Ягана Кристлера, который сделал модель этого моста и начал его постройку. Но она остановилась в связи со смертью царя и возобновилась лишь при Софье Алексеевне и продолжалась пять лет, с 1682 по 1687 год. Строителем моста был какой-то монах, имя которого, к сожалению, остается неизвестным. Вбивали дубовые сваи в русло реки и, настлав их брусьями, выводили на них каменные сооружения. Постройки стоили так дорого, что тогда сложилась поговорка: «дороже каменного моста». На левом берегу реки с двух сторон к этому мосту, называвшемуся Всесвятским, примыкали вторая кремлевская стена и стена Белого города, сходящиеся у Всесвятской стрельницы с проезжими воротами. У отводных его быков были пристроены водяные мукомольные мельницы с плотинами. На самом мосту стояли палаты Предтеченского монастыря, еще четыре небольшие палатки и деревянные лавки. На южном конце моста были ворота и палаты, над которыми возвышались два шатровые верха, увенчанные двуглавыми орлами. Под ними находились галереи, из которых деревянный сход вел на набережную к Царицыну лугу и Берсеневке. Здесь находились каменномошские бани.

Правление царя-девицы было смутно. Оно, как известно, началось буйством раскольников, которые, опираясь на сочувствовавшего им нового начальника Стрелецкого приказа князя Хованского и старообрядческую часть мятежного войска, под предлогом прений о вере с патриархом и всем Священным Собором совершили буйство не только на Красной площади, но и в самой Грановитой палате, несмотря на присутствие здесь правительницы и обоих царей. Торжествовавшие раскольники праздновали свою мнимую победу и при колокольном звоне торжественно служили благодар-

Трон царей Иоанна и Петра Алексеевичей.

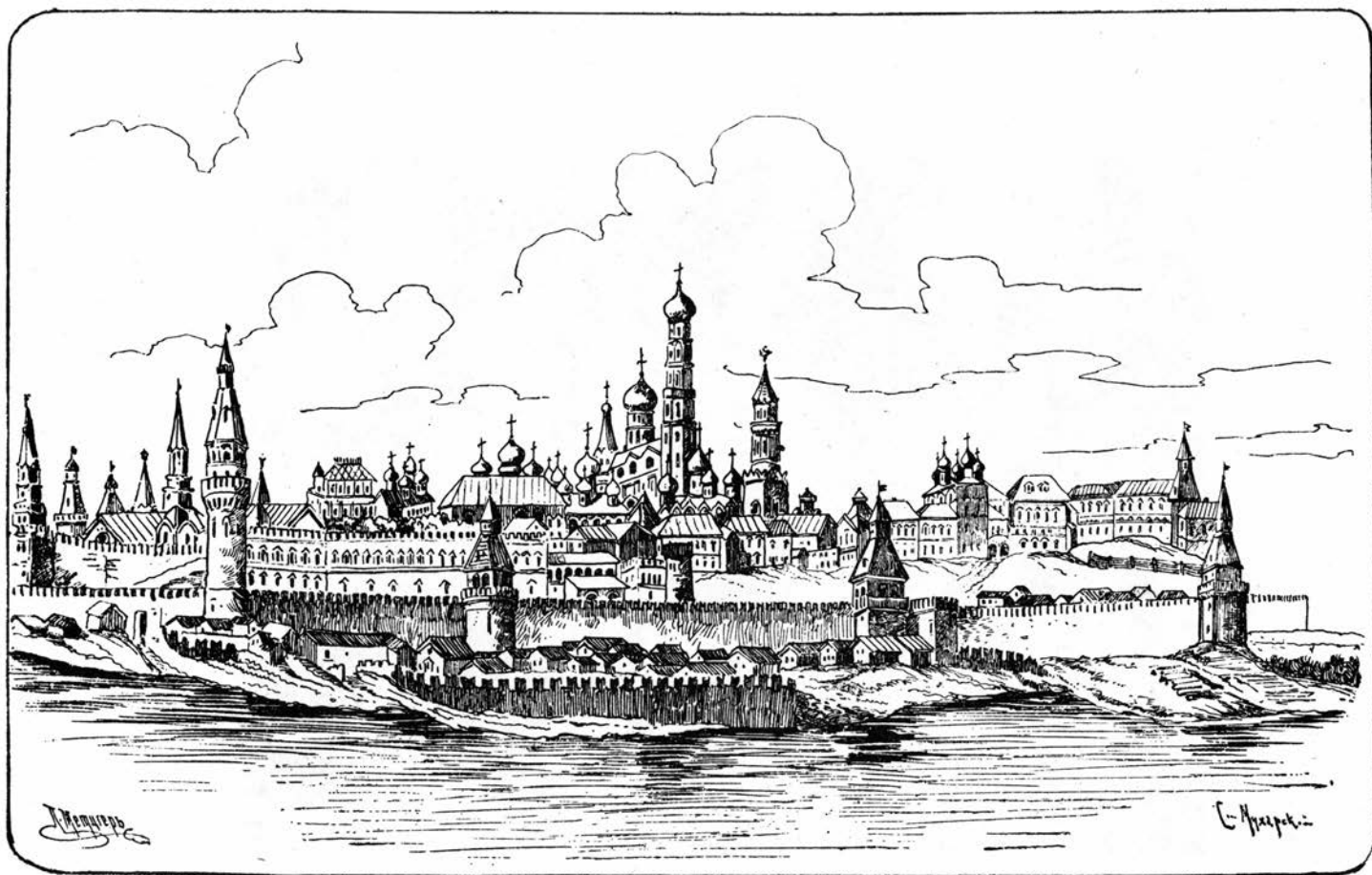
ственный молебен в церкви Спаса в Чигасах. Но скоро они по приказанию царевны были схвачены, и Москва видела, как казнили на Красной площади их вожака Никиту Пустосвята.

Поддерживавший раскольников и мутивший стрельцов князь Хованский стал подозрителен для двора, а волнения среди стрельцов все росли. Эти обстоятельства принудили царевну со всем царским семейством уехать из Москвы сначала в село Коломенское, а затем в Воздвиженское близ Троицы. Обвиненный в цареубийственных замыслах Хованский с сыном был вызван туда и казнен.

Князь В. В. Голицын.

Стрельцы было захватили Кремль и готовились к вооруженному сопротивлению, но когда Софья созвала к Троице служилых людей для защиты царской семьи, стрельцы одумались и принесли через своих выборных повинную. Царевна-правительница отправила часть стрелецких полков в Киев и приказала снять поставленный на Красной площади столб, на котором было написано оправдание мятежных действий стрельцов 15, 16 и 17 мая. Начальником Стрелецкого приказа был назначен думный дьяк Федор Шакловитый, ставший опасным орудием Софьи против ее брата Петра.

Кремль в XVII векс. По иностранной гравюре.

Было очевидно, что Софья Алексеевна из временной регентши стремилась стать царицей, хотя ее правление и не было благословлено успехами и сопровождалось много раз неудачами, в том числе

Портрет царевны Софьи. *Со старинной гравюры.*

неудачи двух походов ее любимца князя В. В. Голицына в Крым, за который он, впрочем, был осыпан милостями царевны. Она не только принимала послов, решала государственные дела и писала грамоты от своего имени и своих братьев, но и называла себя самодержицей.

Памятником этих ее стремлений остаются ее портреты, на которых она изображается в короне, со скипетром и державой в руках и во всем царском облачении, каким является приведенное нами ее изображение на императорском орле. Ее портрет был выгравирован вызванным из Чернигова мастером Тарасевичем, который, как говорилось тогда, «умел печатать парсоны». Названный Тарасевич занялся этим делом в загородном доме Шакловитого, на Девичьем поле. Царевна была вырезана в царской короне, с державой и скипетром в руках и в царской одежде. Вокруг нее длинный и подробный титул с наименованием ее самодержицей всяя Ру-

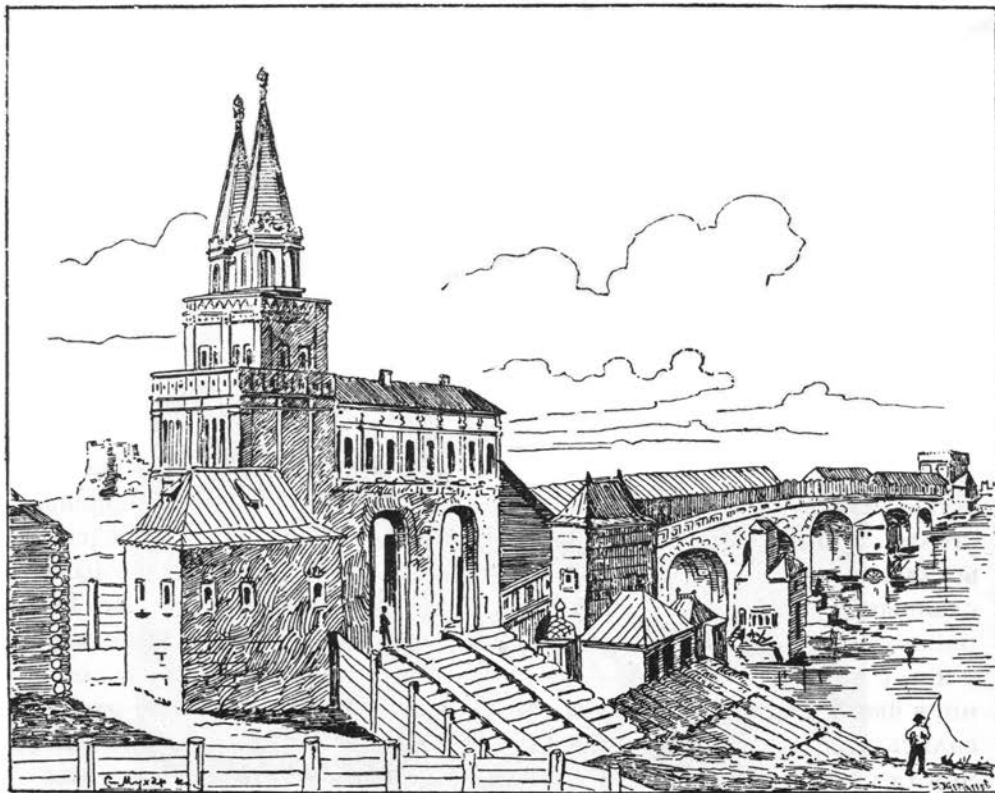
Почерк царевны Софьи.

си; далее были сделаны аллегорические изображения семи даров Духа, или добродетелей правительницы. Внизу были помещены стихи ученика Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева, восхвалявшие мудрость Софьи и сравнивавшие ее с различными славными царицами древнего мира. На другой доске тот же Тарасевич вырезал св. Феодора Стратилата с воинскими доспехами у ног, с литавами, знаменами, копьями и другим оружием, вероятно, в честь Феодора Алексеевича. Оттиски с этих портретов раздавались многим лицам, а один был послан в Голландию для печатания там, но с подписями и виршами на латинском и немецком языках. Более сотни экземпляров этого портрета были присланы из Голландии в Москву.

Вообще в это время в Москве начинает прививаться гравирование. Так, в 1685 году была выпущена у нас иллюстрированная «Комедия-притча о блудном сыне». Одновременно с этим образовалась особенная ветвь гравирования — так называемые лубочные картины, которые вырезались на деревянных досках. Народ охотно украшал стены своих домов лубочными картинами. Они печатались у Троицы на Листах и в приходе Успения в Печатниках, а продавались у Спасских и Варварских ворот и на крестцах. Патриарх Иоаким запрещал печатать иконы на лубочных листах, потому что под

влиянием иностранцев появились отпечатки икон «наподобие лиц немецких и в своестранских одеждах».

Софья Алексеевна очень любила садоводство и в кремлевских садах заводила редкие тропические растения. Она любила также театральные представления. Карамзин в «Пантеоне российских авто-

Каменный мост в Москве в XVII веке.

ров» говорит, что Софья занималась литературой: писала трагедии и сама играла их в кругу своих приближенных. А. Шаховской, на основании семейных преданий, уверял, что она написала духовную драму «Екатерина великомученица», которая ставилась у нее в терему. Петр отроком присутствовал будто на театральных представлениях своей сестры. Вообще Софья Алексеевна проявляла значительное образование, начало которому было положено ее учителем Симеоном Полоцким.

Но дни ее владычества были сочтены: в селе Преображенском росла, в лице ее брата, страшная гроза для похитительницы власти.

Ко времени Петра I Москва вполне выработала свой тип и создала свою своеобразную физиономию, которая, несмотря на все последующие воздействия на нее, отличает ее не только от ино-

Боголюбская часовня у Варварских ворот.

странных столиц, но и от новых городов самой России, начиная с Петербурга.

Обозренные нами эпохи создали из Москвы столицу Русского царства и средоточие нашего православия, государственно-церковный и вместе народный центр. Это давало и самой ее внешности и всей ее жизни особый национально-самобытный характер. Как престол и жилище русских царей, она была, соответственно

своему времени, блестяще и великолепно обстроена, особенно в своем сердце Кремле, с Китай-городом, и в Белом городе. При тесном у нас союзе государства с Церковью, Москва, будучи резиденцией первосвященника Всероссийской Церкви, представляла со-

Старинная серебряная посуда.

бою столицу русского православия. Религиозное усердие царей, боярства и самого народа создали в Москве столько храмов, сколько нельзя найти ни в одном городе на свете. В Бозе почивший государь Александр Александрович, смотря на Москву с высоты Кремля, с глубокой меткостью суждения, как мы говорили прежде, ска-

зал: «Москва — это храм России, а Кремль — это его алтарь». Действительно, то, что прежде всего поражает в Москве, это кажущееся несчетным число глав ее храмов и поразительный звон колоколов этого, по выражению народному, «Златоглавого» города... Кажется, Москва готова была сделаться храмовыми святыми, минеями-четьими, кои читаются не в книгах, а в ее церквах, посвященных не только всем двенадцатым праздникам, но и огромному числу святых, память коих празднуется в будни. Чуть не в каждый день целого года в допетровской Руси, в Москве, то в том, то в другом

Печать Петра Великого.

конце ее, слышался красный звон храмового праздника. Величественна была обстановка царской жизни с множеством дворцов не в одном Кремле, а и в разных частях города, с громадным двором, с великолепными царскими выходами. Все это, в связи с другими особенностями нашей жизни, налагало на быт москвичей свой особый отпечаток.

Но Москву и при этом ее своеобразии нельзя винить в безусловной национальной замкнутости по отношению к иностранцам, в отчуждении от просвещения, развивавшегося на Западе. Ведь Москва в своей Заиконоспасской академии еще до Петра создала уже, на

основании начал возрождения наук и искусств, высшее училище, начинала допускать у себя влияние не одной техники, а и западно-европейского искусства, до театрального включительно. Об усвоении иностранной техники и говорить нечего; Москва завела у себя западно-европейский военный строй, устраивала уже пушечно-литейные и стеклянные заводы, выделку своего оружия, сахароварение, ботанические сады и т. д. Она готова была и на дальнейшее заимствование всего полезного от иностранцев, но только желала это делать не вдруг, а постепенно, не огулом, а с разбором, так, чтобы это не нарушало народного органического творчества, не мешало бы развитию нашего национально-культурного типа, чтобы основы жизни оставались прежними.

Но под Москвой, на вольном воздухе села Преображенского, вырастал тот, кто развенчает Москву, кто перенесет из нее местопребывание царей на берег Варяжского моря, вместе со средоточием государственного церковного управления, кто прорубит там окно в Западную Европу для широких заимствований оттуда, кто обрежет в Москве русские бороды и длинные старорусские полы и рукава одежд и заставит нас жить и действовать на западно-европейский лад.

XIV

Москва при Петре I

царствованием Петра I начавшаяся новая эпоха в истории России отразилась на нашей Москве множеством глубоких внешних и внутренних перемен.

Но примечательно, что Москва сама приготовила преобразователю России многие элементы его западничества: она представила ему уже в самом Кремле зачатки западных обычаев и образования, в Немецкой слободе — иностранных инструкторов; на маленьких прудах в Кремле, где пущены были первые потешные кораблики, и на Яузе, где был спущен английский ботик, воспитала в юном царе стремление к морю, а на Сухаревой башне дала даже первое адмиралтейство...

Опальный при Феодоре Алексеевиче и Софье царевич, а затем и царь, не мог получить хорошего учителя, вроде учившего его старших братьев и сестер и владевшего значительным образованием Симеона Полоцкого, а должен был довольствоваться учителем простой грамоты — дьяком Зотовым. Мало того, царица Наталья Кирилловна со своим царственным сыном должна была покинуть Кремлевский дворец и проживать в селе Преображенском, двор коего мало кем посещался и часто зарастал травой. Здесь трудно было

поддерживать не только тот этикет, который господствовал в Кремлевском дворце, но и простой порядок... Одаренному живою, кипучей природой царственному отроку Петру трудно было усидеть в унылом Преображенском дворце, а удержать его там было некому. И вот он начинает пользоваться свободой,— не только бегать в окрестностях Преображенского, но и заводить знакомства

Петр в юности. С иностранного портрета.

с кем придется. Эта свобода движений на чистом воздухе была, конечно, полезна в физическом отношении, но она могла стать вредною в нравственном и умственном. Но Провидение, бодрствующее над Россией, обратило к пользе России эти несчастливые обстоятельства отрочества и юности Петра. Отыскивая выход своей

энергии, он затевал непрерывные игры и, томимый любознательностью, сам находил себе учителей.

Село Преображенское на северо-восточной стороне Москвы, направо от Сокольничьего леса, может быть названо местом воспитания Петра I, колыбелью его преобразований, родиной императорской гвардии, начиная с ее Преображенского полка. Недаром здесь в 1883 году в дни св. коронавания императора Александра III, праздновалось двухсотлетие существования двух старейших полков нашей гвардии.

Гвардейцы Петра I.

К сожалению, здесь не сохранился ни дворец, построенный еще при Алексее Михайловиче, ни деревянная церковь Свв. Петра и Павла, построенная преобразователем России. Здесь-то Петр собирал вокруг себя сверстников — детей боярских и даже служительских сыновей и обучал их новому солдатскому строю. Первым солдатом Преображенской роты считался придворный конюх Сергей Бухвостов. Здесь Петр с помощью иностранных инструкторов из Немецкой слободы производил правильные ученья своим потешным ротам, и сам прилежно упражнялся с ними, строил земляные укрепления и брал их приступом. Как в Преображенском возникли пре-

Знамя Преображенского полка.

образования нашего войска и самая русская гвардия, так здесь же зародился и наш флот. Найденный в селе Измайлове среди вещей боярина Никиты Романова английский ботик был спущен на Яузу вблизи Преображенского. Воспроизводим дальше этот начальный момент в истории нашего флота с рисунка художника М. В. Нестерова.

Для обучения своих потешных рот, преображенской и семеновской, и спуска ботика на Яузу, пришлось Петру обращаться за инструкторами в Немецкую слободу, где царь Алексей Михайлович поселил всех ино-

странцев, находившихся на московской службе. При Петре она великолепно обстроилась, но при Алексее Михайловиче, как видно на рисунке барона Мейерберга, она была далеко не так внушительна. Тут жили офицеры, разные техники, врачи, ремесленники, купцы, и было несколько киров и костелов, господствовали пестрые заграничные нравы, совсем не схожие с обычаями Москвы. Жившие здесь голландцы, немцы, англичане, швейцарцы и т. д. владели, конечно, не Бог знает каким образованием, но все же это был на Востоке кусочек культурного Запада Европы. В Немецкой слободе, в лице ее наиболее серьезного представителя, шотландца генерала Гордона, Петр нашел себе учителя военного искусства, в Тиммермане — математики и фортификации, в голландце Бранте — учителя морского дела, а во Франце Лефорте — того друга, который освоил его с обычаями Запада и зажег любовь к нему. Правда, все эти инструкторы едва ли годятся теперь для наших, средней руки, училищ, но гениальный ученик извлекал и из них много для себя пользы, обучившись у них военному делу во всех его отраслях, до артиллерии, осады крепостей, управления кораблями и построике их включительно. Вместе с тем Петр, часто проводя время в беседах или пирушках с обитателями Немецкой слободы, сживался со всеми ее хорошими и плохими обычаями и переставал походить в своей жизни, наружности и одежде не только на тех русских, кои строго держались своих обычаев, но и на тех, кто усвоил себе немало ино-

странного. Одним словом, Немецкая слобода стала для Петра первой станцией на пути его на Запад... Воспроизводим со старинной гравюры вид этой слободы.

Софья Алексеевна думала, что маневры и ученье с потешными солдатами, потехи на воде и пирушки в Немецкой слободе только отвлекают Петра от правления государством. Но она ошиблась: Петр обратил свои потехи в серьезную науку и в настоящее дело, быстро зрел для того, чтобы взять в свои руки бразды правления.

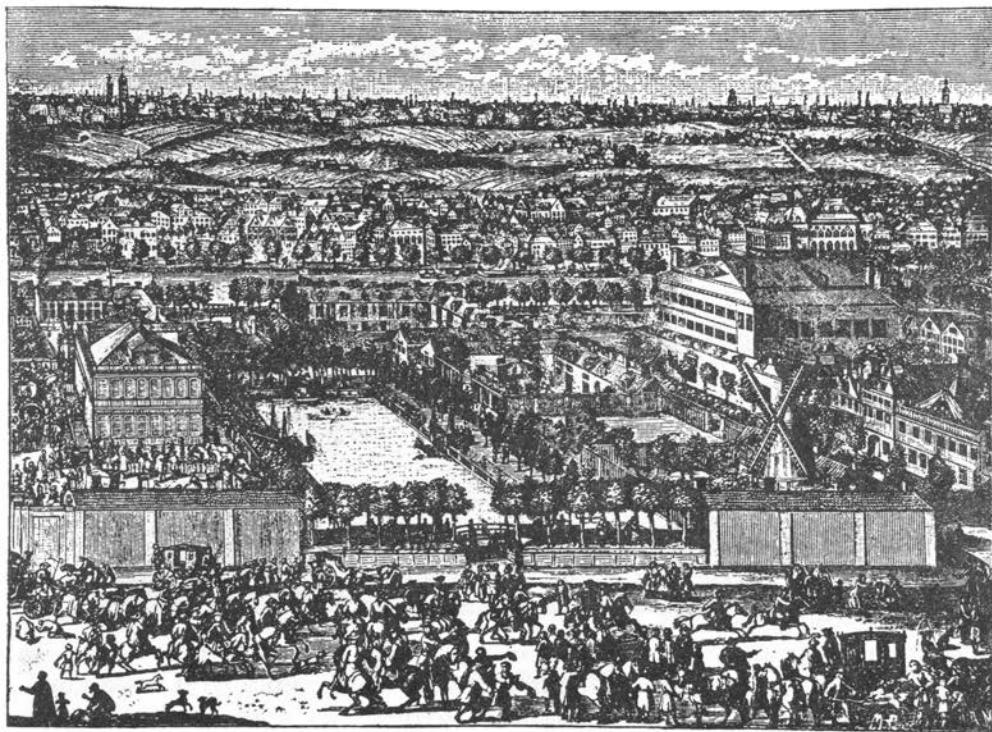
Приезжая в Москву на разные торжества, в коих должны были участвовать оба царя, Петр I, видя властолюбивые стремления се-

Измайловский ботик.

стры своей, стал давать ей чувствовать гнев свой, например, не приняв ее любимца, князя В. В. Голицына, по его возвращении из Крымского похода. Через 7 лет после своего воцарения Петр вступил даже в открытое столкновение с сестрою. 8 июля, в день Казанской Богоматери, оба царя были на обеде в Успенском соборе и должны были идти в крестном ходу в Казанский собор. Петр сказал Софье, чтобы она не ходила в этот крестный ход, но она не послушалась и взяла икону «О Тебе радуется», и пошла за крестами и хоругвями. Царь, крайне разгневанный этим, ушел в Архангельский собор, а отсюда уехал в Преображенское; Софья поняла, что ей предстоит борьба, и решила не уступать. Накануне Смоленской

Божией Матери она отправилась в Новодевичий монастырь ко всемогущей. Ее сопровождали пятисотенники и пятидесятники всех стрелецких полков. По окончании службы она стала жаловаться им, что царица Наталья Кирилловна затевает на нее зло, и прибавила: «Годны ли вы нам? Буде годны, то вы за нас постоите, а буде не годны, мы оставим государство». Стрельцы отвечали, что готовы исполнить ее приказание. «Ждите повестки», — сказала Софья.

Немецкая слобода в Москве.

7 августа Шакловитый, начальник Стрелецкого приказа, собрал стрельцов в Кремль, чтобы отсюда вести их на Преображенское, поджечь его и убить Петра с его семейством. Но семеро стрельцов решились известить об этом Петра. Двое из них, Мельнов и Ладогин, около полуночи разбудили его страшною вестью. Петр вскочил с постели, не одетый сел на коня и ускорил в ближайший лес, куда принесли ему одежду. Отсюда со страшною быстротою уехал он в Троицкую лавру, куда прибыл в таком изнеможении, что его

сняли с коня и положили в постель. Сюда прибыло царское семейство, стали собираться служилые люди и прибыл оставшийся верным Петру стрелецкий полк Лаврентия Сухарева. В честь этого полка царь построил Сухареву башню у Сретенских ворот Земляного города, где полк имел свое пребывание; его полковою церковью был храм Св. Троицы на Листах. Следующая летопись о построении сего памятника высечена на двух каменных досках, встав-

Гордон.

ленных над воротами с южной стороны: «Повелением благочестивейших, тишайших, самодержавнейших великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцев, по стрелецкому приказу, при сиденьи в том приказе Ивана Борисовича Троекурова, построены во втором стрелецком полку, по Земляному городу, Сретенския ворота, а над теми вороты палаты и шатер с часами, да каменный амбар, а позади ворот, к Новой Мещанской слободе часовня с кельями к Николаевскому монастырю, что на Перерве; а начато то строение строить в лето 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), а в то время будущаго у того полка стольника полковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева». Таким образом, в 1695 го-

ду Сухаревой башне исполнилось ровно двести лет. Другим памятником в Москве этого доблестного полка являются хранящиеся в Оружейной палате два знамени его. На одном из них изображен Всемиловитый Спас с припавшими к Его стопам св. Николаем и преп. Сергием, и образ Знамения с четырьмя московскими свяителями; на другой — Покров Богородицы. Вышина Сухаревой башни 30 саженей. С нею связано много любопытных преданий Пе-

Франц Тиммерман.

тровского времени. Здесь часто бывал Петр для совещания со своими сотрудниками и поместил колыбель Русского флота — адмиралтейское управление и первую навигацкую (мореходную) школу, родоначальницу высшего морского училища в Петербурге. На Сухаревой башне находилась обсерватория, с коей по поручению Петра наблюдали солнечное затмение и делали с него рисунок. Сюда был перенесен с Ивановской колокольни громадный глобус, подаренный Голландскими штатами царю Алексею Михайловичу. Здесь жил знаменитый ученый и составитель прославленного календаря Яков Брюс, которого народ считал чернокнижником.

В рапирной (фехтовальной) зале Сухаревой башни, по преда-

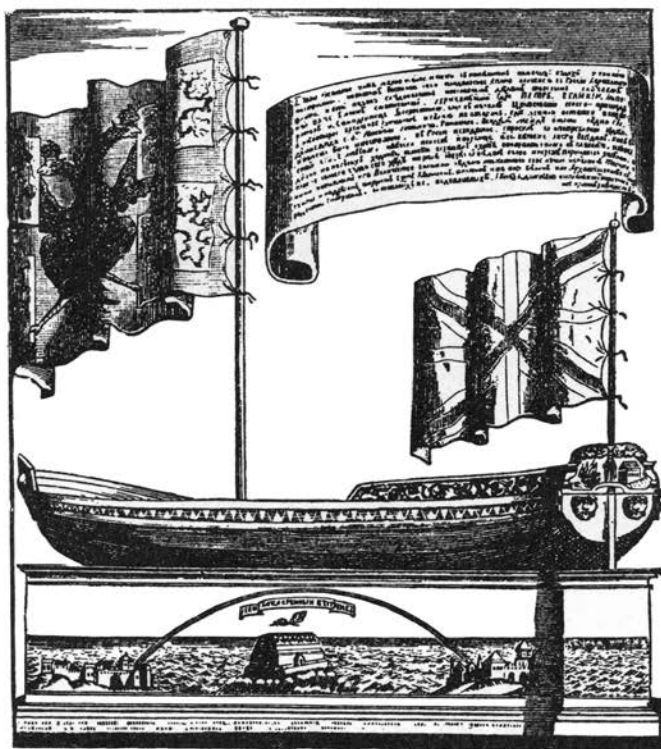

Francis Le Fort

Франц Лефорт.

нию, происходили тайные заседания какого-то Нептунова общества, очевидно, имевшего мореходные цели; там председательствовал Лефорт, портрет коего воспроизводим со старинного оригинала. Сам царь был первым надзирателем, а архиепископ Феофан Прокопович оратором этого общества. Первый адмирал флота Апраксин, а также Брюс, Фергюсон (Фармазон), князь Черкасский,

Голицын, Меншиков, Шереметев и другие близкие к государю люди были членами этого общества, похожего на масонское. История и предание скрыли от нас происхождение и цель этой тайной думы; но в народе долго ходила молва, будто на башне хранилась черная книга, которую сторожили 12 духов и которая была заложена в стену и заколочена алтынными гвоздями. По другому преданию в восточную стену рапирной залы была замурована чугунная доска

Ботик Петра Великого.

с правилами и именами членов Нептунова общества. Одним из учителей мореходной школы на Сухаревой башне был Леонтий Магницкий, составивший арифметику, напечатанную изобретенным Петром новым гражданским шрифтом и арабскими цифрами. Русский математик придает особое значение своему труду и выражается о нем в стихах:

Зане разум весь собрал и чин
Природный русский, не немчин *

В Сухаревой башне происходили и театральные представления. Здесь же хранился маскарадный кораблик с восемью медными пушечками, который возили в торжественных процессиях по Москве то на санях, то на колесах.

Но возвратимся назад.

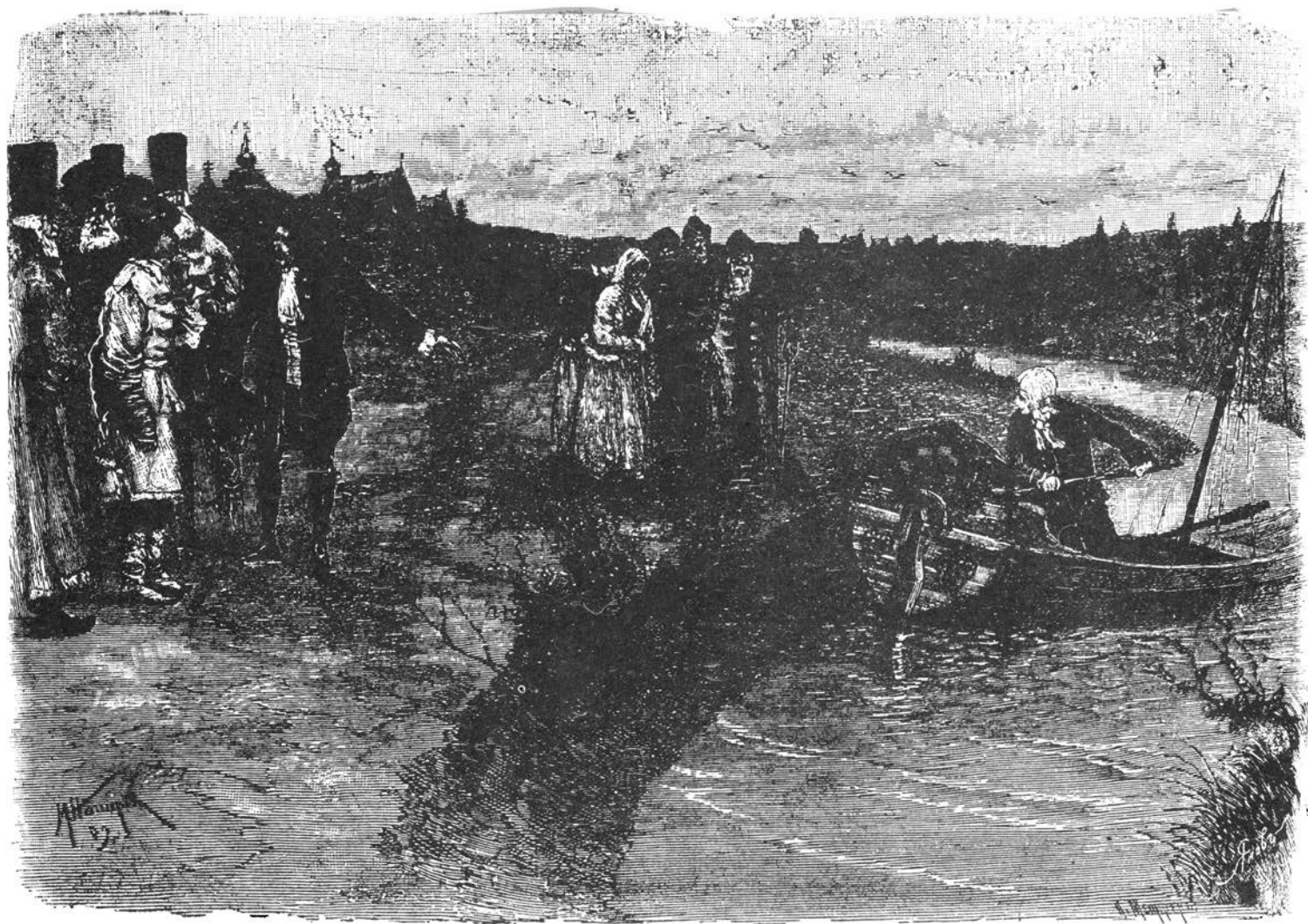
На другой же день по своем приезде в Троицкую лавру Петр послал к Софье запрос, для чего был сделан ночью 7 августа сбор стрельцов в Кремле. Ответ был получен — «для богомолья царевны». Тогда государь потребовал к себе из Москвы полковника Циклера и 50 стрельцов. Он с товарищами и многими другими лицами открыл замыслы царевны и стрельцам наказы. Видя, что к Петру стекается все более народа, Софья думала помириться с братом при помощи посланного к Троице патриарха. Но он, прочитав показания об умыслах царевны, перешел на сторону Петра. Когда же в Москве были получены его грамоты стрельцам и народу идти к Троице на защиту царя, а ряды приверженцев царевны все редели, тогда она сама решила ехать к брату, но перед Троицей, в селе Воздвиженском, получила приказ не ехать туда, иначе «с нею нечестно поступлено будет». Когда она возвратилась в Москву, к ней пришло требование выдать Шакловитого, монаха Сильвестра Медведева и их сообщников. Шакловитый с некоторыми стрельцами был казнен. Медведев же был сначала посажен в заключение и только впоследствии, когда явились новые против него улики, был казнен; князь В. В. Голицын отправлен в заточение; сама Софья Алексеевна заключена в Новодевичий монастырь, где впоследствии была насильственно пострижена, под именем Сусанны.

С 1689 года начинается правление Петра, в которое не вмешивается его слабый брат Иоанн, умерший двести лет тому назад, в 1696 году. В течение шести недель над его гробом в Архангельском соборе денно и нощно стояли бояре, окольные, думные люди, стольники и т. д.

Но молодой царь еще мало занимался государственными делами, продолжая предаваться своим сухопутным и водяным учебным потехам.

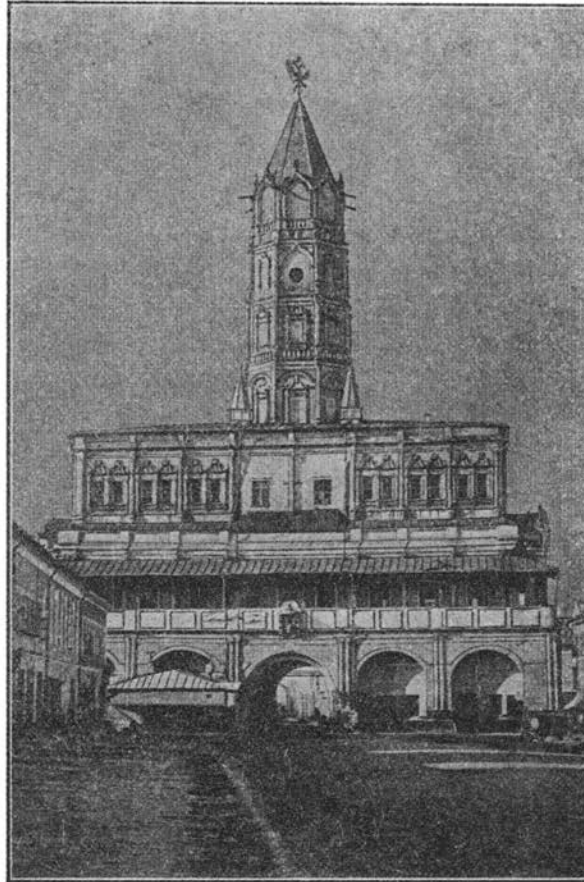
Еще летом 1684 года, когда царю было всего 12 лет, он недалеко

* «Много немцы, — писал Посошков, — умнее нас науками, а наши остротою ума не хуже их; они ругают нас напрасно».

Спуск ботика на Язу.

от отцовского двора, в Преображенском, построил потешную крепостцу, которая была названа Пресбургом, или Прешпуром. Петр с заступом в руках сам работал над этим укреплением и втаскивал на него пушки. Здесь были башни, светлицы с часами, бившими

Сухарева башня.

перечасье, и столовая, где обедали. Крепостца была предметом воинских упражнений: потешные преображенцы и семеновцы брали ее приступом. Недалеко от потешного городка Яуза была запружена, и там стояла мельница. Здесь в 1686 году были спущены небольшие суда — карбусы и лодки, на которых плавали по Яузе в Немецкую слободу. В 1688 году, как рассказывал сам Петр, в Из-

майлове, в старых амбарах боярина Никиты Романова, был найден английский ботик, который при содействии учителя фортификации Франца Тиммермана тогда же был отдан в починку мастеру Карштену Бранту. Ботик был спущен на Язу, но он по узости ее тол-

Яков Брюс

Яков Брюс.

кался в берега и после того спущен был на Просяное озеро в Измайлове. Когда Петру пошел семнадцатый год, царица Наталья Кирилловна женила его на боярышне, дочери окольного, Евдокии Феодоровне Лопухиной. Старше Петра на три года, она была воспитана в отеческих обычаях и отличалась смиренным характером и на-

божностью. Свадьба совершилась скромно 27 января 1689 года; небольшое число приглашенных было поражено красотой новобрачных. Петр с его богатырским сложением, с огненно-черными глазами, с черными вьющимися волосами, являлся уже олицетворением красоты и силы. Но, к несчастью, он не любил своей жены. Женильба не уменьшила страсти Петра к излюбленным его воинским потехам: потешные походы и маневры делаются все чаще. 6 августа 1690 года царь устроил на полях Преображенских примерное сражение

Портрет Иоанна Алексеевича.

между потешными полками и стрельцами; последние были побиты народившеюся гвардией — преображенцами и семеновцами. 4 сентября здесь происходила новая битва, генерал Гордон говорит о ней: «Мы бились партиями и целыми корпусами до темной ночи и с такою запальчивостью, что многие были ранены и обожжены порохом». Сам Гордон был ранен в ногу. В следующем 1691 году опять было сражение. И сам Петр писал о нем: «И тот бой ровнялся судному дню». Ближний стольник князь И. Д. Долгоруков «от тяжкия своей раны, паче же изволением Божиим, переселился в вечны кровы, по чину Адамову». На штурме полкового двора, в селе

Семеновском, бросая гранаты, царь сильно опалил себе лицо. Но частых фейерверков и примерных сражений для Петра было мало. Он сам строит ботики и яхты, едет на них с потешными и стрельцами по Москве-реке на Угрешу, отправляется на Переяславское озеро, где устраивает целую флотилию. Наконец, под предлогом богомоля в Соловках, едет в Архангельское и, вопреки запрету матери, плавает на настоящих кораблях, по настоящему морю.

всѣмъ любезнѣйшѣй паче живота тѣлеснаго дражайшей-моей матушкѣ, государыне-царицѣ и великой княгинѣ Наталиѣ Кириловнѣ. Сынишка твой, в работѣ пребывающій, Петрушка, благословения прошу и о твоѣмъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа (апреля), и суды все, кроме большого корабля, в отелке; только за канатами станетъ; и о томъ милости прошу, чтобы те канаты, по семи сотъ сажень, изъ пушкарскаго приказа, не мешкая присланы были. А за ними дело станетъ, и житье наше продолжится. По семъ паки благословения прошу. Переяславль. Мѣсяца апрѣля 20. 1689.

Письмо Петра к матери*.

* Это письмо с Переяславского озера говорит следующее: «Вселябзнейшей и паче живота телеснаго дражайшей-моей матушкѣ, государыне-царицѣ и великой княгинѣ Наталиѣ Кириловнѣ. Сынишка твой, в работѣ пребывающій, Петрушка, благословения прошу и о твоѣмъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа (апреля), и суды все, кроме большого корабля, в отелке; только за канатами станетъ; и о томъ милости прошу, чтобы те канаты, по семи сотъ сажень, изъ пушкарскаго приказа, не мешкая присланы были. А за ними дело станетъ, и житье наше продолжится. По семъ паки благословения прошу. Переяславль. Мѣсяца апрѣля 20. 1689».

Все эти занятия отвлекали Петра от матери и жены и вообще от семейной жизни, хотя царь очень обрадовался рождению первого сына, царевича Алексея. Крещение его происходило 23 февраля 1690 года, в Чудовом монастыре. Крестным отцом был патриарх Иоаким, а крестной матерью царевна Татьяна Михайловна. К родильному столу был приглашен и генерал Гордон; но патриарх решительно заявил, что иноземцам при таких случаях быть непри-

Царица Наталья Кирилловна.

лично, и тот должен был оставить дворец; зато на другой день он обедал с Петром за городом. В этом же году скончался и патриарх Иоаким; в своем духовном завещании он просил царей не допускать православных сближаться с иноверцами и не отдавать первых под начальство вторых. В преемники ему был поставлен Адриан, митрополит Казанский.

Посетив Архангельск, Петр думал было основать здесь торговый и военный порт, но уже в 1694 году обратил свои взоры для этой цели на юг, именно на принадлежавший туркам Азов. В следую-

щем году объявлен поход, и на юг отправлено было войско под начальством Лефорта, Гордона и Головина. С ним отправился и сам царь, в чине бомбардира Преображенской роты, под именем Петра Михайлова. Несмотря на то, что он напрягал все свои усилия взять Азов, проводя ночи в траншеях и наводя пушки на осажденный город, предприятие его, по неопытности войска и особенно за отсутствием флота, который обложил бы крепость с моря, окончилось неудачно, — осада была снята. Но Петр решил построить флот на реке Воронеже, где были корабельные леса и жили русские судовщики-

Собственноручная подпись Петра.

строители и куда созваны были годные для дела иностранцы из Москвы и Архангельска. Под руководством самого Петра, взявшегося за циркуль и топор, здесь закипела невиданная работа. Царь писал о ней Стрешневу: «Мы, по приказу Божию к праотцу нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой». Зато к апрелю 1696 года была готова целая эскадра в 30 галер, и она по Дону явилась под стенами Азова. Окруженный и с суши, и с моря город должен был сдаться Петру, не знавшему границ своему восторгу. История Петра в ее важнейших событиях очень подробно представлена в многочисленных, в их честь, медалях. В память построения флота на реке Воронеже была выбита медаль; на лицевой стороне ее изображен был портрет молодого царя, а на оборотной — вновь созданные русские корабли, плывущие по морю под русским флагом. Надпись гласит: «небываемое — бывает». В честь взятия Азова выбита была медаль с портретом царя и с изображением города, блокируемого с суши и с моря; надпись гласит: «Молниями (артиллерийскими) и волнами (корабельными) победитель».

Царь по случаю этого радостного события устроил в Москве никогда не виданное торжество — триумфальное вступление в столицу победоносных русских войск.

Медаль в память первой постройки
кораблей на реке Воронеже.

30-го сентября из села Коломенского двинулось триумфальное шествие. На Всесвятском (каменном) мосту были построены Триумфальные ворота. На правой стороне их была поставлена статуя Марса, бога войны; на щите его сделана надпись: «Марсовою храбростью»; у ног его лежал татарский мурза с двумя татарами; надпись гласила:

Прежде на степях мы ратовались,
Ныне же от Москвы едва бегством спасались.

На левой стороне ворот была поставлена статуя Геркулеса с палицей и веткой, на коей была сделана надпись: «Геркулесовой крепостью». У ног его лежал азовский паша и два турка в цепях. Подписанные здесь стихи говорили:

Ах! Азов мы потеряли
И тем бедств себе достали.

Перед входом в ворота висели парчовые полости с золотыми кистями и с надписями: «победа царя Константина над нечестивым Максентием» и «возврат с победою царя Константина». Внутренность ворот была обтянута шелковой материей, на коей были вытканы русские победы прежних государей, и между ними взятие Казани Иоанном IV. По своду ворот написаны были золотом слова Цезаря: «прийдох, увидех, победих». Со свода спускался лавровый венок. Ворота были увенчаны двуглавым орлом под тремя корона-

ми. На спускавшихся с ворот флагах нарисована была артиллерия и корабли с подписью: «Бог с нами, никтоже на ны» и, «достойн делатель мзды своея».

Около триумфальной арки стояли перевитые зеленью две пирамиды с двумя надписями: «в похвалу прехрабрых воев полевых» и «в похвалу прехрабрых воев морских». От пирамид шли большие картины, изображавшие штурм Азова, морское сражение и бога морей Нептуна, сидящего на морском тритоне с надписью: «се и аз

Взятие Азова. С современной гравюры.

поздравляю со взятъем Азова и вам покоряюсь». Перила моста были увешаны персидскими коврами. Во главе процессии шли государевы певчие, за ними ехали в каретах: думный дьяк, учитель Петра — Никита Моисеич Зотов, боярин Головин и кравчий Кирилл Нарышкин. В открытой триумфальной колеснице, наподобие раковины, окруженный тритонами и наядами, ехал генерал-адмирал Франц Лефорт в белом немецком мундире; перед ним несли новый русский морской флаг: белый, синий и красный. За адмиралом шли 3000 матросов. После ряда карет и колясок, шли полки: Преображенский и Семеновский. Солдаты по земле волокли турецкие знамена и вели связанного пленного турка. Перед преображенцами в мундире капитана шел сам Петр. Когда адмирал подъезжал к Триум-

фальной арке, с них в медную трубу были прочитаны стихи, начинавшиеся словами:

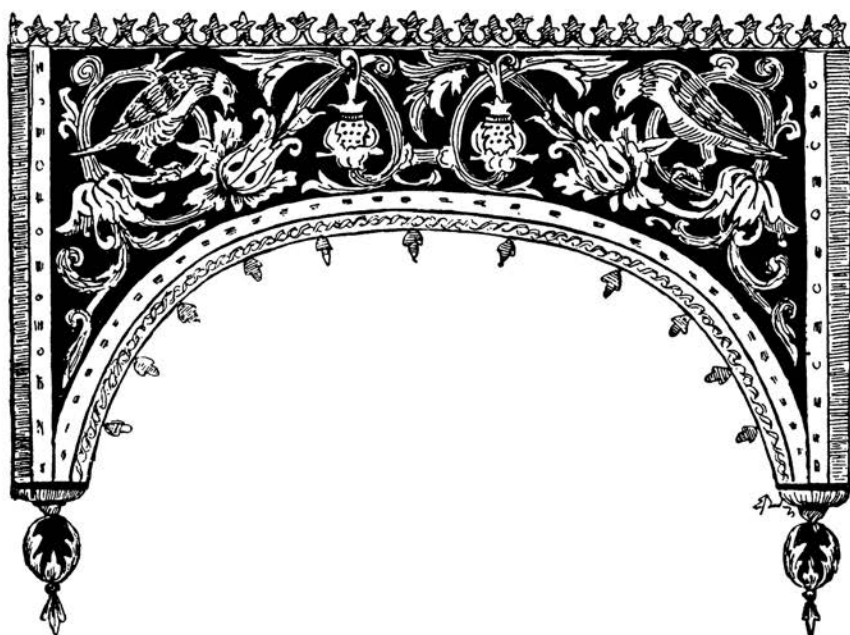
Генерал-адмирал, морских сил всех глава,
Пришел, узрел, победил прегордого врага...

После этого приветствия последовали выстрелы из пушек, поставленных у Триумфальных ворот. Затем загрохотала артиллерия, стоявшая у Бархатного двора, заиграли трубы, забили барабаны, литавры, бубны, раздался колокольный звон по всей Москве. Так Петр праздновал в нашей столице взятие приморского Азова.

Медаль на взятие Азова.

Вслед за описанным триумфальным вступлением в Москву, с войсками, взявшими Азов, у Петра I возник план о создании для России, на счет землевладельцев, большого флота, и в связи с этим явилась мысль о путешествии за границу. Сам царь, во введении к морскому регламенту, так объясняет причины своего путешествия: «Дабы новое дело (строение флота) вечно утвердилось в России, государь умыслил искусство дела того ввести в народ свой и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иныя государства учиться архитектуре и управлению корабельному... И что дивнее всего: монарх не захотел отстать от подданных своих в оном искусстве и сам восприял марш в Голландию».

XV

Москва в эпоху преобразований Петра I

Молодой царь стал снаряжать на Запад невиданное у нас великое посольство. 6 декабря 1696 года думный дьяк объявил царскую волю об этом в Посольском приказе. Во главе посольства были поставлены Лефорт, сибирский наместник боярин Головин и думный дьяк Возницын. Свита их состояла из 200 человек, в числе коих было 30 «волонтеров», отправлявшихся с целью изучения морского дела. Десятником во втором их десятке был дворянин Петр Михайлов, т. е.

сам государь. На целых полтора года он покинул Москву и Россию. Такое отсутствие, как и временное регентство, составляли нечто невиданное и неслыханное на Руси. Мы не станем описывать путешествие Петра за границы, по Германии, Голландии, Англии и Австрии, не будем пересказывать, как он изучал там военное, а особенно морское дело и разные отрасли техники, чтобы все это пересадить в свою Россию, вместе с западно-европейскими обычая-

Учебная печать
Петра

ми и некоторыми новыми образовательными и правительственными учреждениями. Что цель великого посольства и самого путешествия царя была учебная,—это показывает печать, которую он запечатывал свои письма в Москву. На приводимой здесь этой достопамятной печати был изображен молодой плотник, окруженный корабельными инструментами и военными орудиями, с выразительной надписью: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую».

Но это путешествие царя за границу, укреплявшее его планы о преобразованиях в России на западный лад, неожиданно закончено было в Вене, откуда предполагалась поездка еще в Италию, потому что получены были тревожные вести о новом стрелецком бунте, который привел к уничтожению стрелецкого войска, существовавшего у нас со времен Иоанна IV.

Царь возвратился в Москву 25 августа 1698 года и отправился не в Кремль, а в село Преображенское, и в тот же день побывал в Немецкой слободе. На другой день, рано утром, в Преображенский дворец бояре пришли поклониться государю. Он ласково приветствовал, обнимал и целовал их и рассказывал о своем заграничном путешествии. Но на этом же приеме сразу показал всем, что начинает эру преобразований России, и именно с внешности бояр. К неопisanному их изумлению, он собственноручно обстригал им ножницами бороды. Сначала он остриг генералиссимуса Шеина, потом кесаря Ромодановского, а затем и других вельмож. Пощажены были только бороды у боярина Стрешнева и князя Черкасского... Это было началом преобразований, которые столь многое изменили на Руси и так много дали ей нового. Но систематическое их проведение останавливается сначала страшным розыском, по упомянутому стрелецкому бунту, а потом приготовлениями к Великой Северной войне со Швецией, ради возвращения России Балтийских берегов.

Москва не без ужаса увидела развязку последнего стрелецкого бунта. Еще до отъезда царя был раскрыт заговор на его жизнь стрелецкого полковника Циклера, Алексея Соковнина, сочувствовавшего раскольникам, и Федора Пушкина, не хотевшего посылать своих сыновей за границу. Казнь их совершилась 4 марта 1697 года в Преображенском, причем тело дяди царевны Софьи, Ивана Милославского, было выкопано из могилы и привезено туда на свиньях. Гроб его был поставлен у плах казнимых, и, когда им секли го-

ловы, кровь их лилась на труп Милославского. Гнев Петра отразился на стрелецком войске: тотчас после этого стрельцы были сняты с дворцовых и кремлевских караулов и вместо них поставлены служилые люди, преображенские и семеновские солдаты. После взятия Азова часть стрельцов была отправлена на южные границы для их охраны, другие же — на польско-литовскую окраину. Стрельцы были сильно недово-

льны этим, как и устанавливавшимся в Москве порядками, особенно новыми войсками и подъемом значения здесь иностранцев. Среди волновавшихся на западе стрельцов пошли злонамеренные толки, что государя за морем не стало, а сына его Алексея Петровича хотят удушить бояре; только и думы было у стрельцов — идти к Москве, бояр перебить, Кукуй с немцами разорить и т. д. Со всем этим сплетались сношения с заключенной в Новодевичьем монастыре царевной Софьей. Стрельцы двинулись на Москву. Но Гордон, Шеин и князь Кольцо-Мосальский пошли против них с войсками, и они были разбиты под Новым Иерусалимом. По распоряжению временного правительства 56 стрельцов были казнены. Но возвратившийся в Москву Петр остался этим недоволен, главным образом потому, что сделанный розыск не раскрыл участия в этом мятежном деле руки Софьи. Около середины сентября 1698 года, под личным наблюдением государя, начался в Преображенском новый, более строгий розыск. Суровые и при Алексее Михайловиче розыски сделались теперь грозными. В Преображенском работало до 14 застенков. Патриарх Адриан для смягчения гнева Петра отправился туда с иконой Богоматери. Государь, увидев патриарха, сказал ему: «К чему эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Уходи скорее и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших». Не станем описывать известные под-

робности беспощадного наказания стрельцов. Достаточно сказать, что число казненных в сентябре и октябре доходило до тысячи. Трупы казненных долгое время оставались на местах казней. Немало стрельцов повешено было под окнами кельи царевны Софьи в Новодевичьем монастыре с челобитными в руках. Известно, что она содержалась здесь под строгим присмотром до своей смерти в 1704 году и была погребена здесь. Ее могли навещать сестры толь-

Старорусский боярин.

ко в Светлое Воскресенье и в храмовой праздник монастыря (28 июля). Супруга Петра, царица Евдокия, уже после его смерти закончила свою иноческую жизнь в том же монастыре. Вслед за Софьей была пострижена и царевна Марфа. Скоро последовало уничтожение самого стрелецкого войска, — «скасовано было», — по выражению Петра, — 10 полков; у них отобрано было оружие, и стрельцы разосланы были по городам, откуда повелено было не отпускать их без «проездных листов» и где они обратились в простых посадских.

Теперь проследим те преобразования, коими отметил Петр I в Москве конец XVII и начало XVIII столетия.

Мы видели, что бритье бороды и ношение иностранной одежды у нас замечалось еще при Алексее Михайловиче, и уже слышались теоретические оправдания этих новшеств. Так, Юрий Крижанич

Бородовой знак.

говорит, что «русский строй волос, бороды и платья является непристойным и непригожим к храбрости»; в характере русского платья он не находит «резвости» и «свободы» и советует следовать примеру «наиплеменных европейцев».

В 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ — всему синклиту, служилым и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежних длинных охабней и однорядок, и запретил в этих одеждах являться в Кремль. Многие стали брить

себе бороды и подстригать волосы. Но приверженцы русских обычаев восставали против этого. Так, патриарх Иоаким, сильно порицая обычай брадобрития, говорил, что он, после запрещения при царе Алексее Михайловиче, «паки ныне нача губити образ, от Бога мужу дарованный». Он даже отлучал от Церкви не только тех, кто брил бороды, но и тех, кто с брадобрейцами общение имел. Преемник Иоакима патриарх Адриан издал послание против брадобрития, — «еретического безобразия, уподоблявшего человека котам и псам». Несмотря на это, Петр и до отъезда за границу уже в Москве одевался в немецкое платье. Но за границей он редко надевал русское платье, а по возвращении в Москву уже совсем не надевал его.

Через пять дней по приезде своем государь был на пиру у боярина Шеина. Гостей было множество; некоторые явились бритыми, но немало было и бородачей. Среди всеобщего веселья царский шут, с ножницами в руках, хватал за бороду то того, то другого и мигом ее обрезал. Три дня спустя, на ассамблее у Лефорта, где было немало дам, уже не было видно бородачей.

Дошла очередь и до русских кафтанов. По рассказу одного иностранца, Петр в феврале 1699 года на одном пиру, заметив, что у некоторых из гостей были, по тогдашнему обычаю, очень длинные рукава, взял ножницы, обрезал рукава и сказал, что такое платье мешает работать, что такими рукавами легко задеть и опрокинуть что-либо. До нас не дошли первые законодательные акты относительно брадобрития. Но уже в 1698 году установлена была бородовая

пошлина. Впоследствии (1705 года) платили за бороду: люди гостинной сотни 100 рублей; бояре, служилые люди и торговые — второй статьи 60 рублей; посадские люди, ямщики, извозчики и т. д. — 30 рублей. С крестьян при въезде в город брали по 2 деньги за бороду. Стоимость рубля в то время была очень значительна: за рубль можно было купить две четверти ржи. Уплатившим пошлину выдавались особые бородавые знаки. Воспроизводим один из таких знаков с надписями: «с бороды пошлина взята», «борода лишняя тягота». Приверженцы старины отрезанную бороду носили под сорочкой на груди и приказывали класть ее с собою в гроб...

Ассамблея.

Первый дошедший до нас указ о ношении иностранной одежды относится к январю 1700 года. В этом акте приказано: «боярам, окольным, думным и ближним людям, стольникам, дворянам московским и всех чинов людям в Москве и в городах носить платья — венгерские кафтаны — верхние, длиною по подвязку, а исподние — короче верхних, тем же подобием». До масленицы каждый должен побеспокоиться о приобретении такого платья. Летом все должны носить немецкое платье. И женщины высших классов должны участвовать в этой бытовой перемене, а также являться на ассамблеи для танцев и других увеселений.

Но русские люди с трудом и неохотой расставались со своей национальной одеждой. Царю докладывали уже в том же году, что

надобно возобновить указы о платье, хотя бы «с пристрастием», потому что думают, что все будет по-прежнему. Пришлось повторять указы, выставлять на улицах чучела в немецких, венгерских, французских и других платьях и прямо запрещать носить и продавать в лавках русское платье. С ослушников брали пошлину в воротах, с пеших 40 копеек, с конных по 2 рубля с человека.

Желая разграничить резкою чертою старое время от нового, царь 20 декабря 1699 года повелел, по примеру западных народов, ввести летосчисление не от сотворения мира, как было доселе, а от Рождества Христова, и Новый год начинать и праздновать не 1 сентября, а 1 января. «В знак того доброго начинания и нового столетнего (XVIII) века,—говорится в петровском указе,—в царствующем граде Москве, после должного благодарения к Богу и молебного пения в церкви, и кому случится и в дому своем, по большим проезжим и знатым улицам, людям знатым и у домов нарочитых духовного и мирского чину, перед воротами, учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных, против образцов, каковы сделаны на гостинном дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее и пристойнее, смотря по месту и воротам учинить возможное; а людям скудным комуждо, хотя по деревцу, или ветви над воротами или над хороминою своею поставить; и чтоб то поспело ныне будущего января к 1 числу». Далее было предписано, как в этот день все должны поздравлять друг друга «с новым годом» и «столетним веком», «какая должна быть стрельба из пушек и мушкетов и какая иллюминация». Пальба из 200 пушек, стоявших на Красной площади, а по всему городу из ружей, не умолкала целую неделю. Ночью по Москве горели потешные огни и хлопали ракеты. Торжество кончилось только в Крещение крестным ходом на Иордань, на Москве-реке. Но, в отмену прежнего обычая, царь не пошел в крестном ходу, а в офицерском мундире стоял при своем полку, построенном с другими — на реке. Все солдаты были прекрасно обмундированы и вооружены, но красивее всех был царский «лейб-регент» (Преображенский полк) в темно-зеленых кафтанах. Так вступала Москва в новое XVIII столетие. В это время угас старомосковский церковный обряд встречи нового года, в виде молебствия на площади перед Успенским собором, которое совершалось 1 сентября, в день Симеона-летопроводца.

В октябре 1700 года скончался святейший Адриан, коему суждено быть последним Всероссийским Патриархом. Царь получил об этом событии извещение под Нарвой, где началась Великая Северная война. Петр рассудил не назначать нового патриарха, памятуя не-

Преследование в Москве русской одежды.

довольство на нововведения западного характера со стороны двух последних патриархов и столкновение Никона с отцом его; 16 декабря состоялся указ: «Патриаршему приказу и разряду не быть; дела же о расколе и ересь ведать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому», который с тех пор назывался «экзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором». Местоблюститель патриаршего престола жил на Мясницкой на подворье, находившемся на месте нынешней Духовной Консистории. Новый Монастырский приказ отдан в заведование боярину И. А. Мусину-Пушкину. Перемена эта после повела к учреждению Коллегии духовных дел, или Св. Синода. Отмена же патриаршества сказалась в Москве прекращением многих величавых обрядов, начиная с шествия в Вербное воскресенье на осяти, действия Страшного суда на Ивановской площади, в неделю мясопустную, пещного действия и т. п. Начавшаяся огромная война, до Полтавской битвы, затормозила несколько преобразования, но все же они шли понемногу: множились ассамблеи, где собирались мужчины и женщины для различных увеселений на западный лад, чем кончалось термное затворничество женщин; было запрещено венчать без согласия брачующихся и ранее 6 недель после обручения. В Москве появляются новые лавки для продажи иноземного платья, а также открытая продажа недавно еще запрещенного табака; начинаются маскарадные комические процессии, в коих князь Ромодановский ездит, наряженный в царскую одежду, а дьяк Зотов — папой, или патриархом, пресбургским, заяузским и всего Кокуя (Немецкой слободы). Вводится невиданная в Москве гербовая или орленая бумага, учреждается орден Андрея Первозванного. В 1703 году, когда был основан Петербург, в типографии на Никольской по указу царя печатают первую на Руси газету, или Ведомости, в 1000 экземпляров. Ведомости печатались церковным шрифтом и составлялись при участии самого государя, который правил первый лист этого периодического издания, хранящийся донныне в Синодальной типографии. Вскоре после этого царь со справщиком Федором Поликарповым принимается в Москве за изобретение нового гражданско-русского шрифта, который знаменует новую эпоху в нашей печати, отличную от прежней церковно-славянской. Окончив это изобретение, царь заказал новый шрифт в Голландии и, получив его оттуда, много раз исправлял его. Памятником этого нововведения Петра в Москве, по делам печати, хранится в Синодальной типографии первый станок, печатавший указы и другие произведения новым гражданским шрифтом. Общество любителей

Петр Великий.

древней письменности издало fac-simile корректуру первой гражданской азбуки Петра Великого.

Но основание Петром новой столицы Петербурга было громадным по своим последствиям переворотом в жизни Москвы.

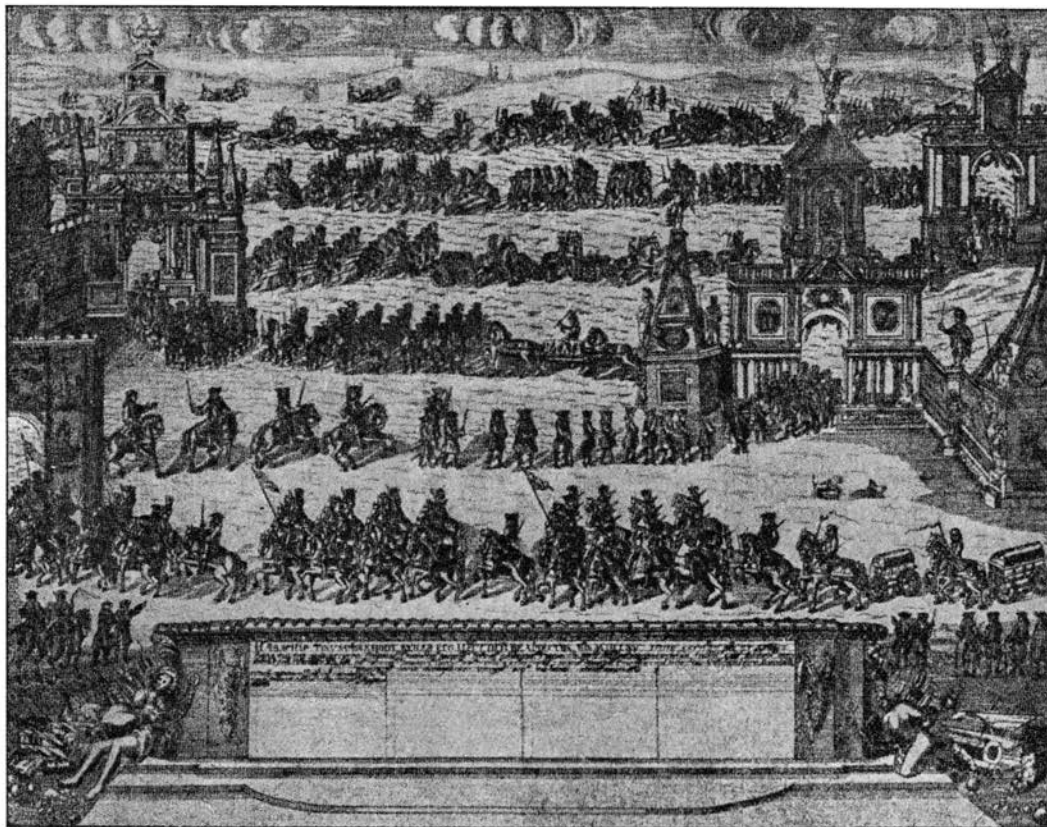
Медаль в память основания
Петербурга, 1703.

Сам Петр Великий с большим вниманием относился к вдовствующей столице. И это было не только тогда, когда вторгшийся в пределы России шведский король решил двинуться на самую Москву и здесь продиктовать нам мир. В эту пору, опустошив дороги к древней столице, Петр стал укреплять ее и надзор за устройством артиллерийских фортеций поручил царевичу Алексею. Не довольствуясь этим, он в страдную пору Великой Северной войны урвал время лично посетить родимый го-

род и поднять дух москвичей, встревоженных ожидаемым нашествием. В это время вокруг Кремля и Китай-города строились укрепления, а на Балкане на литейном заводе деятельно отливались пушки, и здесь же при пробках грохотали, от чего произошло и название «Грохольской улицы».

Полтавская победа, 27 июня 1709 года, дала царю особые побуждения поделиться радостью по случаю этой «великой виктории» именно со своими земляками в древнепрестольной столице. Ибо перед Полтавской битвой Петру стало известно, что горячий Карл XII уже назначил шведского генерал-губернатора Москвы и думает здесь произвести раздел России с восстановлением в ней уделных княжеств, о чем через 100 лет думал также Наполеон I. Об этих планах шведа царь счел нужным перед битвой осведомить своих генералов.

Этим объясняется, почему именно он с выдающимся триумфом в декабре этого года вступил в Москву в сопровождении гвардии, армии и пяти с половиной тысяч пленных шведов, с их фельдмаршалом Реншельдом и с первым министром Пипером во главе. Бояре и другие москвичи построили 7 великолепных триумфальных арок, украшенных всевозможными эмблемами и аллегорическими картинами. По пути триумфального шествия расставлены были оркестры музыки и хоры певчих, прославлявшие победителя. Перед домами стояли их владельцы с хлебом, солью и вином, которым угощали самого Петра и его сподвижников. Целых две недели продолжались празднества с обедами, фейерверками и угощениями войска и народа. Перед началом этих празднеств в Москве родилась царица Елизавета Петровна.

Вступление наших войск в Москву.

В 1712 году царская семья окончательно переселилась из Москвы в Петербург, и с этого времени по приказу государя в церквях на ектеньях стали возглашать моления «о царствующем граде С.-Петербурге». В 1714 году в новую столицу были переведены сенат и приказы, преобразованные там в коллегии с 1712 года.

Правда, с этого времени Москва, сильно погоревшая, перестает застраиваться каменными зданиями, потому что, ради скорейшей застройки Петербурга, во всей России запрещены были каменные постройки, и в новую столицу отовсюду стягивались каменщики. Но это отнюдь не значит, что Петр совсем забыл про Москву.

Он строил здесь храмы, как, например, Св. Николая на Мясницкой, Иоанна Воина на Якиманке, Пресв. Троицы на Капельках, на 1-ой Мещанской, Петра и Павла на Басманной. Две первые церкви были построены по планам самого Петра, а третья на пожертвование царицы Екатерины Алексеевны; на четвертую же сам Петр пожертвовал 2 тысячи рублей.

В 1722 году, по окончании Великой Северной войны, заключении Ништадтского мира и принятии императорского титула, Петр I прибыл в Москву и еще торжественнее, чем после победы под Полтавой, отпраздновал здесь блистательные успехи своего царствования. Устраивались балы, маскарады, обеды и даже потешная прогулка по Москве флота (на колеса ставились с поднятыми парусами суда, оснащенные по-корабельному, и их возили по улицам на удивление народа). Во главе этой процессии ехал в лодке князь-кесарь Ромодановский, в мантии, подбитой горностаем. Спереди и сзади на лодке поставлены были медведи (чучела). Неподалеку от этой лодки шесть живых медведей везли сани, а ими правил человек, искусно наряженный тоже медведем.

18 августа 1823 года Москва крестным ходом, при звоне колоколов и громадном стечении народа встречала перевозимые по желанию царя из Владимира в новую столицу, в Александро-Невскую лавру, мощи Благоверного Александра Невского. Но громадный катафалк над ракой родителя первого из московских князей св. Даниила не мог пройти в Спасские ворота, и мощи, не побывав в Кремле, были перевезены в новую столицу.

За год до своей смерти, в 1724 году, Петр I прибыл из Петербурга в Москву со своим двором и устроил в Успенском соборе торжественное коронование императрицы Екатерины Алексеевны, сопровождавшееся также большими празднествами. Ради этих торжеств был произведен значительный ремонт дворцовых зданий в Кремле.

Въезд Петра в Москву.

Но Петр не любил поддерживать в Москве старинные здания и старался построить в ней новые и вообще придать ей, по мере возможности, вид западно-европейских городов. Но все его заботы о насаждении в древней столице «нового регулярства» мало изменили ее традиционный вид.

Медальный портрет Екатерины I.

Веками строилась она без планов, с неправильными улицами и переулками и издавна представляла смешение городских построек (крепостных, дворцовых, монастырских и церковных) с сельскими и просто деревенскими. Громадное большинство ее зданий были деревянные: то дворянские усадьбы, с помещичьими домами среди двора и большими садами, то простые избы, вроде крестьянских.

Петр до середины своего царствования, когда стал запрещать всюду, кроме Петербурга, каменные постройки, много хлопотал о сокращении в Москве деревянных построек. Для борьбы с разо-

рявшим Москву «Вулканусом» он в 1704 году издал указ о строении каменных домов в Кремле и Китай-городе. У бедных домохозяев отбирались здесь земли и передавались богатым, а первым давались земли в других частях города, где они могли строить деревянные дома, но непременно под черепичной или земляной крышей. Дома предписывалось строить не внутри дворов, а по линии (линейно) улиц и переулков. Этот указ был повторен в 1722 году.

Семейная группа Петра I.
С фамильного портрета.

С 1705 года Петр принялся за упорядочение городских проездов; он требовал, чтобы домовладельцы держали в порядке деревянные мостовые, а где не было таковых, улицы мостить камнем.

В Кремле и Китай-городе деревянные мостовые заменялись каменными плитами, а все остальные части Москвы должны были вымощены мелким камнем. Для этого на все государство наложена была особая каменная повинность. Сбор камня распределен был по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских земель и вот-

чин служилых людей требовалось, по числу крестьянских дворов, с первого их десятка один камень в квадратный аршин, со второго по два камня, по полуаршину, с третьего десятка аршинный кубик мелкого камня, однако не меньше гусиного яйца. Та же повинность налагалась и на купечество, а крестьяне, приезжавшие в Москву для торгу, должны были к заставе привозить каждый раз по три ручных камня, также с гусиное яйцо, и песок.

Подпись государя.

Вот важнейшие события в Москве в Петровское время.

«19 июня 1701 года, в 11-м часу, волею Божию учинился пожар: загорелись (в Кремле) кельи в Новоспасском подворье; и разошелся огонь по всему Кремлю, выгорел царев двор весь без остатку; деревянные хоромы и в каменных все нутры, в подклетьях и в погребях — все запасы и питья. Льду много растаяло от великаго пожара, не в едином леднике человеку стоять было невозможно. Ружейная и мастерская палаты, святые церкви на государевом дворе, кресты и кровли, иконостасы и всякое деревянное строение сгорело без остатку; также и дом святейшаго патриарха и монастыри, а на Иване Великом колоколы многие от того пожара разселись. И все государевы приказы, многия дела и всякая казна погорели. Дворы духовенства и бояр все погорели без остатка. Во время пожара монахов, монахинь, священников и мирских людей погибло много в пламени. Огонь был так велик, что им уничтожены были Садовническая слобода и государевы палаты в саду. Даже струги и плоты на Москвереке погорели без остатку. В Кремле невозможно было ни проехать на коне, ни пешком пробежать от великаго ветра и вихря: с площади подняв, да ударит о землю и несет далеко, справиться не даст долго. И земля сырая горела на ладонь толщиною».

Во время угрожавшего нашествия на Москву Карла XII вокруг Кремля были возведены бастионы: Боровицкий, Неглинный, Троицкий, Воскресенский и Никольский. Со стороны Москвы-реки между Тайницкими воротами и Водовзводной башней были устроены болверки. Китай-город был также укреплен бастионами.

В Кремле Петр начал строить, на месте выгоревших в 1701 году боярских деревянных домов, арсенал или цейхгауз, который должен был быть не только складом для оружия, но и воинским музеем, где должны были храниться победные трофеи вроде неприятельских знамен и отбитого оружия.

На Красной площади Петр устроил «Комедийную храмину», или театр, который, в отличие от прежнего, был открыт (за плату) для всех желающих, где подвизались антрепренеры, сперва Куншт, а потом Форт.

Рубль Петра I.

В Китай-городе Петр обратил Посольский двор в шелковую и парчовую фабрику; кроме того, он устроил еще другие фабрики, разбросанные в разных концах Москвы; так, при нем возникли шелковые фабрики Шафирова и Милютина, суконная Щеголина, сахарный, парусный и другие заводы.

Много Петр занимался на прежнем царском печатном дворе, на Никольской улице, где он, как сказано выше, печатал и даже сам набирал и корректировал нашу первую газету «Ведомости» и где он впервые пробовал изобретенный им и отлитый в Голландии «гражданский» шрифт.

Но все же не в Кремле и не в Китай-городе, и не в других центральных местах Москвы бился в это царствование пульс вдовствующей столицы. Ее центром Петр сделал приуздские палестины. Кроме Преображенского и Семеновского, где он вырос и воспринял первоначальную науку, он больше всего любил Немецкую слободу и Лефортово. Здесь нередко пребывал он сам со своими птенцами. Здесь, хотя и временно, находились центральные государственные учреждения, основывались разные школы, заводы и другие учреждения.

Так, в селе Преображенском был выстроен деревянный дворец и особое помещение для Преображенского Приказа тайных дел, которым управлял Ромодановский и остатки которого видел здесь наш историограф Н. М. Карамзин. В Преображенском разместился первый полк гвардии Преображенский и была устроена полотняная фабрика.

ВѢДОМОСТИ

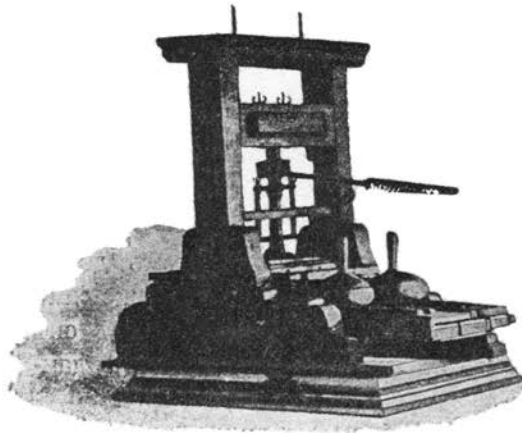
На Москвѣ вновь нынѣ пошкѣ мѣднѣхъ
гобенцѣ и мартіровѣ вышло 400 .
тѣ пошки , маромъ - по 24 . по 18 . и по 12
фунтовъ . гобенцы боемомъ пядовыи и полъ-
пядовыи . мартіры боемомъ двѣдѣи трихъ и двѣ
пядовыи и менше . И еще многѣ формѣ готовыхъ
беленныхъ , и рѣдкихъ кантъи пошкѣ гобенцѣ .
и мартіровѣ : А мѣднѣ нынѣ на пошномъ аворѣ
которая приготовлена къ новомъ кантъи , болше
40000 пядѣ лежитъ .
Повелѣніемъ егѡ величества московскіе школы
умножаются , и 45 человекѣ слышантъ философій .
и еще діалектикѣ шкончанъ .
Въ математическои штурманскои школѣ болше 300
челвѣкѣ оучатся , и добрѣ набои принимаютъ .
На Москвѣ поавра 12 24 числа , по 24 диксера
родали мѣдника и жинка полъ 386 члвѣкѣ .
Изъ пермѣи пишутъ : Императоръ царе послалъ
въ алашѣ великомѣ Флѣи нашимъ елѣи , и нынѣ
вишѣи не мало . Изъ града шемахи топишѣи
онѣ въ астраханѣ сѣхнѣи пошѣи .
Изъ казанѣи пишутъ , На рѣнѣ сонѣ нашѣи многѣ
нефти , и мѣднѣи рѣдѣи , изъ тои рѣдѣи мѣдѣи
выплавленѣи изъ алѣи , ш члѣи члѣи и
бытъ имѣемъ московскомѣ гдѣствѣ .
Изъ оренѣи пишутъ . Въ китаиномѣ

Первый оттиск Петровских ведомостей.

В селе Семеновском также был выстроен небольшой деревянный дворец, откуда Петр, вместе со своими птенцами и приятелями из Немецкой слободы, отправлялся 1 мая в соседнюю рошу справлять начало весны; отсюда-то майское гулянье перешло после в Сокольники и сделалось народным.

Но позднее и эти родовые царские села были поставлены в тень Лефортовым и Немецкой слободой.

Первое было названо по имени любимца Петра — Франца Лефорта, который имел в смежной Немецкой слободе отстроенный по западно-европейскому образцу великолепный дом с садом. После его смерти это владение перешло к русскому любимцу Петра А. Д. Меньшикову, а после него в казну и сделалось дворцом.

Типографский станок Петра.

Здесь же за Яузой, против Немецкой слободы, рядом с домом графа Головина, был тоже небольшой дворец Петра, вокруг которого Брандгоф разводил сад. Но оба эти владения были соединены в одно и при помощи новыхстроек, при императрице Анне Ивановне, обращены были в Анненгофский дворец, около которого была разведена Анненгофская роща. После многих эволюций здесь, наконец, создано здание 1-го Кадетского корпуса.

За Яузой, за Лефортовским мостом, Петр в 1706 году построил Военный госпиталь и при нем учредил медико-хирургическую школу, в своем роде медицинскую академию, которая под управлением доктора Бидлоу выпускала врачей, вербовавшихся преимущественно из сыновей духовенства, учившихся в Славяно-греко-латинской академии в Заиконоспасском монастыре. Для медицинских целей Петр устроил недалеко от Сухаревой башни на

Мещанской Аптекарский или Ботанический сад, где сам сажал деревья и копал пруды.

В Немецкой слободе был временно помещен сенат, для которого было построено особое здание. Но отсюда он скоро был переведен в Петербург.

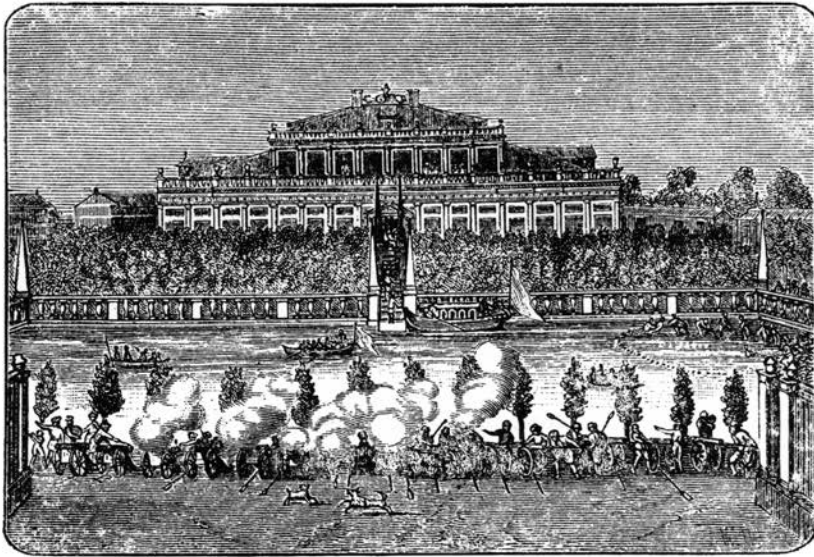

Азбука, правленная Петром.

Вместе с тем этот уголок Западной Европы в Москве давал приют почти всем первым петровским школам, как штатским, так и военным. Так, например, здесь первоначально помещалась устроенная при помощи англичан навигацкая школа. Отсюда она была

переведена на Сухареву башню, а потом в Петербург, где получила название «Морской Академии».

Там же помещена была первая общеобразовательная гимназия, как подготовительная к университетскому образованию школа. В ней преподавались древние и новые языки и все общеобразовательные предметы германской гимназии. В качестве директора управлял этой школой немец Швиммер, а потом пастор Глюк. Отсюда эта гимназия была переведена на Покровку к церкви Николая, что «у Столпа», в боярские палаты Нарышкиных (ныне

Лефортовский дворец в Немецкой слободе.

Елизаветинская гимназия). Сначала она процветала, а потом захирела.

Государь поощрял также устройство в этом районе фабрик: шелковых, суконных и полотняных. В Красном селе граф Апраксин по приказанию Петра в 1712 году устроил бумажную мельницу для выделки писчей бумаги. В Немецкой слободе появилось немало хороших магазинов на западно-европейский лад, какими после славился Кузнецкий мост.

Понятно, что образование такого правительственного и куль-

турного центра повлекло в эту сторону на жительство знатных и выдающихся людей, и они начинают в прилегающих местностях Покровки, Разгуляя, Басманной и Мясницкой строить свои дома. Так, Меншиков построил великолепный дом с церковью (Меншикова башня) близ Чистых прудов, которые, углубив и очистив от прежнего сильного засорения, впервые и назвал этим именем. У Харитония в Огородниках поселились Юсуповы. После того сюда потянулись Куракины, Гендриковы и другие.

Коронование Екатерины I.

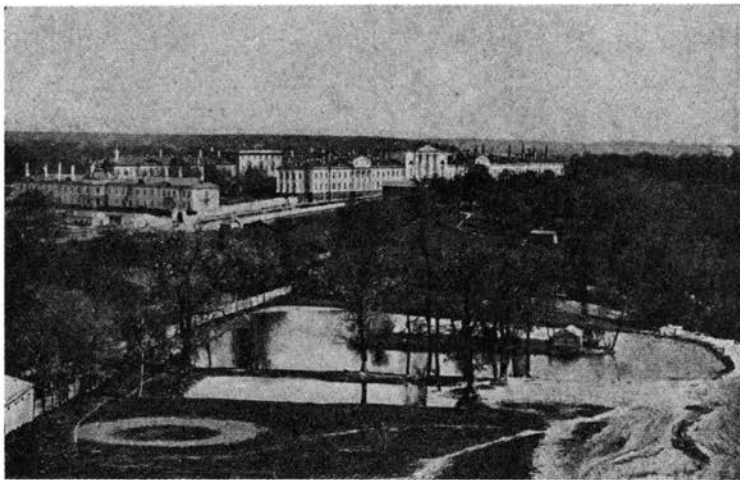
Так эта прежде пустынная сторона быстро заселилась и получила характер иноземческо-аристократический и вместе промышленно-торговый.

Таким образом, император Петр I немало внес нового в жизнь Москвы, но переделать ее в ее существенных особенностях, пересоздать ее он, конечно, не мог, да и не думал: иначе ему не для чего было создавать на берегах Балтийского моря новую столицу, а не морской порт и крепость, которые, не будучи столицей, могли бы иметь значение «окна в западную Европу».

Царь заботился о сокращении в Москве уличного нищенства и требовал устройства для неспособных к труду бедняков богаделен при приходских церквях. К 1717 году в Москве было устроено 90 таких богаделен.

Его также заботила и судьба подкидышей, и он повелел в приходах и женских монастырях устраивать приюты «для зазорных

младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно и стыда ради отметывают в разные места». В 1723 году было подобрано таких младенцев 934, и они взяты были на воспитание. При них кормилиц было 218.

Военный госпиталь.

В Москве в 1701 году было 16 358 дворов. В царствование Петра это число дворов повысилось на несколько тысяч. Так, в 1732 году их насчитывалось уже 19 417.

XVI

Москва при преемниках Петра I в XVIII столетии

о смерти Петра сразу же возник вопрос: не вернуть ли Москве ее допетровское значение, развенчав новый царствующий град Петербург. И вопрос этот висел над обеими столицами, и старой и новой, более пяти лет, до времени переселения из московского Анненгофа на берега Невы императрицы Анны Иоанновны.

Дело в том, что Петр, в силу своего нового закона о престолонаследии, должен был назначить себе преемника, но не успел этого сделать, и высшие правительственные учреждения и приближенный к престолу правящий класс поставлены были в необходимость самим разрешить вопрос о переходе императорской власти.

Старая боярская партия желала провозгласить императором десятилетнего сына несчастного царевича Алексея, Петра, на которого возложили надежды, что при нем можно сокрушить дело Петра и ниспровергнуть значение прорубленного им окна в Европу. Конечно, это отвечало бы чувствам массы населения, которых «тянул» в гору своих преобразований скончавшийся император «сам-десять», со своими немногочисленными птенцами. Вождям рестав-

рации чудилось, что сын Алексея Петровича, враждебно относившийся и к Петербургу и ко всякому западничеству, уже в силу наследственности будет склонен идти к московской старине, да и самая молодость его давала надежду подготовить его к царствованию

Император Петр II.

в этом именно направлении, лишь бы получить в руки регентство до его совершеннолетия. Эти замыслы питали Долгоруковы, Голицыны и другие бояре старого закала.

Но сотрудники Петра, возвышение которых и дальнейшее значение неразрывно связано было с его делом, при помощи гвардии

провозгласили царствующей императрицей Екатерину. Всемогу-щим при ней стал А. Д. Меншиков, и при этом временщике нечего было думать о возвращении Москве ее прежнего значения. Он даже прибрал к своим рукам и юного Петра Алексеевича, склонив Екатерину I передать ему престол, при условии его регентства до совер-

А. Д. Меншиков.

шеннолетия будущего императора и его женитьбы на дочери своей Марии Александровне Меншиковой. По смерти Екатерины юный государь перевезен был даже в дом своего будущего тестя и находился в его власти.

Однако такое положение дел не заставило старых бояр отказаться от их планов. Воспользовавшись болезнью регента и антипатией к нему Петра, они низвергли всемогущего временщика и при помощи молодого князя Ивана Долгорукова захватили царственного юношу в свои руки.

Пользуясь тем, что он, как и его отец, не любил моря и очень увлекался охотой, для которой были неудобны окрестности Петербурга, они перевезли его в Москву и здесь отвлекали несовершеннолетнего государя от учения и занятия делами и всячески разжигали в нем страсть к охоте, для которой представлялось столько удобств в окрестностях Москвы. Они уговорили государя не возвращаться в Петербург и навсегда остаться в старой столице. Чтобы упрочить свою власть, Долгоруковы сосватали за четырнадцатилетнего Петра одну из сестер ставшего его любимцем князя Ивана.

Но Петр II не тяготел к самой Москве; на самое короткое время останавливался он в запущенных кремлевских дворцах и все стремился на окраины столицы, чтобы отсюда поскорее уехать в лес и в поле, на охоту с гончими и борзыми. Понятно, что в двухлетнее пребывание свое он не оставил по себе прочных следов в Москве. По сведениям того времени, он останавливался на короткое время то в Слободском дворце (на его месте теперь стоит Техническое училище), то в Лефортовском, то в Головинском, то в Семеновском, то в Измайловском. Да и отсюда, окруженный Долгоруковыми и их приспешниками, спешил на охоту, иногда направлявшуюся далеко от подмосковных сел к Александрову, Ростову и Туле. Кремль видел его только в дни коронавания, рождения, именин да приема послов. В последний раз его видели в Москве сопровождавшего свою нареченную невесту княжну Долгорукову в Крещение 1730 года. На этом празднике он сильно простудился и слег в постель; у него началась сильная оспа; но он не поберегся и с нею сидел у открытого окна и скончался.

Единственный из русских императоров, он был среди прежних царей погребен в Архангельском соборе. Для него вынули здесь два гроба сибирских царевичей и вместо них опустили его гроб.

Брошенная на произвол судьбы верховная власть была прибрана к рукам временщиками, выходившими из учрежденного после смерти императора Петра I верховного тайного совета; при Екатерине она была захвачена Меньшиковым, при Петре II Долгоруковыми. И они одинаково направляли ее и номинальных носителей ее в свою пользу, а не в интересах государственных.

Новые верховники по смерти Петра II «прибавили и еще себе воли»: а) они отстранили от наследования престола двух дочерей Петра Великого, Елизавету Петровну и Анну Петровну, бывшую замужем за герцогом Голштинским, вместе с ее сыном и внуком Петра Великого, Петром Феодоровичем, впоследствии царствовавшим

с именем Петра III; б) произвольно передали императорский престол в колено царя Иоанна Алексеевича, ничем не связанное с преобразованиями Петра I, в лице вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны; в) при этом единую и неделимую, в силу требований нашей истории, самодержавную верховную власть раздробили между верховным тайным советом и будущей императрицей, для которой выработали особые условия, или кондиции, ограничивающие ее власть. Ограничения эти заключались в том, что призываемая государыня не могла ничего важного решать без согласия помянутого совета верховников (относительно законов, войны и мира, новых податей и налогов и верховного предводительства над войском). При этом на новую императрицу возлагалось обязательство жить непременно в Москве, а не в Петербурге. Такая узурпация верховной власти, при всей ее возмутительности, вначале имела успех. Не имевшая прав на престол Анна Иоанновна приняла предложенную ей власть над Россией и подписала условия верховников, оканчивавшиеся заявлением, что в случае неисполнения их она лишается престола.

В нашу задачу не входит изложение того, как новая императрица, прибыв в Москву, по ходатайству дворянства, высшего духовенства и гвардии ниспровергла эту «затейку» олигархов, как разорвала в Кремле предложенные ей кондиции. Она венчалась в Успенском соборе — самодержавной императрицей. Эта коронация превзошла роскошью своих празднеств все предшествующие.

Два года прожила в Москве императрица Анна Иоанновна и, отъезжая отсюда в 1732 году, она много раз говорила, что не «останется в Петербурге навсегда» и что «главная ее резиденция будет в Москве».

В течение же ее пребывания в первопрестольной при ней постоянно находился кабинет министров, заменивший уничтоженный ею верховный тайный совет, а также сенат и гвардия, которая умножилась еще новым сформированным ею Измайловским полком, который был назван по имени любимого ею старого царского села этого имени. Москва при ней видела падение Долгоруковых, из которых одни отправлены были в ссылку, а другие на воеводства, а также возвращение из Березова семьи умершего Меньшикова и начало быстро устанавливавшегося всемогущества Бирона. Но ревнители старины не увидали при дочери царя Иоанна Алексеевича возврата к допетровским порядкам; напротив того, в указах новой императрицы весьма часто встречались ссылки на распоряжения «блаженной памяти дяди» государыни.

Анна Иоанновна не оставила после себя прочных следов в постройках Москвы, потому что возводила спешные и притом деревянные. Правда, при ней закончен был в Кремле Арсенал, начатый и выстроенный при Петре I и по его плану. Рядом с этим зданием императрица, не могшая жить в старых запущенных дворцах Кре-

Императрица Анна Иоанновна.

мля, велела построить небольшой деревянный дворец, названный «Анненгофом» и впоследствии называвшийся «старым», когда был построен другой в Лефортове, названный тем же именем.

В Кремле же Анна Иоанновна оставила надолго памятник в царе-колоколе, отлитом для Ивана Великого. Этот единственный в свете гигант, в 12 327 пудов, вышиной в 19 футов, в окружности в 60 футов, с толщиной стенок в 2 фута, имел своего деда, отлитого Борисом Годуновым, в несколько тысяч пудов. Этот последний висел на невысокой деревянной колокольне, которая сгорела в между-

царствие, в страшный пожар 1611 года. Из его осколков, с прибавлением меди, царь Алексей Михайлович отлил новый, большого размера колокол в 8000 пудов, также повешенный на особую деревянную колокольню. Но этого отца царя-колокола постигла в пожар 1701 года та же участь, и долго его громадные осколки дивили

Царь-колокол.

и русских, и иностранцев. Анна Иоанновна решила на другой год своего прибытия в Москву воссоздать этот колокол, но увеличив его размеры. Отливка его поручена была колокольному мастеру Ивану Федоровичу Моторину, который после огромных приготовлений растопил уже медь в печах. Но отливка не удалась, потому что расплавленный металл ушел под землю, а деревянные сооружения сгорели. Только в следующем 1735 году после смерти Ивана Мотори-

на его сыном Михаилом отлит был колокол и покоился в своей яме на железной решетке, утвержденной на 12 дубовых сваях, вбитых в землю. Для его прикрытия над ямой устроен был деревянный сарай. Но в 1737 году, 29 мая, в так называемый троицкий пожар, принявший громадные размеры, загорелся и этот сарай, и его бревна падали в яму. Из опасения, как бы колокол не расплавился, его стали поливать водой. Но при охлаждении раскалившегося гиганта от него откололся один край, и колокол остался в яме. Возбуждался вопрос не раз то о переливке его, то о поднятии. И это последнее исполнено было лишь через 100 лет, при императоре Николае I в 1836 году, когда французский инженер Монферран (строитель в Петербурге Александровской колонны и Исаакиевского собора) поднял его на тот каменный пьедестал, на котором он стоит и теперь. Такова судьба этого кремлевского памятника императрицы Анны Иоанновны.

Но Кремль и кремлевский Анненгоф не привязывали к себе эту императрицу. Ее влекли к себе окраина Москвы и подмосковные села. Она любила жить в Лефортове, в Слободском дворце и в Измайлове. Между прочим, тяготение ее сюда объясняется ее любовью к охоте, особенно соколиной. Немало тратилось денег на возобновление окраинных дворцов, а в Лефортове, близ Головинского дворца, Анна Иоанновна приказала итальянцу Растрелли построить новый деревянный дворец, названный «Новым Анненгофом». Пред этим дворцом расстилалась большая поляна. Однажды императрица, среди своих придворных, высказала сожаление, что здесь нет сада. Те тайком от нее разделили между собой на участки всю поляну и заранее заготовили для посадки на ней деревья, которые из разных концов, в сопровождении множества рабочих, свезены были сюда и в одну ночь рассажены большими аллеями. Не подозревавшая этого императрица утром подошла к окну дворца и поражена была безграничным изумлением при виде выросшего в одну ночь большого парка. Каждый из вельмож, создавших этот грандиозный сюрприз, на своем участке, на дереве вырезал свою фамилию. Императрица часто устраивала в новом Анненгофе блиставшие роскошью балы и маскарады, а в парке фейерверки, затмившие «огненные потехи» Петра Великого. Впоследствии этот парк обратился в рощу.

Но императрица Анна Иоанновна, на которую рассчитывали, что она перенесет навсегда столицу из Петербурга в Москву, не прожила здесь полных четырех лет и переехала на берега Невы в 1738 году. Остальное время ее царствования, когда возоблада-

ли немцы и вошла во всю свою силу бироновщина, не оставило у нас сколько-нибудь заметных следов в Москве.

Более обильные и глубокие следы наложила на Москву императрица Елизавета Петровна. Она, в своем сильном расположении к древнепрестольной столице, скорее напоминала своего деда царя Алексея Михайловича, чем своего отца. Родившись в Москве в год Полтавской битвы и в самый день триумфального вступления сюда Петра, в 1709 году, она с 1714 года жила в Петербурге, но, по смерти родителя, с семнадцатого года своей жизни до своего воцарения, т. е. свою юность и часть зрелой жизни, до тридцатилетнего возраста, большей частью провела на своей родине. Полная, румяная, веселая и вместе с тем искренно религиозная, она всем своим существом подходила более к Москве, чем к Петербургу. Будучи еще царевной, она жила по большей части в романовских вотчинах: селах Покровском и Измайлове. Отсюда она предпринимала свои богомольные походы, иногда пешком, к преподобному Сергию и в другие монастыри; здесь нередко пела песни и водила хороводы с крестьянскими девушками. Предание даже приписывает ей народное песнотворчество, и песня:

Во селе, селе Покровском,
Среди улицы большой
Разыгралась, расплясалась
Красна-девица душа

прямо-таки приписывается, как автору, Елизавете Петровне.

Вступивши на престол, она много забот посвящала родному городу. Бывая часто в Москве, она с 1741 по 1761 провела в ней четыре с лишком года.

Она обратила в Кремле внимание на запущенные и разрушавшиеся дворцы. В 1743 году было приказано знаменитому архитектору графу Растрелли построить близ Благовещенского собора каменный дворец в четыре этажа и в нем сохранить, путем реставрации, то, что из старого могло быть восстановлено. Елизаветинский дворец существовал до 1812 года и был разрушен взрывом, по приказанию Наполеона I. Но Грановитая палата и царские терема обязаны в значительной степени своим сохранением именно этой императрице, без которой они могли бы обратиться в такую груду развалин, которая совсем не могла бы быть восстановлена.

Но все же главной ее резиденцией был не Кремль, а Лефортово. Здесь она в тамошнем дворцовом городке приказала построить оперный дом, где устраивались нередко представления. Когда здесь сгорели зимние хоромы Анненгофа, она приказала выстроить

Императрица Елизавета Петровна.

их в прежнем деревянном виде, но с удивительной быстротой. Сады и оранжереи Лефортова при ней содержались в поразительной роскоши.

Здесь именно устраивались разные придворные празднества: обеды, балы, маскарады, куртаги. Лефортово было отправным пунктом царицы и на охоту соколиную и псовую.

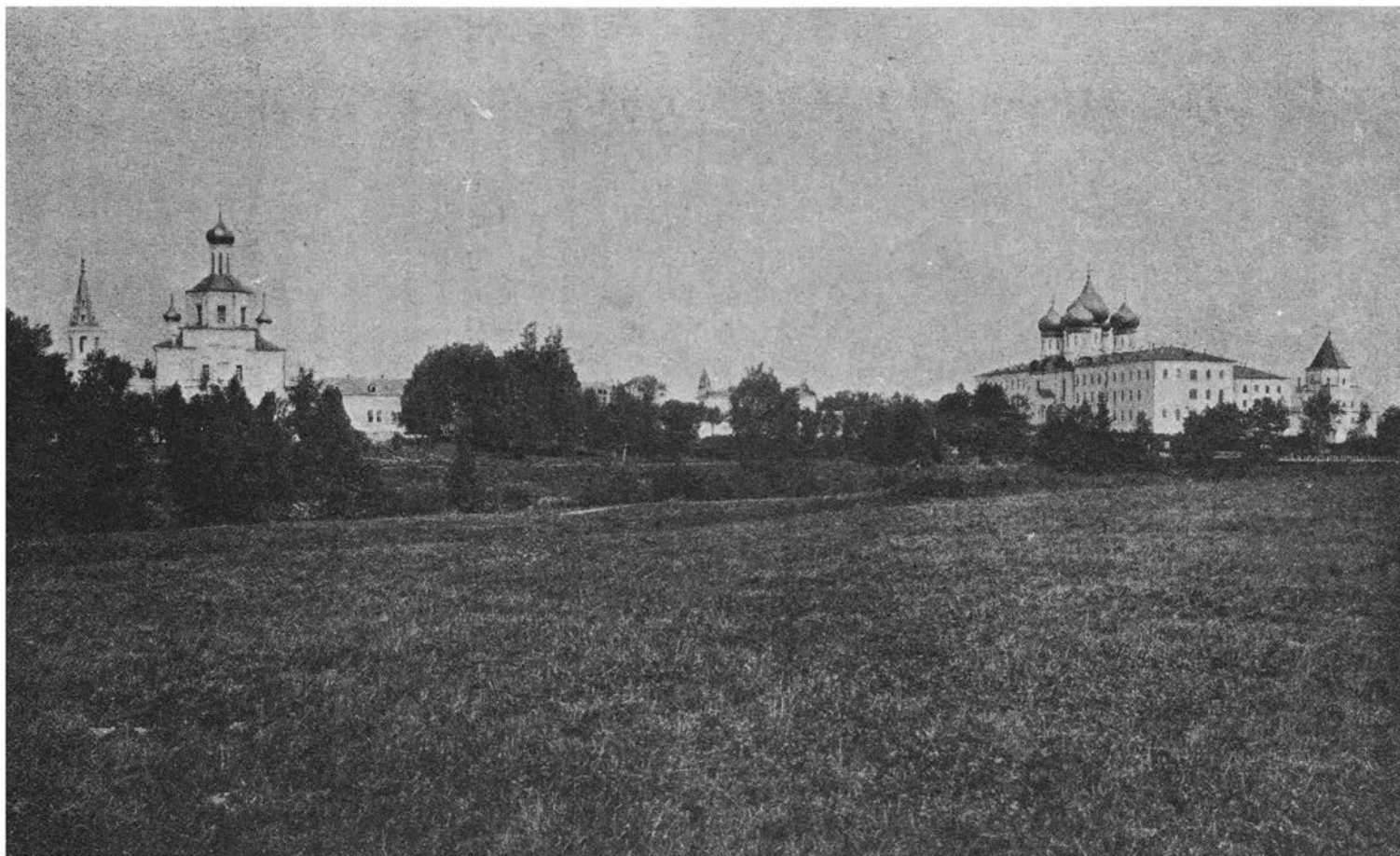
С пребыванием императрицы в Лефортове связано важное в государственном отношении дело: сюда были вызваны будущий наследник престола, племянник Елизаветы Петровны, сын ее сестры Анны Петровны, герцогини Голштинской, и его невеста принцесса Ангальт-Цербстская, София-Августа-Фредерика, которая здесь приняла православие и впоследствии возведена была на престол с именем Екатерины II.

Корона Елизаветы Петровны.

В 1742 году Елизавета Петровна построила в селе Покровском прекрасный деревянный дворец, а когда он сгорел — каменный. Внутри его комнаты были отделаны в китайском вкусе.

Но главным памятником в Москве императрицы Елизаветы Петровны был основанный ею и открытый 12 января (день памяти св. Татианы) 1756 года, Московский университет.

Село Измайлово.

По мысли Ломоносова, поддержанной графом И. И. Шуваловым, императрица, несмотря на неудачную деятельность в Петербурге открытых Екатериной I при Академии Наук университета и академической гимназии, Елизавета основала университет в Москве, «где бы,—как говорилось об этом в высочайшем указе,—люди всякого звания могли свободно пользоваться наукой». К университету должны были готовить две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев. Эти заведения учреждались именно

Московский университет.

в Москве, ввиду центрального ее положения, дешевизны жизни и большого числа живущих в ней дворян и разночинцев.

Пользу от основания его правительство видело в том, что «он даст возможность и в других городах завести училища, от которых в простом народе суеверия, раскол, и тому подобные, от невежества происходящие ереси истребятся». Вместе с тем, задачей университета, как говорится в высочайшем указе об его учреждении, ставится и то, чтобы он западных иностранных педагогов заменил достойными и сведущими в науках *национальными людьми*, т. е. русскими учителями.

Эта задача для нового университета вызвана была следующими условиями. Богатые дворяне воспитывали тогда детей своих дома. Сначала воспитателями были немцы, а при Елизавете Петровне

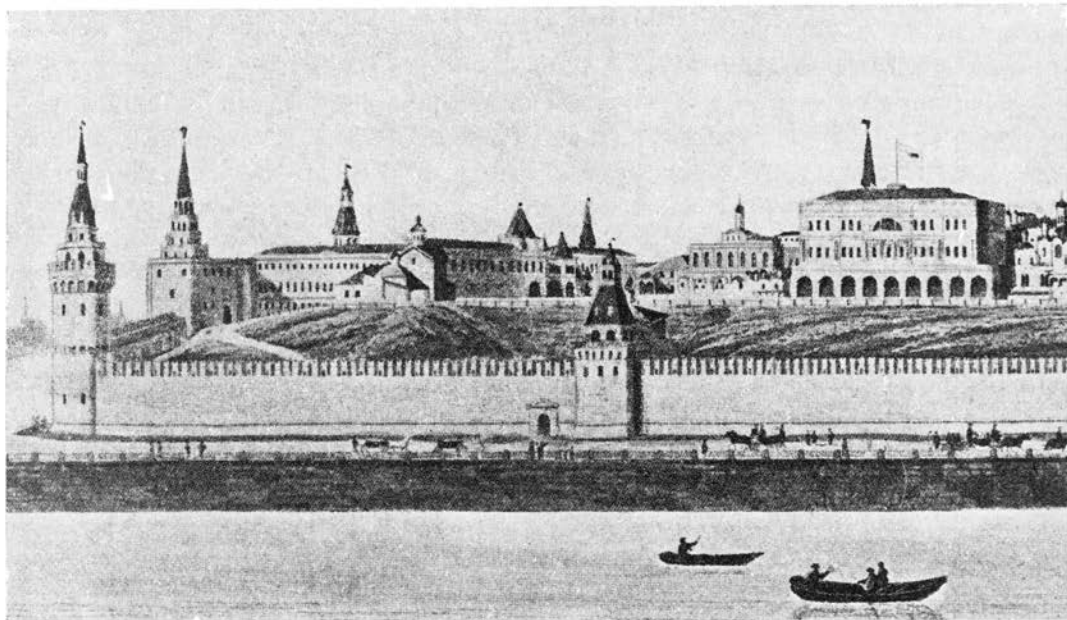
стали нанимать французов-гувернеров. Об этих последних в высочайшем указе об основании Московского университета было сказано: «В Москве, у помещиков, находится на дорогом содержании великое множество учителей, большая часть которых не только наукам обучать не могут, но и сами к тому никаких начал не имеют.

Красные ворота.

Многие, не сыскав себе хороших учителей, принимают таких, которые всю жизнь проводжали парикмахерами, лакеями, кучерами и иными подобными ремеслами».

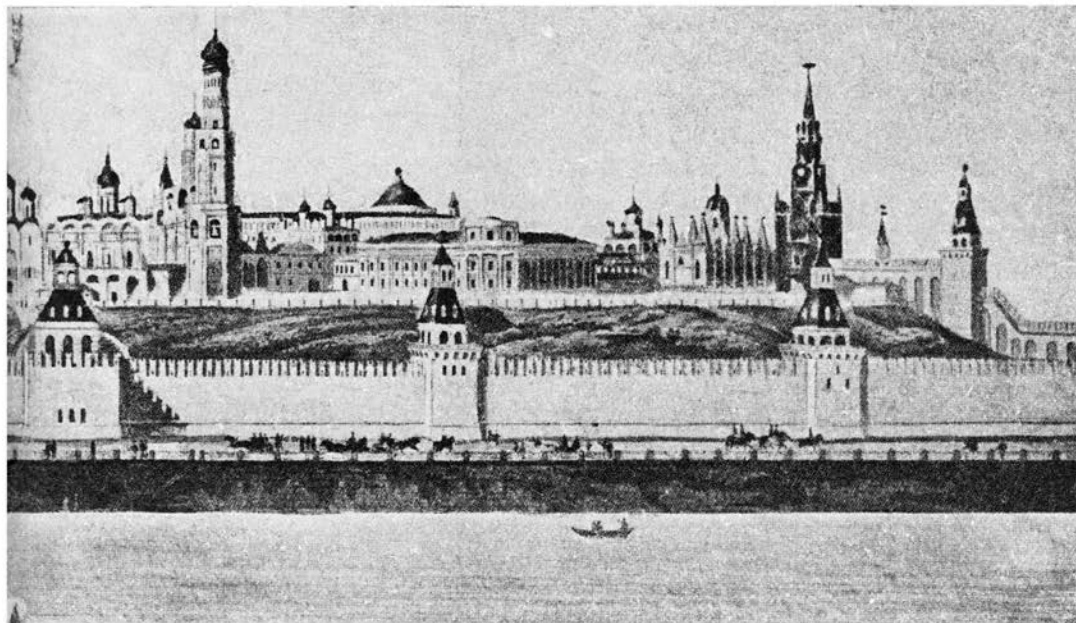
Университет первоначально помещался у Иверских ворот, где в настоящее время находится Исторический музей. От правительства и частных лиц на университет получено было 41 000 рублей. Открыты были три факультета: юридический, медицинский и фи-

Панорама Кремля в XVIII веке.

лософский. Ректором был назначен А. А. Барсов, ученик Ломоносова. В 1759 году университет был переведен в купленный у князя Волконского дом на Моховой. В 1785 году императрица Екатерина II пожаловала университету другое место на Моховой, купленное у князя Барятинского, и 125 000 на постройку другого здания. В этом доме построена была и церковь во имя св. Татианы, которую расписывал художник Клауди и для которой писал иконы римский художник Рубио. Ранее этого Елизавета Петровна дала средства на заведение университетской типографии и основание «Московских Ведомостей», которые сначала расходились в 600 экземпляров, а потом, когда были арендованы Новиковым, печатались в 4000 экземпляров, что казалось в то время громадным успехом.

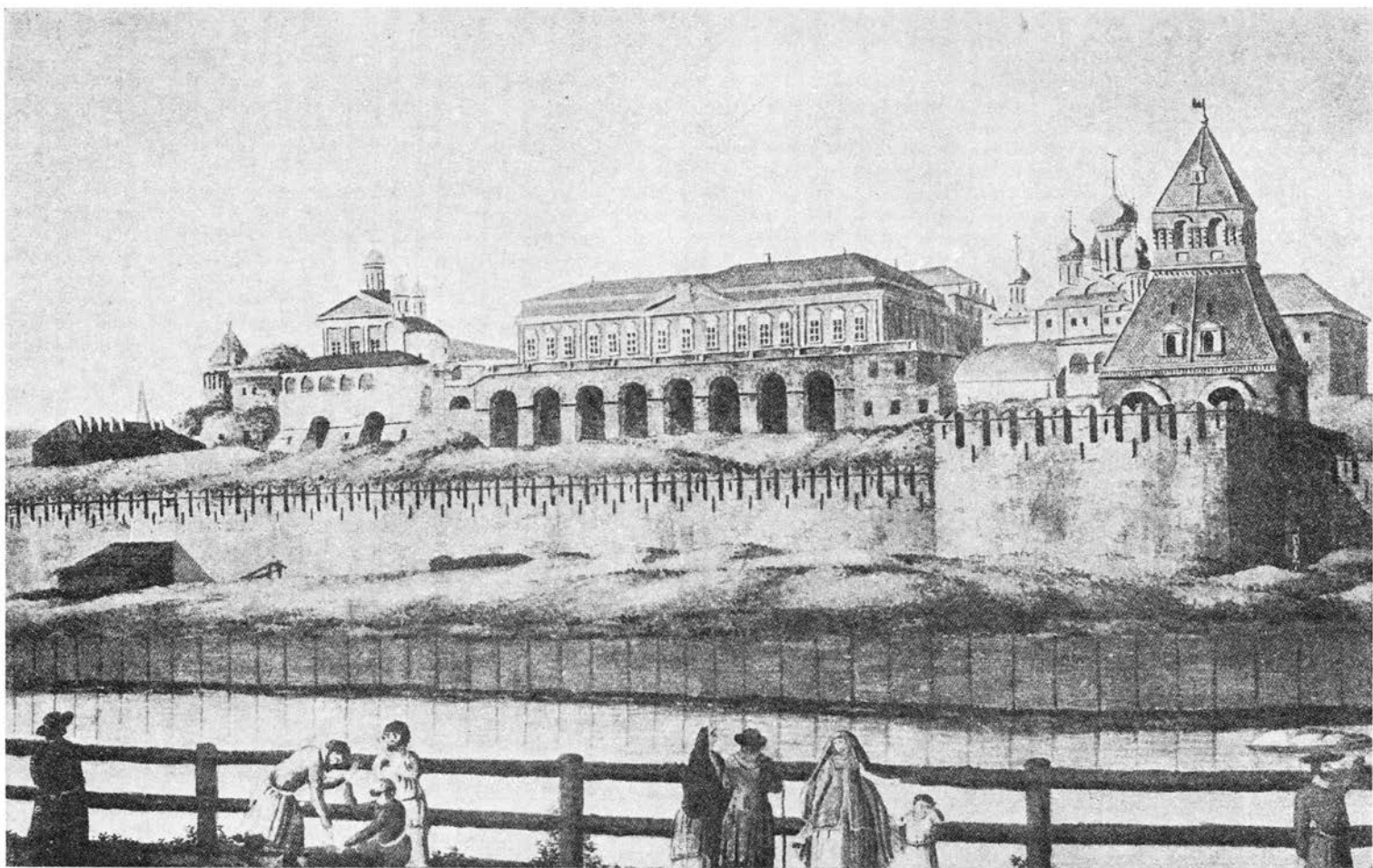
В 1755 году, в день коронации Елизаветы Петровны, были открыты у Иверских ворот две университетских гимназии (для дворян и разночинцев), куда поступили 100 мальчиков, по 50 в каждую. Одним из первых учеников первой был Денис Фонвизин, выступавший с речами на актах и диспутах. В «Московских ведомостях» печатались списки воспитанников, переводимых в универси-

тет и исключаемых. В 1760 году в число последних попали Николай Новиков и Григорий Потемкин, впоследствии светлейший князь.

В 1779 году по инициативе куратора университета Хераскова (писатель), возник еще и «Благородный пансион», из которого впоследствии вышли Жуковский, Грибоедов, кн. Одоевский, А. Тургенев, Баратынский и другие.

Памятниками елизаветинского зодчества елизаветинского времени остаются до нашего времени: 1) Красные ворота, выстроенные в 1742 году ко времени коронации императрицы архитектором князем Д. Ухтомским, создавшим у нас первую архитектурную школу, которая выпускала своих зодчих ранее Академии художеств; 2) церковь Никиты Мученика в Басманной, с красивыми куполом, порталом и колокольней; 3) церковь св. Климента за Москвой-рекой; 4) колокольня в Троицкой лавре, которую строил Н. Мичурин. Внутреннее убранство елизаветинских храмов отличалось высокими иконостасами, с колоннами, обвитыми гроздьями винограда, с пухлыми лицами херувимов в завитках орнамента. Это было время стиля барокко.

Кремлевский дворец в XVI веке, со старинной гравюры.

Императрица Екатерина II.

Из гражданских зданий елизаветинского времени лучше других, кроме дворца в Лавре (нынешняя Духовная Академия), сохранился дом графа А. Г. Разумовского на Покровке, построенный в 1742 году по проекту Растрелли (ныне 4-я гимназия).

Императрица Екатерина II, как и Петр I, понимала значение Москвы и, ценя ее, немало посвящала ей внимания и забот своих. Она не только короновалась в древнепрестольной столице, но сю-

да, как в народный центр России, а не в Петербург, созвала свою знаменитую комиссию для составления, взамен Уложения царя Алексея Михайловича, нового Уложения, и здесь, в древней Грановитой палате вручила выборным людям свой «Наказ», как руководство к выработке законов. Здесь же она велела судить Пугачева, потрясшего своим бунтом Поволжье. Напряженно заботилась об избавлении Москвы от чумы, послав сюда двух своих любимцев

Первоначальный вид Воспитательного дома в Москве.

Орловых. Украшала вдовствующую столицу великолепными зданиями, о которых речь впереди. Но и цenia народное значение и предания Москвы, она, как последовательница Петра, немало, однако, сделала для стирания с Москвы ее исторической окраски. Нельзя скрыть, что она увлекалась одно время мыслью уничтожить вековые стены нашего седого Кремля и заменить их исполинским зданием, которое вместило бы в себе правительственные и образовательные учреждения Москвы и даже часть торговых ее заведений. Ученик Растрелли, архитектор Баженов, составил план и устроил громадную находящуюся в Оружейной палате модель здания, которое должно было по линии стен окружить весь Кремль. Но, к счастью, недостаток средств и кипучая политическая деятельность помешали императрице осуществить этот план. Преемники

Петра допускали разрушаться прекрасным стенам, башням и воротам Белого города. Но только Екатерина II наложила руку на эти «исторические ветхости», изображения которых дожили до нас в «Книге об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова», а память о которых хранится доселе в названиях разных местностей, где нет никаких ворот, «воротами» (Тверские, Никитские и т. д.). Она велела скрыть все крепостные сооружения Белого города и на месте их, уподобляя Москву Парижу, устроить бульвары, правда, красивые и гигиеничные, но существенно изменившие исторический облик Москвы. При ней же та же участь постигла и все крепостные сооружения Земляного города с его башнями и валами, которые придавали Москве живописный вид, восхищавший иностранцев еще с XVI века. Правда, в екатерининское время все эти сооружения были в полуразрушенном виде, но все еще были хороши каменные ворота с бойницами (Калужские, Серпуховские, вторые Тверские, в нынешней местности старых Триумфальных ворот). Тяготевшая над Москвой западническая рука все это срыла и на месте всех этих стародавних сооружений создала колоссальную круговую улицу, опоясывающую Москву, в виде так называемой «Садовой», которая названа была по тем палисадникам, которые обязаны были устраивать обыватели пред своими новыми домами на месте прежнего земляного вала, прежде украшенного 34 деревянными башнями. При Екатерине Москва была обведена Камер-коллежским валом и на главных выездных дорогах были устроены заставы, где собирались пошлины, поступавшие в Камер-коллегию.

Но императрица Екатерина II сильно повлияла не на одну только внешнюю конфигурацию Москвы. Она дала ей сильный толчок на целые сто лет (1762—1862) и в деле ее санитарного упорядочения, обустройства и самого состава населения и его быта.

Памятниками оздоровления Москвы в это царствование служит грандиозный водопровод на редкость чудной воды из Мытищ, который один поил столицу до последней четверти XIX столетия, устройство водоотводного канала (канавы) на Москве-реке, включение Неглинной в подземные трубы, причем близ Кузнецкого моста предполагалось устроить водоем с монументом в память «Преславной Созидательницы канала».

Екатерина, введя в Москве оспопрививание, много сделала для организации больничного дела, построила здесь две больницы, одну для чернорабочих (Старо-Екатерининская), другую для прочих классов населения (Ново-Екатерининская).

Грандиозным памятником ее благотворительности является Воспитательный дом, строившийся под наблюдением И. И. Бецкого. На его постройку была употреблена часть стены Белого города, шедшая вдоль Москвы-реки. Императрица первая пожертвовала на эту постройку из своих личных средств 100 тысяч, а цесаревич Павел Петрович 50 тысяч. Закладка состоялась 21 апреля 1764 года. Именем наследника была названа больница близ Серпуховской заставы.

Памятником екатерининского зодчества является у нас громадное здание судебных установлений в Кремле, оно построено знаменитым зодчим М. Ф. Казаковым и строилось в течение 10 лет, с 1776 года. Над куполом этого здания стояла статуя Георгия Победоносца, увезенная французами в 1812 году. В среднем здании находится громадная круглая Екатерининская зала, украшенная великолепными горельефами, изображающими деяния Екатерины II.

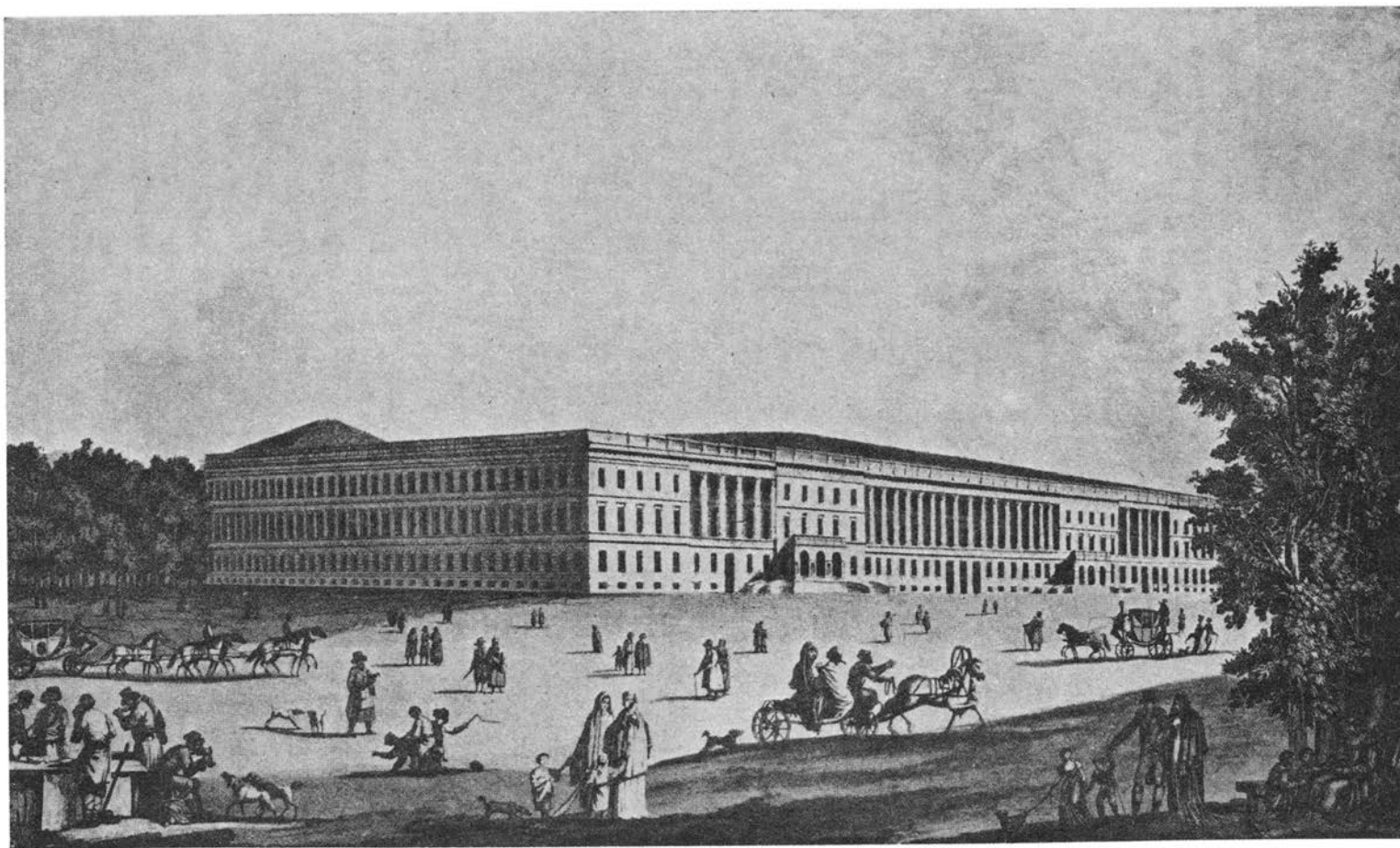
Примечателен стиль зодчества Екатерины II, долгое время и после ее смерти оказывавший влияние на строительство в Москве.

Стиль этот носил на себе значительные следы подражания классическому, античному, в духе ренессанса.

Если вы видите в Москве здания с колоннами на фасаде, а за ними барельефы с изображениями фигур в греческих гиматиях, или римских тогах, статуи античного характера, портики, на памятниках на кладбищах урны и т. д., то можете быть уверены, что все это выражения склонности екатерининской эпохи к ренессансу, который у нас пошел в ход на смену тому барокко, с его обилием украшений, прихотливого характера, который выдвигался в церковном и гражданском зодчестве в царствование Елизаветы Петровны. На Западе ренессанс предшествовал барокко, а у нас вышло наоборот. Проводниками у нас классического стиля были архитектор Казаков и выписанные из-за границы Кваренги, Кампорези, де-Валли и другие.

Екатерина II, приезжая в Москву, также останавливалась в Лефортове, где она вместо Анненгофских дворцов построила по плану Баженова при участии Кампорези великолепный каменный дворец, названный Екатерининским. Павел Петрович обратил его в казармы, а возобновленный после пожара 1812 года, он отдан был под 1-й кадетский корпус.

Уже с Петра Великого знать потянулась в районы, примыкающие к Яузе. В елизаветинское время приобрел здесь большие владения канцлер Бестужев-Рюмин, вблизи Анненгофа построив велико-

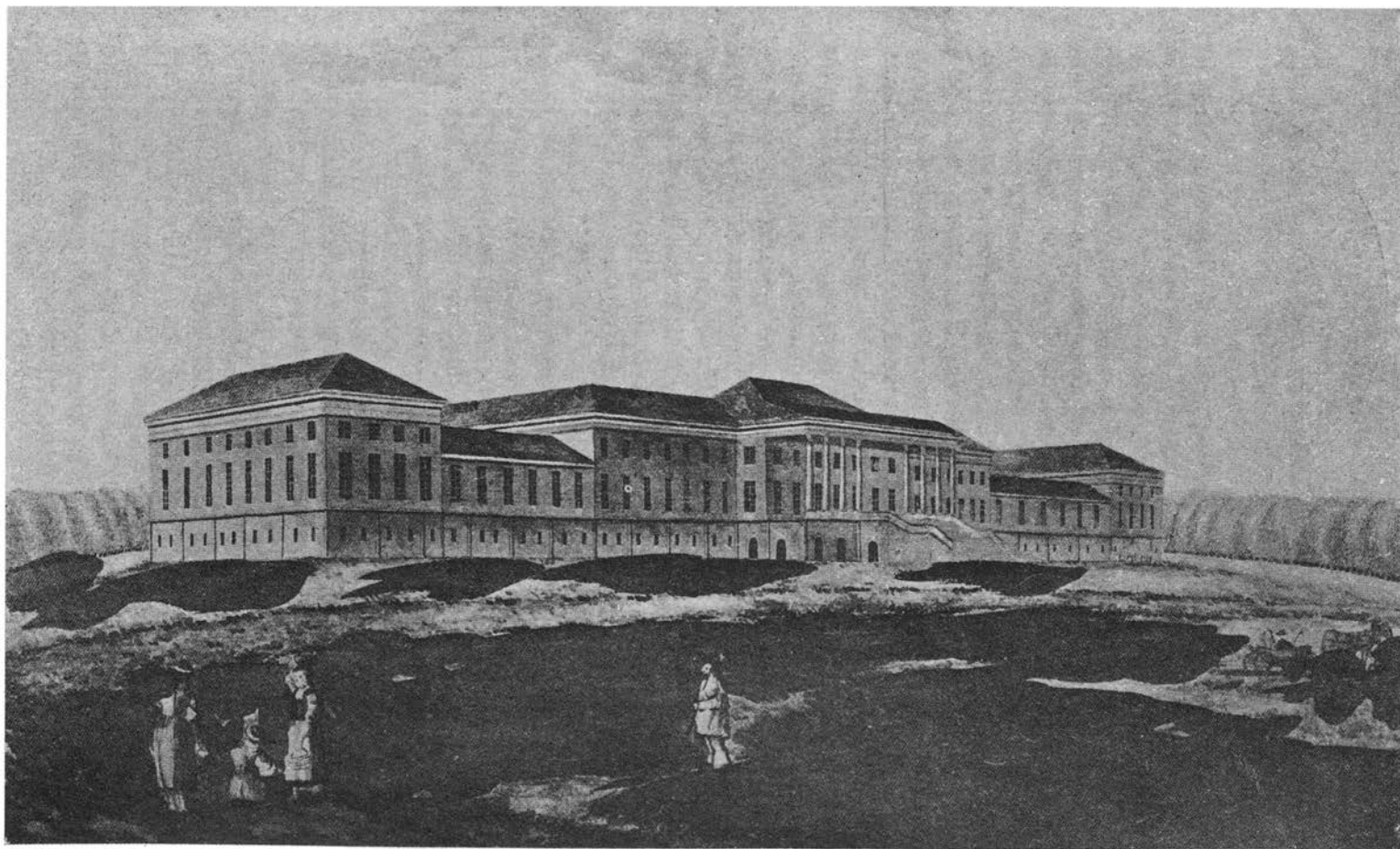
Головинский дворец в Лефортове.

лепный дом, дививший иностранцев. Императрица Екатерина купила этот дом у наследников и подарила его своему канцлеру Безбородко. Он отстроил его с помощью Кваренги еще лучше. Последний польский король Станислав Понятовский говорил, что «во всей Европе не найдется другого, подобного ему по пышности и убранству». Части этого владения перешли после к Слободскому дворцу, а затем к Техническому училищу, где сохраняется лишь малая часть того, что было выстроено.

На Немецкой улице построились графы Zubovy; на Разгуляе явился великолепный дом графа Мусина-Пушкина, сохранившийся доньше и занятый 2-й гимназией; на Басманной поселились Куракины; на Гороховом поле жил граф А. К. Разумовский (здесь теперь Николаевский сиротский институт). При доме был огромный сад, примыкавший к садам богача Демидова, дома которого перестроены для Елизаветинского института. Пассек держал дом на Мясницкой (ныне Липгарда). Юшков — масон, по фамилии которого назван переулок, построил дом в виде рога изобилия, где собирались московские масоны. Этот дом принадлежит теперь училищу живописи и ваяния и построен по проекту Баженова.

Близ Каретного ряда находился дом с громадным садом, принадлежавший Остерману-Толстому (теперь Духовной Семинарии), а рядом с ним и тоже с громадным садом (впоследствии Эрмитаж) — Корсакова. Эта местность изобиловала прекрасными прудами. У Старых Триумфальных ворот на Тверской стояли огромные дома с классическими портиками кн. Гагарина, строившего дома и в других районах, князя Белосельского-Белозерского и т. д. В Петровском парке, на прежнем Петербургском тракте, Екатерина выстроила подъездный дворец, который, носил характер смешения готического стиля с барокко.

И в центре города, но в меньшем количестве, жили вельможи екатерининского времени. На Тверской улице построил дом фельдмаршал З. Г. Чернышев, занимавший генерал-губернаторский пост с 1782 года по 1784, открывший учрежденную Екатериной Московскую губернию, с новыми губернскими и сословными учреждениями. Для постройки этого дома послужил камень Белого города. Огромное скопление его на пустыре Тверской улицы и дало толчок Чернышеву к этой постройке. Дом этот был куплен казною для постоянного пребывания генерал-губернаторов. Первым по должности занял его в 1786 году граф Я. А. Брюс. На большой Дмитровке, после обнаружения жалованной грамоты дворянству, сословие

Деревянный дворец на Воробьевых горах.

приобрело для Благородного Собрания дом у генерал-аншефа В. М. Долгорукова. На Никитской улице были дома Долгоруковых и Лобановых-Ростовских. Дом последних поныне уцелел и перешел к графам Бобринским. На углу Знаменки и Арбатской площади стоял дом Апраксина с большим театром, построенный архитектором Кампорези. Теперь его занимает Александровское военное училище. На Воздвиженке выстроен был дом Шереметевых, существующий теперь. На Моховой существует доньше и принадлежит Румянцевскому музею дом Пашкова. Его стройный фасад, украшенный скульптурными фигурами, еще более был привлекателен на фоне зеленых газонов, на которых прежде били фонтаны и на дорожках которых разгуливали павлины. Между Пречистенкой и Арбатом, Поварской и Никитской, а также по линии строившихся бульваров селилось среднее дворянство, заводившее здесь свои усадьбы, отстроенные в стиле екатерининского классицизма. Вообще Москва при Екатерине II была по преимуществу городом удалившихся от дел вельмож и дворянства. В особенности здесь под конец этого царствования блистал своими празднествами и хлебосольством поселившийся в Нескучном князь Орлов-Чесменский. Со столицей тесно связаны были подмосковные поместья дворянства, из которых многие блитали роскошью своих построек и великолепием парков, как, например, Останкино и Кусково Шереметевых, Архангельское Юсуповых, Кузьминки Голицыных, Братцево Щербатовых, Знаменское Трубецких и т. д.

Церковными памятниками екатерининского времени являются следующие:

В память своего восшествия на престол императрица построила на Солянке церковь во имя свв. Кира и Иоанна (теперь Сербское подворье). Строителем ее был ученик Растрелли архитектор Карл Бланк. Сын знаменитого архитектора Казакова, Родион создал прекрасную колокольню Андроньевского монастыря. Но император Павел I не позволил поставить над нею последний этаж, чтобы она не стала выше Ивана Великого. Тому же архитектору принадлежат прекрасные церкви Мартина Исповедника на Алексеевской улице и Филиппа Митрополита на 2-ой Мещанской. Но лучшей церковью эпохи екатерининского классицизма является красивый по своим пропорциям храм Большого Вознесения на Никитской улице, которая прежде называлась Царицынскою потому, что здесь были владения цариц Анастасии Романовны и Наталии Кирилловны, а Никитскою она именуется по Никитскому монастырю, построенному боярином Никитою Романовым.

У Никитских ворот, близ церкви Феодора Студита, находился родовой дом героя екатерининской эпохи А. В. Суворова. В этой церкви он в молодости читал апостола и при каждом посещении Москвы поминал своих родителей. В приходе же Большого Вознесения провел свою юность другой знаменитый человек екатерининского времени — Потемкин.

Но Москва того времени была не только центром барства, с его праздниками, комфортом и роскошью, но и важным просветительным пунктом. Помянем немногих, получивших еще в елизаветинское время в университетской гимназии и пансионе и самом университете свое образование, каковы Новиков и Карамзин, которые в Москве приобрели большое просветительное значение. Новиков, окончив университет, был офицером Преображенского полка и был командирован в Москву для письменных занятий в комиссии по составлению проекта нового уложения. Сперва он составлял «дневные записи» по VII отделению комиссии «о среднем роде людей», а потом и журналы общего собрания комиссии и докладывал их императрице лично. Еще более выдвинувшись в Петербурге изданием таких сатирических журналов, как «*Трутенъ*» и «*Живописецъ*» и началом такого исторического издания, как «*Россійская Вифлиофика или Собрание древностей Россійскихъ*», Новиков переселился в Москву и арендовал здесь университетскую типографию и «*Московские ведомости*». Здесь он через профессора Шварца сблизился с масонами и вступил в их «Дружеское ученое общество». В Москве Новиков развил чрезвычайно широкую просветительную деятельность: кроме «*Московских ведомостей*» выпускал еженедельные приложения к ним, издавал журналы и книги для народа, завел в Москве несколько книжных лавок, одну при университете, завел и другую типографию на Садовой, где теперь Спасские казармы.

Влияние Новикова на Карамзина было очень сильным. В его журналах он начал печатать первые свои произведения. По его примеру он начал издавать «*Московский журнал*», в котором помещал, кроме своих статей, произведения Хераскова, Державина, Дмитриева и других лучших писателей своего времени. «Письма русского путешественника», и повести «Бедная Лиза» и «Наталья боярская дочь» доставили ему большую известность. Здесь же, в Москве, он начал свои архивные занятия по русской истории, которые, после издания в Петербурге «*Вестника Европы*», привели его к составлению его великого труда «*История Государства Россійского*», первые тома которого он писал частью в Москве, частью в подмосковной усадьбе князя Вяземского — селе Астафьеве.

В противоположность этим просветительным течениям при Екатерине II в Москве взяли силу старообрядцы. Главари беспоповцев Илья Ковылин, в генерал-губернаторство дряхлого фельдмаршала Салтыкова, под благотворительным предлогом устраивая карантинные больницы во время чумы, создал Рогожский раскольнический центр под именем Преображенского кладбища, где перекрещивались в Хапиловском пруде умиравшие православные и куда свозилось их выморочное имущество. Раскольники были виновниками чумного бунта, жертвой которого сделался убитый чернью архиепископ Амвросий.

Коронационная медаль Екатерины II.

Влияние на Москву царствования Екатерины II, в различных отношениях, было значительно. Но оно не ограничилось только ее временем, а продолжалось целое столетие, до царствования императора Александра II, или, точнее, до освобождения крестьян, с которого наша столица начинает терять характер города по преимуществу дворянского, с его помещичьими особняками, с ее особым бытом, налагавшим на все свой особый отпечаток.

Вообще же должно сказать, что как ни велики были перемены и потрясения XVIII века, они не произвели в Москве глубокого переворота. Первопрестольная столица, исторически славившаяся в своих коренных особенностях, осталась в своих основах тем же национально-русским центром, каким она была всегда, и сохрани-

ла в России свою притягательную силу. Это тем более удивительно, что политическое, правительственное средоточие Русского государства Петром I перенесено было на берег Невы, в новую столицу. Производились всевозможные реформы, высшие классы переряжались в западно-европейские парики и костюмы, носились новые образовательные веяния до масонства, вольтеррианства и революционного энциклопедизма включительно, а Москва по-прежнему

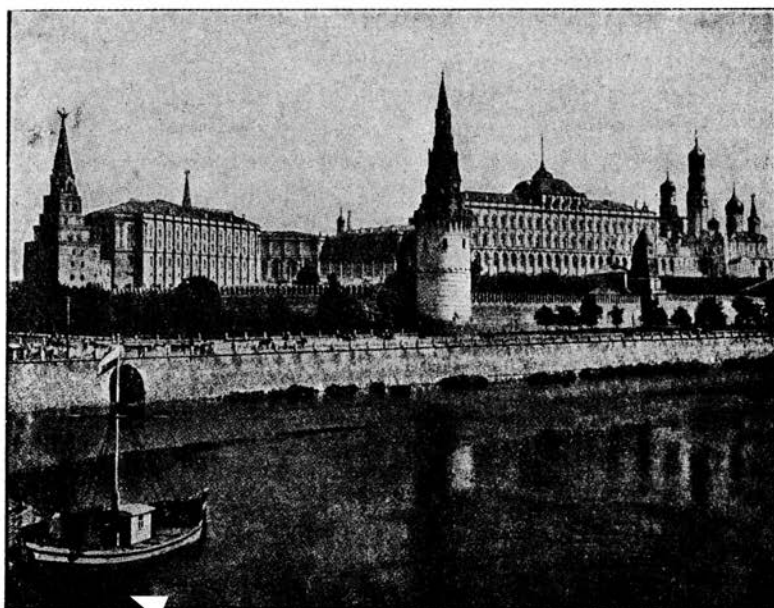
Подпись императрицы.

оставалась православно-русским городом, в громадном большинстве своего населения. Перевоплощавшиеся то в немцев, то во французов московские вельможи в своих новых палатах то стилия ренессанс, то барокко, то рококо, оставались, по-старинному, русскими боярами, с их хлебосольством, с их усердием к храмам Божиим, которые теперь они строили уже в виде домовых церквей, и вообще хранили старые предания. В том же духе, хотя и в меньшем размахе, жило среднее дворянство. О купечестве, сохранившем свои долгополые одежды и дутые сапоги до 60-х годов XIX столетия, до времен Островского, и говорить нечего. Оно составляло лишь верхушку нашего, до сего времени мало изменяющегося крестьянства. А между тем оно, как заметил еще покойный И. Е. Забелин, к началу XIX столетия составляло ни больше ни меньше, как две трети всего населения нашей столицы. Этот почтенный историк Москвы говорит, что в эту эпоху из трех москвичей двое были крестьяне, притом крепостные, из которых один был дворовый, а другой при-

надлежал к крестьянской земледельческой семье. Москва, имевшая зимой по 600 тысяч жителей, летом оставалась с тремястами тысяч населения, потому что весной помещики уезжали из своих барских особняков и увозили в поместья своих крестьян, составлявших не только их прислугу, но и разнородных домашних ремесленников и музыкантов, хористов и даже актеров. Немало, до половины прошлого столетия, среди купечества было крепостных, которые платили гильдию и наживали миллионные капиталы.

Точно так же и новые губернские и сословные учреждения императрицы Екатерины II только внешним образом изменяли конструкцию московской администрации и разных классов населения, оставляя в Москве, в ее глубинах, все по-старому.

XVII

Москва в XIX столетии

кратковременное царствование императора Павла I и часть — Александра I, до великой войны 1812 года, Москва, как дворянский центр, продолжала обстраиваться и жить в прежнем направлении, на котором мало отразились и мрачный характер первого правления, и либеральный — второго. Классический стиль продолжал по-прежнему господствовать в постройках, хотя уже в это время начинают, по примеру Франции, применять у нас и стиль *empire*, проводниками которого были строители Жильярди и Витали и их русские ученики. Но расцвет и господство этого стиля относится уже к эпохе, наставшей после нашествия Наполеона. В это же время достраивались постройки прежнего царствования, как церковь Мартина Исповедника, Андрониевская колокольня и дома московской знати.

В это время начинает проявляться отток дворянства из окрестностей Яузы в центр Москвы, к Арбату, Пречистенке, Знаменке, Староконюшенной и прилежащим переулкам.

Екатерининские орлы, как Zubov, Мусин-Пушкин, Разумовский доживали свой век вблизи Немецкой слободы, а князь Орлов гонял своих рысаков из Нескучного по Замоскворечью.

Но новое поколение дворянства, особенно под влиянием своих заграничных странствований, тянулось к новой обстановке жизни. В одежде преобладали моды сперва директории, а потом империи.

На домах появились строгие орнаменты античного характера, тонкие карнизы, красивые окна с львиными над ними масками, барельефы за колоннами, на фронтонах венки, в простенках светильники и факелы и во всем изысканная симметричность.

В этом стиле еmpirе в то время под Новинским князь Гагарин выстроил прекрасный, существующий доселе особняк, а Всеволожский огромный дом на Пречистенке, теперь перестроенный для военного ведомства. Жиларди выстроил на Солянке для Опекунского совета красивое здание того же стиля.

В екатерининское время Москве задавали тон вельможи, тон величественного великолепия. Дома-дворцы с роскошными парками и большими прудами, с великолепными картинными галереями, с театрами, со своими оркестрами и хорами из крепостных, с лукуловскими обсадами и феерическими балами, открытыми «для званых и незваных», сосредоточивали культурную жизнь Москвы в немногих домах знати и не давали возможности развиваться обществу в средних кругах. Не то стало при Александре I. При нем все эти празднества у немногих раздробились между множеством живших в Москве семейств уже среднего дворянства. Стала развиваться клубная жизнь, общественные увеселения, театральные зрелища за плату. Английский клуб привлекал мужчин не только своими обеденными и карточными столами, но и своей читальней и политическими беседами; а танцевальный клуб — лиц обоего пола. Бульвары, недавно строившиеся особняками по линии своих проездов, переполнялись гуляющими. Кузнецкий мост, куда из Немецкой слободы перешли заграничные магазины, стал не только местом для покупок модниц и модников, но и местом прогулок и всевозможных свиданий. Балы, маскарады, рауты из домов екатерининской знати раскинулись по множеству дворянских домов Москвы и становились даже общественными и платными, когда устраивались в клубах. В театре на Арбатской площади шли всевозможные представления. В одни дни там играла французская труппа со знаменитой артисткой Жорж, а в другие — русская, с артистками Семеновой и Сандуновой. Перед самым вторжением Наполеона репертуар, за отъездом французов, стал исключительно русским

Amiraglio
[Signature]

и патристическим. Ставилась сатирическая (по отношению к увлечению иноземщиной) «Модная лавка» Крылова и драмы — «Наталья боярская дочь», «Добрые солдаты», оратория Дехтерева «Минин и Пожарский» и оперы Кавоса «Илья Богатырь» и Шаховского «Иван Сусанин», в которой последний оставался жив.

В Москве возникали кружки для чтения литературных произведений и бесед, которые касались иностранной политики, особенно ослепительных побед Наполеона I. Много было политических разговоров в Английском клубе, в котором выписывались иностранные газеты и журналы.

Но Москва высших и средних классов ее населения с первых лет царствования Александра I неудержимо предавалась увеселениям. Вигель в своих записках говорит: «Каждая зима в Москве походила на шумную неделю масленицы». Его современник Булгаков пишет в 1805 году сыну: «Балам нет конца, и не понимаю, как могут выдерживать. Ежели сумасшествие продолжится всю зиму, то все переколют и к будущей — нужен будет рекрутский набор танцовщиц». Примечательно, что такое беззаботное веселье царило в Москве до самого лета 1812 года, хотя немногие зоркие люди уже ясно видели, что заключенный императором Александром I в 1807 году союз с Наполеоном I непрочен и что война с ним быстро надвигается на Россию.

Самое вторжение в Россию армии *двадцати* язык и манифест об этом русского царя были для огромного большинства москвичей неожиданностью. Правда, что простой народ не без страха всматривался по ночам в огромную комету, которая казалась мечеобразной и которую Наполеон называл «своей путеводной звездой в Россию». Только немногие, считавшие Наполеона антихристом и апокалипсическим Аполионом, имя коего равняется звериному числу 666, сопоставляя его с 665 годом с основания Москвы, ждали большой беды для самой нашей столицы. Весть о вторжении в наши пределы неприятелей, конечно, заставила всех встрепенуться. Москвичи толпами собирались к Казанскому собору, близ которого на Никольской находилась управская типография, из которой выпускались военные известия. Но тогдашний генерал-губернатор, называвшийся московским главнокомандующим, граф Ф. В. Ростопчин принимал все меры сохранить в народе дух бодрости и готовности к пожертвованиям. В выпущенной 1 июня первой еще своей простонародной афише он высмеивал, как что-то невероятное, намерение Бонапарта «идти на Москву». Он предсказывал, что русские морозы заморозят солдат Наполеона, что их раздуют

Граф Ростопчин.

русские щи и каша и вообще сулил врагам полную гибель. Уже с появлением этой еще анонимной афиши стали корить Ростопчина за шовинизм. Но, по правде, их приподнятый патриотический тон принес много добра. Вот что говорил он, не без преувеличений, впрочем, обращаясь от простых русских людей к Наполеону: «А знаешь ли ты, что у нас на Руси? — Выведем 600 000 войска, да за-

бритых молодых рекрут 300 000, да старых рекрут 200 000. А все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные. А коли понадобится, скажи нам батюшка Александр Павлович: *сила христианская, выходи!*, и *высыпет безконечная, и свету Божьего не увидишь*».

Конечно, можно корить графа Ростопчина и за неверное исчисление военных сил России, цифры коих едва ли кому были в то

Медаль 1812 года.

время известны, можно также критиковать и простонародный тон его афиш, но нельзя не воздать ему должного за его веру в непобедимость России и в то, что она не пожалеет ничего для своего спасения. Это-то в значительной степени подготовило глубокое патриотическое воодушевление Москвы, сказавшееся здесь незабываемой встречей народной государя, громадными денежными пожертвованиями и поразительным сбором ратников ополчений.

Во время недавних юбилейных празднеств в память столетия Отечественной войны очень часто повторялись трогательные подробности встречи государя на Поклонной горе 10 июля 1812 года и его выхода из дворца в кремлевские соборы, а также приема им в Сло-

бодском дворце московских сословий. Глубочайший энтузиазм, охвативший все московское население, был великим и спасительным для всей России примером. Хорошо было то, что москвичи и при известиях об отступлении наших армий оставались спокойными; одобрительно также и то, что Ростопчин тихо выпроваживал из Москвы иностранцев, в особенности французов, вследствие чего

Митрополит Платон.

с Кузнецкого моста исчезли французские магазины и заменились русскими; похвально и то, что главнокомандующий своими руками спас на Ильинке двух немцев, на которых накинута была толпа разъяренных купцов. Но важнее всего, что только немногие читавшие иностранные газеты в кофейнях, как, например, Верещагин, выданный Ростопчиным народу уже перед самым оставлением Москвы, решались устрашающим образом говорить о Наполеоне, например, об его словах в прокламации к союзникам: «Не пройдет

и 6 месяцев, как две северные столицы (Москва и Петербург) узрят в стенах своих победителей всего мира...»

С глубокой верой в победу над врагами в Москве добровольцы записывались в ратники московского ополчения. На московских гуляньях, например, у Новоспасского и Андроньева монастырей, бы-

Архиепископ Августин.

ли устроены палатки с развешанным в них оружием. Посредине находился стол, покрытый красным сукном с золотыми кистями и подушками. На нем лежала бархатная пунцовая книга, куда записывали свои имена добровольцы, вступавшие в народное ополчение. Первым добровольцем явился редактор «Русского вестника» Ф. Глинка, а затем историк Калайдович. Скоро на московских улицах стали встречаться новые ратники в мундирах русского покроя

с крестами на шапках и привлекали к себе самое сочувственное внимание населения. Через Москву проходили полки, среди которых особое внимание привлекали конные отряды калмыков и киргизов в их своеобразных народных одеждах. 14 августа граф Ростопчин, между Сухаревой башней и Спасскими казармами, делал смотр первому 6-тысячному отряду московских ратников. Заменявший престарелого митрополита Платона архиепископ Августин отслужил им напутственный молебен, сказал прекрасную речь и вручил им взятые из соседней церкви Спаса во Спасском две хоругви, так как ополченские знамена еще не были готовы. Во многих домах кипела оживленная работа по изготовлению перевязочных средств для раненых; редко где не щипали корпии. Москва радостно приветствовала победу Витгенштейна при Клястицах и назначение главнокомандующим Кутузова, тепло поминала она павшего на поле битвы генерала Кульнева и вообще сохраняла бодрое настроение. Только падение Смоленска, который считался воротами Москвы, сразу омрачило ее население. Прибытие первых транспортов раненых, которых стали привозить тысячами и которых москвичи окружали самыми теплыми заботами, тревожно всколыхнуло осведомленные слои населения, а большинство полагалось на уверения графа Ростопчина, которые он рассыпал и на словах и в афишах, и считало, что Москва вне опасности. Однако многие семьи стали уезжать из Москвы, чему Ростопчин не мешал, говоря, что хорошо делают нервные дамы, что освобождают город от своих разговоров, но жаль, что с собой увозят мужчин. Сам же в августе подготовил транспорт в 15 тысяч подвод и стал тайно вывозить из Москвы ее государственные и церковные драгоценности, правительственные учреждения и женские учебные заведения. Выпроваживались также все еще оставшиеся иностранцы, которых эвакуировали в поволжские города в количестве 1600 человек.

Но с другой стороны, Ростопчин с громадным напряжением старался уберечь народ от паники. В своих афишках он давал ему понять, что в случае надобности он сам с москвичами, наравне с регулярными войсками, будет защищать Москву. Чтобы поддержать бодрость духа, он вызвал из Вифании митрополита Платона. В Кремле на Сенатской площади воздвигнут был амвон, куда были принесены чтимые святыни Москвы и хоругви. Сквозь громадные толпы, в карете, шестериком пугом, через Никольские ворота въехал умиравший первосвященник. Он обеими руками из окон кареты благословлял народ. За ним в открытой коляске ехал генерал-губернатор. С помощью иподьяконов с трудом вышел у Чудова мо-

настыря чтимый владыка. Лицо его было покрыто смертной бледностью. Народ с благоговением смотрел на возведенного на амвон в белом клобуке и фиолетовой мантии первосвященника. Но он уже не в силах был сам говорить народу. От его имени держал слово протодиакон. Владыка его устами умолял народ не волноваться, доверяться своим начальникам и покориться воле Божьей. По содрогавшемуся лицу старца лились слезы. Потрясенная площадь огласилась рыданиями. «Владыка желает знать,— сказал протодиакон,— насколько успел он убедить вас? Пускай все те, кто обещает повиноваться, станут на колена». Живая стена в слезах упала на колени. Взыгравший старец воздел руки к небу и осенил ее крестным знаменем. Поднял голос и Ростопчин. «Население не будет,— сказал он,— выдано врагу безоружным. Разбирайте оружие из арсенала, защита будет в ваших руках».

Церковь и власть спасли москвичей от опасного упадка духа. Но некоторые историки язвительно подчеркивают, что народ разбирал из арсенала ружья и сабли старые, к делу непригодные. Это правда. Но была более важная правда в том, что народ был спасен от ужасных последствий отчаяния. Приближались великие и грозные дни Бородина и военного совета на Филях об оставлении Кутузовым Москвы врагам. Крайне усиливался отток из Москвы множества семейств, заполонивших все дороги своими обозами, которые, благодаря предусмотрительности Ростопчина, выезжали из Москвы, при всех затруднениях, безопасно. Те, кто выехать не могли, читая последние афишки Ростопчина, утешали себя тем, что вот он созовет «на три горы» оставшихся в Москве молодцов и что еще раз будет дана битва под Москвой.

Но битвы не было дано, и Кутузов, чтобы спасти войско, вынужден был сдать Наполеону Москву. Наступила трагедия, ужасная для первопрестольной столицы, но зато спасительная для России и гибельная для самого западного завоевателя.

Не станем повторять известные подробности о выходе отсюда наших войск, о вступлении сюда Наполеона, о жутком впечатлении на него, что столица покинута населением и предана народом всеожжению. Эта высоконравственная и глубокопатриотическая жертва показалась носителям кичливой западной культуры скифским варварством. Но они сами, в течение недолгого своего пребывания в Москве, от 2 сентября по 11 октября, проявили неслыханную по дикости мстительную злобу и невероятное варварство.

Покинуть столицу тремстам тысяч населения, оставив врагам и дома свои, и громадную недвижимость, среди которой находи-

лись богатства, денежные и драгоценные картинные галереи и колоссальные библиотеки, явилось подвигом, до которого не дотянулась ни одна из столиц Запада: все они раболепно подносили Наполеону ключи от своих крепостей. Но сила этого подвига возвышается еще тем, что сами москвичи сожгли свою создавшуюся веками столицу, чтобы она не доставалась наглому врагу. И это дело было всенародным, почин которому положил граф Ростопчин, вывез-

Наполеон на Поклонной горе. С карт. Верещагина.

ший из Москвы все пожарные обозы и приказавший полицейским поджечь винные склады, а на Москве-реке барки с хлебом, ставшие плавучими платформами огня и пожаров...

Уходившие от Москвы войска и народ, оглядываясь на зарево исполинского пожара, набожно крестились и трогательно говорили: «Горит родная мать наша, как свеча перед Богом».

Один из последующих поэтов прекрасно выразил идею этой народной жертвы все소жжения.

Обращаясь к погибшим защитникам отечества, он говорит:

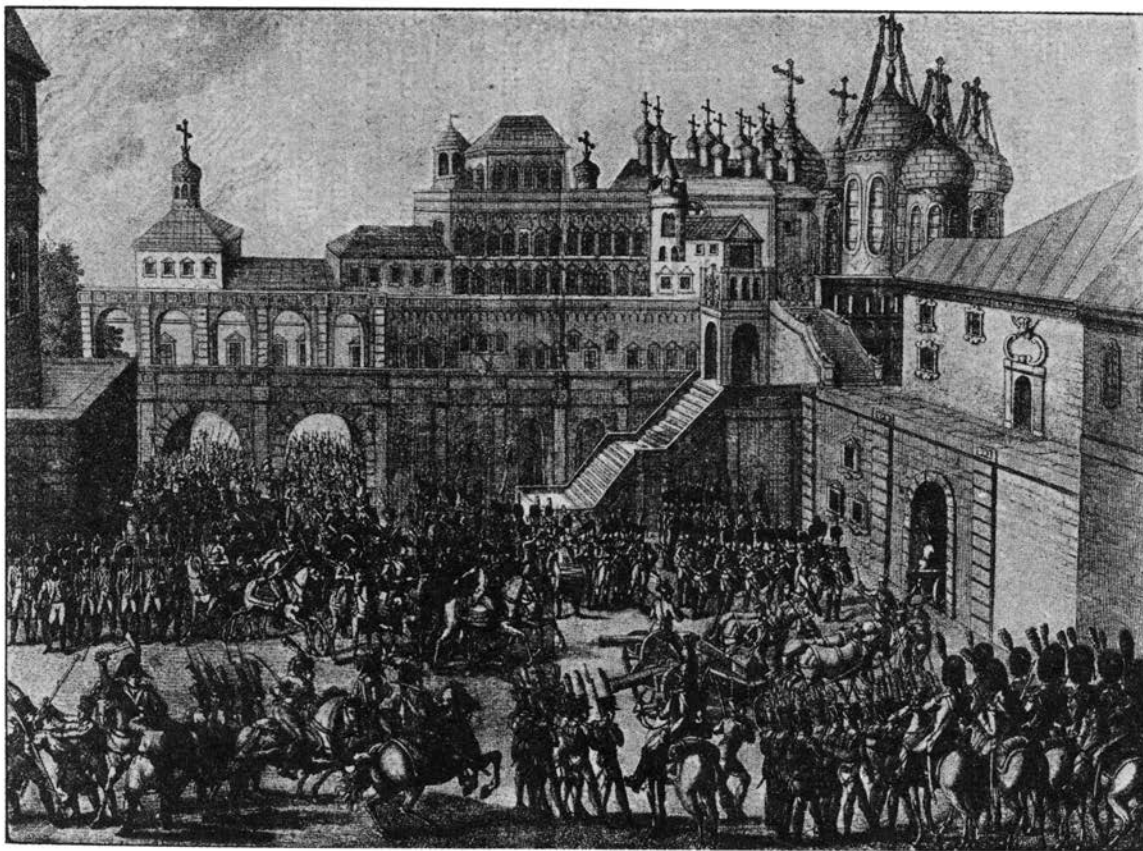
У нас не было вдоволь свеч про вас,
Вдоволь не было воску ярого:
Мы зажгли за вас лишь одну свечу
И поставили в храме Божиим,
Лишь одну свечу — Москву-матушку,
Вам, друзьям нашим, в упокой души,
А врагам лихим к посрамлению.

Более напряженное и непримиримое, по отношению к чужеземным завоевателям, чувство звучит в словах другого поэта:

Гори, родная! Бог с тобою,
Я сам, перекрестясь, с мольбою,
Своею грешною рукою, тебя зажег.
Враги в Москве, Москва в неволе.
Пусть гибнет все. Своей рукою
Свой дом зажег. Гори со мною...
Москва пылает за отчизну,
Кровавую готовьте тризну...

Если огонь московского пожара поднял в русском народе несокрушимую энергию для борьбы с полчищами Наполеона не на живот, а на смерть, то он же впервые сокрушил веру в свою звезду этого гордого победителя в 50 битвах.

Граф Сегюр был свидетелем того глубокого потрясения, какое испытал Наполеон на другой день после своего первого ночлега в Кремле, во дворце русских царей. Проснувшись раньше обыкновенного, он стал было спокойно рассуждать со своим лейб-медиком о причинах московского пожара. Но вдруг в окне увидел страшное зарево, вскочил с постели, толкнул мамелюка, надевавшего ему сапоги, так что тот упал навзничь, и впился глазами в бушевавшее по всему Замоскворечью море огня. «Первым его движением,— говорит граф Сегюр,— был гнев: он хотел властвовать даже над стихиями. Но скоро он должен был преклониться перед необходимостью. Удивленный тем, что, поразив в сердце Русскую империю, он встретил не изъявления покорности и страха, а совершенно иное, почувствовал он, что его победили и превзошли в решимости. Это завоевание, для которого он принес все в жертву, исчезало в его глазах в облаках страшного дыма и моря пламени. Им овладело страшное беспокойство; казалось, его самого пожирал огонь, который окружал его в Москве. Ежеминутно он вставал, ходил порывисто по дворцу, принимался за работу и бросал ее, чтобы посмотреть в окно на море огня. Из груди его вырывались короткие восклицания: «Какое ужасное зрелище: это они сами поджигают город; сколько пре-

Французы в Кремле. С современной парижской гравюры.

красных зданий, какая необычайная решимость! Что за люди! Это скифы...»

И на острове св. Елены, доживая свою бурную жизнь, Наполеон каждый раз при слове «Москва» испытывал глубочайшее волнение, вздрагивал всем телом и однажды написал в своих записках:

«Никогда все поэты, изображая сказочный пожар Трои, не могли в своем изображении представить что-либо похожее на действительный пожар Москвы. Ужасающий ветер раздувался самым пожаром и производил огненные вихри. Перед нами был буквально океан огня. Повсюду поднимались горы пламени, с невероятной быстротой вздымались к раскаленному небу и так же быстро падали в огненное море. Это величайшее и поразительнейшее и в то же время ужаснейшее зрелище, какое мне когда-либо приходилось видеть...»

Так описывает он эту жертву всеожожения, которую русский патриотизм, не останавливаясь ни перед чем, принес для спасения своего отечества.

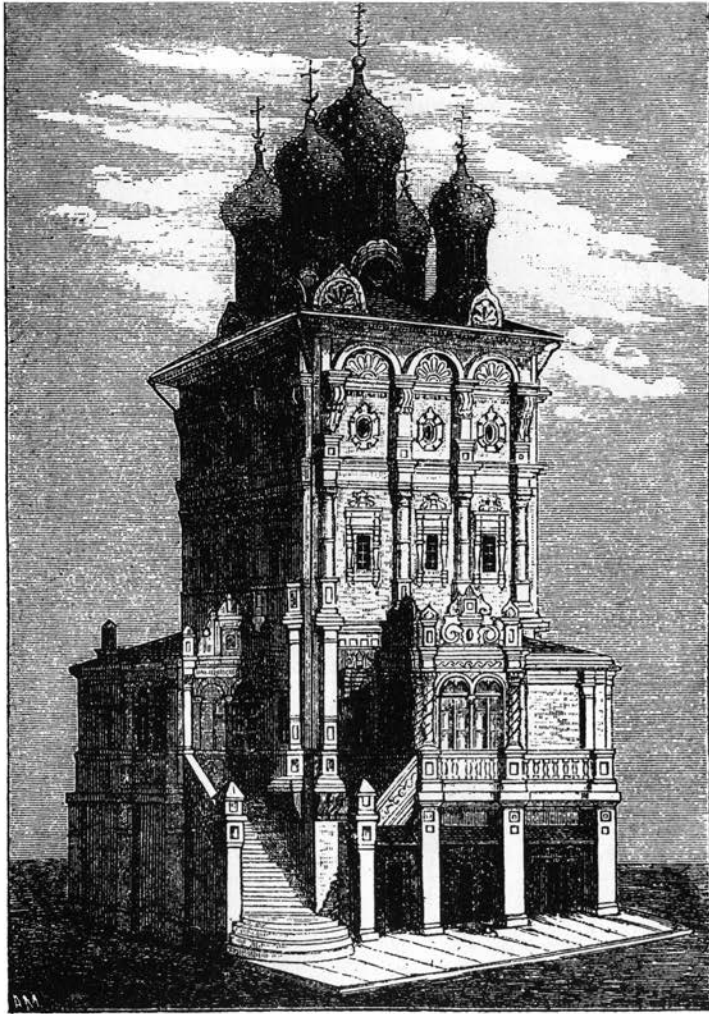
От горевшего Китай-города с Никольской и Ильинкой и из громадных товарных складов, от горевшего Замоскворечья, от пожара громадных винных казенных складов, вследствие пожарных вихрей, летели на Кремль не то что искры, а громадные головни, которые едва успевали тушить солдаты расположенной в Кремле молодой гвардии. Кремль был в страшной опасности, потому что в нем было много пороховых ящиков и взрывных снарядов; он гудел от адской музыки, от свиста и рева огненных смерчей, от грохота падавших по всей Москве стен, от жалобного стона разбивавшихся при падении колоколов. Но Наполеон, показывая наружное спокойствие, не расставался с дворцом.

Наконец раздались крики: «Горит Кремль!» Загорелась Троицкая башня и арсенал. Тогда только Наполеон вышел из дворца и сам стал тушить пожар, но маршалы на коленях упросили его покинуть Кремль, из которого он с величайшим трудом выбрался в Петровский дворец; на пути он едва не погиб в огне: его вывели из моря пламени повстречавшиеся французские солдаты. Только после продолжительных блужданий Наполеону удалось добраться до Петровского дворца. Долго молча смотрел он отсюда на страшное пламя Москвы и глухо сказал: «Это предвещает нам великие бедствия...»

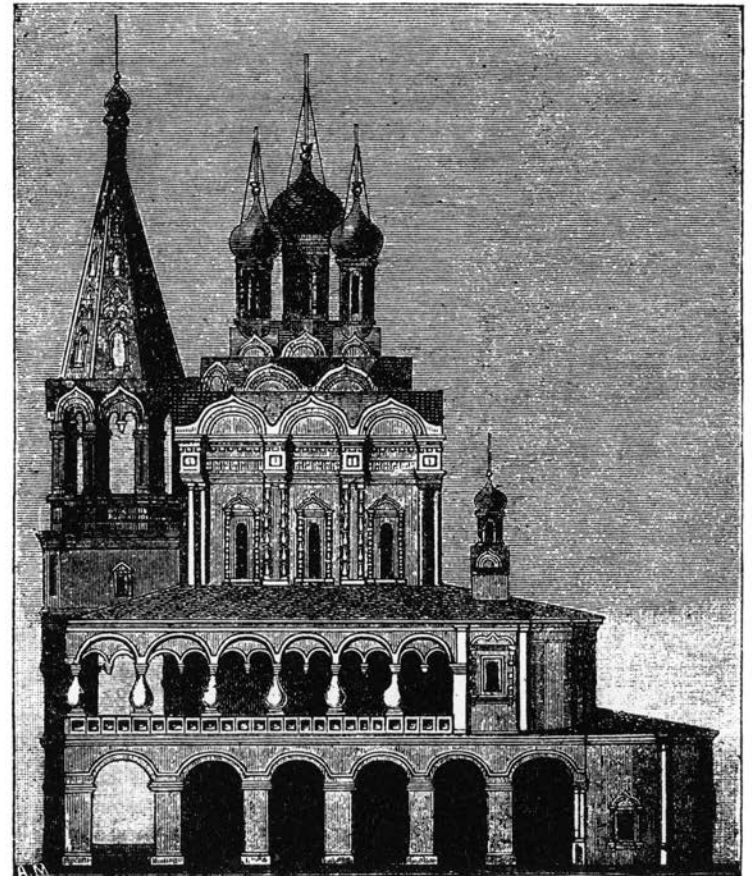
Через три дня, когда сгорело более трех четвертей города, Наполеон вернулся в Кремль.

Но с начала московского пожара для него уже не было ни в чем

ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО XVII ВЕКА.

Храм Николая Чудотворца на Ильинке.

Храм Св. Николая на Столпах.

ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО XVII ВЕКА.

Храм в селе Тайнинском.

Церковь в селе Останкине.

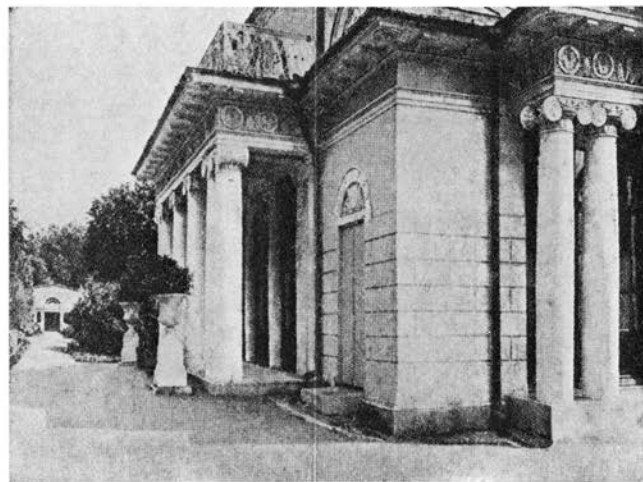
ТИПЫ ПОСТРОЕК ЕКАТЕРИНИНСКОГО И АЛЕКСАНДРОВСКОГО ВРЕМЕНИ.
ФАСАДЫ И ДЕТАЛИ ПОСТРОЕК.

Площадка лестницы.

Верх лестницы.

Беседка в саду.

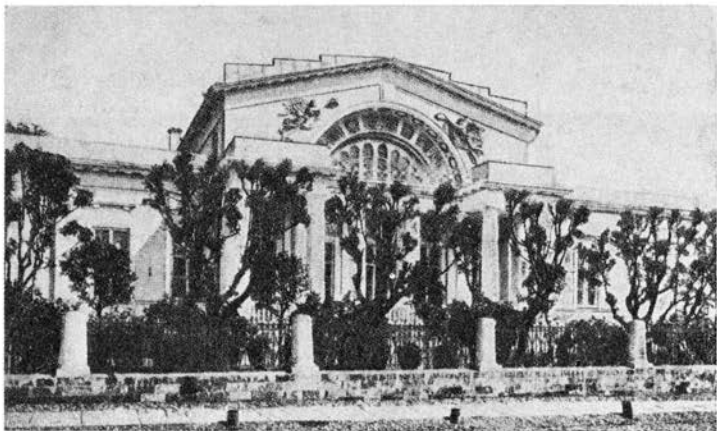
Благородное Собрание.

Сенат.

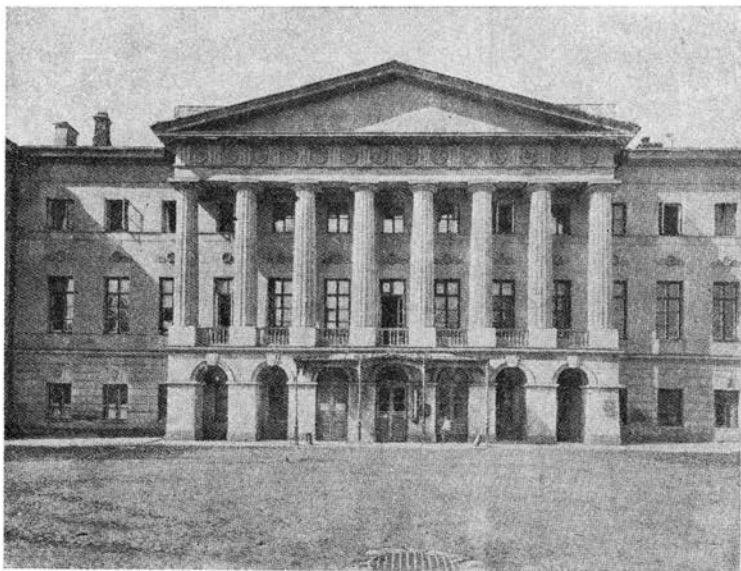
Милосердие. Витали.
На воротах Воспитательного дома.

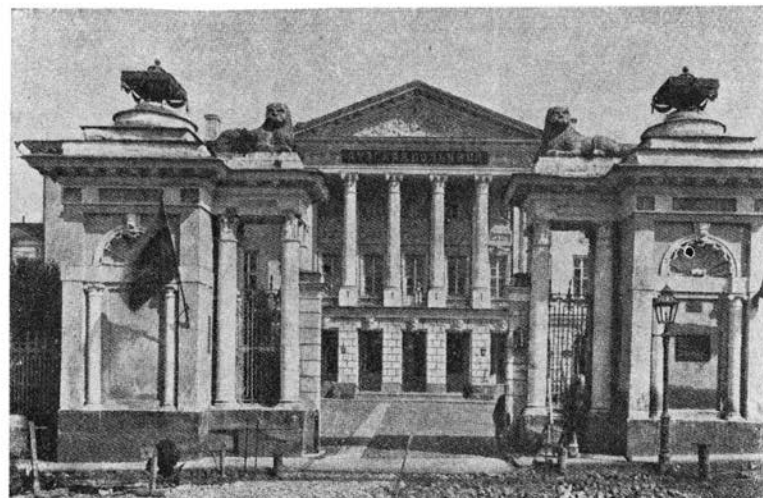
Барский дом на Новинском бульваре.

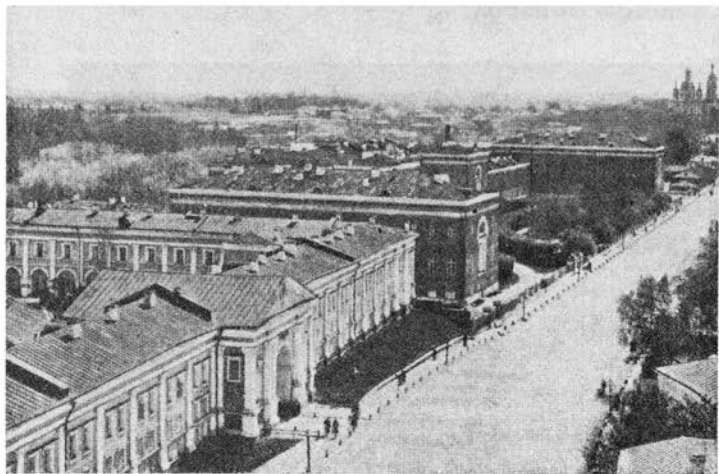
Нескучный дворец.

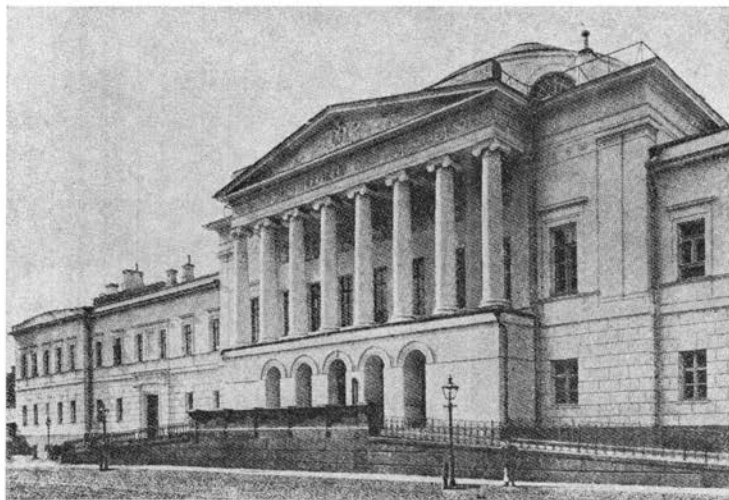
Английский клуб.

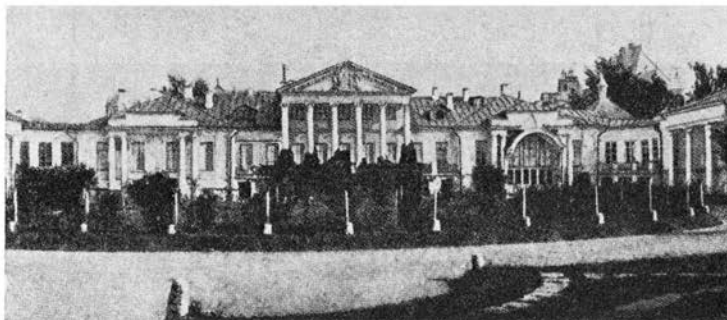
Яузская больница.

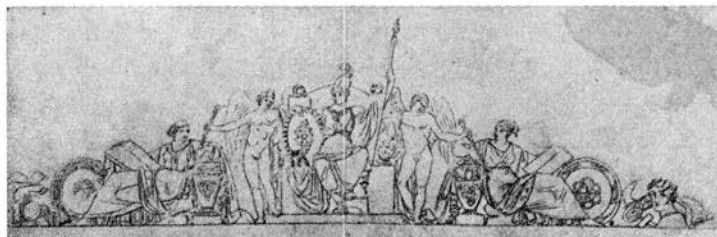
Остатки Слободского дворца.

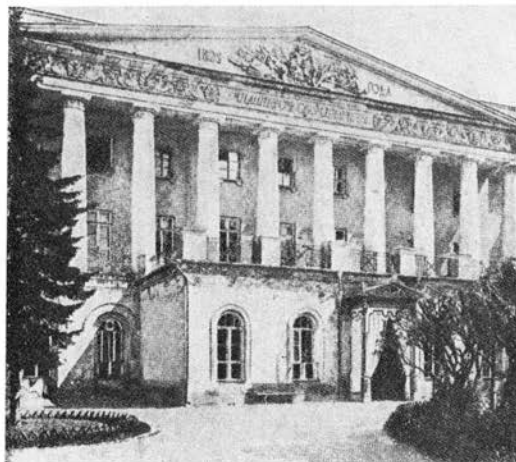
Опекунский Совет.

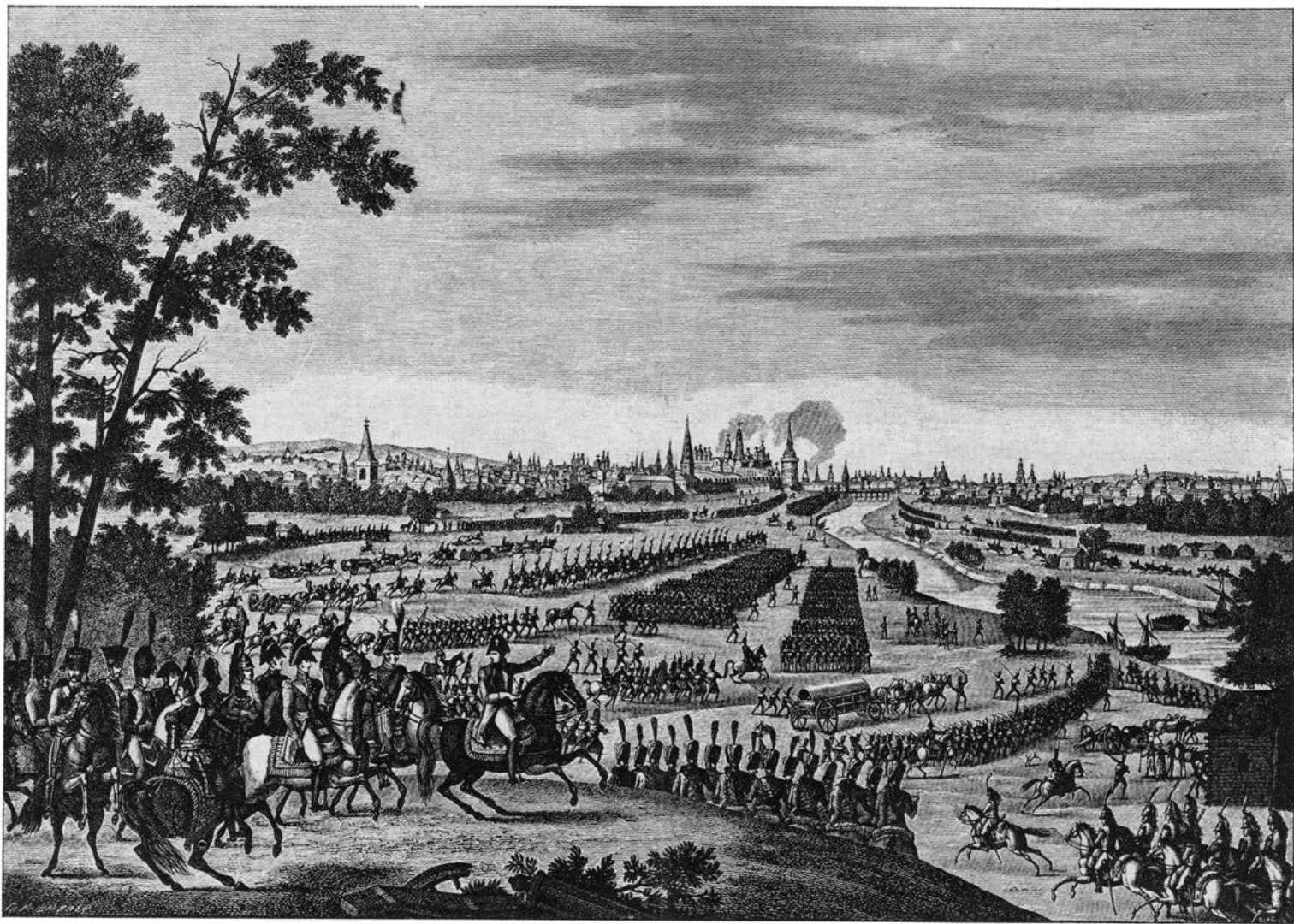
Барский дом на Поварской.

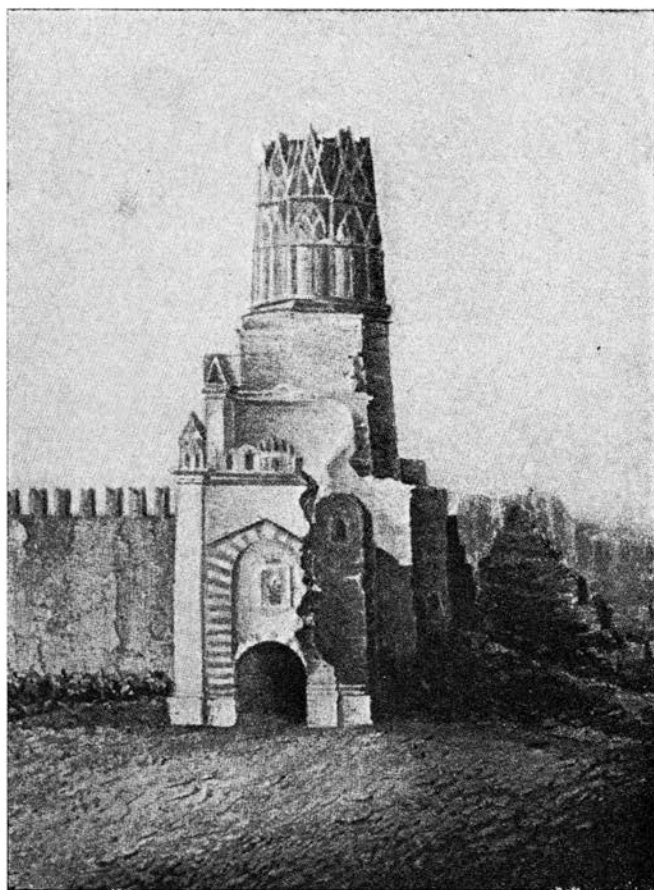
Барельеф
Слободского дворца.

Екатерининский институт.

Вступление неприятеля в Москву. С французской гравюры.

Взорванная Никольская башня.

Пожар Москвы. С французской гравюры.

удачи, и ему пришлось видеть, что все вокруг него рушится, падает и влечет его самого в пропасть.

Он организовал в Москве свое управление, свой суд и муниципальный совет. Но его управлению, с генерал-губернатором Мортье во главе и обер-полицеймейстером Вильером (бывший лектор французского языка в нашем университете), нечего было делать за отсутствием населения. Организованный здесь суд ознаменовал

Бивак французов в Москве.

себя только тем, что захватил несколько десятков ни в чем не повинных москвичей, пугливо бродивших по пожарищам, обвинил их в поджогах Москвы и расстрелял их, одних близ Петровского монастыря, других на Девичьем поле. Совершенно было бесполезно учреждение и муниципальной думы, с городским головой купцом Находкиным во главе. Эта дума собиралась на Маросейке, в доме графа Румянцева, но и ей нечего было делать. Напрасно также Наполеон издавал прокламации, призывавшие скрывавшиеся остатки населения не бояться ничего и стать под защиту нового управления. Напрасно также призывались к возвращению в Москву те, кто ее покинул до вступления «великой армии». Той же неудаче подверг-

лись попытки добиться открытия здесь торговли на рынках и в лавках. Обращение к окрестному населению продавать в Москве предметы продовольствия не нашло себе отклика; несколько крестьян, сделавших попытку провезти сюда хлеб, были ограблены неприятелем у самой столицы. Даже запрещение пускать в народ фальшивые ассигнации, отпечатанные Наполеоном в количестве $1\frac{1}{2}$ миллиона, и приказ рассчитываться за все настоящей монетой не давали результатов. Народ, очевидно, занял непреклонно неприимое положение по отношению к врагам.

Пожар Москвы.

Но они со своей стороны не только не делали ничего к смягчению этой ненависти, но, напротив того, с поразительным ослеплением и дикой жестокостью подливали в огонь масла.

Носители западной культуры уже в первые часы своего пребывания в Москве начали возмутительные грабежи, и с чрезвычайной быстротой *вся* великая армия на собственную свою погибель обратилась в шайки мародеров, не знавшие никакой дисциплины, никакого удержу. Мы намеренно говорим *вся*, потому что в грабеже уча-

ствовали не только солдаты, но и генералы. Так современники отметили грубый цинизм, с каким наполеоновские генералы в Каретном ряду грабили великолепные кареты и коляски. Наполеон, не ради, разумеется, гуманности и культурности, а ради спасения своего войска от разложения, своими приказами пытался остановить грабежи в Москве, но он сам засвидетельствовал, что им не повинуются, установил, что даже старая гвардия, охранявшая его осо-

Наполеон среди развалин Москвы.

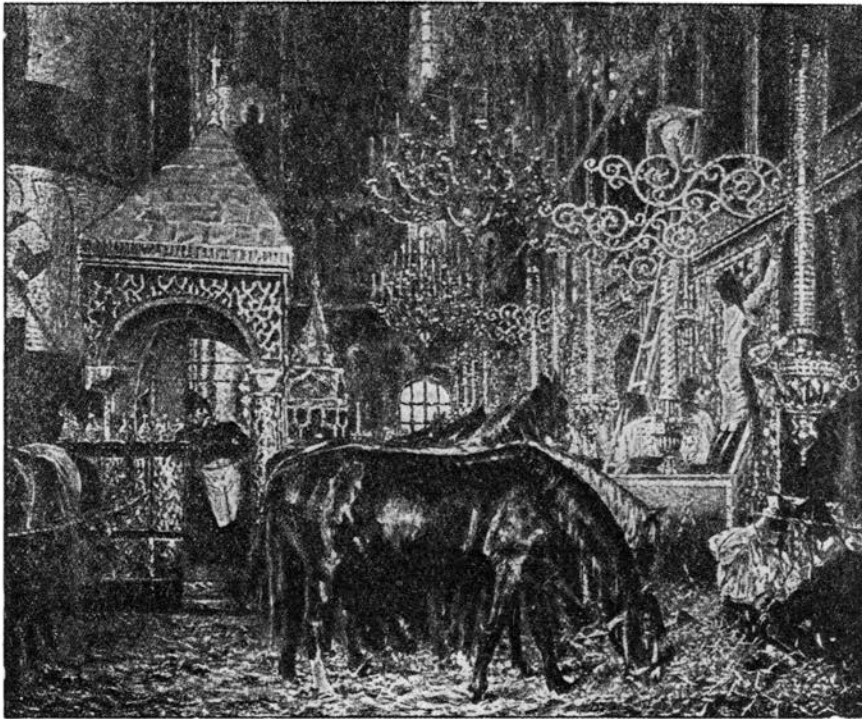
бу, предавалась грабегам не только достояния москвичей, но и складов самой великой армии.

Самая картина грабежей представляла нечто невероятное: грабили решительно все и всех, грабили не только покинутые подвалы богатых людей, богатые магазины и лавки, но и отнимали последнюю одежду и снимали крест с тех бедняков, которые укрывались в землянках или прятались в обгорелых сараях и погребах. С несчастных женщин снимали все до последней нитки и обесчещенных отпускали нагими, считая своей собственностью не только золото и драгоценности, но и тряпье, прикрывающее коченеющее тело.

Ужасную картину чудовищных экспроприаций представляла Москва, когда 7 сентября Наполеон возвращался из Петровского

дворца в Кремль. Всюду он встречал группы солдат, сидевших у костров. Они были огорожены или великолепными в золоченых рамах картинами, или громадными зеркалами. В костры подбрасывалось полисандровое дерево от клавикордов и художественной мебели, под ногами были разостланы богатые ковры.

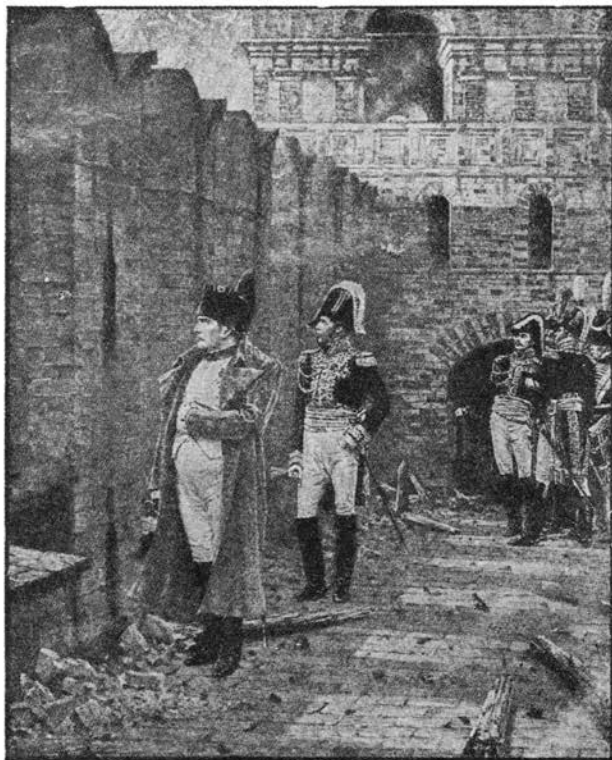
Но было и худшее в этих грабежах, что переполняло чашу народного терпения: это разграбление храмов, откуда с диким кощунством были уносимы священные сосуды, церковные облачения и ризы с икон.

В Успенском соборе.

Это возмутительное святотатство соединялось с тенденциозно злобным осквернением православных святынь. Католики, протестанты и атеисты XVIII века с особой демонстративностью подчеркивали свое надругательство над религиозным чувством русского народа; обманутые в расчетах на его раболепство, они без всякой пользы для себя выкалывали на иконах глаза священных изображе-

ний, кололи на лучину иконы, выбрасывали мощи из ограбленных раков, обращали в конюшни именно алтари, на паникадилах вешали мясные туши. В этой дикой злобности соревновались с простыми фанатиками маршалы, обедавшие на престолах Чудова монастыря и Кремлевских соборов, и сам Наполеон, устроивший свою кухню в Архангельском соборе и приказавший снять с Ивана Великого его крест, чтобы водрузить его в Париже над Домом инвалидов...

Наполеон на Кремлевской стене.

Но сколько при этом было замучено и перебито москвичей, за недостатком документальных данных установить нельзя. Свидетели иноземного владычества в Москве говорят о множестве пыток, которым подвергали остававшихся в Москве священников и монахов, у которых вымучивали указания, где были скрыты церковные и монастырские сокровища. Установлена мученическая смерть за это священника церкви Сорока Мучеников: его истерзанное тело было похоронено в Новоспасском монастыре...

Выезд Наполеона из Москвы.

Если москвичи и жители окрестных сел убивали немало врагов, то это ничто в сравнении с тем, что творили последние.

Наполеон отлично понял все гибельное значение занятия Москвы и сам стал предлагать императору Александру I заключить мир. Глубоко взволнованный тем, что не получал ответа, он старался скрыть от окружающих свою тревогу разговорами, что предпримет поход на Петербург, что разделит Россию на прежние удельные княжества и раздаст их своим маршалам и русским боярам. Для демонстраирования своего мнимого спокойствия устраивал в Кремлевском дворце концерты, а на Никитской, в доме Позднякова, французские спектакли, и сам со своими маршалами посетил на Преображенском кладбище раскольников, которые присягнули ему на подданство. Втайне же он готовился покинуть Москву. Отправление из нее в начале октября авангарда Мюрата было началом очищения Москвы, но оно было совершено с большой поспешностью, потому что 5 октября Мюрат был разбит Кутузовым при Тарутине.

На прощанье с нашей столицей Наполеон обнаружил всю низость своего мстительного озлобления: он отдал приказ приготовить громадный взрыв Кремля с его соборами, дворцами, стенами и башнями, чтобы не оставить камня на камне в этом средоточии нашей истории и всероссийских святынь. Заранее пикетам был отдан приказ не допускать в окрестности Кремля и тех немногих русских, которым прежде были выданы пропуска. В самом Кремле саперы всюду копали траншеи и в них закладывали пороховые мины с фитилями.

В ночь на 7 октября началось выступление, представлявшее печальную картину выхода перегруженных добычей грабителей, и закончилось 10 октября. Последним выступил из Москвы отряд начальника арьергарда Мортье. Некоторые из неприятелей, объятые жалостью, впрочем, предупреждали москвичей быть на следующий день подальше от Кремля, а один гвардеец даже прямо сказал городскому голове Находкину: «Спасайтесь, если можете. Кремль будет взорван. Все приготовлено...» Страшная тревога распространилась среди оставшихся в Москве русских.

На 11 октября на Москву налегла темная ночь с ливнем. Вдруг ночную тишину прорезали один за другим три пушечных выстрела. Это из-за Калужской заставы подавал сигналы маршал Мортье. В Кремле раздался потрясший всю Москву и ее землю первый взрыв, за которым один за другим следовали 6 других взрывов. В окрестных домах провалились потолки, потрескались стены, полопались стекла, вылетели рамы. От землетрясения людей сбрасы-

Вступление русского войска в Кремль. *Современный рисунок.*

вало с постелей. Охваченные страхом люди выбегали из своих убежищ и под проливным дождем стояли на площадях и улицах и успокоились, когда стало светать и когда заблестели кресты Кремлевских соборов. Но скоро звон в церквах, начавшийся со Страстного монастыря, возвестил всем, что Москва свободна...

Хотя далеко не все подкопы взорвались, центр Москвы носил страшные следы разрушения. По берегу Москвы-реки дома были облеплены вонзившимися в стены осколками камней. Река засеребрилась от множества мертвой всплывшей рыбы. Никольская башня наполовину была разрушена, но над ее воротами остался невредимым образ Чудотворца Николая, даже стекло, покрывавшее его, и фонарь, висевший перед ним, были, к изумлению всех, целы. Арсенал был разрушен. Здание сената было сильно изуродовано, филаретовская пристройка к Ивану Великому была взорвана. Но соборы были все целы: в минных подкопах фитили были потушены, вероятно, ночным ливнем, из траншей было вынуто 60 пудов пороху. Взорваны были: Грановитая палата, дворец, Комендантский дом и Алексеевская башня. В Кремлевских стенах зияло пять больших проломов.

Несмотря на это, московские скитальцы собрались в храмах и с радостными слезами благодарили Бога за освобождение Москвы. Подошедшие к Москве казаки генерала Иловайского заняли город, и скоро здесь начал устанавливаться порядок. Возвратился сюда преосвященный Августин и привез святыни. Приехал и граф Ростопчин. Стало возвращаться население. Но потребовалось несколько лет, чтобы поднять Москву из пепла и развалин. И этот процесс ее воссоздания был в своем роде третьим ее основанием, если за второе принять ее восстановление за 200 лет перед этим, при царе Михаиле Феодоровиче, которому пришлось обстраивать Москву после страшной разрухи междоусобия и польского владычества.

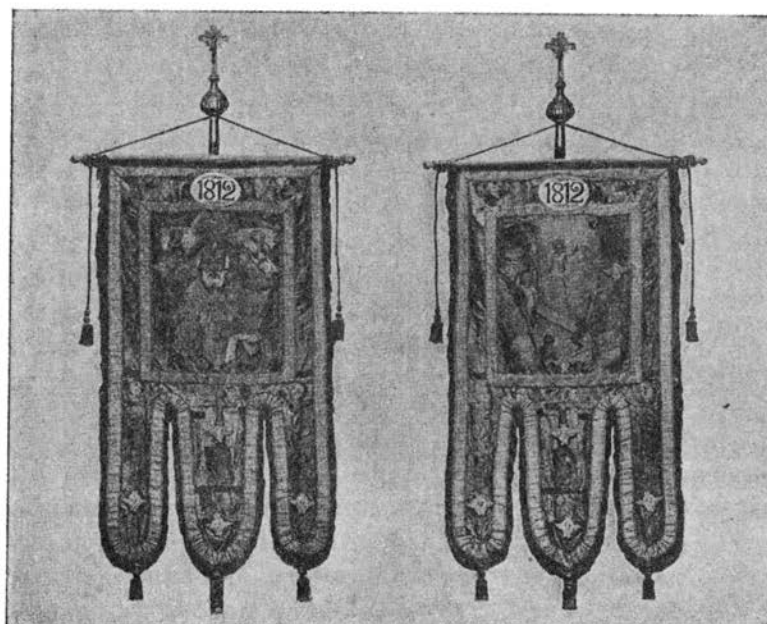
Вот итоги лихолетия 1812 года: из 9158 домов уцелело 2626, а из 8520 магазинов — 1368. Из 290 храмов сгорело 127, а остальные 115 были разграблены и изуродованы. Только на улицах (кроме колодезев, погребов и ям) валялось 11 959 человеческих трупов и 12 546 лошадиных.

Вид Москвы был ужасен: на месте деревянных домов стояли остовы печей и дымоходных труб; на месте каменных — обгорелые стены; большая часть церквей стояли обезглавленные, а колокольни без колоколов, расплавленных пожаром или упавших на землю.

Но поразителен и процесс возрождения Москвы. Москва, не являясь правительственным центром, а оставаясь только помещи-

чим и купеческим городом, обнаружила великую силу воссоздания, почти в той же мере, в какой проявлялась она в 1613 году при первом государе из дома Романовых, царе Михаиле Феодоровиче. Уже в 1812 году, когда архиепископ Августин в декабре месяце устроил первый крестный ход из Кремля в память освобождения Москвы, здесь кипели плотничные работы, а к весне 1813 года сюда стали стекаться огромные массы каменщиков.

Начавшие снова выходить «Московские ведомости» писали о Москве в своем номере от 25 декабря 1812 года следующее: «Нет

Знамя московского ополчения.

места, годного для жилья, которое не было бы уже занято. Торговля и промышленность распространяются с удивительной быстротой. Построено до 2800 временных лавок, и вся торговая площадь заполнена бесчисленным множеством продавцов и покупателей».

Император Александр I высоко ценил жертвы и заслуги Москвы в великом деле освобождения России от нашествия «двадцати язык», с их грозным предводителем. Он выразил это в следующем своем манифесте, 30 августа 1818 года.

«Первопрестольной столице Нашей Москве

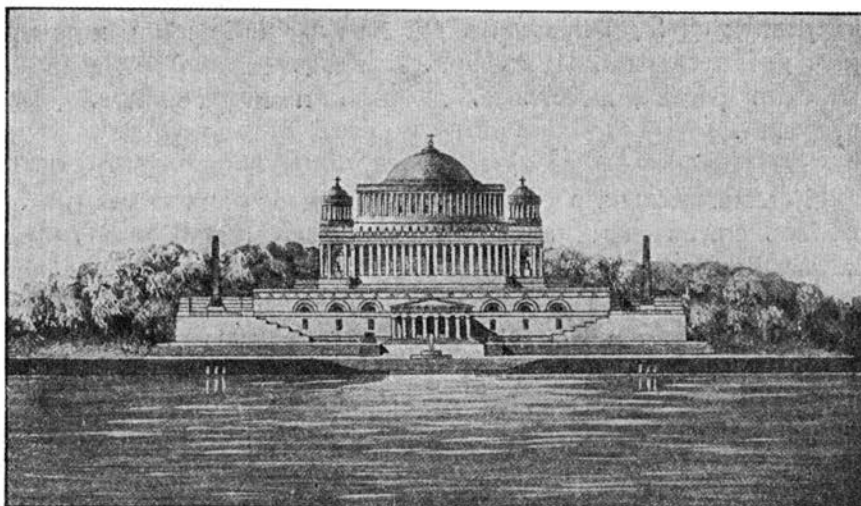
В достопамятный навсегда 1812 год, когда настояла надобность спасти Отечество от нашествия сильного и многочисленного врага, Мы, во изъявление уважения Нашего к сей Первопрестольной, древней Российской столице обратились с воззванием нашим наипервее к ней и не умедлили Сами предстать посреди оной. Усердие и ревность ея соответствовали Нашему ожиданию. Мы видели нещадящую никаких пожертвований горячую любовь ея к Нам и отечеству. Претерпенное потом ею от руки злодейства крайнее бедствие и разорение уязвило сердце Наше глубокою печалию. Но управляющий судьбами народов, Всемогуший Бог, избрал ее, да страданием своим избавит она не токмо Россию, но и всю Европу. Пожар ея был заревом свободы всех царств земных. Из поругания святых храмов ея возникло торжество веры. Подорванный злобою Кремль, обрушась, раздавил главу злобы. Тако Москва и подвигами и верностью и терпением своим показала пример мужества и величия. Имея все сие запечатленным в уме и в сердце Нашем, Мы с отеческою к ней любовью даже и во время самой войны не преставали пешихся о всевозможном вспоможении разоренным ея жителям и во всех повелениях наших главноначальствующему над Москвою о том подтверждали. Ныне же, по окончании столь многотрудной войны, по приведении в порядок расстроенных дел Европейских и по некотором необходимо-нужном пребывании Нашем в С.-Петербурге, восхотели Мы, как скоро могли, посетить сию достопочтенную делами и древностию столицу Нашу, дабы лично обозреть ее состояния и нужды, а притом ознаменовать пред целым светом незабвенная заслуги ея, Божеским благословением осеяемая, чужеземными державами уважаемая и толико достойная любви и благодарности от Нас и всего отечества. Для предания в потомственные времена толь достославных ея деяний, повелеваем сию грамоту, всенародно изъявляющую ей Нашу признательность, хранить в Московских департаментах Сената.

АЛЕКСАНДР»

Но еще ранее этого манифеста государь 25 декабря 1812 года решил воздвигнуть в Москве, в память Отечественной войны всероссийский памятник в виде храма Христа Спасителя, и в манифесте своем высказал следующее:

«В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и к Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский, и в ознаменование благодарно-

сти Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились Мы в Первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное в чем постановление возведено будет в свое время. Да благословит Всевышний начинание Наше! Да совершится оно! Да простоит сей Храм многие веки, и да курится в нем пред святым Престолом Божиим кадило благодарности позднейших родов, вместе с любовью и подражанием делам их предков».

Храм Христа Спасителя по проекту Витберга.

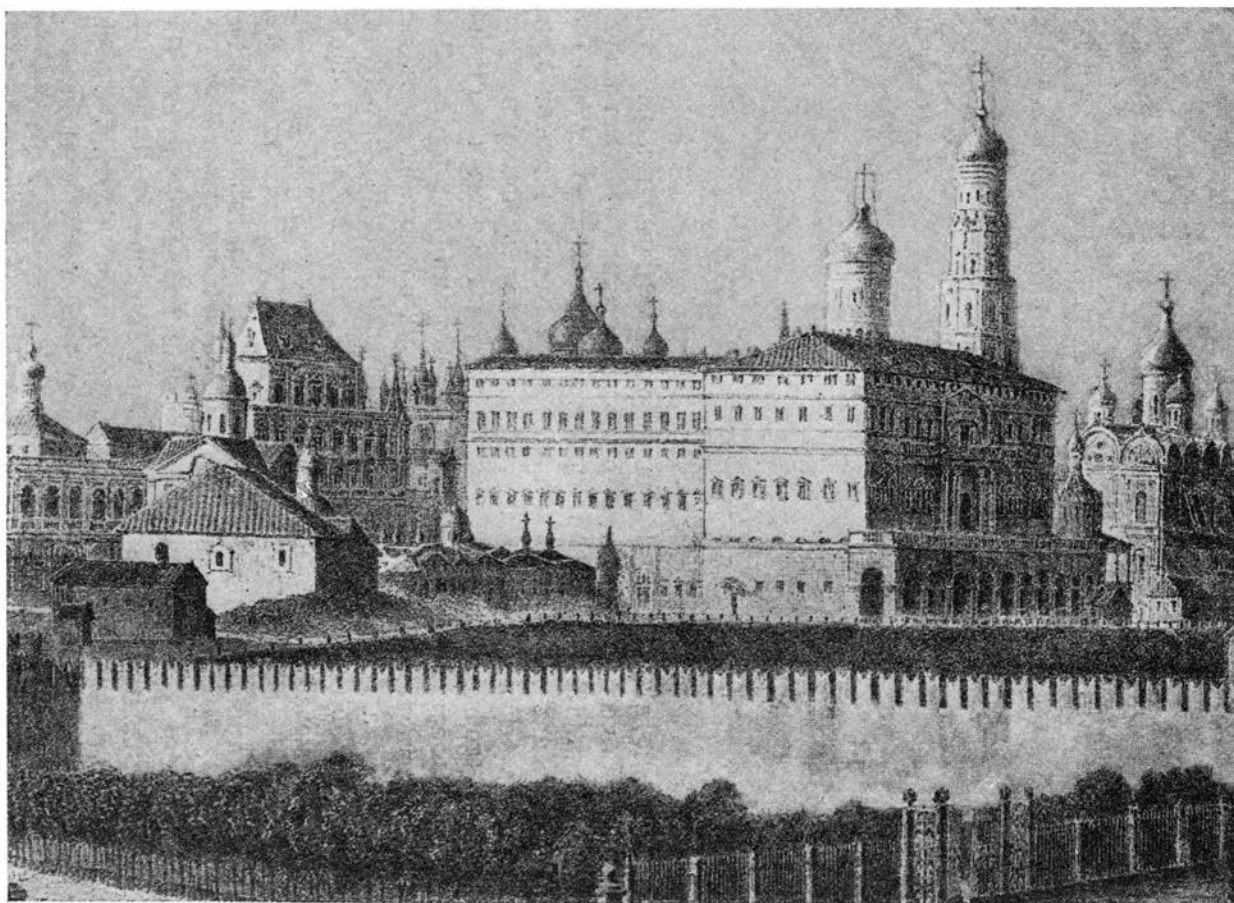
Из значительного числа проектов этого храма государь в 1816 году избрал составленный академиком живописи Витбергом проект, поражающий своей колоссальностью. Местом для сооружения храма были избраны Воробьевы горы, между смоленской дорогой, по которой пришел Наполеон, и калужской, по которой ушел. Высота храма от вершины горы до креста равнялась 80 сажням, а от подошвы горы 110. Храм должен был состоять из трех ярусов, или трех храмов. Нижний, в виде параллелограмма, углублялся в землю горы и посвящался Рождеству Христову. В его катакомбы предполагалось перенести кости убитых в 1812 году воинов. По обеим сторонам нижнего храма простиралась колоннада в 300 сажень, предназначенная для истории побед Отечественной войны и манифестов того времени. На концах ее предполагалось поставить два памятни-

ка: один из пушек, отбитых у Наполеона во время его похода по России, а другой из взятых во время наших походов против него за границей до самого взятия Парижа. Средний храм в форме креста посвящался Преображению Господню, а верхний в виде круга Воскресению Христову. Изображая всю земную жизнь Христа Спасителя, храм этот трехчастным своим составом по замыслу художника символизировал тело, душу и дух человека. Исполинский храм венчался большой главой и четырьмя меньшими, на которых предполагалось поместить 48 колоколов и подобрать их так, чтобы звон их составил четыре музыкальных аккорда.

12 октября 1817 года в присутствии государя, царской семьи и прусского принца Вильгельма, впоследствии императора германского Вильгельма I, состоялась торжественная закладка храма-памятника. Начались уже работы по его постройке, были затрачены четыре с лишним миллиона рублей, но грунт для такого тяжелого сооружения оказался слабым, и после смерти Александра I решено было прекратить работы на Воробьевых горах и избрать новое место для храма Христа Спасителя.

Император Александр I, несмотря на истощение государственной казны войнами, деятельно занимался восстановлением Кремля, его башен, стен, дворца и соборов. Он приказал приобрести у митрополитского кафедрального Чудова монастыря дом митрополита Платона и, обратив его во дворец, подарить своему брату великому князю Николаю Павловичу. Над этим зданием был надстроен новый этаж.

С любовью относясь к восстановлению Москвы из развалин, Александр Павлович, несмотря на множество дел, часто посещал ее. Так, прибыл он сюда после Венского конгресса 15 августа 1816 года и пробыл здесь до своих именин, 30 числа, когда подписал вышеприведенный манифест. Эти две недели сделались одним сплошным народным праздником в честь освободителя отечества и умиротворителя Европы. В следующем 1817 году он прибыл сюда со всей царской семьей и прожил до описанной выше закладки храма Христа Спасителя. В феврале 1818 года он снова посетил Москву и 20 числа с большим торжеством открыл на Красной площади памятник Минину и Пожарскому, изваянный скульптором Мартосом. Один из барельефов памятника изображал сбор пожертвований в Нижнем Новгороде, а другой — выход в 1612 году поляков из Кремля. Отсюда государь уехал в Варшаву. В это время, 17 апреля, родился в Николаевском дворце великий князь (будущий император) Александр Николаевич. Крепление, к которому снова прибыл

Кремлевский дворец при императоре Александре I. *Со старинной гравюры.*

государь, происходило 5 мая в Чудовом монастыре, где новокрещенный был положен на мощи святителя Алексия.

16 июня прибыл в Москву прусский король Фридрих Вильгельм с упомянутым выше принцем Вильгельмом.

При их встрече у дворца великая княгиня Александра Феодоровна взяла у кормилицы новорожденного Александра Николаевича и передала его Фридриху Вильгельму, причем император сказал прусскому королю: «Этот ребенок родился в Кремле, в древнем дворце русских царей, недалеко от колыбели фамилии Романовых

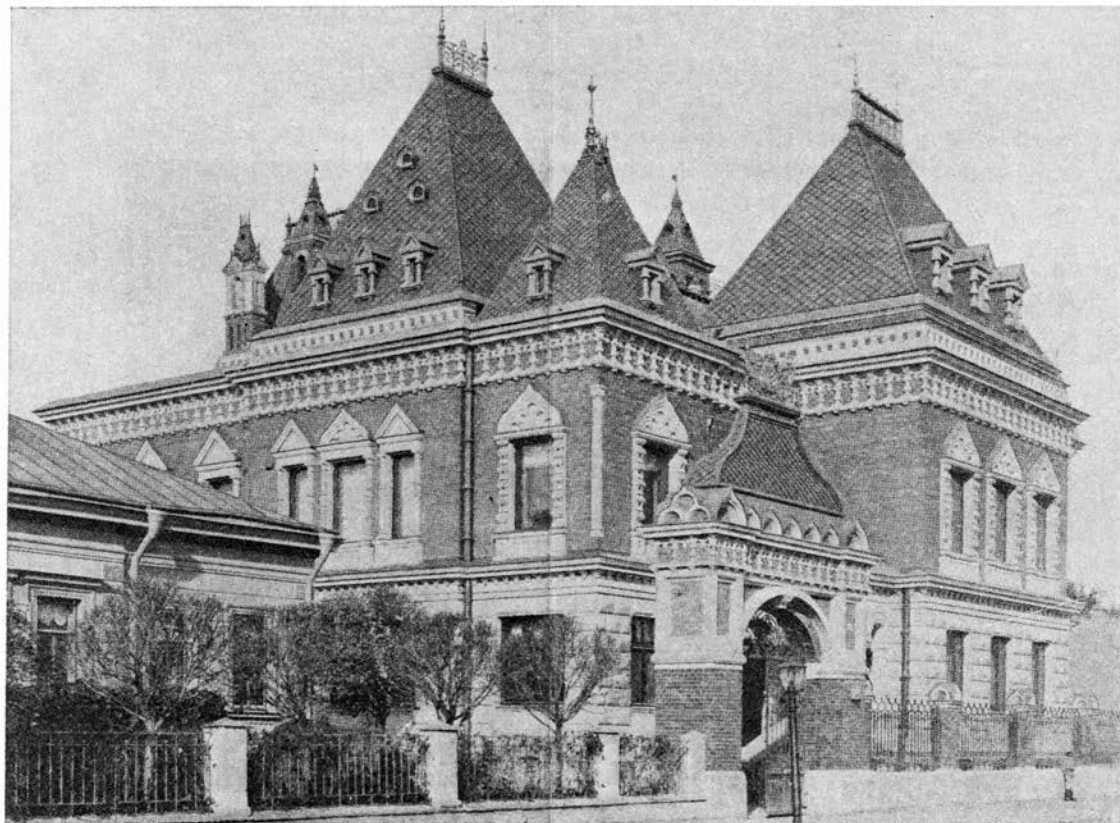
Николаевский дворец.

и близ святых Иверских ворот, где чудотворный образ Богоматери бодрствует и печется о судьбах этого города и России». Эти слова государя произвели глубокое впечатление, и Фридрих Вильгельм много раз повторял их близким людям. Прусский король, прогуливавшийся по Москве и верхом и пешком, удивлялся городу, как феникс возрождавшемуся из пепла с чрезвычайной быстротой. Однажды, любуясь с Красного крыльца видом Москвы и сиявшими на солнце куполами церквей, он сказал: «С Москвой не может соперничать ни один город». — «Да, — сказал стоявший около него император Александр, — это — святой город».

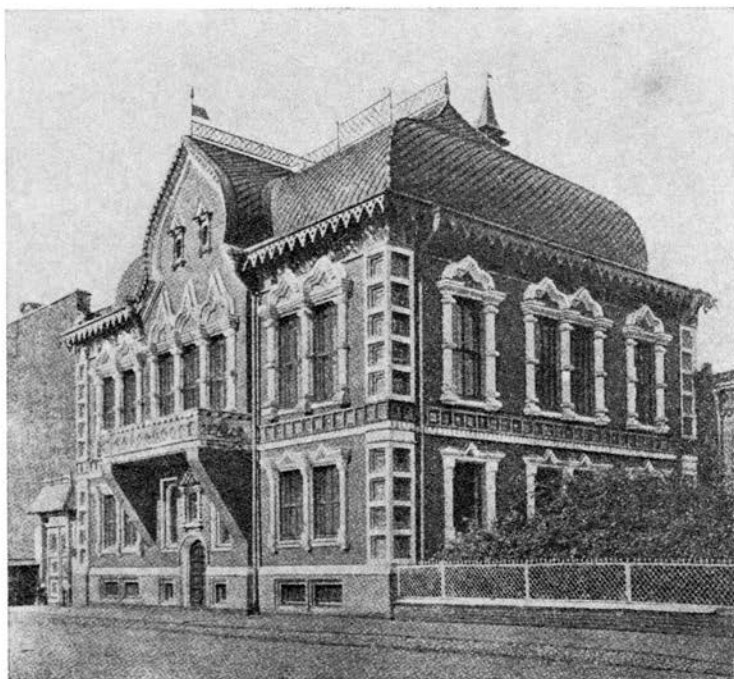
НОВЫЕ ПОСТРОЙКИ В РУССКОМ СТИЛЕ.

Городская Дума.

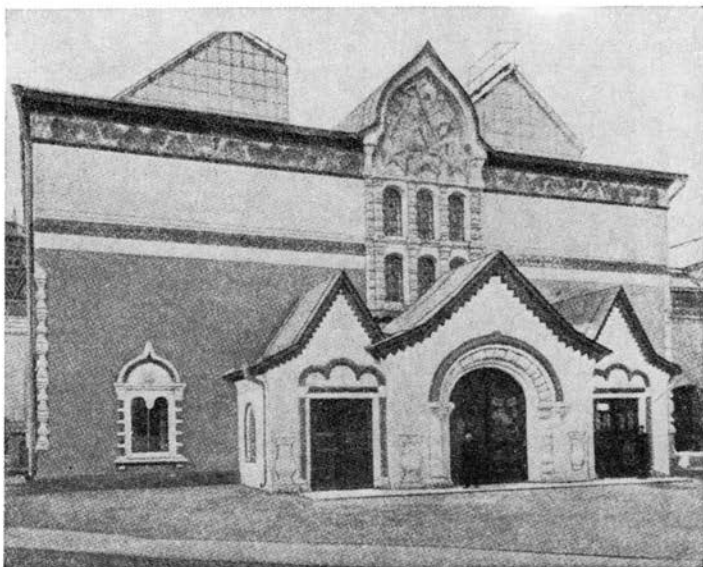
Музей П. И. Жукина.

Дом И. Е. Цветкова.

Средние Торговые ряды.

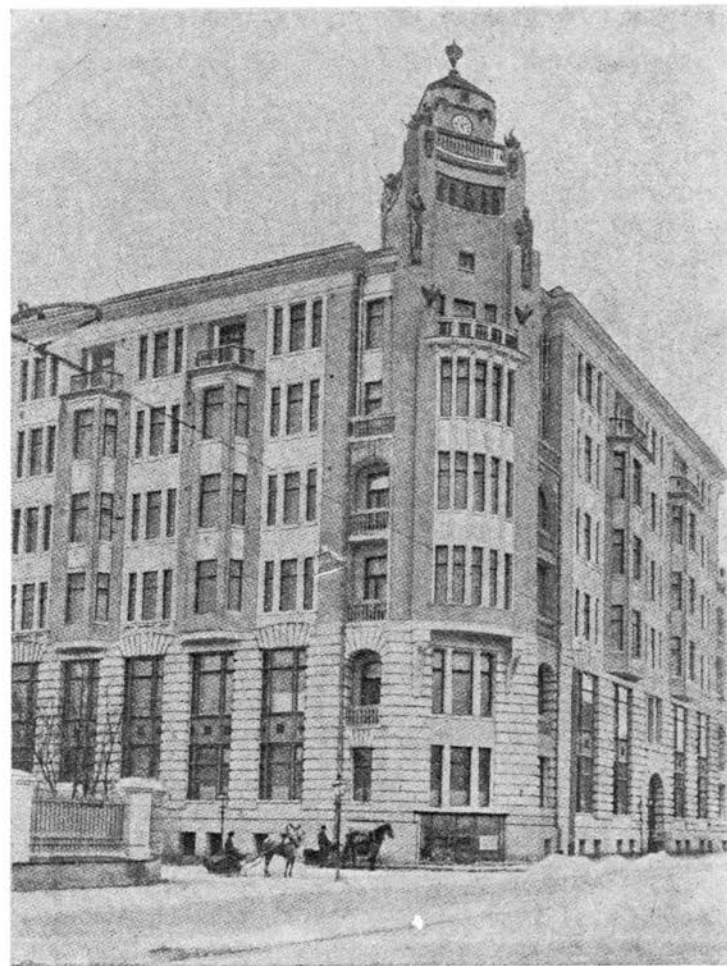
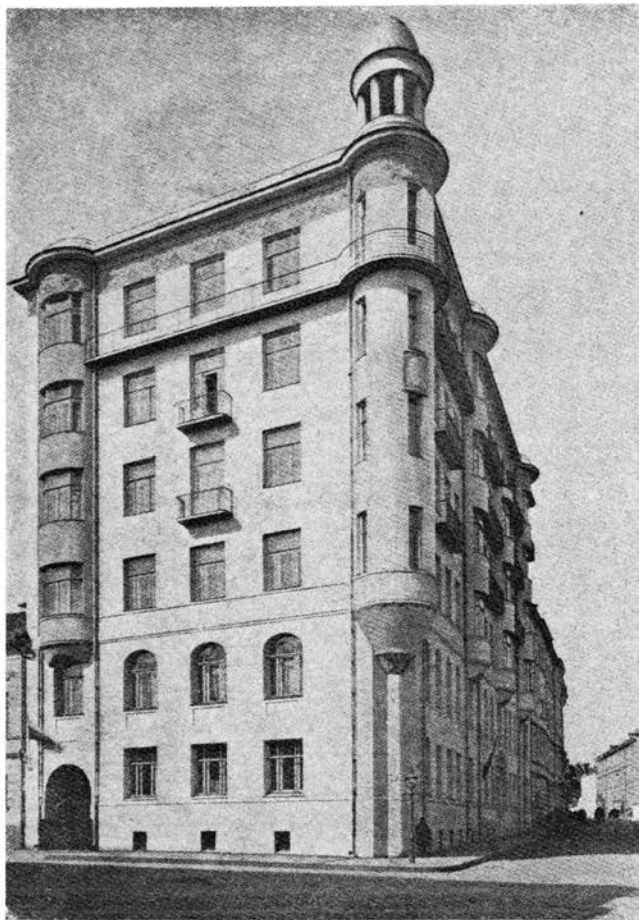

Художественная галерея П. М. Третьякова.
Построена по рисункам В. М. Васнецова.

Московский Императорский Исторический музей.

ТИПЫ НОВЕЙШИХ МОСКОВСКИХ ПОСТРОЕК.

Памятник Минину
и Пожарскому

Этот государь оставил в Москве по себе память еще следующим: в Кремле, на месте Цареборисовского дворца, где ныне находятся казармы, перед которыми расставлены огромные орудия, начиная с царь-пушки, был под наблюдением князя Цицианова архитектором Еготовым выстроен дом для Оружейной палаты, которая и находилась здесь до 1851 года. В свое время это огромное здание по карнизам украшено было статуями и бюстами. Здесь были и Добрыня Никитич, и князь Холмский, и Ордын-Нащокин, и боярин Матвеев, и князь Голицын (времени царевны Софии), и другие. На барельефах были изображены: прием послов разных исповеданий св. Владими-

ром, принесение Владимиру Мономаху царских принадлежностей, покорение Казани, победы над турками при Чесме и Кагуле. Впоследствии все эти украшения были сняты, и здание было обращено в казармы.

При Александре I были отстроены сожженный со всеми вспомогательными учреждениями университет и университетская типография на Страстном бульваре. Заботясь о том, чтобы московское войско имело для своих упражнений в непогожее время крытое помещение, государь приказал построить на Моховой против университета экзерциргауз и из многих проектов этого здания избрал составленный генералом Бетанкуром. Производство работ было поручено генералу Карбоньеру, который построил это смелое и красивое по архитектуре здание в полгода. Между тем оно охватывает почти 80 сажень в длину, 21 в ширину и имеет огромную потолочную площадь, не поддерживаемую внутренними столбами. Ширина его стен $4\frac{1}{4}$ аршина, а фундамент углублен на 2 сажени. В царствование Александра I приобретено было у содержателя частного театра в конце Петровки, Медокса, место, где находилось его сгоревшее театральное здание. Здесь министерство двора в 1824 году построило великолепное здание Большого театра, которое, перестраиваемое после пожаров, существует до сих пор.

Великий князь
Александр Николаевич.

В черте Земляного города в царствование Александра Павловича в 1805 году были построены следующие гражданские здания: Александровский институт, на который государь пожертвовал 400 000 тысяч, его церковь во имя св. Александра Невского была освящена в 1812 году; училище ордена св. Екатерины, в память императрицы Екатерины II; Вдовий дом, построенный на средства Воспитательного дома, в память благотворительности императрицы Марии Феодоровны; Мариинская больница; Лазаревский инс-

титут и, наконец, огромные Покровские казармы.

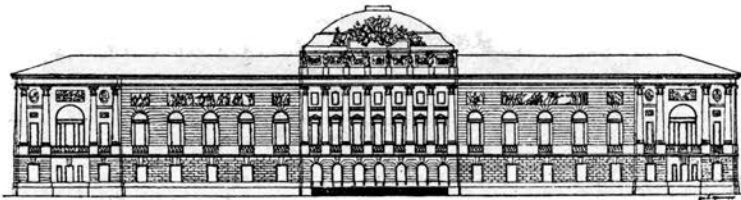
В это же царствование основаны Странноприимный дом и больница графа Шереметева. Эти учреждения, созданные графом Николаем Петровичем по мысли его супруги Прасковьи Ивановны, помещаются в прекрасном по архитектурному стилю здании. Главный его корпус имеет форму полукруга. В галереях на лицевую и заднюю сторону устроены палаты для призреваемых. В самой середине лицевого корпуса устроена изящная снаружи и внутри церковь. Это здание не было сожжено и обезображено в 1812 году, потому что здесь жил какой-то из маршалов Наполеона.

Нашествие на Россию полчищ запада произвело у нас немалый переворот, сказавшийся подъемом нашего национального духа в государе, правящем классе и даже в литературе, что особенно заметно на Карамзине и Крылове и других; но стиль построек александровского времени остался по-прежнему подражательным: дома строились и украшались снаружи и внутри в стилях классическом и *empire*.

Москва горячо любила императора Александра Благословенного и трогательно встретила и проводила его гроб, когда он был перевозим в Петербург из Таганрога, где скончался 19 ноября 1825 года этот освободитель Москвы, России и Европы от владычества Наполеона. Незадолго до своей кончины государь назначил в Москву, в сан архиепископа, святителя Филарета, который, возведенный в сан митрополита, в течение полувека оказывал сильное влияние на московскую религиозно-нравственную жизнь.

В память императора Александра I его брат и преемник на престоле Николай Павлович у Тверской заставы выстроил в 1826 году Триумфальные ворота. Латинская и русская надпись гласит, что они посвящены «священной памяти императора Александра I, возстановившего Москву из пепла и развалин».

При императоре Николае I в Москве сглаживались последние следы разрухи 1812 года; сама она ширилась в своем пространстве и населении и делала дальнейшие успехи в своей культуре. Правда, глубоких перемен в ней не было: она по-прежнему оставалась дворянско-купеческим центром, к которому тяготела Россия. Но то, что было в предшествующее царствование временным взрывом и проявлением русских национальных стремлений, стало при национально-консервативном направлении государя постоянным

Оружейная палата императора Александра I.

и господствующим ее направлением. В эту пору образованность Москвы сильно подвинулась вперед. Университет блистал такими профессорами, как Погодин, Шевырев, Соловьев, Грановский, Катков, Леонтьев, Иноземцев и другие. Журналистика Москвы подвинулась вперед, благодаря журналам профессора Надеждина («Молва» и «Телескоп») и Полевого («Московский телеграф»). Сюда тяготели литературные уроженцы и не уроженцы Москвы, как Пушкин, Жуковский, Вяземский, Батюшков, С. Аксаков, Киреевский, Гоголь, Герцен, Тургенев и другие. Здесь сложились влиятельные кружки западников и славянофилов. Во главе первых стояли Станкевич и Грановский, во главе вторых Киреевский, Аксаков и Самарин. В Москве процветал и театр, на котором блистали такие звезды, как Мочалов, Каратыгин, Щепкин, Садовский, Шумский и другие. Вообще за это время Москва, как культурный центр, стала влиятельнее Петербурга.

Николай I, любивший Москву, что он показал особенно своими заботами о ней в холеру 1830 года, много трудов посвящал ее укра-

Триумфальные ворота.

шению. Главными его постройками в Москве, характеризующими его эпоху, были Большой Московский дворец и храм Христа Спасителя: они более носят на себе русский характер, чем сооружения XVIII и начала XIX веков.

Много забот посвятил император Николай I Кремлю. Прежде всего он восстановил разрушенный Арсенал и вдоль стен его приказал расставить под русскими орлами трофеи 1812 года — пушки, отбитые у «великой армии». Их всего 875; принадлежали они не одним французам, а и австрийцам, пруссакам, итальянцам и другим.

Новой постройкой этого государя в Кремле является здание Оружейной палаты на месте древнего конюшенного приказа, куда были перенесены государственные драгоценности и древности из здания, построенного императором Александром I на месте Цареборисовского двора и обращенного в казармы. Оно прежде не отапливалось и мало было приспособлено для хранения древностей. Николаевская Оружейная палата была окончена в 1851 году. Ему же принадлежит и постройка кавалерского корпуса, размещающего служащих при дворе.

Но самой главной и самой характерной для Николаевского стиля постройкой является Большой Кремлевский дворец.

«Кремлевский дворец мой,— писал император Николай Павлович по случаю освящения в 1849 году своего нового сооружения,— изящное произведение зодчества, будет новым достойным украшением любезной моей древней столицы, тем более, что он вполне соответствует окружающим его зданиям, священным для нас и по соединенным с ними воспоминаниям веков минувших и великих событий отечественной истории». Величаво глядит он с высоты Кремлевского холма на расстилающиеся перед ним город и реку и со своим золотым куполом и шпилем издали виден и гармонично сливается с древними кремлевскими сооружениями. Чем-то русским, как и от музыки Глинки, веет от этого дворца.

Император Николай I

В громадном четырехугольнике, занимающем десятину с четвертью, дворец Николая I охватил собою древние терема, старинные дворцовые церкви и находящийся на внутреннем дворе храм Спаса на Бору. Дворец заключает в себе до 700 комнат, которые разделяются на парадные, с главными залами: Георгиевским, Александ-

ровским, Андреевским и Владимирским (в два света, почему дворец представляется трехэтажным), и жилые (государя и государыни, наследника, фрейлин и других придворных). Главный фасад обращен на юг к Москве-реке. Восточной стороной он соединяется с Грановитой палатой, с северной стороны с теремами, и западной с Оружейной палатой, переход которой обращен в зимний сад. Нижний этаж дворца устроен выступом, от чего на втором этаже образуется громадная терраса, с которой открывается прекрасный вид на Москву и ее окрестности. При закладке дворца, 30 июня 1838 года, под цоколь угла, где находится кабинет императора, поло-

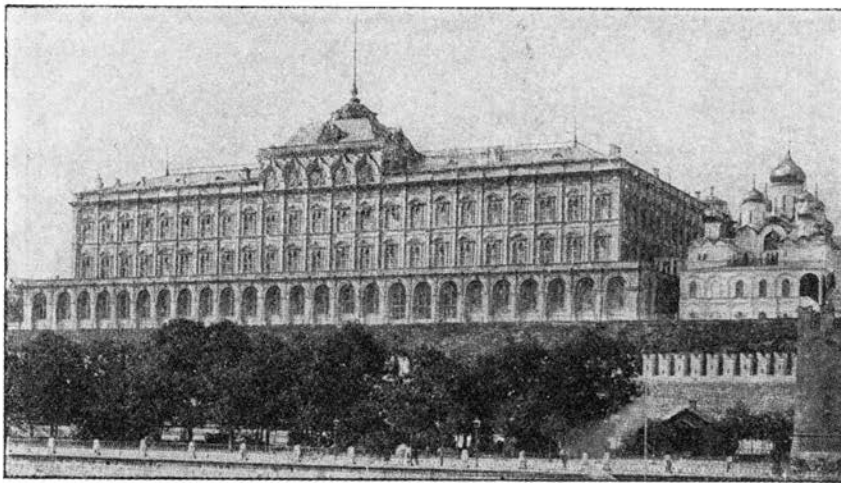

Николай I в Москве в холеру в 1831 году.

жена была металлическая доска с надписью: «Заложен в царствование Императора Николая I, под управлением министра императорского двора генерала от-инфантерии князя Петра Волконского и обер-гофмейстера барона Боде. Строителем был архитектор Константин Тон». Его проект лично рассматривал, исправлял и утверждал сам государь. 3 апреля 1849 года, в день Пасхи, в присутствии государя и всей царской фамилии совершилось освящение нового дворца.

В остальных частях своих Москва не подражала примеру императора Николая I, очевидно, желавшего освободиться в зодчестве

от западных стилей: она по-прежнему в частном строительстве шла по линиям ренессанса, барокко, рококо и ампира, делая иногда из них антихудожественные смешения. В самом быту своем, в высших классах она западничала, а в низших слоях, за Москвой-рекой, придерживалась той старины, которую впоследствии стал выводить Островский в своих комедиях из московского купеческого быта. Попытка К. С. Аксакова, уже после смерти императора Николая Павловича, ходить в русского покроя одежде, напоминавшей русское обмундирование ратников ополчения в Севастопольскую войну, считалась в интеллигентной среде чудачеством и кривляньем.

Большой Кремлевский дворец (окончен в 1849 году).

Но, несомненно, сам государь тяготел к старине, что видно из того, что он очень заботливо относился к реставрации старинных придворных храмов и царских теремов. Те же его влечения сказались и в выработке нового плана для постройки на новом месте обетного храма Христа Спасителя в память войны 1812 года.

Прекратив в 1827 году все работы по постройке этого храма на Воробьевых горах, государь сам выбрал место для нового сооружения, вблизи Кремля на Волхонке, на берегу Москвы-реки, где стоял Алексеевский женский монастырь, перенесенный по высочайшему повелению за Красный пруд. Составление проекта храма поручено было архитектору Тону, а проверка его и осуществление особому комитету.

Отвечая мыслям государя, зодчий этот отказался от колонн и обелисков Витберговского проекта, а также от его мистическо-христианских идей и в основу своего плана положил близкие нашему народу образцы русско-византийских храмов и, применяясь

Митрополит Филарет.

к ним, выработал совсем иной храм-памятник. Основание храма представляет квадрат, имеющий с каждой стороны по выступающему portalу, что придает ему вид четырехконечного креста. Здание увенчивается пятью главами, из которых средняя превосходит

остальные своими грандиозными размерами: она поставлена на огромной круглой с большими окнами трибуне и видна за много верст от Москвы. Две четырехугольные трибуны меньших глав служат колокольнями. Внешние стены храма украшаются мраморными горельефами, избрать содержание которых было представлено митрополиту Филарету, а исполнение скульпторам Рамазанову, Логиновскому и Клодту. Бронзовые двери с изображением святых были поручены скульптору графу Толстому. Алтари должны быть устроены из белого мрамора, внутренние стены, а также коридоры облицованы разноцветном мрамором.

Николаевский вокзал.

Высота храма определена в $48\frac{1}{2}$ сажень, пространство, занимаемое им, в 1500 сажень, а стоимость в 15 миллионов.

10 сентября была торжественно совершена закладка грандиозного храма. Но императору Николаю I суждено было лишь выстроить наружные стены его, а сложная внутренняя отделка выпала на долю его сына императора Александра II и внука — Александра III.

Важное значение для Москвы имела постройка Николаевской железной дороги, первого, если не считать Царскосельскую ветку, рельсового пути в России. Она, вместо нескольких суток путешествия в северную столицу на лошадях, приблизила ее к нам до одного суточного переезда, влияние Петербурга на Москву очень усилилось. Вместе с тем это сооружение императо-

Храм Христа Спасителя.

ра Николая I положило начало созданию у нас целой сети железных дорог, средоточным узлом которых сделалась наша столица, вследствие чего увеличилось ее притягательное значение для всех отраслей русской жизни на юге, западе и востоке, до Сибири включительно. Но прежде дальнейшего соединения Москвы рельсовыми путями со всеми окраинами России, москвичам пришлось пережить Севастопольскую войну, повлекшую за собою очень много перемен в нашем отечестве.

Москва патриотически встречала и провожала войска и ратников разных ополчений в Крым, прилежно изготовляла перевязочные средства для раненых, собирала для них щедрые пожертвования, но мало думала о готовившихся важных переменах в России.

Для нее самая кончина Николая I в разгар Севастопольской войны была неожиданностью. Равным образом для громадного большинства нашего населения неожиданна была и перемена консервативного направления скончавшегося императора на новое, проводником коего явился его благостный сын, москвич по рождению, император Александр II. Радостными надеждами на реформы встретила его в Москве интеллигенция как западного, так и славянофильского типа.

После заключения Парижского мира и коронации нового государя среди сверхнародных элементов повеяло новым духом; московское общество в клубах, открытых домах, и московская печать сильно заговорили о преобразованиях, главным базисом которых должно было стать освобождение крестьян от крепостной зависимости. Однако инициатива этого важного дела принадлежала самому государю. 30 марта 1856 года, принимая в Москве предводителей дворянства, Александр Николаевич передал им, что положение крестьян не останется неизменным и что дворянству необходимо принять это в соображение. Большинство московского дворянства стало на сторону этого преобразования и из своей среды выделило таких работников по подготовке этой реформы, как князь Черкасский, Юрий Самарин и другие. 5 марта 1861 года, в прощенное воскресенье, был объявлен в Москве манифест, 19 февраля изложенный по поручению государя знаменитым митрополитом Филаретом. Вопреки опасениям, мирно прошло в Москве и объявление манифеста и его осуществление в Московской губернии. Точно так же высшие слои московского общества очень сочувственно относились и к дальнейшим реформам этого царствования, как создание нового гласного суда, земство, городское положение, всеобщая воинская повинность, расширение свободы печати и прочее. Было, конечно,

Император Александр II.

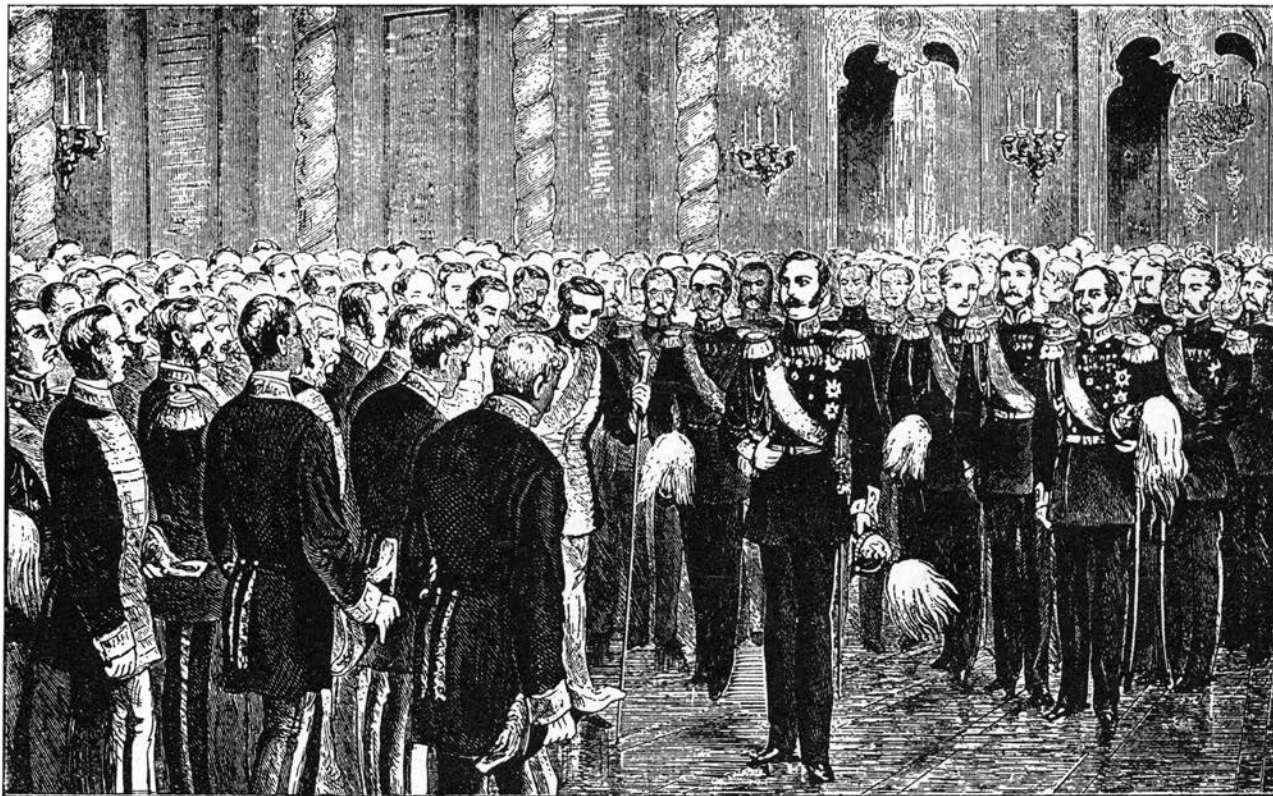
недовольство ими в крайне консервативных кругах и в радикальных элементах. Последние жаждали полного ниспровержения существующего государственного и общественного строя, по теоретическим тенденциям, не находящим осуществления и на своей родине, западе, где они остаются мечтаниями разных революционеров.

Однако московские революционеры выставили из своей среды таких людей крови и насилия, как Каракозов, Нечаев и Гартман. Но это были элементы наносные, чуждые коренной Москве.

Государь же был не склонен делать уступки даже умеренным западникам и желал оставаться на национально-исторической почве. В одном из московских адресов (он был написан М. Н. Катковым) сказано: «В твоих, Государь, новизнах наша старина слышится...»

И Москва чутко откликалась на национальные тоны царствования императора Александра II. Уже выбор им для коронации своей дня Бородинской годовщины звучал этими тонами. То же послышалось в Москве и при восстановлении на Варварке палат бояр Романовых, где была колыбель родоначальника царствующего Дома Михаила Феодоровича. Особенно силен был в Москве подъем национального чувства, когда поляки, поддерживаемые Наполеоном III и англичанами, подняли мятеж ради отторжения не только своей отчизны, но и всей западной России с Киевом и Смоленском. Выражением воззрений коренной Москвы явился в это время М. Н. Катков, в своих *Московских ведомостях* ярко и сильно разработавший польский вопрос в его кровавой призрачности. Государь, вопреки господствовавшему в Петербурге космополитическим веяниям, враждебным русскому патриотизму, мощной политикой своей одобрил стремления и настроения Москвы. И в семидесятых годах Москва, выразителем воззрений которой стал И. С. Аксаков, горячо стала на сторону славян Балканского полуострова, поднявшихся против угнетавших их турок. Сербьы начали войну с ними, благодаря поддержке Москвы и денежными средствами, и добровольцами, и во главе своей армии поставили генерала М. Г. Черняева. Когда сербы были разгромлены, император Александр II прибыл в Москву и в Кремлевском дворце объявил собравшимся чинам и сословиям, что он, щадивший долго русскую кровь, потребовал теперь от Турции, чтобы она прекратила войну с Сербией и обеспечила славян от угнетения. Москва с энтузиазмом отнеслась к скоро начавшейся нашей войне с турками в 1877—1878 годах, которая привела к созданию Болгарии, расширению Сербии и Румынии и улучшению положения всех христианских подданных Турции.

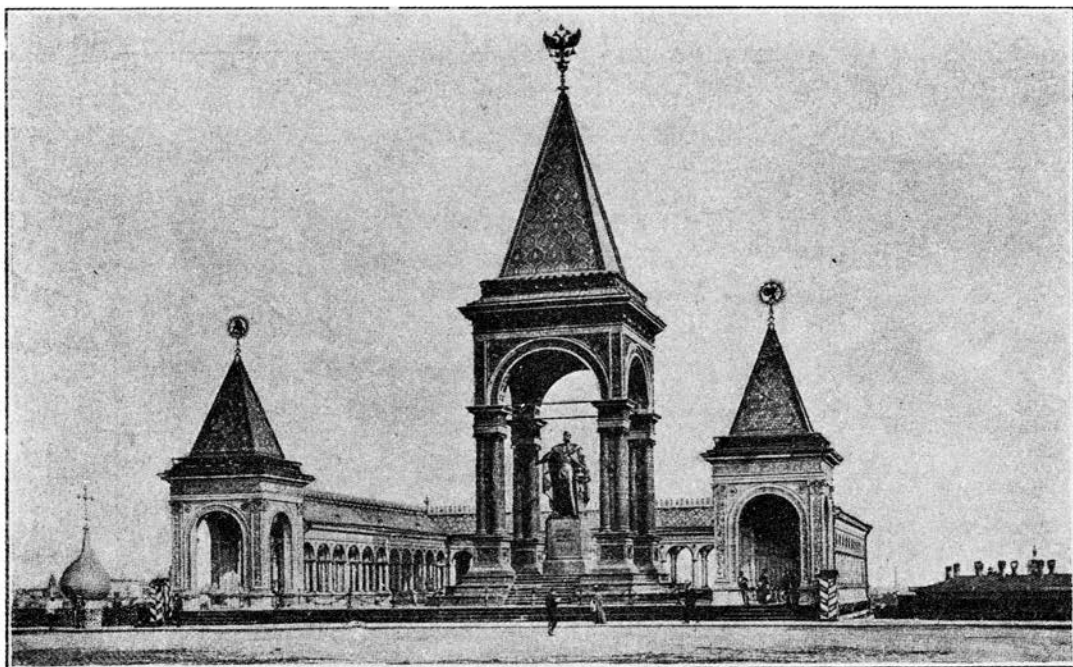
Вообще в Москве в это царствование поднялось национальное самосознание, которое поддерживали в ней Катков, Аксаков, Самарин, Погодин, Гиляров и другие, боровшиеся против петербургского космополитизма и западничества. Сильно поднялось здесь национальное направление в печати, вызвавшее к бытию ряд новых

Император Александр II говорит в Кремлевском дворце о намерении освободить крестьян.

периодических изданий, как «Русская беседа», «День», «Москва», «Москвич», «Современные известия» и другие.

Число учебных заведений у нас быстро множилось: возникли Лицей цесаревича Николая, Техническое училище, Петровская земледельческая академия, Комиссаровское и Дельвиговское училища, несколько гимназий, два реальных училища, женские гимназии, Филаретовское училище и целый ряд городских школ, основанных думою по новому городовому положению...

Памятник царю-освободителю в Москве.

В это же царствование открыт был Румянцевский музей с огромной библиотекой, возникло Московское археологическое общество, основанное графом Уваровым; в связи со всероссийской художественно-промышленной выставкой в Москве по поводу 200-летия с рождения Петра Великого, основан был Политехнический музей; положено было основание ставшему под августейшее покровительство наследника цесаревича Александра Александровича Историческому музею; открыт был Зоологический сад.

Для лечения москвичей возникали новые больницы, как Вторая городская, Сокольническая (Дервизовская) и Щербатовская (на Садовой) и другие, а также целый ряд благотворительных учреждений разного назначения.

Москва обогатилась еще двумя новыми памятниками. На Тверском бульваре был поставлен изваянный Опекушиным прекрасный памятник А. С. Пушкину, а на Лубянской площади — павшим под Плевной гренадерам.

Памятник плевненским героям.

В это царствование к Москве подошли новые железные дороги, как Нижегородская, Рязанская, Троицкая, Курская и Брестская, что значительно усилило промышленность и торговлю Москвы. В ней возникло много новых фабрик, заводов, банков, начиная с Конторы государственного банка и разных акционерных предприятий.

В это время в Москве утрачивает свое прежнее преобладающее значение дворянство, отъезжавшее отсюда в свои поместья, на земскую службу и в Петербург на государственную. Подъем русского национального направления стал сказываться на московском зодче-

Император Александр III.

стве, которое начало клонить в постройках к русскому стилю. В этом стиле были выстроены Исторический, Политехнический и Художественно-промышленный музеи. Даже начали и частные домовладельцы строить свои дома в этом стиле.

Памятник великому князю Сергею Александровичу.

Еще более значения для воскрешения в Москве русского народного духа имело царствование императора Александра III. Покровительство этого государя всему русскому национальному еще более подняло в Москве ее исторический дух и ее предания. Это сказалось на новой всероссийской выставке 1882 года (на Ходынском поле), где дано было предпочтение чисто русским произведениям

Памятник Скобелеву.

искусства и промышленности. К коронованию государя в 1883 году наш Кремль приведен был в лучший порядок, были реставрированы соборы и была расписана стенною живописью Грановитая палата в том виде, в каком она была встарь, при царе Алексее Михайловиче; стали открываться под руководством знатока истории Москвы И. Е. Забелина одна за другою палаты Исторического музея с русскими древностями, устроены были новые помещения для патриарших библиотеки и ризницы. Императорские театры отданы были в заведование А. Н. Островского и А. А. Майкова, что сказалось на наших сценах падением итальянской оперы и переводных

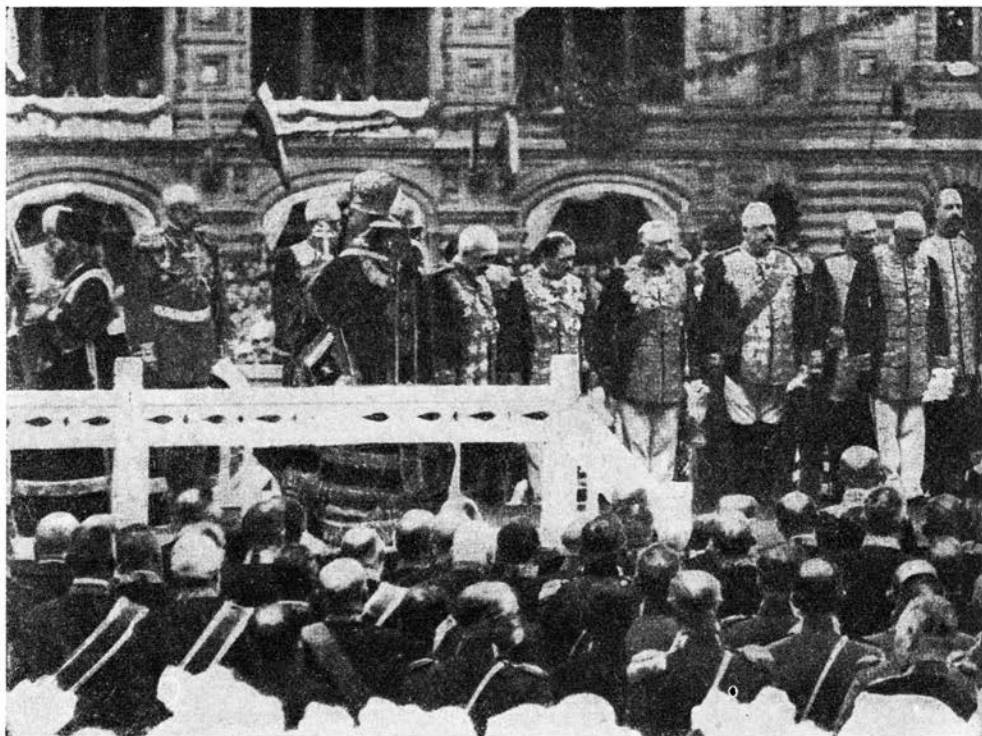
драматических пьес, замененных произведениями русской оперы и русской драмы. Стали возникать частные театры русского характера. Московской консерватории дарованы были значительные средства на постройку нового большого здания. П. М. Третьяков открыл для публики свою грандиозную галерею русской живописи. Картинные выставки стали давать несравненно более чисто русского характера произведений. Здания в русском стиле стали все чаще воздвигаться в Москве. Укажем на городскую думу, торговые ряды на Красной площади. И дома частных лиц больше и больше стали красоваться русскими фасадами и орнаментами. Москва впервые после Петра I стала решительнее входить в самое себя, возвращаться к своей исторической самобытности, освобождаясь от чужого, наносного. Во главе Москвы ее генерал-губернатором и командующим войсками ее округа был поставлен связанный своим детством с нашей столицей горячий ревнитель русской истории великий князь Сергей Александрович. При нем в Кремле построен был и открыт памятник царственному москвичу императору Александру II, и стало легче дышать и развиваться коренной Москве. В это же царствование московское купечество, обогащенное покровительственной системой, на свои пожертвования выстроило целый ряд университетских клиник на Девичьем поле.

Государь император Николай Александрович, следуя по стопам своего родителя, с выдающейся любовью относился к своей древнепрестольной столице, что он выразил уже вскоре после восшествия своего на всероссийский престол, когда, сопровождая гроб своего родителя императора Александра III, прибыл вместе с ним в Москву и когда именно в ней наметил место для памятника царю-миротворцу, на который с поразительным изобилием потекли всенародные пожертвования. После своего священного коронования государь император со всею своей августейшей семьей много раз посещал нашу столицу. Двукратно он жил здесь на Страстной неделе и проводил с москвичами дни светлого праздника. Эти пребывания отмечены были поучительным для всех москвичей и немосквичей, посещающих сердце России, высочайшим паломничеством по всем святыням и историческим достопамяностям нашим. Достопримечательно, что его величество своим посещением подземелья Чудова монастыря привлек впервые взоры всех к давно забытому месту мученической кончины святейшего патриарха Гермогена, ныне причтенного к лику святых.

Еще более памятны посещения Москвы государем императором с его августейшей семьей и другими особами царствующими

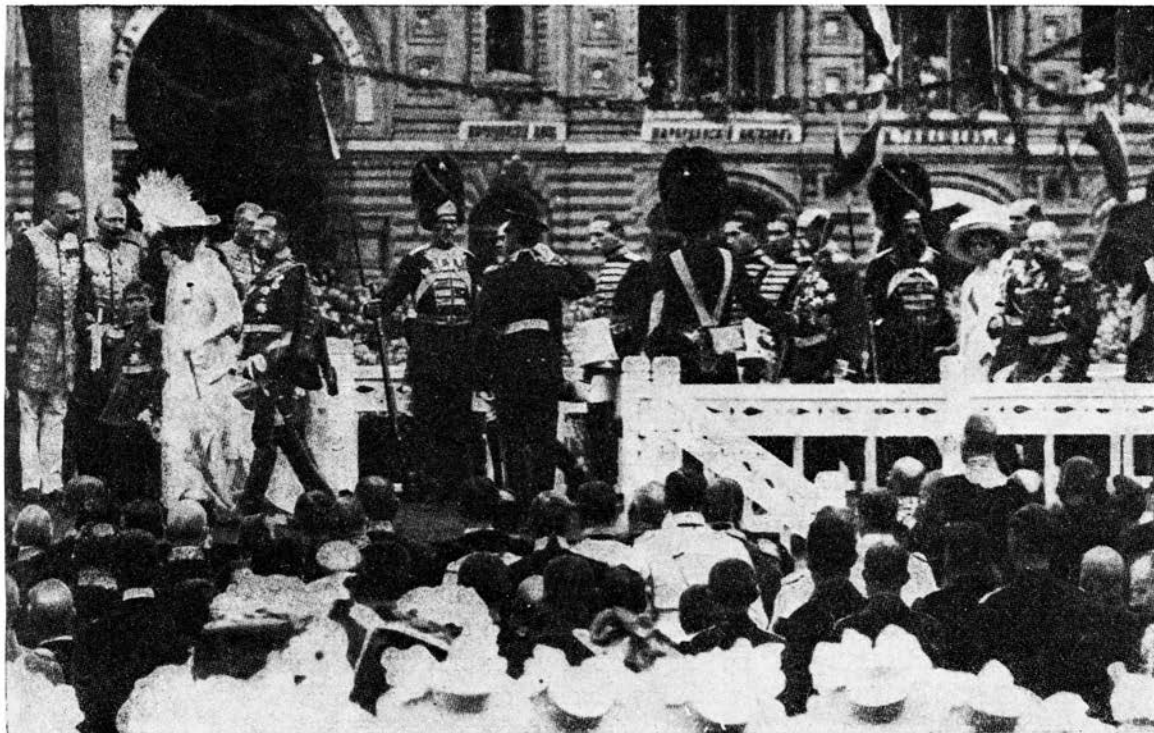
Юбилейный въезд государя на Красную площадь в 1913 году.

Крестный ход на Красную площадь 30 августа 1912 года,

щего дома. Так, в мае 1912 года, в присутствии их величеств, близ храма Христа Спасителя был открыт и освящен грандиозный памятник царю-мироотворцу, императору Александру Александровичу. Скоро после этого, но уже по отъезде царственных гостей, на Тверской площади, против дома генерал-губернатора открыт был другой памятник умершему в Москве, еще в царствование императора Александра II, народному любимцу генералу М. Д. Скобелеву.

В августе того же года государь после чествования столетия Отечественной войны 1812 года в Бородине прибыл на юбилейные празднества в Москву. Из ряда тогдашних торжеств особенно выдался величественный крестный ход на Красную площадь 30 августа. В это время с особого возвышения при громадном собрании духовенства, войска и народа был прочитан следующий высочайший манифест:

сопровожаемый государем императором и его царственной семьей.

«Вспоминая ныне великий подвиг народа Нашего, Мы призываем всех верных наших подданных вместе с нами возблагодарить Господа Сил за милость, явленную Им Отечеству Нашему в годину испытаний, и вознести к Престолу Всевышнего горячую молитву: да пребудут во веки веков в памяти народной высокие примеры военной и гражданской доблести предков в Отечественную войну; да воодушевятся сими примерами все верные сыны России в доблестном служении Родине и да ниспошлет Нам Всемогуший святую помощь Свою в исполнении непоколебимого желания Нашего — в единении с возлюбленным народом нашим направлять судьбы Державы нашей к славе, величию и преуспеянию ея».

Воспроизводим один из моментов движения по Красной площади этого крестного хода, в котором следовали их величества, в предшествии митрополита Владимира.

В этом же 1912 году Москва чествовала 17 февраля трехсотлетие

с кончины святейшего патриарха Гермогена. В 1913 году этот священномученик в пасхальные дни был причтен к лику святых, а его церковное прославление было совершено 12 мая. В 1914 году будет совершено открытие его мощей, почивающих в Успенском соборе.

В 1913 году празднованием трехсотлетия с воцарения родоначальника дома Романовых завершился в Москве целый ряд юбилейных чествований, начатых 19 февраля 1911 года празднованием пятидесятилетия освобождения крестьян, в память коего на Миусской площади заложен строящийся на всенародные пожертвования собор во имя св. Александра Невского, — ангела царя-освободителя.

Романовские же юбилейные торжества начаты были в Москве с 21 февраля, т. е. с того дня, когда был избран на царство первый государь из царствующей династии Романовых. В память этого в прежней Романовской вотчине, селе Покровском (ныне Покровская община сестер милосердия), на пожертвования московских монастырей устроена большая, прекрасно оборудованная больница. В марте же 1913 года в митрополичьих покоях Чудова монастыря была устроена выставка церковно-исторических памятников царской эпохи романовского периода. Здесь были собраны драгоценные вклады первых государей этой династии в разные храмы. Из выставленных здесь вещей многие представляли собственноручную, нередко художественную работу русских цариц и царевен. Продолжавшаяся до октября месяца выставка эта привлекла живое внимание не только москвичей и приезжих из разных концов России, но и множества иностранцев, восхищавшихся драгоценными памятниками нашей доброй старины.

Средоточием же юбилейных Романовских торжеств в Москве были майские дни пребывания в древнепрестольной столице их императорских величеств с их августейшею семьею и особами императорского дома. Грандиозен был въезд царственных гостей в Кремль с Александровского (прежде Брестского) вокзала через всю Тверскую улицу в вековые стены Кремля. У Спасских ворот их встретил величавый крестный ход с московским митрополитом Макарием во главе. Отсюда сопровождаемый святынями государь пешком направился в Архангельский собор на поклонение гробнице своего прародителя царя Михаила Феодоровича, где он своею рукою затеплил сооруженную на личные свои средства драгоценную лампаду и где над гробницами первых представителей царствующего дома великий князь Петр Николаевич соорудил прекрасную

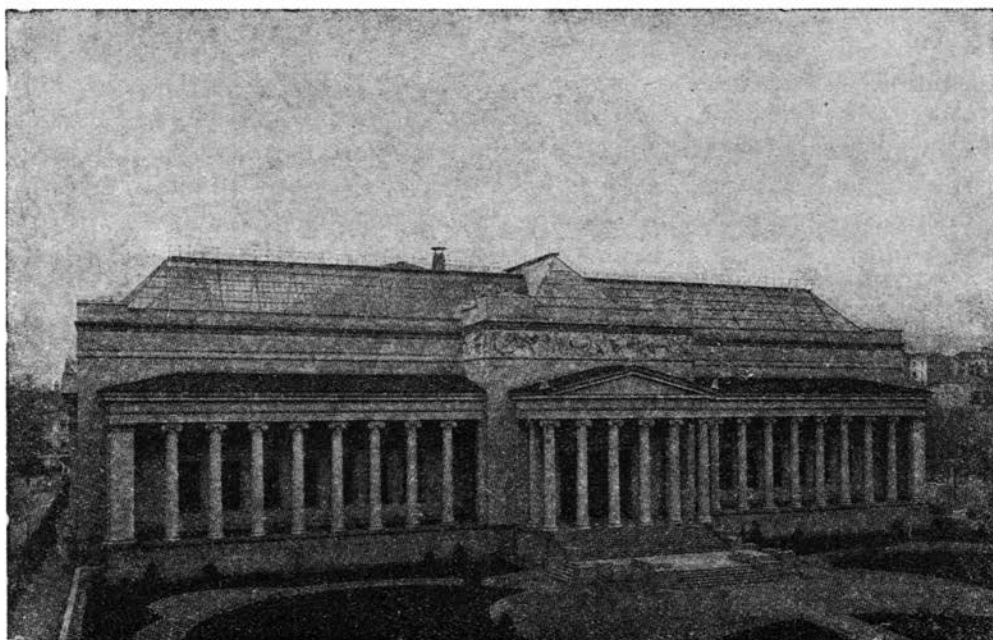
Памятник императору Александру III.

сень в древнерусском стиле. На следующий день происходил высочайший выход в Кремлевские соборы, причем их величества молились в Успенском соборе у гробницы новопрославленного святителя Ермогена и в недавно освященном первом храме в его имя в подземелье Чудова монастыря. В тот же день государь император с августейшими дочерьми и своими родными подробно осматривал Романовскую выставку и изволил посетить палаты бояр Романовых на Варварке. На другой день состоялось высочайшее посещение Новоспасского монастыря и «усыпальницы царских пресветлых предков», находящейся в этой обители.

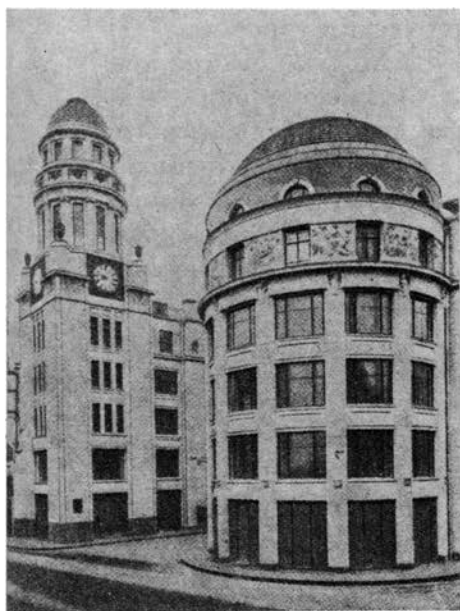
Вообще в царствование Николая II Москва продолжала развиваться вширь и ввысь. Число ее жителей, увеличивающееся каждые десять лет на 20%, достигло теперь цифры 1 700 000 и уже не уместилось в пределах Камер-коллежского вала, линия которого простирается на 35 верст. Жители Москвы уже начинают заселять еще новый, более обширный концентрический круг, который образовала недавно опоясавшая Москву Окружная железная дорога. Она соединила между собой старые железные дороги с такими новыми, как Брянская и Павелецкая. В пределах нового концентрического круга образовались такие новые большие поселки жителей, какие мы видим в прежней Марьиной роше и за Крестовской и Бутырской заставами. Заселению же окраин сильно способствует выстроенная огромная сеть электрических трамваев. Кроме того, и вдоль самых линий железных дорог стали строить зимние дома, которые начинают смыкать старые дачные местности (Пушкино, Перово, Кулково, Останкино, Кунцево, Одинцово) с Москвой.

Соответственно с этим вокруг нее и в ней самой растет из года в год количество торгово-промышленных заведений; умножаются школы и другие просветительные учреждения; возникают новые благотворительные учреждения; увеличивается и городское благоустройство, что выражается тем, что развивается водопроводная и канализационная сеть (новый Рублевский водопровод и новые поля орошения), расширяется площадь застройки Москвы, введено электрическое освещение и т. п.

Но нельзя скрыть и отрицательных явлений в истории Москвы в XX веке. Те, кому было нужно устроить, пользуясь общей растерянностью во время нежданной и неудачной дальневосточной войны, смуту в России, избрали именно Москву центром для революционных выпадов. Они сделали ее местом нелегальных съездов, убийств, экспроприаций, а в 1905 году инсценировали здесь даже баррикады. Немало пролилось в это печальное время крови непо-

Музей изящных искусств
имени императора Александра III.

Типы новейших московских построек.

винной. Еще в начале смуты убит был в самом Кремле великий князь Сергей Александрович, так горячо любивший Москву и так много сделавший для подъема национального ее значения. Он погребен в художественно устроенном храме между Чудовым монастырем и Николаевским дворцом, а один из его полков на месте его убийства поставил величавый крест, сработанный по рисункам В. М. Васнецова.

Говорят также, будто коренная Москва вымирает и сменяется пришлой, причем указывают на то, что в огромном количестве ее населения только 27% составляют потомственные москвичи, а остальные 73% суть пришлые элементы, среди которых немало инородцев; но по поводу этого нужно сказать, что судьба всех огромных центров, как Париж, Лондон, Берлин и другие такова, что в них три четверти пришлого (рабочего, торгового и учащегося) населения. Но по этому поводу должно сказать, что часть этого пришлого населения, оставаясь здесь навсегда, делается оседлым в Москве. Примечательно же, что она привлекает к себе в пришлое население в огромном большинстве именно людей русских православного вероисповедания. Статистика показывает, что у нас на 100 человек приходится 92 русских, православного исповедования и только 8% инородцев и инославных. Значит, Москва по-прежнему неизменно остается православно-русским городом.

Указывают еще и на то, что сама внешность Москвы быстро меняется, особенно с начала XX века. При этом имеют в виду, что у нас слишком спешно множатся громадные дома американского типа, от 7 до 11 этажей, тогда как до этого Москва любила невысокие особняки и из высоких допускала только трехэтажные дома. Много Москва сменила у себя архитектурных мод: ренессанса, барокко, рококо, ампира и даже декадентства. Ненадолго, конечно, удержится здесь и мода американская: Москва не обратится ни в Нью-Йорк, ни в Чикаго с их небоскребами; она останется русским городом в самом устройстве своих жилищ. Недаром небоскребы, затемняющие соседним домам свет солнечный и ослабляющие циркуляцию воздуха, вызывают против себя большой ропот.

Вообще, оглядываясь на семивековое прошлое Москвы, убеждаешься, что сила ее, легко переживающая всяческие перемены, невзгоды и беды, черпается из исторических глубин всяя Руси, ее великих государства и народа, из недр Русской земли. Велика сила Москвы в ее громадном населении, в обилии в ней просветительных и благотворительных учреждений, удобствах и удовольствиях своей жизни, в богатствах своих промышленности и торговли, но

Александровский (Брестский) вокзал.

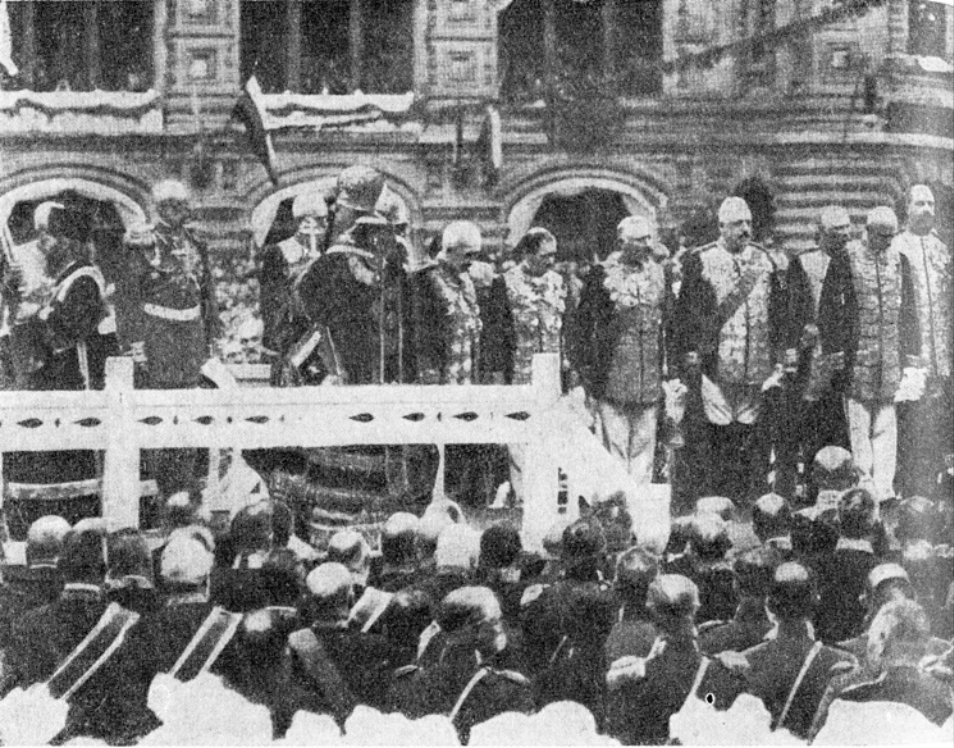
еще большая сила и власть Москвы заключается в ее истории, в мощи ее государственно-церковных преданий.

Недалек и восьмивековой предел исторической жизни Москвы: от него отделяют нас всего только 33 года. Пожелаем же ей и до 1947 года по-прежнему сохранять упругость своей народной самобытности.

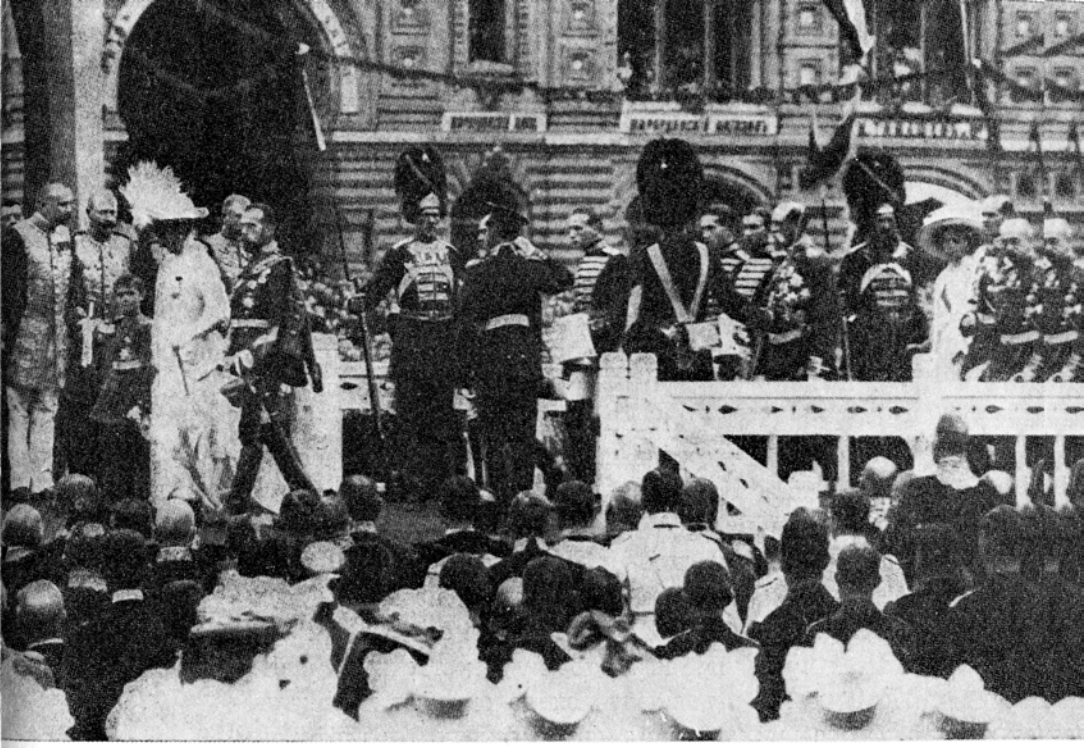
«Москва, Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось»,—говорит А. С. Пушкин.

1913 г.

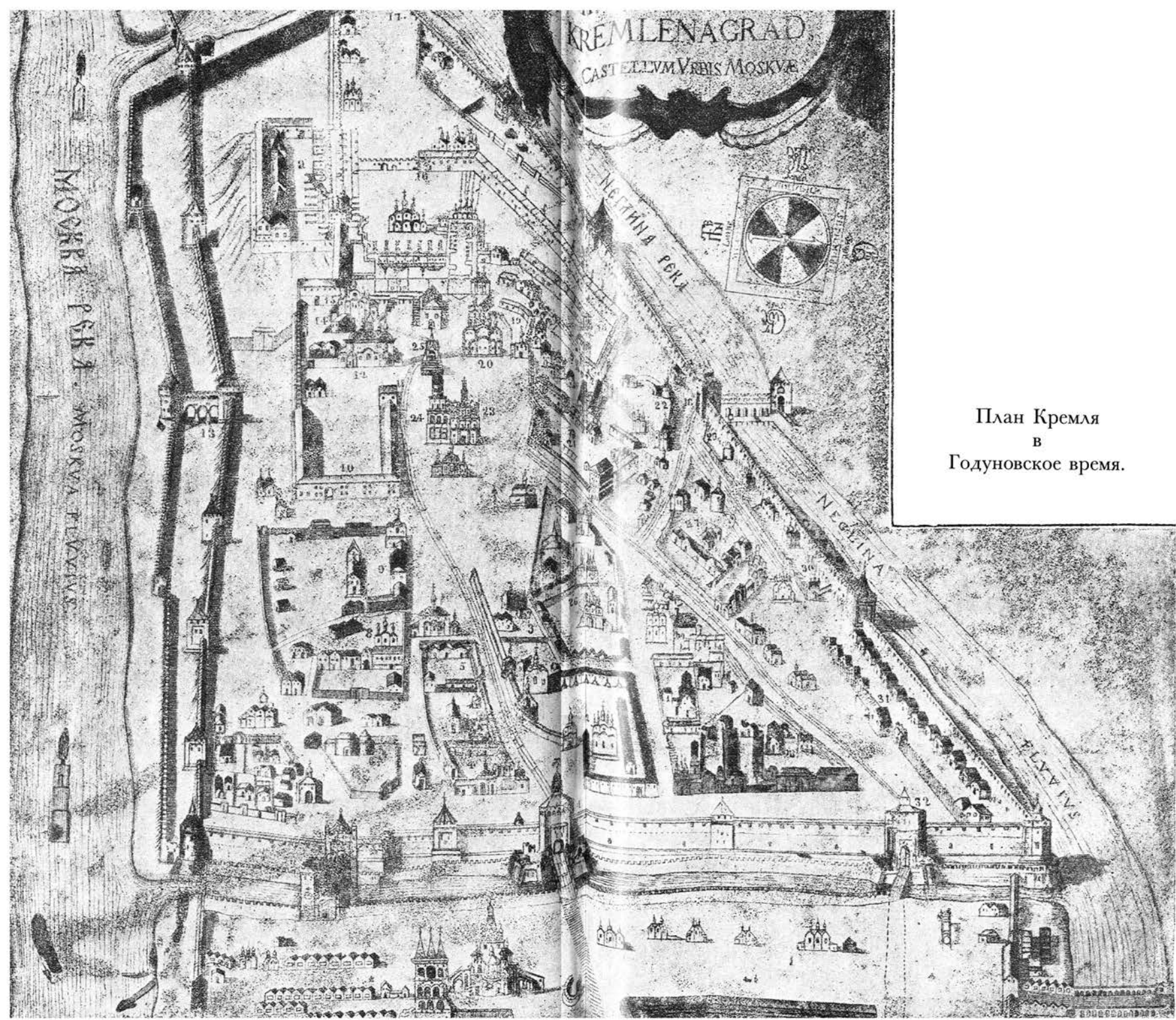

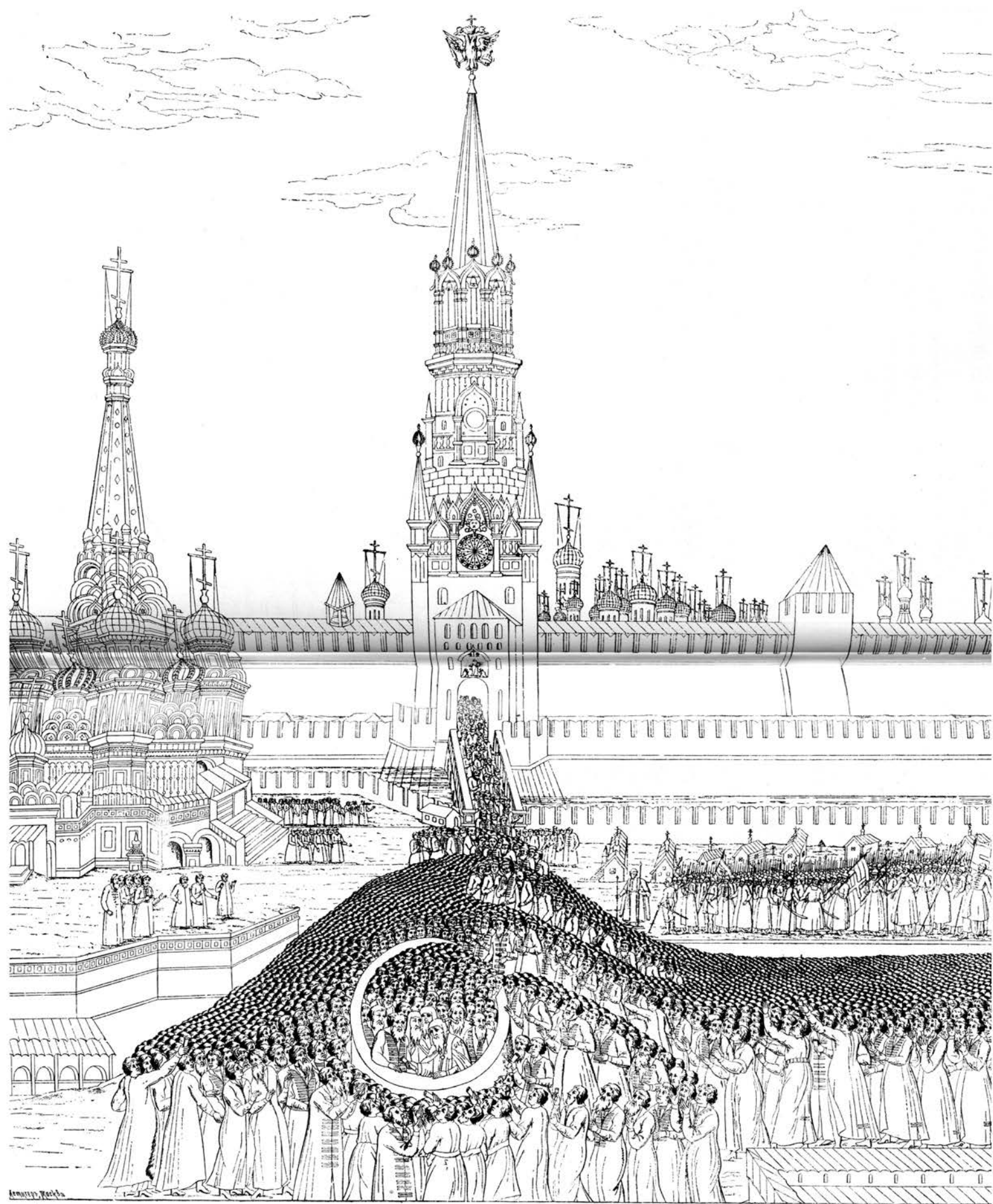
Крестный ход на Красную площадь 30 августа 1912 года,

сопровожаемый государем императором и его царственной семьей.

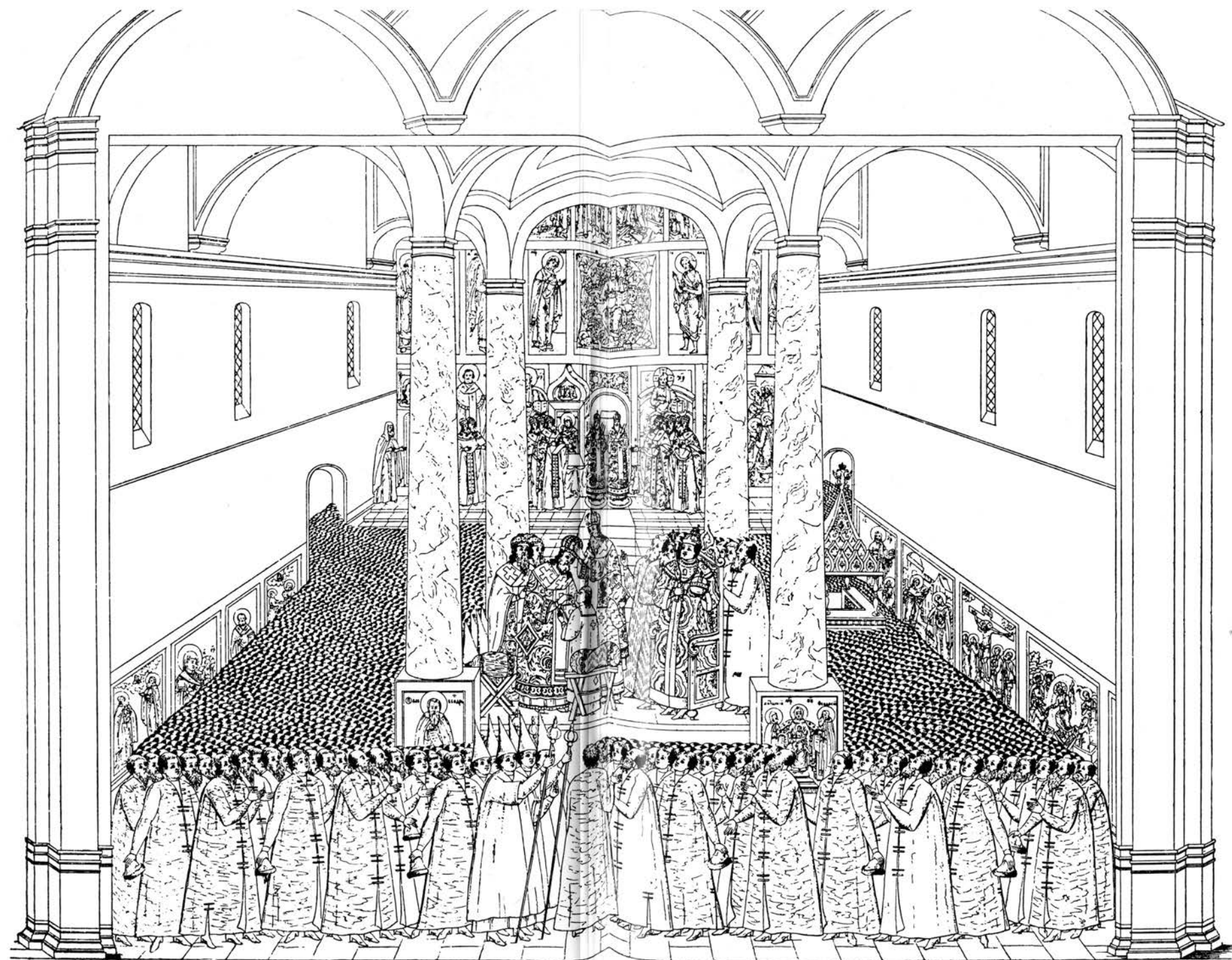

План Кремля
в
Годуновское время.

Провозглашение царем Михаила Феодоровича Романова на Красной площади.

Из книги: «Избрание на царство», XVII в.

Посвящение в патриархи Филарета Никитича.

Из книги «Избрание на царство».

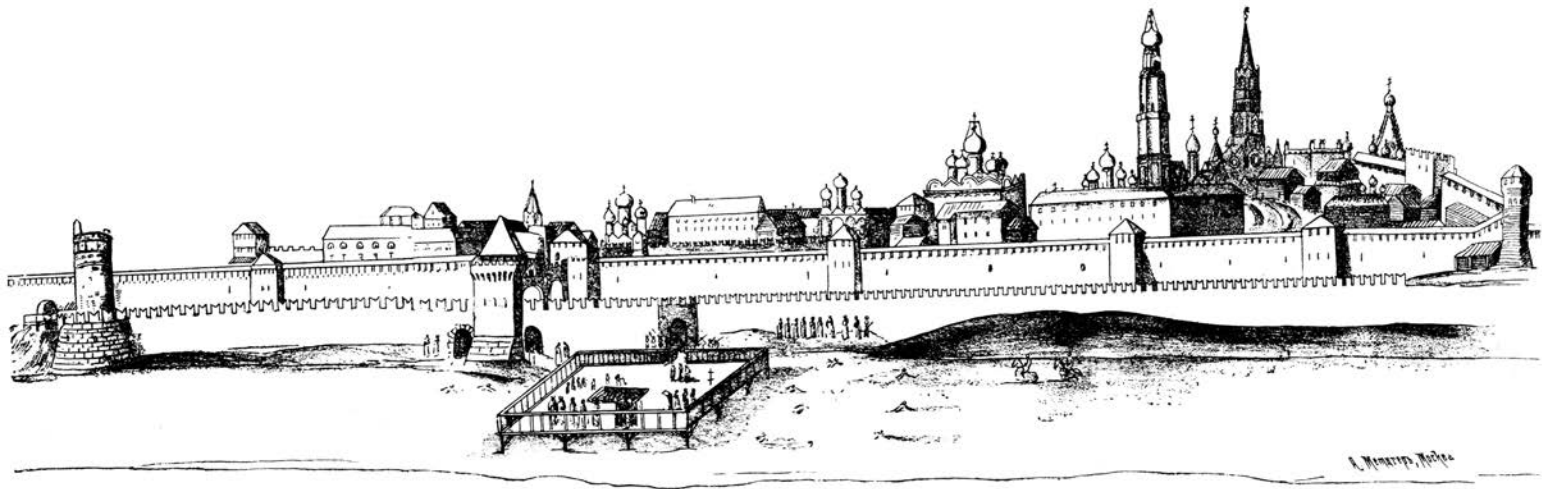

Кремлевские дворцы и соборы при царе Михаиле Федоровиче.

Из книги: «Избрание на царство».

План Москвы при царе Алексее Михайловиче.

Вид Кремля при царе Алексее Михайловиче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
Глава I. Основание Москвы и Юрий Долгорукий	9
Глава II. Москва до учреждения в ней княжеского стола, Даниил Александрович, Юрий Московский и Иоанн Калита	21
Глава III. Москва при сыновьях Калиты: Симеоне Гордом и Иоанне II. Димитрий Донской	48
Глава IV. Москва при Василии Димитриевиче и Василии Темном	79
Глава V. Эпоха Иоанна III	102
Глава VI. Москва при великом князе Василии III	125
Глава VII. Москва при царе Иоанне IV	145
Глава VIII. Москва при Феодоре Иоанновиче	172
Глава IX. Москва при Борисе Феодоровиче Годунове	187
Глава X. В Смутное время при самозванцах, Василии Шуйском и в междуцарствие	202
Глава XI. В царствование Михаила Феодоровича Романова	232
Глава XII. При царе Алексее Михайловиче	262
Глава XIII. При Феодоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи	308
Глава XIV. При Петре Великом	329
Глава XV. В эпоху его преобразований	350
Глава XVI. При преемниках Петра I, в XVIII веке	374
Глава XVII. Москва в XIX столетии	403

SCAN, PROCESSING: WALERIY; 2014

В. В. Назаревский
ИЗ ИСТОРИИ МОСКВЫ
1147—1913

Иллюстрированные очерки
scan waleriy

ЛР 061780 от 13.11.1992 г.

Сдано в набор 01.03.96 г. Подписано в печать 20.05.96 г. Формат 70 × 100/16.
Объем 31 п. л. Бумага офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ 208

ТОО «Сварог». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 3/14

Можайский полиграфкомбинат Комитета по печати РФ. 143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93

scan waleriy

